

КНИГА

Ефимия Летова

У них нет абсолютно ничего общего. Кнара Вертинская — популярный писатель в жанре ромфанта, автор множества бестселлеров, успешная, энергичная и, конечно, счастливая. Единственная радость в жизни библиотекаря Аньки Мартыновой — прочитать вечером очередную главу фэнтези-романа и помечтать о том, что никогда не сбудется. Однако однажды всё меняется... У них нет ничего общего, кроме Книги.

Аня: я согласилась на предложение странного незнакомца дописать роман за его исчезнувшую жену от отчаяния, не зная, к чему это приведёт... но, кажется, герои этой книги спорят с уготовленной для них судьбой.

Карина: я создавала его из самых прекрасных и ненавистных черт. Была влюблена в своего же персонажа. А теперь, когда мы оказались в одной реальности, то не можем даже прикоснуться друг к другу...

Пролог

— Ты снова здесь, шипохвост? — Лавия, когда-то сильнейший огненный маг Криафара, а ныне не более чем изуродованное, смятое бумажным клочком воспоминание о былом могуществе, чуть прикрыла единственный уцелевший глаз в знак приветствия незваного гостя.

Тонкая фигурка склонилась в почтительном поклоне.

— Снова здесь и снова с этими бесполезными дарами, — констатировала Огненная, бросая беглый взгляд на подношение в виде мяса, хлеба и даже фруктов, которое посетитель торопливо кидал в огонь небольшого жаркого костра. Сто пятьдесят лет провела Лавия без еды, воды и света, не имея ни рта, ни носа, ни ушей, но запах и теплый воздух от огня неожиданно чувствительно и мягко коснулись её изборожденного трещинами подобия окаменевшего лица. — Упрямое создание. Упрямое и глупое. Я ничего не могу сделать для тебя. Ничего не могу сделать для себя. Моё время прошло.

Руки, ноги, и большая часть тела Лавии вплавлено в камень, стало частью горной породы Скалы Упокоения. Немногочисленные участки кожи, оставшейся на поверхности, обезображены шрамами и покрыты толстым слоем каменной пыли. Но единственный глаз с багровым белком и неожиданно ярко-голубой радужкой глядит на визитёра весело и зло, безо всякого смирения.

— Гвирта Лавия, исцеление возможно... — почти шёпотом произносит тот, кого проклятая магиня отчего-то прозвала «шипохвостом». — Исцеление и свобода. Для вас и духов каменных драконов, с которыми неразрывно связан Ваш дух. Несколько лет днём и ночью я нахожусь в поиске ответа и вот наконец...

Если бы губы Лавии были хоть на сотую долю мягче камня, она бы улыбнулась:

— Ничтожество. Думаешь, я не знаю его? Кровь демиурга, шипохвост. Кровь демиурга...

Глава 1. Наш мир.

Я открываю глаза и сонно щурюсь. Плотные шторы прикрывают окна, не оставляя ни малейшей щелочки, так что трудно понять, ночь сейчас или утро.

А вот не надо было читать в постели допоздна! И телефон на зарядку не поставила, теперь целый день буду тихо паниковать, выбирая между розеткой и столь привычным ощущением теплого смартфона в руке.

Выпутываюсь из вороха подушек и одеял — половина из них оказалась на полу. Когда мы с Кириллом еще жили вместе, он всегда смеялся над моей привычкой соорудить гнездо на кровати — не меньше трех одеял, не меньше двух подушек.

С тех пор, как мы разошлись, количество подушек и одеял удвоилось. Зато я научилась вставать без будильника — всё равно ничего хорошего не приснится, так и стоит ли чего-то ждать?

6.59. Я точна, как... часы.

Перешагиваю через упавшие подушки — поднять их можно будет вечером, когда вернусь с работы, стоит ли раньше времени напрягаться. Можно будет просто скинуть остальные на пол, да там и уснуть, какая, в сущности, разница?

Еды дома нет, я имею в виду — съедобной еды, не просроченной, не покрытой плесенью, не изображающей из себя булжники. Не страшно, поем в столовой в обеденный перерыв, так даже вкуснее и посуду мыть не надо. Всё равно с утра в меня ничего не лезет, жаль, на фигуру утреннее голодание никоим образом не влияет. Вчерашняя одежда осталась в стиральной машине, упс, постирать-то я и забыла. Ну, в принципе, не так уж сильно она и несвежая, и даже не особо мятая — весь секрет состоит в том, что если складывать всё в машинку аккуратно, утром на крайний случай, можно вытащить, что я и делаю, и даже уже не первый день — но об этом молчок.

7.30. Черт, звонок. Это Марина, моя нелюбимая коллега по работе. Смотрю на экран телефона с лёгкой укоризной — опять не поверила в свою чудо-способность просыпаться вовремя и не отключила у телефона звук, а зря. Устав звонить, Маринка сдаётся и присылает аудиосообщение — будь они прокляты!

«Ань, напоминаю, сегодня ты работаешь за меня!»

...если бы она это буквами написала, руки бы отвалились, да?!

Снова звонок, но я уже даже не смотрю на экран.

7.45. Именно в это время бесподобная и великолепная Кнара Вертинская, автор пятнадцати романов (четыре из них — бестселлеры, почти все написаны в жанре романтического фэнтези, пять вышли на бумаге) ведет свой ежеутренний мотивационный вебинар «Ступенька к успеху». Каждый день, включая праздники, выходные, первое января, третье сентября и прочее, каждый чёртов день. Я знаю это доподлинно, так как прослушала уже сто семьдесят девять ступенек, пропустив выход только одной из них — в тот день, когда мы с Киркой ходили разводиться. Не самый счастливый в моей жизни, прямо-таки скажем, день.

Сказать по правде, вебинары Кнары — ха-ха, даже в рифму — единственное, что вообще заставляет меня вставать. Не знаю, зачем я их слушаю, ведь я не собираюсь делать ровным счётом ничего из того, о чём она говорит — ни выстраивать план дня, непременно оставляя свободную «зелёную зону», ни прописывать цели на год, месяц и ближайшие сутки, ни писать ежедневный отчёт... Но всё равно, я преданно внимаю её уверенному, низкому с хрипотцой голосу. Каждое утро в 7.45 — вебинар, каждый вечер в 19.45 — полторы страницы продолжения очередной книги, уже две недели это «Каменный замок», четвертая заключительная книга из серии «Миры магических стихий». Три из них: "Заоблачный замок", "Подводный замок" и "Огненный замок" я уже проглотила, как и прочие кнарины книжки.

На этих двух нерушимых столпах — вебинар и прода от Кнары — и держится моя жизнь последние сто семьдесят девять дней, ладно, сто семьдесят восемь, если вычесть день

развода, и без того окончательно вычеркнутый из моей жизни.

К сожалению, ровно в 8.15 вебинар завершается, и я торопливо одеваюсь и выбегаю из квартиры, подмигнув допивающей свой эспрессо Кнаре, чьего лица, впрочем, я не вижу на экране. Кнара предпочитает хранить инкогнито — видно только тонкую руку с обручальным золотым кольцом и французским маникюром, который никогда не смотрелся хорошо на моих ногтях, сжимающую то стильную перьевую ручку, то кофейную чашку с надписью «Если не пишу, то и не дышу». Выбегаю, чтобы в процессе не передумать и не остановиться.

...Здравствуй, новый день! И да хранят меня каменные драконы от постели Его Величества!

Глава 2. Наш мир.

К счастью, помимо надоедливой Маринки, у которой вечно меняются планы, со мной работает и любимая коллега — Валентина. Пепельные волосы, уложенные в узел на макушке, и очки в немодной толстой оправе делают её в её всего-то сорок с лишним лет почти старушкой, хотя, на мой взгляд, веселая юморная Валя с тонкой почти девичьей фигуркой и изящными — под очками — чертами лица, как у какой-нибудь поэтессы Серебряного века, могла бы ещё так потряхнуть стариной, что самая юная в нашей компании Маринка язык бы проглотила от зависти. Но разведенная, как и я, Валентина Петровна ничем таким трясти не собирается, работает со мной в библиотеке, вытирает пыль с огромного дородного фортепиано, читает запоем любовные романы и на своей личной жизни поставила иерусалимский крест.

— Почему иерусалимский? — глупо спросила я в первый раз, как услышала от неё этот перл образованной одинокой женщины.

— Потому что там один большой крест и четыре маленьких. Пять в одном. И вообще, прежде чем учить меня жить, о себе бы подумала. Тебе еще только тридцать, ладно, тридцать четыре, вся жизнь впереди.

Это как посмотреть.

Маринка, хоть и работает в библиотеке, книгам предпочитает позависать в соц. сетях, а вот мы с Валею, читающей в основной современные любовные романы, заключили негласное соглашение обмениваться сюжетами прочитанного, когда в читальном зале пусто — то есть, большую часть первой половины дня. Наша библиотека гордо именуется «городской», но нынче горожане предпочитают сидеть дома, на диване, поджав ноги и водрузив на пузики персональные ноутбуки, ну или не дома, а в кафе за чашечкой капучино, и я их понимаю. Библиотека — это позавчерашний день. Сама бы сюда никогда не пошла, если бы не зарплата. Книжки Кнары и остальных моих любимых авторов надо покупать, да и обед в столовой сам за себя не заплатит.

Сегодня дождливо, и даже пенсионеры и загадочные асоциальные фрики, разговаривающие сами с собой — две самые постоянные категории наших посетителей — предпочли остаться дома, а мы с Валею налили чаю в кружки — самые обычные, скучные, без каких-либо надписей, с тёмными разводами от дешёвой заварки внутри — и приступили к долгожданному ритуалу обмена информацией. У Валентины — сюжет про очередную Золушку, родившую в восемнадцать от местного капризного принца-мажора, который за пять последующих лет умудрился знатно взрасти мозгами и знаниями до уровня генерального директора суперкрупной фирмы, занимающейся неизвестно чем. Я мерно киваю Валиным словам, доподлинно зная каждый следующий поворот сюжета — не потому что читала этот любовный шедевр, а потому, что он, как и большинство его собратьев,

предсказуем от корки до корки. Но Валентине не нужны сюжетные виражи, напротив, ей так гораздо спокойнее.

А я, закусив печеньем, кажется, телепортировавшись прямоком из моего детства — прямоугольным, рассыпчатым, безвкусным, пересказываю сюжет «Каменного замка».

Пока что сюжета как такового и нет, но меня и остальных постоянных читателей Кнары это не смущает: её книги всегда начинаются очень неспешно, неторопливо, а потом события несутся, точно камни с горы.

Валентина тоже размеренно кивает, макает печенье в чай. Фэнтези она никогда не читает, но меня слушает внимательно и даже задаёт вопросы — бесценная привычка бывшей школьной учительницы.

— Это продолжение того же цикла?

— Да! Заключительная часть. Но она совершенно автономная, это особенный мир. Стихия земли, огонь, вода и воздух уже были. А там сплошь каменная пустыня, ресурсов хронические не хватает, воды там, еды...

— Если у них такой дефицит воды, как они там моются? — озабоченно спрашивает Валя, доставая из сумки нарезанное на дольки слегка потемневшее яблоко.

— Сухой шампунь? — предполагаю я.

— Ну, ладно, волосы. А вообще? Критические дни же у них бывают?

— Не знаю, — я фыркаю. — Тоже сухой шампунь?!

— Вот поэтому я и не читаю фэнтези, — пожимает плечами Валентина. Протягивает яблоко мне.

— Героини в твоих мылодрамах тоже в туалете ни разу не были, — беззлобно отвечаю я. — Кажется, эта книга будет давно обещанной драмой, постапокалиптика и все дела.

— Зомби? — ёжится Валентина и смотрит в окно: голые ветки берёзы беззастенчиво лупят по стеклу, словно уговаривая впустить их погреться.

— Да нет, ничего такого. Хотя пока что мало информации... Короче, сто пятьдесят лет назад жизнь магического мира Криафар разделилась на «до» и «после». Долгое время он вполне счастливо существовал, правила королевская династия, были какие-то школы и Королевская Академия, библиотека и театр, были маги, которые заседали в Совете Одиннадцати, то есть, на самом деле только девять магов, а десятым и одиннадцатой участниками Совета была правящая королевская чета. Мир Криафара охраняли духи, называемые каменными драконами, ну, там как бы не обычные драконы, это просто название, как я поняла. Дар общения с духами считался самым редким и почётным из магических даров, того, кто им владел, назначали служителем, который жил в огромной пирамиде в центре мира, то ли окруженной лабиринтом, то ли самой представляющей лабиринт, короче, Кнара обычно выкладывает карту мира, но где-то в конце первой трети книги.

— И что, духи не защитили свой мир?

— Вот, смотришь в корень! Именно драконы полтора века назад вырвались на свободу и уничтожили большую часть Криафара, обратив её в мёртвый камень.

— С ума сошли или служитель налажал? — натренированная моими пересказами Валя зрит в корень.

— Жена служителя. Молодая прекрасная магичка по имени Лавия. Она каким-то образом активировала древнее проклятие, в результате чего обезумевшие духи разнесли полгорода, а сама Лавия была вплавлена в камень внутри подземного лабиринта. Обожание

и поклонение драконам сменилось страхом и ненавистью, а те, кто обладал даром общения с ними, стали не героями, а изгоями, скрывающими свой дар. Служитель погиб, нового назначать не стали. Огромным трудом, благодаря оставшимся восьми магам, каждый из которых получил какое-то увечье, драконы были возвращены в пирамиду и магическим образом запечатаны в ней.

— А Лавия?

— Она погибла, став частью скалы. Вплавилась в камень, чтобы другим неповадно было древние проклятия активировать, я же говорила.

— А-а-а, я думала, она и есть главная героиня.

— Нет. Кто там главный герой, вообще ещё непонятно, да и с мужским персонажем всё мутно — есть красивый молодой король, но такой бабник, развратник и разгильдяй, что я сомневаюсь...

Придверный колокольчик жалобно тренькнул, возвещая о первом на сегодняшний день посетителе.

— Можно я в книгохранилище пока смотаюсь? Соседка попросила одну книжку откопать...

— Иди, — меланхолично кивнула Валя. Это я ещё, «молодая и глупая», периодически испытываю острое желание сбежать ото всех незнакомых людей, а в идеале — от людей вообще. А опытная Валентина уже поняла, что единственное, от чего по-настоящему хочется сбежать — это от себя самой, и это всё равно бесполезно.

Не стоит и пытаться.

Глава 3. Наш мир.

В хранилище я задержалась. В библиотеке это моё самое любимое место, этакий комфортный бункер, голубая мечта интроверта и латентного социофоба. Тихо, темно, кругом книги на унифицированных библиотечных стеллажах. Многие из них безнадежно устарели и никому не нужны, и я украдкой ласково провожу рукой по пыльным потрёпанным корешкам. Дом престарелых книг.

Что поделать, и у людей такое бывает.

Про книгу для соседки я соврала. Пользуясь случаем, достаю припрятанный на одной из нижних полок самого дальнего стеллажа альбом и карандаш с ластиком — и рисую. Здесь есть стол, деревянный, старый, как у меня в детстве, с тремя выдвижными ящиками сбоку, и даже настольная лампа с конусовидным металлическим абажуром.

Здесь не только хранилище книг, но и кладбище моих воспоминаний. Когда мы с Кириллом только-только познакомились — семь лет назад — он иногда приходил ко мне, и мы беззастенчиво целовались, вжавшись в какой-нибудь стеллаж так, что книжки выпадали на пол.

Сейчас их покою и порядку ничего не угрожает.

Я рисую довольно плохо, хотя и лучше, чем пою — пою так просто отвратительно. Но, раз уж моих рисунков всё равно никто не увидит...

Совет Одиннадцати отныне включает в себя помимо Его Величества, по-криофарски Вирата, ещё министров, казначея и двух стражей короны, проще говоря, королевских советников. Маги, серьёзно пострадавшие после вызванного проклятием восстания духов-хранителей, отделились, отстранились от королевской власти, королевского дворца и двора в частности и от мира в целом. Насколько я поняла, они обитают в той самой огромной пирамиде в центре Криафара, продолжая беречь покой хотя бы части с таким трудом

выжившего мира. Несмотря на отсутствие погибшей голубоглазой Лавии, они по-прежнему называются Советом Девяти, хотя на самом деле их только восемь. Все они обрели бессмертие, точнее сказать, их можно убить, но они перестали стареть. Застыли в своём тогдашнем возрасте и уродстве, как в янтаре.

Магов я и рисую.

Варидас — слепой маг-прорицатель. Вместо глаз у него бурая полоса сожженной, словно бы оплавившейся кожи.

Вертимер — маг воды и земли, его кожа высохла, как камень, покрылась рубцами без поддержки родовых стихий, но за этим исключением он похож на пятнадцатилетнего подростка — после трагических событий его тело перестало взрослеть.

Варрийя — боевой маг, светловолосая женщина, которая могла бы считаться воплощением красоты и изящества, если бы вместо острых лезвий ниже локтей у неё были бы человеческие руки.

Вестос — маг воздуха с незаживающей дырой в груди.

Нидра — маг-менталист, потерявшая слух и голос, но владеющая телепатией и воспринимающая мир ментально.

Стурма — маг-целитель, которая не в силах излечить бесконечные язвы на собственном лице.

Тианир — старейший маг, весь в шрамах, будто сшитый из кусков препарированный труп.

Рентос — невидимый маг, в прошлом метаморф, вовсе потерявший тело.

... с ним всё гораздо проще, можно просто подписать пустой листок, да и все дела. Обожаю Рентоса.

— А-а-ань! — кричит Валя, и я вздрагиваю от неожиданности. А ещё — от какого-то нехорошего предчувствия. К сожалению, предчувствия редко меня обманывают.

* * *

— Чего голосишь? — я стараюсь говорить как можно беззаботнее, не обращая внимания на то, что в животе скручивается тяжёлый давящий холод. За время моего отсутствия в читальном зале появились посетители — Федор Иванович, обстоятельный старичок лет восьмидесяти, немного похожий на Льва Толстого, читающий исключительно старые подшивки газет, нервный молодой человек, сидящий в интернете за смешные сто рублей в полчаса — неужели у него нет ноутбука или смартфона? Или он толкает что-то противозаконное и боится, что по-домашнему ip-адресу его отследят? Вон как оглядывается, только что экран ладошкой не прикрывает... Незнакомый мужчина с дипломатом, седыми висками и потным лбом — такие у нас редкость.

Если Валя позволила себе повысить голос при читателях, значит, причина должна быть очень серьёзная.

— Что случилось?

— К тебе... — Валентина выдерживает драматическую паузу, как будто заканчивала ВГИК, а не филологический, — Приходил мужчина!

На секунду я представляю себе Кирилла.

Соскучился.

Осознал.

Пожалел.

Но тут же я понимаю, что Валя Кирилла прекрасно знает и никогда не назвала бы его

абстрактным словом "мужчина". "Бывший", "козёл", "придурок", «абыюзер» — ещё куда ни шло, но мужчина...

— Чего хотел? — небрежно продолжаю я, выстраивая на столе регистрации хитроумную балансирующую конструкцию из линейки, двух ластиков и пустой катушки от ниток. Между делом кидаю настороженный взгляд на читателя с дипломатом.

— Я сказала через час подойти, — таинственно шепчет Валя. — Он тебя звал, мне ничего не сказал. Даже не представился.

— Ну так и сходила бы за мной, зачем ждать-то? Что-то не так? Как он выглядел?

По идее, у нас должно работать видеонаблюдение. Но это неработающая идея.

— Хороший мужик! Ну, на вид на самом деле так себе, очкарик и роста не хватает, но куртка прям натуральная кожа, и оправка крутая, и машина закачаешься, внедорожник, блестит!

Я подавила вздох. Когда Валя впадала в раж, филолог в ней уступал место какой-то косноязычной восторженной особе, которая, сказать по правде, нравилась мне куда меньше.

Ничего загадочного, ничего особенного. Просто какой-то левый мужик, которого озабоченная моей личной жизнью Валя сразу присмотрела на роль нынешнего, то есть будущего козла и абыюзера.

И всё-таки... я независимо уставилась в окно.

— Кто это, Ань?

— Откуда я знаю? Нет у меня знакомых очкариков на внедорожниках.

— Один уже есть.

— Может, он не вернется, — упрямо заявила я, в глубине души уже понимая — не может. Колокольчик прозвенел оглушительно громко, а шаги прозвучали контрастно тихо. Я уставилась на конструкцию из ластиков, линейки и катушки, страхась поднять взгляд на вошедшего, но Валя умудрилась пнуть меня под столом, и я нацепила дежурную улыбку и таки подняла.

Мужчина — действительно в очках, действительно не очень высокий, коротко стриженный, мой ровесник, смотрел на меня, пожалуй, с некоторым смущением. Так не сообщают дурные вести, так что всё в порядке, наверное...

— Прощу прощения... Вы — Марианна? Марианна Мартынова?

...или не в порядке.

Пожалуй, всё-таки нет.

Глава 4. Криафар.

— Всё верно, гвирта. Кровь демиурга, как вы и сказали.

— Кровь демиурга обладает особой силой, шипохвост, — почти мурлыкает обезображенная и обездвиженная Лавия. — Она исцеляет любые раны, но это пустяк по сравнению с тем, что мог бы сотворить настоящий маг на хорошо подготовленном ритуале. Принесённое в жертву тело демиурга — ключ от любых дверей. Источник невероятной энергии. Это очень древнее знание, пришедшее к нам из других миров. Настолько древнее, что только духи-хранители Криафара помнили что-то о нём. Теперь мы намертво связаны с ними проклятием и объединённой магией Совета Девяти, их боль — моя боль, но и их память — моя память.

Легкая трещинка пробегает по скале, сыпятся мелкие камушки, облачко серой пудры истёртой в порошок горной породы поднимается в воздух — но это всё. Нет у Лавии больше былых магических сил, нет молодого здорового крепкого тела. Только голос и пристально

глядящий на всё ещё склонившегося в поклоне посетителя ярко-голубой, жуткий из-за багровой склеры глаз.

— Гвирта, возможно осуществить призыв демиурга? Не будет ли это опасным для существования мира?

— А в чём заключён твой интерес, шипохвост?

— Я хочу спасти вас, гвирта. Ваше заключение, ваши страдания — это так жестоко и несправедливо. Я всегда смотрел на вас... Только на вас.

— Врёшь. Но это даже хорошо, что ты врёшь, что у тебя есть свой собственный интерес, было бы куда хуже, руководствуйся ты действительно только тем, о чём говоришь. И было бы справедливо, если в случае успеха ты получишь то, чего сейчас так страстно желаешь, что преодолеваешь свой страх передо мной... Власть? Мечь? Человека? Магическую силу? Что, где-то я угадала? Вариантов всегда не так уж и много.

— Но, гвирта... Сможет ли мир пережить смерть своего создателя?

Лавия помолчала, облачка пыли то и дело взметались вверх.

— Если посмотреть на тебя, шипохвост, ещё одну сломанную куклу в той проигранной игре, то трудно в чём-либо упрекнуть столь отвратительное создание. Да, — Лавия моргает лишённым ресниц бугрящимся шрамами веком. — Твоё тело не менее отвратительно, чем моё, шипохвост. Что ж... Призыв демиурга — сложный ритуал, куда сложнее всего, что последует далее. Те, у кого достаточно сил и магии для подобного, не согласятся принимать в нём участие.

— Но вы...

— Я была такой сто пятьдесят лет назад. А сейчас я только один из камней этого проклятого каменного мира. У меня много знаний, в том числе позаимствованных от духов, но никакого могущества, шипохвост. А по поводу того, переживёт ли Криафар смерть демиурга...

Голубой зрачок пронзительно вспыхивает неестественно ярким свечением — и гаснет, новые трещинки бегут по камню, слишком тонкие, слишком слабые струнки протеста полумёртвой магички.

— Во Вселенной есть множество миров. Заоблачный, подводный, огненный, а также те, названия которых мы даже не можем вообразить. Если проклятый каменный мир погибнет, это не повод уходить вместе с ним. Сейчас ты наверняка думаешь, что не хочешь этого, но лишь потому, что не видишь альтернативы.

— Призванный демиург будет всемогущ в рамках своего мира... — лепечет гость, ещё ниже опуская голову, почти что касаясь лбом каменного дна лабиринта. — Мы не сможем...

— Наоборот! Оказавшись в рамках созданного им же самим мира, демиург станет одним из нас, даже слабее нас, он потеряет божественную силу, возможно, даже память, полностью или частично. Подумай вот ещё о чём, шипохвост. Ты считаешь, я виновата... не спорь, ты так считаешь. Я, духи-хранители, проклятие, магия... Но ты не учиываешь одного. В том, что случилось со мной... с тобой, с остальными, со всем этим миром, виноват только он. Творец Криафара. Тот, кто сотворил нас с тобой и всех прочих, кто придумал, воплотил в реальность проклятия и магию, столь разрушительную и смертоносную, что никто не в силах противостоять ей.

Склонённый человек чуть приподнимает голову.

— Никто из нас тогда не хотел этого бессмертия. Мы все хотели прожить свою счастливую конечную человеческую жизнь, верно? Все в Криафаре обвиняют меня! Тогда

как что, если не воля всемогущего демиурга, привела меня цепочкой неотвратимых шагов туда, где я нахожусь? Милостивей было бы позволить мне тогда умереть, но наш создатель не знает такого слова, как милость. Посмотри на меня. На себя. На Рентоса, в конце концов, который лишился всего! На голый обугленный камень, на засохшие реки, леса, поля, на бесчисленных оборванцев, ютящихся в углах Криафара и умирающих с голоду, на бегущих по раскаленному песку ядовитых смертоносных скорпиутцев. Им хорошо, только им! К ним наш демиург был куда добрее.

— Я... я не спорю с вами, гвирта Лавия, но... если вы говорите, что должный уровень силы есть только у представителей Совета Девяти... Не могу же я...

— Разумеется, нет! — отрезала магичка. — Они думают, что я мертва, пусть думают так и прежде, никто не должен знать ни о чём. Даже Варидас не увидел моего пробуждения, здесь, внутри моей персональной гробницы, его дар теряет силу. Ни один из магов, кроме тебя, не попробовал прийти сюда и предать огню мои остатки, они просто похоронили меня здесь заживо, под завалами камней и предпочли забыть! Тогда как Совет Девяти клялся когда-то в верности каждому в отдельности, вот сколько стоит их верность — пшик. Дурманящий порошок из панцирей жёлтых скорпиутцев будет куда дороже...

— Но что же тогда делать?

Лавия помолчала, зрачок побродил по кровавому белку, словно корабль со слепым капитаном в маленькой бухте.

— В сокровищнице Каменного Замка много лет хранился один древний артефакт, — наконец сказала она. — Заброшенный в силу того, что никто не умеет им пользоваться. Но если ты добудешь его... Мы могли бы попытаться. Заёмная сила циаля, мои знания и твоя свобода передвижения.

— Как, гвирта? Как я его добуду? Никому из Совета Девяти нет прямой дороги в королевский дворец. Это привлечёт слишком много внимания. И потом, когда о пропаже узнают...

— Разумеется, тебе не нужно туда идти, глупое существо. Найди сообщника, который сделает всё за тебя.

— Как?

— Какой ты отвратительно беспомощный, шипохвост, — с сожалением произнесла Лавия. — Убирайся, сегодня я устала, речь и слух без органов тела даются мне с трудом, но завтра... приходи. Я назову тебе имя того, к кому ты сможешь обратиться за помощью.

— Как вы можете его назвать? — почти с ужасом произносит посетитель. — Вы не выходили отсюда уже полтора века, гвирта Лавия. Никого из обитателей Дворца вы не знаете. Они родились уже после вашего заточения и...

— А вот это уже не твоё дело, безмозглый шипохвост. Завтра я назову тебе имя того, кто достанет артефакт из дворца. Твоё дело — чётко выполнять указания, договориться и ничего не испортить. Ах, да.

Голос вонзился в поднявшегося на ноги гостя, как боевая метательная игла, точно в лоб.

— Тебе еще понадобится тело.

— Т-тело? — заикнулся тот.

— Неужели ты думаешь, что демиург перенесётся сюда целиком? О, нет. Только бестелесная душа. Но и этого будет достаточно, чтобы до краёв напоить божественной магией любую смертную кровь. Для ритуала тебе будет нужно тело человека, магии лишённого.

— Живое?

— Ненадолго живое, шипохвост. Молодое. Выносливое. Женское.

— Почему?!

— Потому что женщина является гораздо лучшим проводником, нежели мужчина, — раздражённо добавила Огненная. — Медиум. Посредник. Женщина предназначена быть посредником самой своей сутью, способностью к таинству деторождения, ибо в потомков всегда вселяются души предков... Уходи. Завтра получишь указания. Договоришься с тем, кого я назову. Возьмёшь артефакт. Найдёшь тело. Проведёшь ритуал и призовёшь душу Демиурга, а потом...

Голубой глаз вспыхнул снова.

— А потом мы будем снова свободны. Ото всех, в том числе, от собственного уродства. Ты, я и даже этот мир. Даже если его не станет.

Глава 5. Наш мир.

— Что вы хотели? — я не соглашаюсь и не отрицаю — глупо отрицать очевидное, в смысле, собственное имя. И мне совершенно не из-за чего тревожиться, я не нарушала закон, никому ничего не должна, но тревога, иррациональная, тянущая, продолжает ворочаться внутри, как страдающая бессонницей змея.

— Мы можем поговорить наедине? — глаза у посетителя по-детски широко распахнутые, наивные, карие, чистый такой цвет, один в один — как чай в моей кружке. Невыразительный в целом мужчина, особенно по сравнению с мускулистым рослым Кириллом, но одет и впрямь дорого, стильно, и голос приятный — низкий, мягкий. С таким голосом хорошо работать психологом. Или массажистом. Проходите, раздевайтесь, ложитесь, здравствуйте!

Чёрт, зачем я об этом думаю!

Валя косится на меня, нервно перебирая бумаги и ручки. В отличие от меня, никаких композиций она не выстраивает, только хаос наводит. Я буквально физически ощущаю, как возрастает градус её любопытства и предвкушения чего-то эдакого... Чего-то эдакого, что случается со всякими Ванессами, Стеллами и Лаурами из её любимых мелодрам, но со мной не произойдёт никогда.

Может быть, поэтому я так не люблю своё настоящее, паспортное имя? Мама назвала меня в честь героини романа Жюльетты Бенцони. Марианна книжная была безумно красива и разбивала мужские сердца. Я же неплохо научилась разбивать только чашки и собственные иллюзии.

И никто, никогда не называл меня Марианной, даже Кирилл. Никто и никогда, кроме мамы. После развода я поменяла паспорт, совсем недавно, но...

— Пойдёмте, поговорим, — царственно кивнула я, хотя ещё секунду назад планировала потребовать объяснений прямо здесь. Отчасти из-за Вали — пусть побудет в счастливом неведении еще несколько минут, прежде чем снова убедиться, что жизнь скучна и обыденна, и ни за ней, ни за мной никогда не приедет принц на внедорожнике.

Визитёр стянул с рук перчатки — чёрные, кожаные, и явил миру обручальное кольцо на положенном месте. Я выразительно посмотрела на Валентину, а она вздохнула, схватилась за тряпку и двинулась к фортепиано. Каждый снимает стресс, как умеет.

— Пойдёмте, — повторила я и пошла вдоль стеллажей в маленькую каморку для сотрудников. Женатый очкарик покорно последовал за мной, озираясь по сторонам так, как будто оказался в библиотеке в первый раз в своей жизни.

Возможно, так оно и было. Сидя в библиотеке, на внедорожник не заработаешь, так что нечего ресницами хлопать — меня этим не обманешь.

Я закрыла дверь, сбросила на пол собственную сумку, уселась на потрепанный деревянный стул и кивнула очкарику на облезлое кресло у стены.

— Слушаю Вас внимательно.

— Эмм... — он вцепился в плешивые подлокотники. — Прошу прощения, что отвлекаю вас от работы, наверное, вы удивлены, мы ведь незнакомы, но... Меня зовут Вячеслав. Вячеслав Станов, я... я муж Карины. Карины Константиновны Становой.

Он замолчал, а я стала прикидывать, насколько велика вероятность существования второй Марианны Мартыновой в нашем городе. Как ни крути, нулю она не равнялась.

— С которой я тоже незнакома, — прервала я молчание.

— Ах, да, но видите ли... возможно, вы читали её книги.

— Не читала.

— Жена... пишет под псевдонимом. Кнара Вертинская. Она... известный автор.

Змея-тревога проснулась окончательно, подняла голову и поползла куда-то вверх по пищеводу.

— Книги Кнары Вертинской я читала. И что?

— Помогите мне, пожалуйста, — мягкий голос стал каким-то жалобным, как у ребенка, которого дома бьют. — Я понимаю, что это всё так нелепо, странно и вообще... но мне очень нужна ваша помощь.

— Не поняла, — я подавила желание ухватиться за горло, остановив движение тревоги, вызывавшее уже не просто дискомфорт — тошноту.

— Карина пропала, — очкарик Вячеслав снял очки и уставился своими чайными глазами на меня, часто моргая, словно собака на солнце. — Помогите, Марианна. Мне... ей очень нужна ваша помощь.

* * *

Мне тоже захотелось вцепиться в подлокотники, но у стула их по определению не существовало.

Псих? Маньяк?

Да ну прям, не льсти себе, Анют. Нужна ты маньяку, тем более, вот такому... в кожаных перчатках. Если в тёмном переулке, там, где лица не разглядишь, да и не надо, лишь бы бритвой по горлу или колготками удушить, ещё куда ни шло, но узнавать имя, разбираться, кого я там читаю, настоящее имя автора... Кстати, не факт, что настоящее и не факт, что муж, сказать-то всё, что угодно можно.

Я же не проверю, тут библиотека, а не ЗАГС.

Розыгрыш?

Ну тоже версия на троечку. Но примем за рабочую, за неимением лучших. Кто-то меня разыгрывает. Может, это издательства теперь так авторов пиарит. Или prodaED.com, литературный портал, где публикуется Кнара. Прода every day, каждый день, то есть — их девиз.

Только мне это всё до лампочки. Ни в каких розыгрышах участвовать я не собираюсь.

Я улыбнулась Вячеславу, продолжающему моргать и вжиматься в кресло — от моей коронной улыбки его перекосило — и дружелюбно сказала:

— Обратитесь в полицию.

— Вы мне не верите, — а вдруг он актёр. Голос прям поставленный, а то, что не Дуэйн

Джонс, так ещё и к лучшему, в постановках пьес отечественных драматургов его типаж "маленького лишнего человека в футляре" будет цениться больше.

Но и версию с психом так просто отрицать не надо было.

— Верю, верю, — успокаивающе проговорила я. — Необходимо срочно обратиться в полицию. Позвоните прямо сейчас, с мобильного. 112, кажется. Общий номер.

— Мне нужна ваша помощь, — он сделал акцент на слове «ваша», а я пожалела, что закрыла дверь.

— К сожалению, я не работаю в полиции. Я выдаю книги и...

— Я не маньяк.

— Разумеется! — ну да, а маньяки обожают признаваться в том, кто они.

— И не сумасшедший.

— Вообще ни разу, — энергично кивнула я.

— Мне запретили обращаться в полицию.

— Голос?

— Что? — он недоумевающе снова натянул очки и принялся крутить на пальце кольцо.

— Внутренний голос запретил?

— А-а-а... нет. Нет, я же говорю, я не сумасшедший. Послушайте...

— Слушаю. Но, по правде сказать, я на работе. Меня ждут читатели.

— Вы тоже пишете книги?! — он уставился на меня как маленький ребёнок на двухметрового Кроша из «Смешариков», а я подавила желание съездить ему по лбу сумкой.

— Нет. Я их выдаю. Я библиотекарь. А похищениями людей занимается полиция.

— Марианна... Вчера утром я проснулся, а Карины дома не оказалось. Я не слышал, когда и как она покинула дом, я очень крепко сплю, работаю допоздна и встаю поздно, но... поверьте, она сделала это не по своей воле. У нас... у нас есть сын, ему всего два года, вы понимаете, Карина бы его не бросила. Нас. Она бы нас не бросила! Может быть, меня она могла... разлюбить, но ребенка — никогда. И книга. Карина такая ответственная, для неё её книги как... как дети.

— Я напишу ей ваше мнение в комментариях к сегодняшней проде.

— Сегодня продолжения «Каменного замка» не будет. Вчерашняя глава была поставлена на автоматическую выкладку, как и сегодняшний утренний вебинар. Карины нет со вчерашнего утра! И она не ушла сама, с ней что-то случилось.

Я перевела дух и постаралась собраться с мыслями.

Розыгрыш?

Или псих?

— Почему вы обращаетесь ко мне? Откуда вы обо мне узнали? Имя... место работы... Чем я могу вам помочь?

— Когда я проснулся и понял, что Карины нет дома, я сначала звонил ей, потом — её знакомым, тем, к кому она могла бы пойти... хотя и понимал, что это нелепо, было всего около девяти утра. Она в это время уже завершала вебинар и начинала работу над книгой, сына в детский сад отводила няня. Няне и в садик я тоже звонил. Номер жены не отвечал, знакомые тоже были не в курсе, возможно, глупо было вот так сразу паниковать, но у меня внутри такая тревога поселилась... Вы понимаете?

О да, я понимала.

— И я... я никогда не лез в её компьютер, она же писательница, это святое, личная неприкосновенная территория, но сегодня я словно... почувствовал что-то. В общем, я

открыл её компьютер, и там было... послание.

— С моим именем и местом работы, — я снова широко, по-акульки, улыбнулась.

— Подождите... Мне так трудно собраться с мыслями. В общем, там было написано, что Карина не вернется, пока... не будет дописан ее крайний роман. "Каменный замок".

— В смысле, она вас покинула, чтобы спокойно дописать книгу? Ну-у... не переживайте. Допишет и вернется. А мне уже пора...

— Ее похитили!

— Вы живёте в частном доме?

— Что? А... нет. В обычном. Многоквартирном. На восьмом этаже, — Вячеслав уставился на меня так, как будто полный бред несущий именно я.

— Как же неизвестные ее из квартиры вывели, да еще так, что ни вы, ни соседи ничего не слышали?

— Я не знаю!

А вдруг все же псих? А вдруг даже вооружён?

— Еще и письмо оставили. Вы его хотя бы распечатали? Сфотографировали?

— Нет... — точно, актёр. Ни один нормальный тридцатилетний мужик не сможет с таким искренним видом нести подобный бред. А у актёров выдержка профессиональная.

— Текст сразу же исчез? — подсказала я.

— Да! — он, кажется, обрадовался подсказке. — Но вы не понимаете, а я в таком сумбуре... Карину вернут, когда "Каменный замок" будет дописан. Таковы их условия. Но дописать его должна не моя жена.

— А кто?!

Вячеслав молчал. Его чайные глаза медленно, но верно превращались в чёрную зэковскую заварку. Ядреную, как деревенский самогон. Я не выдержала, поднялась и шагнула к двери, вцепилась в дверную круглую ручку, как врач в запястье тяжелобольного, прощупывая пульс. Внезапно мой гость тоже поднялся, гибко и даже грациозно, подошёл ближе — и я почувствовала пряный аромат дорогого мужского парфюма. Горький цитрус и перец. Хотя в запахах я не разбираюсь. Но Кирилл пользовался чем-то подобным.

— Вы, Марианна, — сказал он тихо, успел сказать за секунду до того, как я дернула дверь на себя. — В послании было указано, что завершить роман должны именно вы. Только вы и никто другой. Никаких обращений в полицию, никакого шума в прессе или в сети. Я искал вас весь вчерашний день и ехал к вам всю ночь. И я... прошу, нет, умоляю вас... Допишите эту драконову книгу. Карина... я не выдержу, если с ней что-то случится. Прошу вас. Верните мне её. Нам с сыном.

"И да хранят меня каменные драконы от постели Его Величества, — отстранённо подумала я. — Если это и психоз, то хотя бы точно не мой".

Я до такого однозначно никогда не додумалась бы.

Глава 6. Криафар.

Человек, занимающий далеко не последнее место в королевском дворце, согласился на встречу не сразу. Первый раз он попросту проигнорировал переданное через подкупленного слугу приглашение на приватную деловую встречу. Второй раз передал короткое послание, предлагающее организовать встречу официальным путём, через младшего секретаря. И только на третий раз неопределенно сообщил, что может уделить пожелавшему остаться безымянным посетителю пару-тройку шагов своего драгоценного времени. Не сейчас и не здесь...

Бумага в мире, лишенном растительности, была весьма дорогостоящей редкостью. Но сами переговоры через привычных к подобным просьбам и, безусловно, не болтающих лишнего слуг не таили в себе прямой угрозы.

Посетитель, в глубине души пораженный осведомленности прикованной к скале, потерявшей силу и мёртвой для всего Криафара Лавии, натянул на себя плотную кожаную маску, скрыл очертания тела под плащом и перчатками. Он всё ещё терялся в догадках, каким образом построить разговор, поскольку никаких иллюзий относительно своего собеседника не имел. Встреча несла очевидный риск.

Накануне Лавия, выслушав его опасения, только зажмурила свой жуткий глаз.

— Люди изначально хотят только двух вещей, шипохвост. Любви и смерти, так говорили древние мудрецы.

— Смерти? — он удивлён.

— О да. Они хотят убивать, перешагивать грань, сталкивать за край, себя и других. Это так обыденно и так... понятно. Но есть ещё одно желание, которое объединяет в себе эти оба.

— Заритур? — предположил посланец.

— Презренный металл для монет? О, нет. Не совсем. Власть, шипохвост. Каждый из нас больше всего желает власти, вот только над чем? Пойми это — и ты откроешь для себя сердца всех и каждого.

— И я? — он смеётся, пытаясь за ехидным смешком скрыть какую-то странную растерянность.

— Ты — более, чем прочие, иначе не рискнул бы прийти сюда. Власть над собой, над телом, предавшим тебя, пусть и не по твоей вине, власть над окружающими, недооценивающими тебя, власть надо мной, когда-то желанной, а теперь уродливой, жуткой, но ни во что тебя не ставящей... — и прежде, чем он успевает что-либо сказать, возразить, Лавия продолжает. — Тот, кто откроет нам королевскую сокровищницу, предсказуем не меньше прочих. Просто дай понять, что кто-то обретёт власть, шипохвост, раньше, чем отдадут приказ размозжить твою голову каменным молотом на площади Росы.

Незванный гость всматривается в изборожденную выступами и шрамами поверхность скалы. Попасть в огромную каменную пирамиду, лишь на одну треть выступающую над землёй, заточившую духов-покровителей и проклявшую их магичку в самых своих глубинах, можно лишь через подземный лабиринт. Только маги из Совета Девяти знали секрет его прохождения, хотя с того момента, как духи упокоились внутри вместе с источаемым ими проклятием, не спускались внутрь. За исключением одного.

Только он знал теперь, что голубоглазая Лавия жива, только с ним она согласилась общаться, хотя тогда, еще до пришествия духов, не достаивала и взглядом. Не то что бы презирая мага из только что созданного и обновленного Совета Девяти, скорее — не замечала. А сейчас он почти благоговейно прикоснулся к шершавому выступу, при определённой доле фантазии напоминавший стройную женскую ногу.

— Что бы вы не думали, если понадобится, ради вас я готов принести себя в жертву, гвирта.

Лавия беззвучно смеётся, так, что скала содрогается от колебаний каменной плоти.

— Я давно уже равнодушна к жертвам. Хотя бы потому, что принесла в жертву весь этот мир.

— Вы жертвовали собой...

— Это одно и то же. Ты очень глуп, шипохвост. Постарайся говорить поменьше. Молчание стоит дороже, особенно с тем, о ком я говорила тебе.

...теперь посланец огненной Лавии тревожно рассматривал каменный свод одного из заброшенных аристократических поместьев во Вьюжном районе, с одной стороны, находящихся не столь далеко от королевского дворца, с другой — максимально отдаленного от Района Инея, благословенного оазиса их мёртвого мира — Охрейна. Охрейна, который маги сумели отстоять от взбесившихся разъяренных духов-хранителей и безжалостного проклятия, заставившего Криафар окаменеть. Охрейна, где земля рыхлая и плодородная, где растут деревья, цветы, травы, простираются огороды, неустанно плодоносят фруктовые сады. Охрейна, где пасутся стада, где высокие птичники, где течет Айвуз — единственная невысохшая река Криафара.

Каждый вечер те, кто трудится в том благословенном краю, развозят дары плодотворного Охрейна по всему Криафару. Еду. Воду. Раз в полсотни солнцестоев устраиваются ярмарки изделий из дерева, бумаги, шерсти, кожи, перьев и пуха, костей и прочих даров живой природы и духов-хранителей, сто пятьдесят лет назад навсегда отвернувшихся от каменного мира.

Поместья поблизости от района Инея стоят в разы дороже, хотя по большому счёту, у них нет никаких преимуществ, а у их владельцев — привелегий. Скорее, это дань традиции.

Впрочем, в Криафаре привилегии распределения ограниченных ресурсов — вопрос большой, мучающий несчастный мир, как гнилой зуб с воспалённым нервом. Недовольные сбиваются в кучи, прячутся в диких заброшенных местах — на окраинах Радужного и Вьюжных районов, периодически выплёскивая свою ненависть на ни в чём не повинных мирных горожан вспышками голодных и злых бунтов...

Высокопоставленная личность из королевского дворца на встречу изволила опоздать. Всего на четыре шага, не так много, чтобы начинать чего-то опасаться, но достаточно, чтобы показать, насколько высоко ценит себя и своё время указанный Лавией человек.

— Я слушаю.

Посланец Лавии прижал губами рвущиеся изо рта слова — как учила Лавия, досчитал до девяти, вдохнул жаркий раскалённый воздух: приглашённый обитатель дворца как нарочно выбрал час гнева, самый горячий из двадцати трёх часов, составляющих солнцестой. Его речь была лаконичной и чёткой.

— В королевской сокровищнице более двух столетий хранится кое-что, нужное моей госпоже, — наконец, договорил посланец. — Достаньте циаль, и она наградит вас. Не говорю «по-королевски», потому что королевские награды — пыль.

Словно подтверждая собственные слова, он вытягивает вперед руку и отламывает кусок золотистого песчаника от крошащейся стены, сжимает в кулаке и раскрывает — на ладони в кожаной перчатке остаётся только переливающаяся пыль.

— Маг, — сухо констатирует человек из дворца. — И что же один из Совета Девяти, если не ошибаюсь, может предложить мне?

— Трон, — просто ответил посланец огненной Лавии.

Глава 7. Наш мир.

Я прислонилась к двери и осмотрела нашу с Валею и Мариной рабочую каморку. Справа шкаф. Слева довольно лёгкая пластмассовая вешалка, жутко неудобная, сколько раз она падала на нас зимой, не выдержав груза тяжелой зимней одежды... Если резко дёрнуть за остов и обрушить вешалку прямо психу на голову, остановит ли это психа?

— Анечка... — проникновенно заговорил псих.

— Славочка! — передразнила я. Страха Вячеслав всё же не вызывал, несмотря на то, что был явно не в адеквате. Скорее, раздражение с ноткой печали — так-то и впрямь мог бы неплохой мужик получиться, на внедорожник заработал, опять же... Хотя откуда я знаю, может, ему родители подарили. Вместе с правами. Или хотя бы справкой из псих. диспансера — законным-то путём не дадут.

— Лучше Вечер, — псих снова нацепил очки и внезапно до боли напомнил мне программиста Биркоффа из любимого некогда сериала «Её звали Никита». Может, он тоже хакер? Вот и вышел на меня каким-то образом. Непонятно только, зачем.

— Что — «вечер»?

— Меня до Славы никогда не сокращали, в юности называли Вечером.

— Да хоть полдником. Эм, Вечер... Я не писатель. Люблю читать книги, люблю выдавать книги, даже покупать их люблю, но у меня за сочинения в школе всегда «четвёрка» выходила, за недостаточное раскрытие темы, так что...

— У Карины остались планы. Черновики.

— Этого недостаточно, чтобы написать книгу! Если вам нужны писатели, ищите среди писателей. А вообще, обратитесь в полицию, если человек пропал. Не тяните.

— Они мне не поверят.

— Потому что то, что вы говорите, совершенно невозможно и бредово! Мы не знакомы с вашей женой, если она, конечно, ваша жена...

— У меня есть с собой свидетельство о браке и паспорт...

— Да не надо мне вашего свидетельства! — возмутилась я. — Во-первых, подделать можно всё, что угодно, а во-вторых, Кнара Вертинская никогда не называла своё настоящее имя. И никогда не говорила ни про мужа, ни про ребёнка.

— Я могу доказать.

— Как?!

— Поедем со мной, Аня, — меня вдруг резануло то, как легко он перешёл с «Марианны» на «Аню», хотя, вероятно, просто повторил обращение Валентины. — Я покажу вам её компьютер, там открытый аккаунт на продаеде и...

— Я. Никуда. С вами. Не. Поеду! — отчеканила я. — Ещё раз повторяю, если пропал человек, если его уже сутки нет дома, надо обращаться в полицию, а не заниматься... самолечением.

— В послании было указано, что ни в коем случае...

Я посмотрела на протянутое мне свидетельство о браке. Выглядело настоящим, но умельцы есть такие... Станов Вячеслав Альбертович, тридцати двух лет, младше меня на два года, м-да, по знаку зодиака рыба, неудивительно, что мямля и псих. Станова Карина Константиновна, в девичестве Ершова, двадцати семи лет, ничего себе, молодая да ранняя, по знаку зодиака скорпион. Как и Кирилл, везет мне на членистоногих. Брак заключён три года назад. Мы тоже прожили с Кириллом три года в узаконенном союзе...

— Это понятно. И Карина вернётся, когда я, именно я, допишу её книгу?

— Да. Там было указано только ваше имя и фамилия, остальное я нашел сам. К счастью, имя у вас редкое.

— Идите к чёрту, Вечер. Я не писатель. Не частный детектив. На мой взгляд, если вы не врётё, что маловероятно, но всё же... Ваша жена ушла от вас сама. Ей надоела её работа без выходных, ей надоели вы, простите, но любовь живет три года, это всем известно. Плюс

послеродовая депрессия, не исключено... Что касается меня, то она просто выбрала случайного читателя, каким-то образом узнала моё настоящее имя и поиздевалась над вами по-своему, по-писательски. С выдумкой.

— Это не так. Аня...

— Аня пошла работать, и если вы сейчас не уйдёте, вызовет полицию и санитаров.

Я решительно уставилась в глаза своего гостя. Чай. Не чифир, снова мягкий шоколадный цвет. С чабрецом...

— Подумайте, прошу вас. Я понимаю ваши сомнения, ваш скепсис, но... Я заплачу вам за все неудобства, разумеется. Если нужно, помогу оформить больничный лист. Карина... она могла бы бросить меня, разумеется, я не питаю иллюзий по поводу вечной любви. Но ребёнка... И книги. Карина безумно любила свои книги. Она писала их в любом состоянии — в роддоме, во время болезни, после наркоза... Скорее, я поверю, что она оставила бы семью, чем по доброй воле доверила бы написание своего романа кому-то другому.

— А вы думаете, она простит вас, доверившего её роман постороннему человеку, который вообще не писатель ни разу?

— Мне нужно её вернуть. Живой, здоровой и невредимой. Это самое важное. Можно... можно я оставлю вам номер своего телефона? Если вы передумаете...

...Я смотрела на бумажку с рядом кривых, точно пляшущих цифр. Валя косилась на меня, но от комментариев — после двух часов непрерывных попыток допроса — воздержалась.

— Это от Кирилла, — я не придумала ничего лучшего. — Хочет... сам не знает, чего хочет.

— Не соглашайся! — в ажиотаже воскликнула Валя.

— Конечно, не соглашусь, — на автомате кивнула я. — Я же не дура.

Спорный вопрос, если честно. Более чем. Вся беда в том, что больше, чем петь и рисовать, больше, чем стать принцессой, космонавтом или патологоанатомом, как Дана Скалли, больше, чем найти миллион долларов, научиться летать, изобрести эликсир бессмертия или стать вечной любовью прекрасного олигарха, я с самого детства мечтала стать писателем.

Глава 8. Криафар.

Артефакт, усиливающий магическую силу, необходимый для ритуала вызова души демиурга из иного мира, представлял собой гладкую цепь из литых звеньев, каждое диаметром в полтора пальца. Никаких спаек в белых, как молоко, металлических кольцах не было, как и необходимости в них — при достаточно сильном встряхивании цепь непостижимым образом распадалась на отдельные звенья и так же легко соединялась вновь. От неё не веяло силой, но словам Лавии её добровольный приспешник верил безоговорочно.

— Почему столь важный и ценный артефакт хранится так небрежно? Не передан Совету Девяти, даже не защищён королевской печатью?

— В Каменном замке бардак и бордель, шипохвост. С тех пор, как убили Вирату Ризву, с тех пор как Вират Фортидер впал в глубинный сон, а на трон взошёл их непутёвый и хворый сын, который даже не смог отыскать себе невесту и продлить свой жалкий род...

— У Тельмана Криафарского есть законная жена, — в который раз он поразился хоть и не полной, но потрясающей для одинокой узницы осведомлённости магички. — По официальной версии она тоже больна, как и её супруг Вират, и не имеет возможности пребывать в Замке.

— Что любопытно... но ничего не меняет в целом, шипохвост. Впрочем, оно и к лучшему — ценности, оставленные без присмотра, должны попасть в иные, более достойные руки. Какая ирония для того, у кого вовсе нет рук, — Лавия хрипло засмеялась. — Ты нашёл подходящее молодое женское тело?

— Да, гвирта.

— Хорошо. Ступай.

— Гвирта, но вы не объяснили мне способ действия артефакта...

— Меня всегда поражало, каких идиотов понабирали тогда в Совет... Впрочем, это ещё одна причина, по которой белый циаль оставили без внимания. Это древний артефакт, шипохвост. Ты же знаешь, кем был мой, — голос Огненной дрогнул, едва заметно, словно просто отразив один из подземных толчков, — супруг?

— Служителем духов-хранителей.

— Верно... По легенде, циаль — кусок цепи, на которую много тысячелетий назад пытался посадить Шамрейна один безумный правитель древности. Разумеется, дух-хранитель порвал цепь...

— И уничтожил правителя?

— Отнюдь. Наделил правителя даром понимать его речь.

— И ваш супруг, — едва ощутимая дрожь снова сотрясла каменную глыбу. — Оказался наделен подобным даром?

— У древних правителей было множество бастардов, хотя дар Шамрейна проявлялся очень редко. Тебе нужна моя кровь, шипохвост. Моё тело, моя душа смешалось с божественными, я часть этого каменного мира, но и они — часть меня. Думаю, нескольких капель будет достаточно.

— Но... как я...

Ярко-голубой глаз в обрамлении багрового белка шурится весело и зло.

— Нет, я не могу лишить вас единственной...

— Не лишай, безмозглое создание. Крови нужно совсем чуть-чуть.

— Я вернусь... — визитёр обернулся на пороге. — Гвирта, почему вы никогда не называете меня по имени?

— У всего есть уши, шипохвост. Даже у меня, — новый смешок. — Даже у камней. Даже у... Ты можешь добыть лохтана и незаметно провести сюда?

— Может быть, ещё одну девушку? Это проще, — он не шутит. В их мире, в их время исчезновение человека из незнатных не будет воспринято так критично, как пропажа тонкошерстной шестирогой овцы, источника драгоценного мяса, шерсти, молока, да и рога и кости охотно пускают в дело.

— Можно. Порой я забываю о том, в какую пропасть скатился этот проклятый мир.

В следующий раз Шипохвост явился не один, а с внушительным тряпичным кулем в руках, из которого бережно извлёк узкую, в палец, стеклянную колбу и тонкий острый ланцет. Подкатил несколько тяжелых овальных камней, стал сооружать импровизированную лестницу — глаз Лавии размещался на высоте двух человеческих ростов над каменным полом.

— Сможешь удержать их? — ехидно спросила Лавия. Он не ответил — ещё одна унижительная реплика в его адрес ничего не меняла, но всё же задела, а показывать, что подколки Огненной его задевают, он не хотел. Поднявшись по скреплённым магией ступеням, Шипохвост устоял на ней, чувствуя тот же трепет внутри, как если бы сама

милостивая Шиару смотрела бы на него сейчас. Рука дрогнула, когда он занёс ланцет, но короткое движение вышло чётким, как у лекаря: надрез уголка глаза, кровь в колбе. Больше, чем нужно. Голое веко без ресниц дёрнулось, но кровотечение прекратилось почти моментально.

— Вот она, божественная магия, шипохвост. Нет рта, нет ушей, но я говорю и слышу, нет сосудов и сердца, но откуда-то берётся кровь. И даже слёзы, если бы только мне хотелось заплакать. Но к счастью, мне не хочется. Обернись, ты ведь хотел узнать, кто мои шпионы и доносчики?

Он оборачивается — и застывает от невольного ужаса, глядя на каменный пол с высоты своей импровизированной лестницы. Всё вокруг усеяно мелкими многолапыми тварями, подлинными жителями и хозяевами Нового Каменного Криафара. Ядовитые скорпиутцы, песчаные пауки, некрупные плотоядные лизары, випиры... собственно, в самом их наличии в подземных лабиринтах Пирамиды нет ничего необычного. Поражает только количество — и полная неподвижность.

— Нелюбимые дети Шиару и Шамрейна, — хохочет Лавия. — Как и мы с тобой, шипохвост. Ты не смог добыть лохтана и притащил человеческое отродье? Добыл в каком-нибудь из приютов для струпов или это твой собственный? Предусмотрительно... было бы, да только будь ты кому-нибудь нужен, не стоял бы сейчас здесь, верно? Иди.

— Но... — он махнул рукой в сторону бесформенного вороха тряпок, где действительно крепко спал немного успокоенный магией крупный человеческий младенец с вихром тёмных волос над розовым лбом.

— Оставь. Моим питомцам нужна еда, хотя они редко нуждаются в пище.

Он повернулся, чтобы ещё раз взглянуть в сияющий чистым ультрамарином зрачок. Спустился, не решаясь поставить ногу на плотный слой тёмных хитиновых панцирей, среди которых выделялись редкие жёлтые — цвет самок скорпиутцев с детёнышами, особенно агрессивных и особенно ядовитых. Вспомнил, как Лавия назвала его ничтожеством, и опустил сапог, ожидая, что послушные воле мага почти разумные жуткие создания разбегутся прочь. Но нет — под ногой противно и влажно хрустнуло.

Шипохвост уходил прочь, стараясь не ускорять шаг и не поднимать плеч, сжимая узкую колбу с драгоценным содержимым так крепко, что боялся раздавить.

Глава 9. Криафар.

Девушка, предназначенная для ритуала призыва души демиурга, едва справила семнадцатилетие. Худощавая до измождённости, с тёмной обветренной кожей и тусклыми пыльными волосами, она казалась старше, но её выдавали руки — гладкие, хотя и неухоженные. Беда была с ногтями — пожелтевшие на концах ногти с вертикальными бороздами и россыпью мелких углублений и пятнышек лучше любых слов говорили о том, как не хватает их обладательнице как минимум здоровой пищи в достаточном количестве.

Девушка была из струпьев — беднейших слоев населения Криафара, тех, кому в последнюю очередь доставались сокровища и блага Охрейна, а по сути, не доставалось вовсе. Потомки бывших заключенных, те из преступивших закон, кто не заслужил даже казни. Бедняки, потерявшие имущество и жильё за долги. Изгнанные из своих семей — каждый рот был на счету, и позорная практика лишения рода и фамилии стала не столь уж редкой. Редкие наивные приезжие, опрометчиво посчитавшие, что смогут найти своё тёплое уютное место под раскалённой дневной звездой. Кто-то из струпьев умирал с голоду или от рук своих озверевших собратьев, кто-то становился лёгкой добычей многолапого пустынного

зверья, охочего до любого мяса, остальные сбивались в кучи и выживали стаями. Магу из Совета Девяти не было до них дела.

Не важно, кем девушка была в прошлом. Будущего у неё не было, по крайней мере, у её души. Никто не будет её искать. Никто не заплачет, найдя обескровленный обезображенный труп — было у мага при себе одно средство, позволяющее скрыть следы ритуала. Поговаривали, оборванцы из струпов, мучимые постоянным голодом, нередко не брезговали каннибализмом.

Шипохвост оглядел заброшенный каменный дом — не тот, в котором состоялась их первая встреча с человеком из Дворца, другой, но похожий, как брат-близнец. Каменный постамент из кусков известняка был собран на скорую руку, для удобства, а не по необходимости — просто чтобы тело было повыше.

— Ты знаешь, как им пользоваться? — человек из Дворца вытянул вперёд руки, подставляя свету заходящего солнца молочно-белую матовую поверхность циала. Медлить было нельзя. Ночью температура воздуха падала так резко, что многочисленные многолапые твари, населявшие каменные пустыни Криафара примерзали к камню. Частенько по утрам находили и замерзших насмерть двуногих, в отличие от братьев своих меньших не возвращавшихся к жизни с первым утренним светом, утренним живительным теплом. Остатки магии позволяли удерживать тепло внутри зданий, но никак не снаружи.

Шипохвост не стал отвечать. Сообщник ему откровенно не нравился, но литая цепь, бережно принятая из его рук, связывала их отныне так же крепко, как если бы они были прикованы ею к каменной стене. Вместо ответа добровольный прислужник огненной Лавии ловким движением разорвал, точнее, разомкнул протянутый артефакт на одинаковые овальные звенья, в руках не удержал — и они беззвучно рассыпались по полу. Его не смутила собственная неловкость: шипохвост ловко собрал металлические кольца и стал цеплять их, точно браслеты, на худые запястья и лодыжки лежащей без сознания девушки. Напарник смотрел во все глаза, но так и не уловил момента соприкосновения загорелой пыльной кожи и металла: казалось, рука просто проходит сквозь преграду стенки звена циала, чего быть никак не могло. Окольцевав неподвижную жертву, маг так же быстро нацепил два кольца-браслета на собственные запястья, а после, деловито поправил девушке волосы, вытянул руки вдоль тела, расстегнул пуговицы на груди, обнажая кожу, более светлую, чем на руках и ступнях. Свет фонаря на дешёвом горючем сланце подрагивал, и казалось, что девушка невольно вздрагивает тоже.

— Зачем... — начал было человек из Дворца, но в следующий миг маг вдруг ухватил его за руку и ловко вдел её в последнее кольцо, полоснувшее кожу холодом, словно сухой лёд, иногда скапливавшийся в днищах каменных провалов окраин Криафара.

— Зачем?! — выкрикнул, отшатываясь и вцепляясь в проклятое звено — но у того не было ни застёжек, ни отверстий, твердый металл плотно обхватил руку.

— Ритуал сложен. Я не скрываю, что не владею магией такого уровня, всё моё знание — заимствовано у того, кто стоит за моей спиной. Того, кто с лихвой наградит тебя. Понадобится вся сила, которая есть, — спокойно пояснил маг, извлекая из недр своего бесформенного одеяния узкую длинную колбу с тёмно-рубиновым содержимым.

— Мы так не договаривались!

— Мы не договаривались и об обратном. Стой спокойно. Текст призыва сложен, а я произношу его в первый раз, мне нужно сосредоточиться.

— Что будет потом? — почти прошептал сообщник мага. — Если всё пройдет успешно?

— Остальное я беру на себя.

Шипохвост не собирался говорить о том, что рядом с домом в надежном месте, там, где стоят заранее приготовленные бутылки для крови безымянной девушки, есть ещё одна бутылка с весьма полезным редким составом, позволяющим на несколько часов полностью растворить труп до неузнаваемости. И речь шла отнюдь не о трупке девчонки.

Осторожно, почти благоговейно откупорив стеклянную емкость, маг принялся ронять по одной рубиновой капле на белые браслеты. Капли не стекали по гладкой поверхности, впитывались в металл, как в песок, и зачарованно глядящий человек из Дворца едва успел отдернуть руку и по-детски спрятать за спиной окольцованную конечность.

— Не глупи, — прошипел маг. — Кровь не только усиливает, но и защищает.

— Чья это кровь?!

— Пока не твоя!

Человек из Дворца гневно сверкнул глазами и тут же вскрикнул: браслеты начинали светиться мерным серебристым светом, от которого в полумраке каменного дома стало больно глазам.

— Он г-горячий!

Маг только пожал плечами, и его напарник молча вытянул руку вперёд. Капля крови моментально охладила жар раскаленной материи, жар, но не свет. Сияние усиливалось, вероятно, оно было уже заметно из разбитых небольших окон, и шипохвост в который раз порадовался удачно выбранному месту: в этом пустынном районе, да ещё и перед наступлением ночной стужи, никто не должен был их заметить.

Маг так же бережно, как и доставал, спрятал склянку с остатками крови в карман и скороговоркой начал читать текст Призыва. Человек вжался в стену. Незнакомые, чужие слова не то что бы пугали — вымораживали изнутри. Человек из Дворца был не робкого десятка — во всём, что не касалось магии. И несмотря на весь свой жизненный опыт, сейчас чувствовал себя беззащитным ребенком перед самым большим детским кошмаром: неконтролируемой яростной силой взрослого.

Маг дочитал, замолчал, склонился на недвижимой девушкой. Грудь, детская, почти плоская, едва-едва взымалась, более ничего не говорило о том, что жизнь ещё теплится в ней. Браслеты больше не обжигали, наоборот, становились всё холоднее, и человек сжал зубы, стараясь держать себя в руках и не срываться в постыдную панику. Тем временем маг вынул из недр своей накидки узкий кинжал, и вдавил острие в грудь девушки.

Человек из Дворца видел смерть не раз, и обыкновенное убийство, пусть и настолько хладнокровное, не могло бы его впечатлить. Но маг не убивал: он вырезал на коже, чуть ниже острых ключиц, какие-то символы, заговаривая ранки, чтобы драгоценная кровь не выплескивалась раньше времени.

Браслет замерз в лёд, но мало того — кажется, с каждым шагом он тяжелел на унтрию* (*примерно 2 килограмма), тянул к земле. Тянул силы из нутра, высасывал силы, — человек из Дворца упал на колени, прижимая к бедру онемевшую кисть, но не решаясь окликнуть мага, которому двойное украшение на его собственных руках словно не доставляло никаких неудобств.

Рисунки-символы были окончены. Шипохвост отступил, чувствуя, как капли холодного пота, неуместного в стремительно остывающем воздухе скользят по лбу, висках, замирают на мгновение на кончике носа. Казалось, тишина тоже цельная и литая, но вдруг пылающие звенья циала разом погасли и соскользнули с рук и ног троих присутствующих, а девушка

распахнула глаза — и теперь они сверкали так, словно вместо зрачков у неё был зачарованный раскалённый металл. Тоненькое, слишком худое тело выгнулось дугой, изо рта потекла, пузырясь, кровавая пена, казавшаяся чёрной в тусклом свете фонаря на горячем сланце. Девушка захрипела, закашлялась, судорожно хватаясь руками то за шею, то за голую окровавленную грудь — порезы разом закровоточили. Маг заметался вокруг, пытаясь то вернуть браслеты на место, то влить в извивающееся в судорогах тело свою силу, но безуспешно: тело корчилось, девушка стонала и выла, а кольца-звенья скатывались, как монеты из презренного заритура с рук святого.

Человек из Дворца не шевелился, прижавшись спиной к каменной стене. И только когда тело девчонки обмякло, а на испачканном лице застыла мертвая гримаса невыносимой обиды на весь этот мир, от которого она не видела ничего хорошего, когда плечи мага горестно поникли и сгорбились, сделал шаг вперёд.

— Не удалось? — он хотел, чтобы голос прозвучал насмешливо и сдержанно, но не удержался от истерично-визгливой нотки. Поднял фонарь, обошел по периметру импровизированный алтарь. На бледном, как мрамор, лице мага читалась растерянность.

— Нет, — прошептал маг. Поднял глаза, огромные, почти чёрные, на напарника. — Нет, нет, нет...

— Будет нужно повторить?

— Нет...

— В чём дело?! — человек заподозрил неладное, хотя — что могло быть более «неладным», чем обнаружить, что ты слишком слаб, или в самом ритуале есть ошибка, или придётся искать новое тело, а это дело не одного дня...

Вместо ответа маг запустил руку в свой бездонный карман и посыпал мёртвую девушку чёрным порошком, напоминающим пепел. Миг — и тело вспыхнуло, пламя было чёрное, бездымное и какое-то холодное.

— Ритуал прошёл, — сухо возвестил явно взявший себя в руки маг. — Душа здесь. В Криафаре.

— Но...

— Но не в этом теле.

Человек из Дворца переводил взгляд с потемневшего циала на полу на догорающий труп, а с трупа — на безжизненное лицо мага.

— А в каком?

— В момент Призыва, — неохотно ответил шипохвост, — Где-то в нашем мире оказалось ещё одно подходящее тело на грани жизни и смерти. Душа вошла в него.

— Но...

Человека и его жалкое бормотание маг больше не слушал. Убирал следы, собирал звенья. Всё, что угодно, лишь бы на несколько мгновений оттянуть тот миг, когда он предстанет с этими новостями перед Огненной. Человека из Дворца сейчас убирать нельзя — до того момента, пока не отыщется демиург, он может быть полезным, а вот потом... Что скажет Огненная, когда обо всём узнает!

Впрочем — он был уверен — синеглазая Лавия уже в курсе его фатальной ошибки. Демиург в Криафаре. Вот только маг и понятия не имеет где его искать.

Его — или её.

Глава 10. Наш мир.

Сегодня я должна была работать до восьми часов вечера, но Валентина проявила

неожиданное и совершенно не свойственное ей благородство и отправила меня домой на два часа раньше.

— Иди, иди, — ворчливо заявила она, яростно натирая ни в чём не повинный музыкальный инструмент. — Народу мало, а у тебя на лбу написано, что этот козёл, твой бывший абьюзер, тебя окончательно доконает. Развейся.

— Где развеяться-то, — я потёрла занывший вдруг затылок, ощущая, как бумажка с номером телефона Вячеслава Станова начинает буквально жечь карман. — Приду домой, там никого. Так и спиться можно.

— Устрой генеральную уборку. Сходи в кафе. Да хоть бы в кино! Иди, иди. Я вообще считаю, что женщинам после развода положен внеочередной отпуск.

— Со времени моего развода прошло четыре месяца.

— А отпуска не было.

Я посмотрела на телефон. Восемнадцать ноль-ноль. Один час сорок пять минут до продолжения «Каменного замка».

Будет оно или не будет? Девять против одного, что будет, никаких предупреждений на сайте нет, никто из читателей не переживает о пропаже автора, за последние сто семьдесят девять дней прода от Кнары ни разу не отменялась. Ни разу!

— Ладно, ты права. Схожу в кино, — я кинула в сумку «антистресс-набор» в виде катушки, линейки и ластиков. Всё равно не смогу работать. Всё равно не смогу сделать хотя бы относительно адекватное лицо, и Валентина начнёт приставать с расспросами... Надо просто дождаться проды, написать Кнаре какой-нибудь шутливый комментарий и забыть этот день, как самый глупый сон.

Забыть.

Я вышла из библиотеки, зябко ёжась. Ботинки старые, пятый год ношу. Варезки потеряла две недели назад, в автобусе. В кармане куртки дырка, и туда провалились ключи.

Надо признать, у меня реально жалкая жизнь. Наверное, это видно всем, вон, с какой жалостью на меня поглядывает Валя, а что обо мне думает яркая общительная Марина, так и вовсе лучше не представлять. Развод — не оправдание. Я окончательно запустила себя, квартиру, быт, через год сопьюсь, а тридцать четыре года — это ещё не старость. Конечно, до Кнары Вертинской мне далеко, у неё как раз всё отлично — молодая, с ребенком и интересной, творческой работой, которую она любит и которая приносит ей и славу и доход, любящий богатый муж...

Хотя, муж, надо признать, с придурью. И меня, по крайней мере, никто не похищал.

Да и её никто, кому нужен писатель, это же не депутат, не журналист и не судья. Чушь, бред, розыгрыш. Акция от издательства... Вас снимает скрытая камера и всё такое.

И всё же я думала и думала, перебирала, как чётки-бусины свои обиды, надежды, сожаления, чаяния и мечты, проклиная Вячеслава, за какие-то десять-пятнадцать минут, полностью выбившие меня из устоявшейся жизненной колеи. Кто бы он ни был, это... жестоко.

Омерзительный розыгрыш, как там по-современному, пранк. Уголовно наказуемое деяние в некоторых случаях, между прочим...

Я пришла в себя от затягивающих мыслей и бессмысленных сожалений — и в первый момент не поняла, где нахожусь, не узнала самый обычный двор, серую кирпичную пятиэтажку, деревянные скособоченные скамейки у вечно открытых нараспашку подъездов, рядом с которыми никогда не было урн. Ноги сами принесли меня во двор Кирилла.

Застыла на месте, а потом, вместо того, чтобы уходить без оглядки, убежать от возможной встречи с ним и его новой пассией, прошла на детскую площадку и опустилась на некогда нашу любимую лавочку. Замотала покрепче шарф на шее, засунула в карманы озябшие руки.

Мы познакомились, когда нам было по восемнадцать. Стали встречаться на последнем курсе университета. Не были первыми друг у друга, но столько раз клялись, что будем последними. Прожили вместе десять лет «просто так» и три года в законном браке, пока не развелись — по моей инициативе. Это была не первая измена Кирилла, не знаю, почему я сорвалась. Может быть, стоило еще потерпеть. Может быть...

Я закрыла глаза. Как я его любила, с самой первой встречи, с самого первого взгляда. Как была счастлива первый год после того, как он ответил мне взаимностью. Какой ад переживала все последующие двенадцать лет. На этой скамейке я сидела всю ночь после того, как в первый раз узнала о его измене. На этой же выпила почти бутылку коньяка, когда узнала о второй. На этой же мы целовались до одурения сотни тысяч раз и говорили обо всём на свете. Отсюда открывается неплохой вид на окна его квартиры. Если присмотреться, иногда на подоконнике можно было увидеть рыжую кошку Пирожку, на поверку оказавшуюся котом. Сейчас её не было. Возможно, дремлет на коленях новой хозяйки...

Я скучала по нему. По коту, по скамейке во дворе, по тем редким вечерам, когда мы совпадали в настроении и могли обсуждать книги, фильмы, политику и всё прочее, без разбора. По чашкам на его кухне, по вечно подтекающему крану в ванной, по запаху, вкусу его кожи...

Я сидела и сидела, то замирая, то раскачиваясь, как маятник, ловя на себе недовольные взгляды мамочек с колясками и малышнёй, улыбаясь знакомым собакам, считая количество кирпичей в стене, рассматривая новую вывеску старой пекарни в соседнем от Киркиного подъезде. Считая минуты до выхода новой главы "Каменного города" Кнары Вертинской.

Телефон недовольно завибрировал в кармане, и я торопливо достала его замерзшими неловкими пальцами.

Сообщение в ватсапе с незнакомого номера гласило:

"Дорогие друзья, по техническим причинам продолжения сегодня не будет. Приношу извинения за доставленные неудобства, и да хранят вас каменные драконы от постели Его Величества! Ваша К.В."

Руки задрожали. Я торопливо сверила номер из сообщения с номером на бумажке, и они ожидаемо совпали.

Ну, Вячеслав...

Посмотрела на сайте — оставалось пятнадцать минут, никаких объявлений о переносе не наблюдалось.

Чёрт.

Что он хочет этим всем сказать? Если уж Вечер не поленился приехать ко мне на работу, если он узнал мой номер, не мог же он не уточнить, во сколько выходит продолжение книги. Через пятнадцать минут глупый пранк потеряет смысл.

...хотя, надо сказать, даже эти четверть часа он умудрился капитально испортить.

Может, Кнаре в личку написать? Может, это такая на неё кибератака?

Ага. Каждого из полусотни тысяч подписанных на нее читателей лично отлавливать и нести им всякую дичь. Крышесносно, что тут скажешь.

Но все равно, наверное, стоит написать...

— Аня?

Я подняла голову, стянула капюшон, значительно уменьшающий зрительный обзор, со лба и увидела прямо перед собой Кирилла.

* * *

— Аня, ты чего тут делаешь? Что-то случилось? — Кирилл смотрел на меня, а я на него. Три месяца мы не виделись, он несколько раз писал, спрашивал, как дела, а я не отвечала. Держалась.

Держалась и вот — сорвалась, будь проклят обеспеченный очкарик Вячеслав с его дебильными выдумками. Бывших алкоголиков не бывает, бывших безумно влюблённых — тоже. Я смотрела на Кирилла, всегда такого подтянутого, спортивного, идеального от и до, без дырок в карманах, в чистых, несмотря на грязь и слякоть, ботинках. Смотрела и не могла насмотреться и подобрать слов.

Валентина могла сколько угодно называть его всеми представителями рогатой фауны по очереди, это ничего бы не изменило. Он был хорош, слишком хорош для меня. Мы с ним были, как... Бизнес-класс и эконом. Точно. Наш развод был закономерен и неизбежен, к гадалке не ходи.

А я ходила. И к гадалке, и к экстрасенсу, и к психологам, и даже к каким-то религиозным товарищам, обещавшим вечное блаженство, правда, не за бесплатно и на том свете. Совершенно бесполезно, между прочим, потому что мы с Киркой просто никогда не должны были сходиться, как масло и вода.

— Нормально, — сказала я, по привычке делая перед ним хорошую мину. — У меня всё нормально. Работаю.

Я всегда так и отвечала. Работаю. Читаю. Ем. Сплю. Он смеялся, что у меня идеальная жизнь в четыре сезона. Что он завидует мне.

Но если бы всё действительно было нормально, я никогда бы здесь снова не оказалась.

— А ты как? — спросила, потому что надо было что-то спросить. Надо же было что-то спросить!

И он опустился рядом на скамейку и как ни в чём не бывало стал рассказывать, как он живёт, как сломалась стиральная машинка, как снова протёк кран, как живёт кошкакот Пирог, периодически шкродничая, а я слушала, слушала, улыбалась и изо всех сил старалась не разрыдаться.

Кирилл всегда любил со мной разговаривать. Обо всём на свете. И если бы я не настояла на разводе...

— А Саша беременна, — внезапно сказал Кирилл и уставился перед собой. — Так неожиданно, но...

— Это же замечательно, — ответила я. — Поздравляю.

— Ань...

— Поздравляю, — повторила я, как заведённая кукла.

— Ты мне отвечай, пожалуйста.

— Конечно. Буду отвечать.

Я встала, а кирпичи пятиэтажки отчего-то слились в один большой серый кирпич. Огромный, от земли и до неба.

— И сама пиши. Что у тебя всё в порядке.

— Обязательно. Буду писать.

— Аня...

— Буду писать и звонить, — пообещала я и достала телефон из кармана. Было уже десять минут девятого. Я открыла сайт продаеда и тупо, сквозь солёный туман в глазах уставилась на самый верхний комментарий под книгой Кнары Вертинской.

«Дорогие друзья, по техническим причинам продолжения сегодня не...»

Размахнулась и швырнула телефон на асфальт, тут же подняла, наблюдая, как сеточка неизлечимых морщин и трещин, словно лёд, покрывает экран.

— Аня!

— Починю, — сказала я, пятясь от него всё дальше и дальше, словно он был вооружен и наставлял на меня оружие. — Я всё починю, это такие мелочи. Главное, чтобы у тебя всё было хорошо.

И пошла по направлению к автобусной остановке. Убедившись, что Кирилл за мной не идёт, обняла бетонный фонарный столб, и ударилась лбом, до сиреневых искр из глаз.

А потом достала бумажку и набрала номер Вячеслава Станова.

Разбитый экран колот ухо сотнями крошечных иголок-осколков, похожих на ежиные иглы.

Глава 11. Наш мир.

Разбитый телефон глухо хрюкал слегка видоизменённым голосом Валентины:

— Анька, я, конечно, сама советовала тебе немного отдохнуть, но это, по-моему, чересчур! Ты же говорила, что он от Кирилла?!

— Нет, к Кириллу он отношения не имеет. Валя, я возьму больничный. Я за последние четыре года ни разу не брала больничный, имею право.

— Да я не об этом, по мне так, хоть увольняйся, мест, где меньше платят, по пальцам пересчитать можно. Но ехать неизвестно куда, неизвестно к кому... А вдруг он маньяк?! Какой из тебя редактор, у тебя опыт нулевой, можно же нанять профессионала, в конце концов!

— Да кому я нужна... Меня порекомендовала одна общая знакомая по универу, вот и всё.

Версия, которую я озвучила трепетной Валентине, несколько отличалась от реальной и была куда менее фантастической, на мой взгляд. Не "дописать роман за Кнару Вертинскую", а "немного помочь с редактурой". Не "неизвестно откуда взявшийся подозрительный чувак", а "знакомый знакомых общих знакомых". Честно говоря, окажись это всё правдой, мне было бы куда спокойнее. Нет, я по прежнему не верила, что интеллигентный очкарик-на-крутой-тачке Вечер собирается в уединении вытащить из меня кишки и развесить их на люстре. Но подозрения по поводу розыгрыша, совпадения и общей психической неадекватности гражданина Станова имели место быть.

Ну какая из меня писательница?!

Домой я так и не пошла. Уходя из двора Кирилла я изо всех сил старалась не переходить на бег, но потом всё-таки побежала. И сейчас сидела на автобусной остановке, думая только о предстоящем приезде чокнутого потенциального мужа Кнары Вертинской, совершенно не представляя себе, что я буду делать, если он не приедет.

Вернусь к себе домой, в пустую квартиру? Куплю бутылку дешёвого алкоголя и напьюсь, стараясь заглушить мысли и воспоминания?

Нет, ни за что. Я просто не доживу до утра. Руки тряслись, телефон так и норовил выпасть, хотя по правде сказать, ему уже мало что могло навредить. Мы договорились с Вячеславом на половину десятого, и я даже не спросила адрес, хотя искренне обещала Вале

отправить и его, и номер машины, и фото паспорта моего внезапного нанимателя. Но сейчас, сидя на металлической скамейке и бездумно глядя на подъезжающие и отъезжающие автобусы, деловито снующих туда-сюда людей, я понимала, что в глубине души мне всё равно. Кишок на люстре не хочется, это да. Но слишком уж сложный зачин для такого простого, в сущности, действия.

А на всё остальное мне наплевать. Пусть розыгрыш, пусть подстава, пусть безумный хакер. Всё, что угодно, только не одинокая квартира, мысли о Кирилле, его беременной новой подружке, их дальнейшей жизни, в которой мне не было места. И когда огромный чёрный Порше Кайенн с аэрографией объёмного серебристого скорпиона на боку подкатил к остановке, а Вечер опустил окно с таким робким видом, как будто он сейчас не здоровенном внедорожнике, а в окне приёма заказов Мак-авто, я подорвалась и за две секунды влетела на переднее сидение, ощущая себя слишком... несолидной и пыльной Золушкой для такой роскошной кареты.

— Вечер, добрый вечер, — все мои попытки сделать независимый вид, похоже, провалились. Выдавали покрасневшие опухшие глаза и надтреснутый после долгого воя голос. Однако якобы муж великолепной Кнары Вертинской никак не прокомментировал мой жалкий внешний вид.

— Вам, наверное, нужно собрать с собой какие-то вещи. Одежду, зубную щётку... Деньги можете не брать, расходы я беру на себя. Скажите адрес.

— Вы узнали место моей работы, но не озаботились пропиской? — в разговоре посторонние отчаянные мысли действительно отступали и неожиданно я ощутила нечто вроде благодарности к этому безумцу на порше.

— Озаботился, но подумал, будет лучше, если вы скажете сами.

Я поднялась к себе, и меня снова будто волной окатило какой-то эйфорической радостью от того, что я сегодня не останусь здесь на ночь сама с собой, что мне есть, куда уехать, пусть даже я и не знаю толком — куда.

— Куда едем? — я запыхалась и даже не пыталась это скрыть.

— Домой, — Вечер улыбнулся, и улыбка у него была грустная, но светлая, как и полагается огорченному потерей жены мужу, открывающему третью бутылку пива на диване перед экраном с футбольным матчем.

Страдальцем, одним словом, он явно не выглядел. Украдкой, я кинула Вале в ватсап номер и марку машины. А Вечер тронулся с места — водил он неприлично хорошо для такого задротского внешнего вида.

Домой так домой.

* * *

Мы ехали несколько часов, как оказалось, жилище известной писательницы — или логово психа, выдававшего себя за ее мужа — находилось не в моём городе. Сначала я занервничала, особенно увидев, как за окном в темноте стали вырисовываться темные очертания лесополосы. Но Вячеслав гнал вперед, остановившись только пару раз на заправках. Один раз он купил мне кофе, второй раз я вышла больше из принципа, чем из желания посетить туалет. Остальную часть дороги в основном проваливалась в сон — в длительных поездках меня всегда укачивало.

Интересно, довезёт ли Вячеслав меня обратно, когда выяснится, что я никакая не писательница, и при всем желании дописать роман за Кнару не смогу?

Свои сомнения я даже озвучила.

— Вы справитесь, Аня, я уверен, — без тени сомнения ответил он мне. — Не беспокойтесь. А когда Карина вернется, я отправлю вас обратно, сам или такси оплачу. И, разумеется, вознагражу ваш труд.

Когда она вернётся! А если нет? И ребенок далеко не для всех аргумент. А вдруг он меня там наручниками к батарее прикует и будет с моего телефона Вале успокаивающие смс-ки отправлять? Надо было договориться о каком-то секретном коде... Но беспокоить Валентину я не стала.

— А с кем сейчас ребенок?

— С няней. Доплатил ей за сверхурочные.

— Вы ей доверяете?

Вечер смотрел на дорогу, фонари и проезжающие мимо машины периодически слепили глаза, я моргала, и неожиданно мне показалось, что он совсем не такой, каким показался сначала. Не робкий ботаник, но и не эксцентричный псих, а...

— Да, конечно. Это надежный человек, она в семье с самого рождения.

— Послушайте, — я снова попыталась воззвать к здравому смыслу. — У вас ребенок. У вас пропал близкий человек, жена, мать... Если вы меня не разыгрываете, потому что шутить над таким — просто грешно.

— Я не шучу.

— Вы серьезно верите в какую-то там надпись на экране монитора? Привозите в свой дом постороннего человека по чьей-то там указке? Который не умеет писать книги и уничтожит дело всей жизни вашей жены?

— У вас получится.

— Обратитесь в полицию!

— Полиция здесь не поможет. С этой книгой всё с самого начала пошло не так.

— Что вы имеете в виду?

Машина уже заезжала во двор, самый обычный двор напротив высоких серых панельных многоэтажек. Большая детская площадка. Подземный паркинг. Десятки мирно светящихся в темноте окон. Ничего страшного или подозрительного.

Впрочем, кто знает, какие тайны и кошмары скрываются за этим золотистым светом. Или за другими, глухими, тёмными.

— Марианна, я и так чувствую... вижу, что вы мне не доверяете и считаете меня ненормальным. Но вы согласились, и мы, — он выключил мотор и наконец-то повернулся ко мне. Карие глаза за стёклами очков казались беспомощными и добрыми, как у оленя. — Мы уже на месте. Я понимаю ваши страхи и ваши сомнения, но, поверьте, другого варианта нет.

Еще не поздно было отказаться. Выскочить из машины, побежать прочь. Набрать 112 и вызвать полицию, вот он, адрес — табличка на углу дома. Но я, словно загипнотизированная, пошла за Вячеславом в сторону подъезда с пандусом, вполне себе приличными скамейками, урнами в виде распахнувших пасти львов.

Пожилая консьежка в платочке выглянула из своего закутка. У ее ног крутился крупный рыжий кот.

— Доброй ночи! А вы к кому?

— Елизавета Ивановна, не узнали? — Вечер повернулся к ней.

— Ой, и правда, — она покосилась на меня без особого удовольствия. Вероятно, не придумала адекватную причину, по которой женатый мужчина под утро возвращается домой с незнакомой женщиной. — Ну... Доброй ночи.

— Бдительная, — сказала я, просто чтобы что-то сказать. — Могла что-то слышать, когда Карина... не помню отчества, уходила.

— Она работает сутки через двое. Сменщиц пока нет.

Мы зашли в лифт, и я вжалась в стену. А в голове билось "еще не поздно отказаться".
Якобы замешкаться, нажать кнопку первого этажа, кинуться за помощью к консьержке...

... Я вышла из лифта первой. И тоскливо уставилась на металлическую дверь.

Дорогая. Новая.

С глазком, в который, казалось, кто-то рассматривал меня изнутри.

— Вы боитесь, — констатировал Вячеслав. Ключи звякнули в его руке.

— Я понимаю, с вашей точки зрения всё выглядит... странно и нелогично. Может быть, даже абсурдно. Так всегда бывает, когда происходит нечто подобное.

— "Нечто подобное" — это что?

Вячеслав открыл дверь, за ней никого не оказалось. Темные очертания просторной чужой прихожей.

— Скажите, Марианна... — он не делал попытки подтолкнуть меня, не заходил сам, просто стоял на пороге открытой двери и продолжал теревить ключи в руках. — Скажите, вы верите в мистику?

"А я не отправила Вале сообщение с адресом. А если с Вале что-то не дай бои случится... меня же никто не хватится раньше, чем через пару недель. А даже если хватятся — никогда не найдут..."

Я выдохнула и перешагнула через порог.

Сама не зная, почему и зачем.

Глава 12. Криафар.

Вероятно, десять месяцев в утробе матери были единственным временем в его жизни, когда он пребывал в относительном покое и одиночестве. С самого своего рождения кто-то постоянно находился рядом, и, казалось бы, к четверти века прожитой жизни к этому можно было бы привыкнуть... но нет. Он не привык.

"Превират, вы больны. Кто-то должен находиться рядом с вами", — это он слышал всю свою сознательную жизнь, немногим более короткую. Вы больны, больны, больны, вас нельзя оставлять без присмотра, внимания, заботы и опеки, приступ может случиться в любое мгновение, и спасти вас может лишь тот, кто находится рядом, а ваша жизнь — самое ценное в Каменном мире, самое важное для ваших отца и матери, для ваших подданных, самое, самое, самое...

Он ненавидел Каменный мир, ненавидел отца и ныне уже покойную мать — и в то же время любил безмерно, потому что не любить не мог. Но одиночество по-прежнему казалось недостижимой восхитительной блаженной обителью, в которую он, уже два года как полноценный правитель Каменного мира, попадет только после своей смерти. Впрочем, с учётом его образа жизни, на обитель можно было и не рассчитывать — зловонное озеро Шайю с кипящей жижей, вот его будущее вечное пристанище. А и плевать. Лишь бы оставили в покое.

Тельман заворочался в постели, то ли досматривая ускользящий сон, то ли закручиваясь на карусели застарелых воспоминаний, обычно приходящих под утро. Почему-то то, о чём он никогда наяву не думал, настойчиво пробуждалось ближе к рассвету, смазанные картинки из недавнего прошлого. Видеть и вспоминать их было неприятно, как случайно наткнуться рукой на влажный гнилой фрукт среди других, спелых.

Он мог бы вспоминать счастливые моменты.

Первую поездку в Охрейн в возрасте лет пяти, показавшуюся ему путешествием в благословенный посмертный Мируш, куда попадают лишь истинные праведники, добившиеся снисхождения духов-хранителей. День, когда Рем-Таль согласился обучать его владению мечом, сколько ему тогда было, лет десять? Радость и гордость отца, когда он первый раз выступил на Совете Одиннадцати двумя годами позже. Свою первую женщину в семнадцать — лукавую Лирию, фрейлину матери с неподражаемо пухлыми губами и так соблазнительно спадающей с плеча лямкой нижней рубашки...

Мог бы вспомнить и самое страшное, самое горькое. Гнев и страх отца, когда в восемь лет он сбежал от постоянной утомительной опеки и отправился в одиночку в путешествие во Вьюжный квартал. День, когда от укуса скорпиутца погиб его единственный питомец — фенекай Чу-и. День, когда он увидел Лирию в объятиях другого, пышноусого воина лет на двадцать старше его самого, и её смущенные и одновременно бесстыжие глаза, бесконечно насмешливые слова: простите, превират, я люблю только вас, но такая женщина, как я, нуждается в мужчине посильнее! — и неизменных стоящих за спиной бесстрастных, но отнюдь не глухих свидетелей, Рем-Талья и Тиру Мин.

Мог бы вспомнить день смерти матери, день, когда он потерял их с отцом обоих.

Но почему-то на грани встречи ночи и утра он видел, как наяву, только день своей свадьбы. Черноволосую стройную девушку, скуластое испуганное лицо с острым подбородком, не то что бы прекрасное, но, несомненно, запоминающееся, подрагивающие пальцы в его руке. Ленивое предвкушение первой ночи, которое, впрочем, было сильно подпорчено постоянно маячившими за спиной стражами — и он подозревал, что смущение Крейне было в большей степени вызвано их навязчивой неизменной близостью, нежели его присутствием. Первый поцелуй в тонкую жилку на внутренней стороне узкого запястья.

За праздничным столом в Большом Закатном Зале он увидел её во второй раз. Их брак был договорной и политический, невеста, состоящая в дальнем родстве с правящей династией, была привезена аж из Травистана, государства за пределами Криафара в десяти днях езды верхом вместе с весьма важным договором об экспорте яшмаита. После ужасных событий прошлого Криафар сперва оказался полной в политической изоляции — с одной стороны, экономический и социальный кризис, поразивший некогда богатый и процветающий мир разом оборвал торговые и культурные связи, с другой, соседи очевидно побаивались отмеченного чёрной печатью разгневанных божеств проклятого края. Однако прошло уже полтора века, первоначальные страхи забывались, хотя общее отчуждение никуда не делось. Никому особо не нужная, но родовитая Крейне не могла считаться красавицей по местным канонам и стандартам, но в Криафаре её светлая кожа, контрастно тёмные волосы и глаза с золотыми искорками казались восхитительной экзотикой.

Договор об экспорте и брачном союзе наследника трона был заключен без особых промедлений и препирательств.

Тельман, в тот день еще всего лишь Превират Криафара, любовался ей и в то же время смотрел по сторонам — не стоило сразу баловать молодую супругу излишним вниманием. Наклонившись над столом, одна из бесчисленных хорошеньких служанок, чье имя он, разумеется, не помнил, расчетливо коснулась горячей тяжелой грудью его плеча. Навязчивая, но неутомимая. И готовая на всё. Тельман на мгновение улыбнулся, представляя себе их обоих вместе, развратную служаночку и невинную робеющую жену в одной постели, но тут же поймал задумчивый въедливый взгляд отца и отвернулся.

Уложить бы их обеих, дверь запереть, а самому сбежать, как тогда, в восемь лет...

Праздничный пир закончился, когда ночная стужа уже вступала в свои права, и по давней традиции Тельман повёл жену в их общие отныне покои.

— Желаете присоединиться, как всегда?! — он всё же не удержался, обернулся к бесшумно сопровождавшему их Рем-Талю на пороге спальни, и Крейне снова вздрогнула, словно желая вырвать свою руку из его и не решаясь это сделать. — Может быть, хотя бы не сегодня?

— Не сегодня, — бесстрастно склонил светлую голову Рем-Таль, словно обычно это в порядке вещей — составлять компанию своему Превирату во время первой брачной ночи.

— Отрадно, что ты нам так доверяешь. Ну, не тушуйся, моя фени, — он сам не знал, почему назвал её тем ласковым словом, которым в детстве прозвал Чу-и. Возможно из-за их доходящего до смешного сходства: пушистая любимица была такая же чёрная, большеглазая, всегда настороженная. — Рем мне куда ближе, чем страж трона. Не обращай на него внимания. Как на стул или стол. Или ковёр.

Рем-Таль отступил, а Тира Мин опустила на корточки, привычно подтянув кожаные брюки на коленях.

— Будешь подслушивать, моя дорогая? — любезно продолжил Тельман, сам не понимая, что заставляет его неловко топорно язвить, стоя рядом с явно перепуганной новобрачной, почти с ужасом обзирающей проступающие из темноты очертания его печально знаменитой кровати. — Вообще-то, можно распорядиться, и вам здесь поставят ещё одну кровать. Скрасите долгое ожидание вдвоём.

«Если оно будет долгим», — Тира Мин ничего не сказала, ни одна мышца на лице не дрогнула, но он прочёл её мысли и укоризненно покачал головой. Подтолкнул Крейне внутрь спальни и закрыл дверь.

Светильники с горючим сланцем по его приказу не зажигали. Он и сам не знал, почему захотел темноты.

Черные волосы Крейне казались ему частью этой тьмы.

— Они все мне так надоели, — доверительно сказал он жене, едва не потеряв равновесие и вынужденный вцепиться в её плечи. — Все, кроме тебя, Превирата Крейне.

На церемонии он не пил, но порошок из пыльцы жёлтого скорпиутца, к которому он пристрастился уже год как, дурманил голову, заставлял кровь кипеть, размывал тяжелые непрошенные мысли. От Крейне пахло сладкой свежестью, ещё более восхитительной в сочетании с её страхом, и он спустил свободное белое платье с её плеча, наклонился, и вдохнул аромат кожи, а потом прикоснулся губами, прикусил, желая оставить след — или сделать больно. И...

Тельман Криафарский окончательно проснулся.

Посмотрел на обнажённую светловолосую девушку, уютно свернувшуюся клубком в его огромной кровати. Там может поместиться и четверо, и надо заметить, помещались с удобством в иные времена, но сейчас худошавая ладная фигурка была одна, и не вызывала в нём никаких чувств, кроме желания немедленно спихнуть её на пол и зарыться лицом в бесчисленные перьевые подушки.

Перьевые подушки стоят дороже драгоценных металлов в этом мёртвом мире. У него их с десятков. Настоящее сокровище.

Рем-Таль тоже находился в спальне, невозмутимо читал какой-то документ в своём уголке. Ни обнажённые тела — любого пола и количества, ни непосредственно постельные

упражнения Вирата Тельмана Первого его не смущали — привык. Впрочем, первый страж королевского трона видел многое. В уборную, знаете ли, тоже когда-то сопровождал.

Девушка открыла глаза и посмотрела в потолок, обильно украшенный яшмаитом и лепниной.

— Как тебя зовут? — Тельман вытащил из подушки перо и пощекотал себе ладонь.

— Арисия, Вират.

— Арисия, подите вон.

— Слушаюсь, Вират Тельман, — девушка торопливо поднялась, огляделась в поисках одежды, и, не обнаружив оной, нагишом попятилась к двери. Рем-Таль, не глядя, ловким движением равнодушно бросил ей заранее заготовленный халат.

"И да хранят меня каменные драконы впредь от его постели, — подумала она. — Но до чего же хорош!"

Драгоценное перо медленно спланировало на пол.

Глава 13. Наш мир.

В квартире очень тихо, а ведь Вячеслав говорил о ребёнке и няне... Впрочем, о чём это я — сейчас около четырёх утра, ребёнок крепко спит, не должен же он орать с утра до вечера, тем более двухлетний, а не грудничок. Эта мысль влечёт за собой другие, о Кирилле, на удивление спокойные после давешней истерики. Я не могу представить его отцом, его, так ценящего свою независимость и возможность в любой момент выйти из игры.

На мой взгляд, дети — это всегда самопожертвование. Хотя откуда мне знать наверняка? По виду Вячеслава, ничем он не жертвует, доплатил за сверхурочные — и все дела. Было бы чем платить, деньги решают многое. Наверняка, он уверен, что на эту безумную авантюру я соблазнилась доплатой — бедная нищая библиотечарша, что ей еще надо?

Подспудно всё ещё ожидая подвоха — удара по голове, защелкивающихся на запястье наручников или чего-то в этом роде, я остановилась в прихожей — раза в три просторнее моей. Вячеслав действительно щёлкнул, но не наручниками, а выключателем — на стене вспыхнуло приглушенное матовое бра в форме причудливо изогнутой ящерицы. Куртку торопливо стянула сама, не дожидаясь помощи, но Вечер всё же успел аккуратно вынуть её у меня из рук и спрятать в шкаф-купе, снять собственную верхнюю одежду, протянуть совершенно новые неразношенные тапочки, почему-то чёрного цвета — и сделать приглашающий жест рукой. Я всё ещё неуверенно мялась на пороге.

Пять дверей, это не квартира, это дворец какой-то! Кажется, ещё и пол с подогревом.

— Справа столовая, вход в кухню из неё. Там детская, там спальня Карины, то есть, наша. Туалет и ванная комната прямо, но рядом с кабинетом, он слева, есть еще гостевой санузел. Я постелил вам на диване в кабинете, — извиняющимся голосом произнес потенциальный олигарх. — Прошу прощения, что не в гостиной, но в кабинете гораздо спокойнее и тише, и утром там вас разбудят ни свет ни заря. В кабинете есть кулер, чай, кофе, правда, растворимый... Отдыхайте, располагайтесь, поговорим завтра. Я работаю во второй половине дня, так что мы всё успеем обсудить.

— Разве не нужно приступать как можно быстрее? — я подавила зевок, больше похожий на нехватку воздуха. После длительного утомительного переезда казалось, что я не спала как минимум двое суток, но не спросить я всё-таки не могла.

— Несколько часов ничего не решат, вы устали, а приступать к книге нужно с ясной головой, — Вечер гостеприимно распахнул дверь слева, за которой обнаружилась еще одна

дверь. Не дворец, лабиринт какой-то, лишь бы без Минотавра за углом. — У Карины очень строгий режим дня, она ежедневно ложилась не позднее десяти часов вечера, чтобы встать ровно в шесть. Утверждала, что писателю нужно высыпаться и поддерживать свои силы. Ребёнка утром няня отведёт в сад, вы отдохнёте, и мы сможем все обсудить.

Хм, неужели Кнара сама придерживается хотя бы части собственных декларируемых на вебинарах принципов? Почему бы и нет...

Неужели я действительно именно в её квартире? Поверишь тут в мистику....

Я старалась не слишком глазеть на чужое незнакомое жилище, хотя и хотелось — даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что устроено оно не просто дорого, а дорого и с фантазией. Прошмыгнула в маленький туалет, выложенный чёрной плиткой с серебристой каймой, вымыла руки дорогим твёрдым мылом явно ручной работы.

Посмотрела на себя в зеркало — там отражалась уставшая, совсем не гламурная тётка, с припухшим, бледным, как непропечённый блин, ненакрашенным лицом, торчащими во все стороны тусклыми русыми волосами. Тоже мне, писательница. Скорее, домработница.

Может, здесь снимается ток-шоу о преображении простых людей? Завтра с утра Вячеслав скажет, что таинственные авторы послания требовали от потенциального соавтора самой Вертинской похода в салон красоты и по бутикам... А сам он коуч. Или психотерапевт. Накрасят меня, приоденут, дадут возможность творческого хобби...

Я уже более подозрительно посмотрела в зеркало — нет ли там скрытой камеры? Может, вся страна, включая Кирилла с его пассией, смотрят сейчас, как я тут зависаю, а монотонный голос ведущего комментирует за кадром:

"Марианне нечего было терять, поэтому она с лёгкостью согласилась на странное предложение загадочного незнакомца и теперь гадает, что принесёт ей завтрашний день"... Гадаю. Как в туалет-то ходить с такой паранойей? Хорошо героиням любовных романов Валентины, перед ними не встаёт таких вопросов.

Кабинет оказался небольшой уютной комнаткой. Люстры на потолке не было, аналогичные бра, одна из покрашенных под кирпич стен вдруг замерцала россыпью светодиодных огоньков.

Стол со стационарным компьютером и принтером у окна. Удобный кожаный стул, как в офисе генерального директора крупной фирмы. Рядом действительно кулер. Разложенный диван, накрытый мягким желтым пледом. Подсвеченный аквариум. Книжные стеллажи, книги, много, много книг.

— Располагайтесь, — Вячеслав растерянно посмотрел на мой рюкзак с вещами, видимо, осознав, что шкафа для одежды здесь нет. — Боюсь, об ужине я не подумал. Я обычно ем в кафе, Карина заказывает еду на дом с доставкой.

Для меня общие ужины, если уж не завтраки и не обеды, всегда были неотъемлемой частью представления о настоящей семье. Но кто сказал, что это обязательно? Впрочем, если учесть, что жена явный жаворонок, а муж — сова, то они могут вообще неделями не встречаться. Но не мне судить их семью — если это всё же не розыгрыш.

— Спасибо, — неловко сказала я. — Ничего не надо.

— Тогда спокойной ночи, Аня.

— Спокойной, — неловкость нарастала. К батарее не приковали, по голове не ударили, раскрытие коварного замысла явно переносилось на утро. — Где можно телефон на зарядку поставить?

— Рядом с компьютером. Да, у меня огромная просьба... не трогайте до утра,

пожалуйста, компьютер. Карина вообще считала, что по ночам техника должна отдыхать.

— Разумеется, нет! — даже вставлять зарядку в розетку разветвителя стало страшно, а ну как взорвётся?

На столе в вертикальной рамочке я увидела фотографию темноволосого и темноглазого улыбочивого мальчика.

— Как зовут ребёнка? — я ляпнула, прежде чем подумала, что это не моё дело.

Вячеслав на секунду заколебался, словно вопрос чем-то был ему неприятен, шагнул к двери и только на пороге ответил:

— Тельман. Спокойной ночи.

Назвать персонажа в честь сына... или наоборот... сильно. И судя по всему, неприятно для отца. Может, это имя первого возлюбленного мадам Становой или...

Не моё дело!

Я переоделась и нырнула под плед. И уснула моментально, едва голова коснулась подушки.

* * *

Шкряб. Шкряб, шкряб, шкряб.

...из сна, точнее, из коктейля самых разных снов я вынырываю, как из плотядного болота, не желающего отпускать свою жертву. В книге Вертинской про подводный замок, тоже пострадавший от проклятия, были такие.

Резко открываю глаза и смотрю на белоснежный пустой потолок без люстры, совершенно незнакомый потолок. Сажусь в кровати, а точнее на диване, передо мной окно с кофейного цвета жалюзи, огромный компьютерный экран, абстрактная картина на стене. Причудливые часы с маятником. Восемь утра.

Шкряб, шкряб. Звук раздаётся тихо, но настойчиво, словно маленький упрямый гномик тащит по полу тяжёлый мешок с инструментами.

Пожри каменные драконы мой чуткий слух!

Я огляделась, взгляд упал на аквариум. Упс, не аквариум, а террариум, литров на двести, со всей атрибутикой — грунт, подсветка, какие-то норки и ветки, домик в виде человеческого черепа. В тёмно-зелёную крышку встроены светильники.

— Черепашка, — вполголоса произнесла я, как зачарованная, уставившись на стеклянный параллелепипед, краем глаза уныло отмечая отражение женщины, больше похожей на бабу ягу после столетней пьянки с Кощеем. — Пожалуйста, пусть это будет череп...

Из домика-черепа высунулась здоровенная чёрная клешня, размером с мой большой палец. Я сама не поняла, как вылетела в коридор, прямо в пижаме, заметалась среди дверей и рванула наугад в одну из них.

Детская. К счастью, пустая — представляю, как я могла бы напугать маленького ребенка. Выскочила, дёрнула другую дверь — спальня. Тоже пустая. Идеально заправленная двуспальная кровать, ящерки-бра на стенах...

— Аня?

Я резко развернулась — каким бы чутким не был мой слух, Вячеслава я не услышала. Он стоял, полностью одетый в деловой костюм, галстук, пиджак, все дела, и совершенно не выглядел заспанным.

— Что-то случилось?

— Там скорпион! — секундная истерика прошла, и я почувствовала себя душой. — Там!

— Да, это Каринина питомица, она же скорпион по знаку зодиака, — Вячеслав пожал плечами. — Вы меня извините, если вам что-то понадобится узнать, можете мне звонить, и я сам к вам подойду. Просто...

— Нет, это вы простите... — я бочком просочилась обратно в коридор. — Просто скорпион... он... ну...

— Она вам не мешает, кормить и убирать я буду сам. Доставать его только не нужно, больно жалит, — как будто я прибежала с просьбой немедленно достать и дать потискать симпатяжку! Да меня сейчас стошнит от умиления, я даже на тараканов-то не могу смотреть, а тут огромная ядовитая тварь размером с ладонь!

— Не буду... доставать, — выдавила я. — Когда приступим к обсуждению... деталей?

— Через полчаса жду вас на завтрак в гостиной.

Я побрела обратно в кабинет, как на казнь. Покосилась на стеклянный ящик. Кто гарантирует, что это искусственный череп, а не головёшка предыдущего, неудачливого соавтора? Кто гарантирует, что тварь не выгуливают по дому?

"Всё в порядке?" — написала Валя, а я в ответ отправила смайлик. Не мешает баллончик с дихлофосом у дивана, а так — полный ажур.

Глава 14. Криафар

Сто пятьдесят лет назад всё было иначе.

Как говаривали предки, если уж миру рушиться, то с крыши. Так оно и есть. Духи-хранители, разъярившиеся на этот некогда благословенный край по неведомым для людей причинам, уничтожили большую его часть. Но шли года, и для большинства выжившего населения Криафара жизнь не то что бы становилась лучше и проще, скорее, входила в колею, становилась понятной и привычной, то есть — нормальной. Нормально, что еды, продуктов животноводства и сельского хозяйства хватало не всем. Что кто-то ежедневно умирал с голоду. Замерзал в ночную стужу и терял сознание в дневную жару, корчился от яда расплодившихся многолапых тварей и страшился вознести молитву небесам так же, как и не вознести.

Не хорошо. Плохо. Но нормально.

Для последних настоящих магов Криафара в тот чёрный день жизнь перестала быть "нормальной" — и никогда уже не смогла бы стать таковой.

Собственно, до наложения божественного проклятия Совета Девяти как такового не существовало вовсе, тогдашние Вират и Вирата Криофара пригласили девятку сильнейших магов, дабы свести воедино во благо народа и мира две силы — магию и светскую власть, изначально разделённые. Уже потом, после, кто-то недовольно кривил лицо, мол, не этим ли и был вызван гнев каменных духов-драконов, испокон веков завещавших трон только тем, кто магии лишён, а одарённых призывавших жить скромно и аскетично, не на виду у публики, не ей на потеху? Не поэтому ли после созыва первого Общего Совета настоящие маги в Криафаре перестали рождаться?

Впрочем, после проклятия духов кого и что в чём только не винили!

Как бы то ни было, а в первый магический Совет были призваны молодые маги, полные сил и энергии, готовые включиться в жизнь цветущего и растущего Криафара, сделать её ещё лучше, полнее и безопаснее. Именно они сдержали гнев пробудившихся хранителей, именно они пострадали даже больше тех, кто погиб и чья душа давно обрела покой в благодатном заоблачном Мируше или была обречена на вечную муку в кипящем зловонном Шайю. Восемь магов, не считая мёртвую для всего мира Огненную Лавию, прекрасную жену

последнего Служителя, навсегда застыли между жизнью и смертью, были вынуждены покинуть мирскую жизнь и пребывать в добровольном изгнании внутри огромной каменной Пирамиды в самом центре Криафара, потеряв свои семьи, мечты и планы, год за годом теряя свою человечность, обрета бессмертие, которым тяготились больше, чем терзаемые в Шайю грешные души.

Впрочем, их изоляция не была полной и абсолютной. Последний день каждого из десяти месяцев года считался "открытым" днём. В этот день в Зал встреч у смотрящего на сторону Инея входа в Пирамиду приходили просители и дарители, те, у кого были вопросы, мольбы, проблемы, тревоги, больные родственники, которым требовалось излечение, умершие родственники, долг и вина перед которыми были искуплены не до конца... Те, кто желал отблагодарить магов за спасение мира, тем самым расчётливо или по велению сердца сделав шагок в сторону Мируша. Просто праздно любопытствующие, скучающие, отчаявшиеся, юродивые и безумные. Голодные из струпов посмелее, пытающиеся ухитриться и утащить кое-что из бесчисленного множества подношений. Живая очередь порой огибала пирамиду четырежды. Тех, кто пытался пролезть вперёд, могли без лишних разговоров и столкнуть с крутого берега в русло высохшей, а когда-то полноводной и живительной реки Шамши.

Конечно, какая-то магия в Криафаре оставалась, как же без неё: слабая бытовая, слабая целительская, да ещё по мелочи, слабая-преслабая, редкая, как вода. Не рискуя больше нарваться на гнев богов, люди строго соблюдали заведенный ранее порядок открытых дней. Ранее, когда магов было в сотню раз больше!

Все погибли. Осталось только восемь.

В открытый день король и последний нищий были равны, каждый мог претендовать на помощь или совет, но в сутках только двадцать три часа, и те, кто не смог получить желаемого, уходили прочь с проклятиями, стенаниями, истеричным хохотом или в звенящем молчании, так что воздух в предвкушении начинал вибрировать натянутой струной.

Или только маг-прорицатель Варидас чувствовал эту болезненную тягучую вибрацию? Или это только чудилось ему?

В тот чёрный день его не было в Криафаре, более того, с важным поручением от Вирата Плиона Варидас отсутствовал в Криафаре уже десять долгих суток, только этим он мог объяснить то, что не почувствовал, не увидел грядущей трагедии — вдали от мира, от духов-хранителей его дар терял силу. К сожалению, Варидас выяснил эту свою особенность слишком поздно.

Он успел только к самому финалу — и уже полтора века, пребывая в абсолютной слепоте, винил себя, прежде всего, себя в том, что не выполнил своё предназначение. Уже полтора века он просыпался по ночам, вспоминая жгучий взгляд благостного Шамрейна, после которого его глаза выкипели, как мелкие лужицы на палящем солнце, а рана запеклась на лице шершавой багряной коркой.

Благостного ли? В чём он был виноват, если только пытался спасти свой мир?

Прочь, прочь эти святотатственные мысли.

— Где ты был? — Стурма ухватила слепого мага за плечо и мягко потянула к себе. Приложила ладони к его лицу, не касаясь жёсткой коросты. Сила потекла, словно вино, но Варидас чувствовал, как его окаменевшая плоть отвергает её, не принимает, не впитывает.

— Оставь, это бесполезно, — устало произнёс маг, опускаясь за каменный стол и наугад ухватывая одну из бесчисленных стеклянных бутылей, вереницей стоящих на нём,

непостижимым чудом ухитряясь ничего не разбить. — Не трать на меня свои силы. Очередь из просящих — как гигантская випира, проглотившая собственный хвост. Бесконечна. На них трать.

— О да, — Стурма тоже присела за стол, посмотрела на себя в отражении бутылок. — Зачем они приносят столько алкоголя? Неужели думают, что, потеряв трезвость, мы будем сильнее или милостивее? С того года вон сколько осталось. Может быть, наполнить им Шамшу?

— На тебя не угодишь, — светловолосая Варрийя, как всегда, неподвижно сидящая на каменном полу, прижавшись спиной к стене и разметав смертельно опасные руки-лезвия, задрала к потолку острый подбородок. — Огласила бы список заранее. Может быть, бусы из фириана, приукрасить свою жуткую рожу? Венец из яшмаита? Так опять всё растащат, випирины дети. С кусками стены оторвут и всё равно растащат!

Стурма не стала даже огрызаться. Последний раз, когда она плакала по поводу своего обезображенного многочисленными язвами лица, был лет пятьдесят назад.

Нидра стояла в углу на коленях спиной ко всем, уставившись в стену, так долго, словно, подобно Лавии, вросла лицом в стену. Она не слышала произнесённых слов, а её язык, как говорили, был вырван самой милостивой Шиару, что не мешало Нидре читать мысли, написанные на бумаге сознаний окружающих и доносить собственное мнение, если таковое появлялось. Последнее, впрочем, случалось всё реже и реже.

— Так где ты был? — повторила Стурма, делая вслед за Варидасом глоток омерзительно тёплого шипучего пойла, обжигающего воспаленные, в мелких гнойных пузырьках губы — не все маги могли похвастаться способностью поглощать пищу.

— Мне... беспокойно, — Варидас в несколько глотков допивает бутылку, отбрасывает её в сторону, но звона разбившегося стекла не слышно, бутылка застывает в воздухе, высокий, сероглазый, прекрасный, как одно из божеств травистанского пантеона, Вестос, маг воздуха, закутанный в плотный серебристый плащ, аккуратно опускает её на пол. — Беспокойно. Что-то не так. Что-то не то.

— Говори конкретнее или заткнись, — предлагает Варрийя. Встает, потягивается, почёсывает лезвия о каменный выступ, пронзительный скрежещущий звук заставляет всех, кроме Нидры, дёрнуться. — Что вообще может быть «так»?

Вертимер, на вид — мальчишка лет пятнадцати, худощавый и тонкокостный — возится в своём углу с маленьким личным садиком. Выращивание пустынного манника здесь, внутри пирамиды, без влаги, свежего воздуха и солнечного света, стало его навязчивой идеей. Последний месяц Вертимер тоже нередко отсутствовал, впрочем, магам земли заточение в Пирамиде давалось особенно тяжело. Может, семена выискивал, может, силы под открытым небом поднабирался. Или так, просто, из подросткового протеста.

Пустынный манник, колючий, с мясистыми, жирными на вид, овальными тёмно-зелёными листьями вырос уже почти что до плеча своего неутомимого хозяина, но цвести в упор отказывался, и теперь Вертимер сверлил его мрачным пристальным взглядом, что-то бурча себе под нос. Однако и он обернулся на слова Варидаса и последовавший за ними скрежет.

— Что смотришь, мелкий? — Варрийя зло хмыкнула. — Чего ты от него ждёшь, откровений? Опоздал на полтора века.

Губы у Вертимера задрожали. Несколько лет разницы в возрасте, весьма существенные тогда, раньше, по прошествии столетия потеряли смысл. Теперь они все равны, но даже им

трудно избавиться от старых, сложившихся схем восприятия и взаимодействия. Тианир был самым старшим, самым выдержанным и мудрым из всех, он заслуживал отдельного закутка, а Вертимер — так, прыщавый подросток, по чистой случайности столь щедро магически одарённый духами, в чьей мудрости и предусмотрительности, впрочем, сомневались уже почти что вслух, призванный в Совет Девяти «на вырост», да так и оставшийся насовсем. Уже давно не подросток по годам, он во многом сохранил детские привычки и повадки. По мнению Варрийи, в отличие от остальных, Вертимер пострадал меньше всех. Подумаешь, кожа огрубела и покрылась рубцами! Подумаешь, взрослеть перестал! Для многих это недостижимая мечта, а не наказание и не катастрофа, но нет же, кривит губы и смотрит фенекаем, которому прищемили хвост, такой же опасный и разрушительный, как маленький ушастый пушистик, украшение мёртвой каменной пустыни. Разозлившись собственным мыслям, так, что руки-лезвия мгновенно раскалились докрасна, вспыхивая боевая магичка сделала резкий стремительный выпад с разворотом назад — и одно из стальных лезвий по локоть вошло в грудь сделавшего к ней шаг Вестоса.

Варрийя выдохнула и отшатнулась. Вестос мрачно глянул на продырявленный плащ, погладил пальцами прореху.

— Промахнись ты на пару пальцев левее — и просители открытого дня разнесли бы Пирамиду по камешкам, — недовольно сказала Стурма. — Мои силы ограничены, знаешь ли, чтобы тратить их вот так, на твои психозы.

— Но Варидасу ты была готова их отдать, — хмыкнула Варрийя, её гнев отступил так же моментально, как и нахлынул, и воительница опустилась обратно на камень. Пару мгновений Стурма кусала изнутри щёки, тоже борясь со злостью, потом отвернулась к столу, выискивая, чем можно успокоиться.

Вибрацию, означавшую приближение страждущих и молящих, теперь чувствовали все восемь.

Ну, или семь — в ощущениях бесплотного Рентоса никогда нельзя было быть уверенным.

— Послушайте! — ломающийся мальчишеский голос Вертимера разорвал только-только устоявшуюся тишину каменного зала. — Послушайте!

— Ну? — буркнула Варрийя.

— Может быть, мы всё-таки будем что-то делать? Или всё так и останется, как сейчас, на следующие сто пятьдесят лет?!

— Что именно? Тоже займёмся выращиванием цветочков? Заткнись, мелкий, у тебя пока дыры в груди нет, но непременно появится.

— Мы ничего не делаем. Ничего не пытаемся изменить! Излечиться. Спасти Криафар Вернуться к нормальной жизни! Заперлись здесь, как горстка трясущихся каменок в норе, не знающих о том, что лисак уже ушёл!

— Ты знаешь, ну так и выходи из норы, мелкий, — магичка скрестила лезвия рук перед собой, золотые пряди упали на лицо. — Кому ты тут нужен, такой умный?

— Бабы у него не было, вот и страдает, — подал голос невидимый, но постоянно прислушивающийся к разговорам и перепалкам Рентос и оглушительно расхохотался, звук его голоса отразился от каменных сводов. — Ему бы бабу. Девки, чего вы прохлаждаетесь, уважьте паренька. Стур, Вари, про молчуньку я не говорю, она вялая и скучная, но вы-то!

Как обычно, самым парадоксальным, если не сказать, магическим образом бесцеременно-пошрое и неуместное вмешательство Рентоса разрядило напряжённую

обстановку. Только Вертимер гордо отвернулся к своему ненаглядному маннику и начал поглаживать пальцами плотные блестящие листья.

— Пирамида с заключенными в её нутре духами-хранителями питает наши угасающие силы, как источник, Верти, — добродушно, в сотый раз повторил появившийся в зале Тианир, первой волной ярости духов заживо разорванный на части и сшитый Стурмой заново, как тряпичная кукла. Мальчишка дёрнул плечами. — Вне её долго продержаться мы не сможем. Неужели ты забыл, мы всего пару лет назад об этом говорили? А мы питаем сдерживающие заклятия собой.

— Я выхожу наружу! Варидас выходит! И Рентос, и другие тоже... наверное, — запальчиво отвечает Вертимер. — Всё нормально! Возможно, в этом уже нет такой необходимости, как раньше!

— На час максимум? А потом возвращаются сюда, зная, что неизлечимые раны начинают сначала нить, а потом приносить чудовищную боль? Правда, Верти, помолчи. Открытый день наступает. Без поддержки Пирамиды мы не сможем исполнять наш долг, не сможем помогать людям...

— Люди нас используют, им плевать на нас! Они проживают свои жизни, так или иначе, тогда как наше существование жизнью назвать нельзя! Да, я выгляжу, как ребенок, но я давно уже не ребенок, я мужчина. И да, я хотел бы узнать женщину, и многое другое — тоже!

— Что, и мужчину тоже?! — изумился Рентос. — Нет, тут я пас, дружок. Да и нечем мне. И я, между прочим, не жалуясь. На тебя-то ещё может и польститься какая-нибудь озабоченная извращенка или тот же Тельман Криафарский, говорят, в прошлом году не брезговавший мальчишками. А мне что делать? Рад бы завалить уже хоть мальчонку, хоть подружку, хоть неведому зверушку, да никак, и то вот не ною.

— Успокойтесь оба, — спокойно велел Тианир. — Мы сделали свой выбор, выполняем свой долг, а роптать — недостойно. Открытый день — не время для сожалений и пререканий, на это есть остальные тридцать шесть дней месяца.

Стурма сгорбилась на стуле — её, целительницу, в открытый день вызывали чаще других. На несколько мгновений в каменном зале воцарилась полная тишина. А потом словно бы с потолка прозвучал первый голос самого первого просящего. Женский голос...

— Варидас, зываю к тебе!

Маги — те, у кого были глаза и уши — изумленно переглянулись.

* * *

Из всех восьми магов Варидаса единственного никогда не вызывали в открытый день, уже лет сто так точно. Криафар знал, что свой некогда могущественный дар маг утратил вместе с глазами, казалось бы, вовсе для прорицания не нужными. То же относилось и к Рентосу, но его, как ни странно, просящие приглашали довольно часто — больно уж весёлым, безбашенным и острым на язык был бывший маг-метаморф, с таким и просто поболтать не грех. К тому же, нет тела — нет дела, с потерявшего физическую оболочку метаморфа и взятки гладки, а у Варидаса голова осталась на плечах, как и язык во рту.

Услышав собственное имя, маг выдохнул и, провожаемый заботливо-одобряющим взглядом Тианира, тревожным — Стурмы и насмешливым — Варрийи — проследовал в Зал встреч.

Первый раз за последнее столетие.

Проситель, а точнее просительница, стояла посреди пустого пространства, освещенного

только парой высоких фонарей с горючим сланцем — хотя бы в том, что касалось освещения, в Криафаре научились обходиться без магии. Поднесение девушки одиноко лежало у стены подношений — Варидаас знал это доподлинно. Пусть предсказывать будущее он и не мог, но отсутствие зрения не мешало ему уверенно передвигаться в окружающем пространстве и ориентироваться в нём не хуже зрячих.

Подойдя к госте, Варидаас остановился. Втянул ноздрями воздух — от девушки сладко пахло защитным маслом оливника. Не бедная. Молодая. Маг протянул руку и коснулся подушечкой большого пальца её лица. Провёл по коротким шелковистым волосам, по аккуратному носу, скользнул по шее, непривычно мускулистой для женщины руке, коже, изборожденной едва ощутимыми шрамами бесчисленных нательных рисунков. Опустил свою руку не без сожаления. Не только Рентос и Вертимер сожалели о том, что с женщиной они уже не возлягут.

— Я больше не предсказываю, даже советникам и стражам Его Величества. Что тебе нужно?

Осведомленность мага не смутила девушку, чувствовалось, что её звучный голос не привык к таким интонациям — неуверенным, почти робким, умоляющим.

— Они... остальные... слышат нас?

— Да. Но я могу сделать так, чтобы не слышали.

— Сделайте.

Тира Мин, хоть магом и не была, почувствовала опустившийся магический полог, словно отгородивший их с магом от остального мира невидимой стеной.

— Говори.

— Вират Тельман...

— Я не предсказываю, но даже если бы и мог, не стал бы. Каждый имеет право знать только собственную судьбу, не чужую.

— Судьба Вирата мне не чужая! Всем — не чужая! Он правитель! И он... катится в бездну.

— Если это его путь, кто мы такие, чтобы вставать на нём? — Варидаас вздохнул. — Я могу попробовать заглянуть в его будущее. Но уверен, что это ни к чему не приведёт.

— Попробуйте, гвирт. Вам... вам нужно взять меня за руку? И... я принесла прядь его волос.

Это были предрассудки, глупые, не имеющие никакого основания под собой. Варидаас нетерпеливо мотнул головой:

— Волосы убери. А руку дай.

Прикосновение к коже не требовалось ему совершенно, но он не смог отказать себе в удовольствии сжать тонкие, сильные, но нежные пальцы девушки. В их долгом существовании, бедном на любые чувственные ощущения, это тоже могло сойти за подарок. Перебирая, поглаживая холодную ладошку, Варидаас попробовал погрузиться в транс, вспомнить давно забытые ощущения падения, парения в невесомости, мелькающий калейдоскоп картинок.

Тира Мин стояла близко-близко, он слышал её дыхание и чуть учатившуюся пульсацию молодой горячей крови, вдыхал запах оливника, свежей юности и едва уловимый горьковатый аромат сока на основе пустынного манника — им в Криафаре натирали оружие, чтобы не ржавело. Вместо того, чтобы и дальше бестолково пытаться войти в транс, прилагать усилия, заранее обреченные на провал, он представлял, как на каждом вдохе

приподнимается её плотно обтянутая тканью мужского приталенного камзола грудь, трепещут тёмные ресницы, приоткрываются пухлые губы...

Боль от внезапного погружения в транс едва ли не разорвала затылок. Ноги подкосились, и маг тяжело осел на землю, не сдержав мучительного стога, выпустив руку девушки.

— Гвирт?!

Стурма появилась рядом, рывкнула на советницу: «Приём окончен!», потянула Варидаса прочь из Зала встреч, но Тира Мин ухватила мага за вторую, свободную руку:

— Что? Что вы видели, гвирт, скажите мне!

Варидас уже почти вернул контроль над собственным телом, сбросил руку Стурмы, тяжело опёрся на плечи Тиры Мин горячими ладонями, будто пьяный.

— Вирата Крейне... скажи ему. Пусть вернёт Вирату Крейне во дворец. Немедленно!

Это явно было не тем откровением, на которое рассчитывала девушка.

— Зачем?

— Не знаю! — маг сплюнул и, шатаясь, побрёл обратно, рыча на пытающуюся поддержать его Стурму, точно раненый старый лисак. Остановившись посреди Каменного зала пирамиды, снова сплюнул.

— Эх тебя разобрало, — один Рентос, казалось бы, не потерял самообладания и по-прежнему хорохорился, остальные уставились на прорицателя в напряженном молчании, даже Нидра отвернулась от своего угла. Впрочем, она-то уже знала всё, что мог сказать Варидас. — Ну, скажи, чего ты, как скорпиутцем ужаленный, что увидел-то?!

— Демиург... — прохрипел Варидас, откашлялся, взял из рук Стурмы бутылку, сделал несколько жадных глотков. Бурое вино стекало по подбородку, оставляя тёмные полосы на коже. — Демиург призван кем-то в наш мир... демиург... кровь...много крови... не надо!

Стурма едва успела подхватить со спины окончательно лишившегося чувств мага. Нидра отвернулась к стене. Остальные замерли неподвижно.

— Ох, ты ж, скорпиутцева клешня тебе в...! — хмыкнул в тишине Рентос. — Кажется, наш юный друг прав. Отсидеться просто так уже не получится — или мы тут все окончательно сдохнем. Что до меня, я рад любому исходу, заскучал, знаете ли!

Хохот Рентоса отскакивал от каменных стен, точно перепуганная каменка.

Глава 15. Криафар.

Я прихожу в себя от невыносимой головной боли, буквально удара в затылок изнутри черепа. Впрочем, боль тут же уходит, но вслед за ней накатывает болезненная слабость, руки и ноги наливаются свинцом. Ничего не вижу, но при попытке открыть глаза вдруг обнаруживается, что верхние и нижние ресницы слиплись, как при конъюнктивите. Отвратительное ощущение, похоже, я чем-то заболела. Возможно, даже в больнице — слишком незнакомо пахнет вокруг, будто бы хлоркой и одновременно озоном и солью.

Почти никогда за всю свою жизнь ничем не болела, и в больнице-то в последний раз лежала два года назад, когда...

Когда что? Не помню.

Вот только амнезии мне не хватало для полного счастья. Впрочем, если это и амнезия, то частичная, что-то же я прекрасно помню, например...

— Вот что ты натворила, болезная!

— Можно подумать! Да я два года с неё пылинки сдувала, глаз не спускала! Всё это время, никто бы так не...

— Поговори мне тут! А ну как помрёт ненароком, с кого спрос будет?

Голоса, обладатели которых были мне не видны, словно принадлежали призракам. Оба женские, первый — возрастной, едва ли не старческий, надтреснутый, испуганный и сердитый, второй — молодой и звонкий, несмотря на попытку девушки его приглушить, демонстративно сердитый, а на деле немного потерянный... Сказать по правде, мне гораздо проще трактовать интонации, чем выражения лиц людей, поэтому в художке я не прижилась, а вот музыкальную школу окончила с отличием, надо было поступать хотя бы в училище, несмотря на большой конкурс по классу фортепиано, а не...

Куда? Какое у меня образование на самом деле? Снова провал.

Кажется, со мной что-то серьезное, поэтому эти женщины так переживают и злятся. Возможно, они врачи. Возможно, дела у меня совсем плохи, а умирать мне категорически нельзя, уверена, потому что...

Нет, никто не хочет умирать, конечно, но почему именно «нельзя»? Должна быть причина. Опять пустота в голове.

Возможно, суть в том, что я не дописала роман. Я же писатель, известная писательница, пишу художественные книги в жанре романтического фэнтези. Так написано у меня на страничке на сайте... Каком? Я...

— Милостивая Шиару да пожри твою душу, Си Ан! — прошептала старшая. — Это тебе не шутки, не испорченный обед или украденная заколка, не смотри на меня так, а ты думала, я совсем слепая и ничего не замечаю?

Если бы пересохшие губы слушались меня, я бы улыбнулась, по крайней мере, именно улыбка была самой первой реакцией. Ну надо же, и здесь мои читатели... Милостивая Шиару, прежде в основном встречались просто «каменные драконы», кто бы мог подумать, что очевидно пожилая женщина читает мои книги да еще и ругается именами духовхранителей Криафара...

А потом вдруг царапнуло ощущение какой-то неправильности. Что-то тут не так, и дело даже не в возрасте врача, а...

— Знаешь, что сделает с нами Вират?! — шёпот старшей понизился вовсе до какого-то змеиного шипения.

— Поблагодарит и осыплет дарами! — огрызнулась молодая. — А ты сама не понимаешь, Вен Ши, для чего Вират отправил сюда молодую Вирату и уже два года не справлялся ни о здравии её тела, ни о душе?! Если Вираты не станет, он будет только счастлив!

— Будет или не будет, это не помешает укоротить тебя на ноги и руки, а потом скормить жалкий обрубок лизарам в назидание прочим! Милостивая Шиару...

— Твои мозги давно уже поросли плесенью и покрылись пылью, Си Ан! Шиару — всего лишь отвратительная безжалостная тварь, а ты паникуешь зря, Вирата жива, ну, подумаешь, кровь потеряла, можно подумать! Заживёт, как на фенекае.

— Не гневи небо, дурища! — похоже, женщина больше испугалась, чем разозлилась. — По поводу крови я не переживаю, лекарица, как там её, справлялась и не с таким, но этот странный припадок... Не просто же так Вират сослал её прочь!

«Не просто, — хотела я сказать, слишком ошеломленная услышанным, чтобы задуматься о таких мелочах, как потрескавшиеся губы, жажда и ломота во всем теле. — Вират, проще говоря, король Криафара Тельман Криафарский сослал свою законную жену Крейне Криафарскую под предлогом тяжелой болезни в один из сохранившихся опустевших

особняков Радужной окраины, максимально далеко от Дворца. Но на самом деле она совершенно здорова. Всё дело просто в том, что он терпеть её не может, сказать по правде, я ещё не придумала, почему. Не думала, что читателей так заинтересует несчастная девчонка, в комментариях про неё никто ничего не...»

А при чём тут какая-то кровь и какой-то припадок?

Но неправильность была не в этом, не в этом даже, а...

Шиару, точно. Милостивая Шиару — имя одного из двух каменных драконов, в прошлом повсеместно благославляемых и любимых духов-хранителей, полтора века назад уничтоживших некогда благословенный мир.

Шиару и Шамрейн, благостный Шамрейн, всё верно.

Вот только этих имён ещё не было в тексте, точно, не может быть никаких сомнений, несмотря на беспамятство, я почему-то была совершенно в этом уверена. Я прекрасно помню уже написанный и выложенный на сайте текст, вот с черновиками и планом гораздо хуже, тут уже провалы.

Откуда сумасшедшие тётки могут знать имена хранителей? Может быть, хакеры взломали мой ноут, и выложили черновики и рабочие материалы в сеть?

Да нет, бред какой-то, я же не американский президент и не директор банка, а самый обычный автор, по большей части «сетературы» для романтических девиц от шестнадцати до шестидесяти, кому я нужна? Популярный, но не настолько, чтобы за моими черновиками кто-то действительно охотился. До успеха западных бестселлеров про магическую школу и вампиров-веганов мне как до Юпитера на роботе-пылесосе верхом... Память снова зацарапалась, противно, пискляво, словно желая сказать, что я ошибаюсь, и опять я никак не могла пробиться сквозь глухую стену, отделявшую меня от воспоминаний.

— Молись, дурища, чтобы с Виратой всё было хорошо! — старшая явно скатывалась в истерику. — Молись милостивой Ши...

Младшая не успела ответить, как комнату сотряс поистине громopodobный стук. Без шуток — то, на чем я лежала, возможно, больничная койка, — мягко завибрировала, словно гитарная струна.

— Именем Вирата Криафарского, откройте! — голос не уступал стуку. В нём не было угрозы или ярости, только непререкаемая уверенность в том, что никто и ничто не может ослушаться королевского повеления. Собственно, несмотря на неоднозначное отношение жителей непосредственно к личности Тельмана Криафарского, так оно и было...

— Вен Ши... — прошептала младшая. — Вен Ши...

— Зови лекарицу, Си Ан, — парадоксальным образом в голосе старшей не осталось ни паники, ни вообще каких бы то ни было чувств. — Скажи ей, чтобы любым способом и любыми затратами привела в чувство Вирату Крейне. Немедленно.

— А если...

— У неё целых десять пальцев на руках, Си Ан. Как минимум в половине для своих лекарских штучек она не нуждается. Бегом. Я попробую задержать гонцов. Сколько смогу, Си Ан.

Глава 16. Наш мир.

— Я не знаю ваши вкусы, так что просто заказал всего понемножку.

Вкусы... Вкусы в еде у меня незамысловатые: всего и побольше, добавку буду, хлеб буду, можно с майонезом, сгущенкой и нутеллой. Еда, между прочим, антидепрессант номер один — теорема, давно перешедшая в разряд аксиом. Но сейчас, в шикарной квартире Кнары

Вертинской на её же шикарной кухне с её не таким уж шикарным, но всё-таки вполне приличным мужем есть не хотелось. Хотелось втянуть живот и позавтракать чашечкой свежесваренного и свежесваренного, чем-нибудь таким воздушным, безглютеновым, на альтернативном молоке из растительного сырья. Может, дело не в чудо-диетах и элитных фитнес-клубах, просто в подобной обстановке у людей напрочь пропадает аппетит? А может, виноват светский диалог, в котором я ещё до завтрака попыталась деликатно донести до заботливого хозяина мысль о том, что ядовитый сосед по кабинету будет мешать творческому процессу.

— Как зовут э-э-э питомицу?

— Вы думаете, она будет откликаться?! — искренне удивился Вячеслав, а я мысленно высказалась о его умственных способностях крайне нелицеприятно. — Карина называла её именами героев, как правило, отрицательных. Но поскольку Каменный город ещё в процессе и со злодеями не было стопроцентной определённости... последнее время Машкой называла, а когда злилась — Подлючей Педипальпой.

— Ясно, — ничего было не ясно, но ладно. — А за что же можно злиться на такую... э-э-э... милашку?

Вячеслав оживился.

— Да я ей мышей недавно приволок, побаловать хотел, а она сытая была, ленивая, так они сбежали, несколько дней по всей квартире отлавливал. Карина очень ругалась.

— Хм... — надеюсь, мыши не успели расплодиться. Главное — не представлять себе процесс питания Подлючей Педипальпы, сокращённо — Пэпэ. Не представлять, я сказала! — А обычно чем кормите?

— Сверчками, тараканами кормовыми, — начал загибать пальцы Вечер. — Хотел мадагаскарских поискать, но решил, обойдётся, им так-то не каждый день еда требуется. Можно ещё ящерицами, ну и там...

...Короче, аппетит пропал начисто.

— Ладно, — я отхлебнула горячий вкусный кофе — кофемашина у Кнары была навороченная, словно машина времени. Закашлялась, чувствуя, как противно ноет обожжённое горло. — Давайте ближе к делу.

— Конечно. Карина, к сожалению, насколько я знаю, никогда не писала тексты про запас. Но у неё должен быть план, какие-то материалы по тексту... Вы читали то, что уже написано и выложено?

— Читала, но там же только самое начало, всего двадцать с хвостиком страниц выложено, в основном про мир в целом, пока что нет никакой ясности ни по героям, ни по интриге...

— Изучите план. Я думаю, там будут ответы на многие вопросы.

— Карина не обсуждала с вами книгу?

— Нет, — он ответил резко, может быть, чуть резче, чем надо, и я подумала, как бы я отнеслась в своё время к тому, что Кирилл проводил бы дни напролёт в обдумывании каких-то дурацких сюжетов, симпатичных героинь, может быть, постельных сцен с ними, а потом бы и вовсе назвал бы дочь в честь одной из них. Ну... может, и нормально бы отнеслась, вон, актёры в этих пресловутых сценах участвуют даже физически и ничего. — Нет, она ни с кем это не обсуждала. Разве что мир Криафара, Карина всегда досконально продумывала мир, полностью погружалась в атмосферу... По миру что-то я смогу вам подсказать. Но не по сюжету.

Так погружалась, что даже завела себе это клешнестучащую... паукообразную... членистоногую мерзость!

— Может быть, подруги? — предположила я. — Сестра? Мама?

— Родители Карины живут за городом, они созваниваются раз в неделю. Не думаю, что... сестёр и братьев у неё нет, подруг, насколько я знаю, тоже.

— Совсем нет? — не поверила я. Подруга была даже у меня, правда, не знаю, обсуждала бы я с ней сюжеты собственных книг.

— У неё дни были расписаны поминутно. Подъём, сборы ребенка в детский сад, вебинар, работа над книгами, занятия спортом, различные курсы...

— Вы говорите о ней в прошедшем времени?

Вячеслав осёкся.

— Нет, просто...

— Ладно, — я вздохнула. — Давайте подведём итоги. Книга только начата. Информации не так уж много. Где конкретно находится план?

— В компьютере.

— Ценное уточнение. Он запаролен?

— Нет... думаю, нет, иначе как бы я прочёл письмо? Сайт, где нужно выкладывать главы, открыт, пароля на сайте я не знаю, так что не выходите, продолжения должны выкладываться ежедневно без пятнадцати восемь. Вы же успеете к вечеру?

— К сегодняшнему вечеру?!

— Ну, да. У Карины на главу, как правило, уходило несколько часов.

— Но я-то не она! Я вообще не писатель, мне нужно вникнуть... во всё. Посмотреть, прикинуть, подумать...

— Смотрите, — легко ответил Вячеслав и поднялся. — Мне пора на работу... Кабинет, компьютер, кухня, ванная — в вашем распоряжении. Продуктов достаточно. В шесть часов вечера вернётся няня с ребёнком. Они вам не помешают. Я постараюсь вернуться пораньше.

— Э-э-э, — сказала я, не придумав ни одного достойного вопроса, ощущая, как пустота в голове стала объёмной, тяжёлой и давящей. Что-то подобное я чувствовала, когда до сдачи реферата в универе оставались сутки, а ещё не было написано ни слова.

Но реферат — это не художественная книга!

— Может, вы перенесёте... эм... питомца в спальню? — мявкнула я уже в спину Вячеславу, склонившемуся в прихожей над ботинком.

— Зачем? — искренне удивился он и посмотрел на меня над очками. Посмотрел слишком остро для того, кто в этих очках нуждается, хотя, возможно, у меня просто развивалась паранойя.

— Я её боюсь.

— Бросьте, она же в домике, да и укусы не смертельны. Ну, как пчела ужалит. Правда, если аллергия, то будут проблемы, а так... Не жёлтый скорпиулец, — он вдруг улыбнулся. — Я на вас надеюсь. Всего доброго

Я так и осталась с открытым ртом в пустой прихожей. Мужчины! Как в бредовые послания невесть от кого верить, так они первые, а тут нате вам — "бросьте", «не смертельно»!

Дверь щёлкнула замком, где-то на лестничной клетке зашумел лифт.

— Не верю я в мистику, — сказала я закрытой двери. — По-моему, кто-то всё-таки издевается или на всю голову ненормальный, но я попробую. В конце концов, вам же будет

хуже.

* * *

В кабинете тихо, во всей квартире тихо, но в кабинете — особенно. Наверное, так Карине было комфортнее работать.

Чёрт. Теперь и я говорю о ней в прошедшем времени. Я прошла по коридору, по гостиной, такой чистой, настолько просто и лаконично обставленной, что меня снова зацарапало мыслями о розыгрыше и обмане.

Квартира как нежилая. Ладно, на кухне они не готовят. Но здесь же живёт маленький ребёнок, значит, по определению должны быть какие-то разбросанные игрушки, оборванные обои или следы грязных рук на зеркалах! Если ребёнок — это не выдумка и не фантом больного воображения хозяина, конечно.

Если есть фотография маленького Тельмана, возможно, где-то имеются и фотография хозяйки? Всей семьи?

Фотографий не наблюдалась, в спальню и детскую я заходить не рискнула — зона моего пребывания была обозначена весьма конкретно, а наличие скрытых камер оставалось весьма вероятным. Не в первый день исследовать территорию, это точно. Я мрачно покосилась на террариум — никакое шкрябание сейчас тишину не нарушало, но тварь-то никуда не делась. Крышка сидит вроде плотно, но она пластиковая. И от твари до рабочего стола расстояние — метр максимум. Может, креслом придавить сверху?

С какой скоростью двигаются скорпионы? Ладно, вопрос риторический. Главное, в случае чего, сигануть в дверь, а не в окно, как-никак восьмой этаж.

С завтраком не задалось, так что я стала возиться с кулером — кофе кончился, можно продолжить греться пакетированным чаем, я не капризная... Ну-ка, ну-ка, что тут у нас? На полочке за аккуратной пластиковой дверцей стояла до боли знакомая по ежедневным вебинарам кружка с надписью: "Если не пишу, то и не дышу".

И почему-то именно от вида этой самой кружки — не новой, слегка потемневшей от ежеутреннего эспрессо изнутри — меня и накрыло. Накрыло так, что я села прямо на пол на пятую точку и прикусила палец по вредной детской привычке.

Почему-то такая мелочь заставляет меня действительно поверить, что я нахожусь в квартире гениального и сверхпродуктивного автора ромфанта Кнары Вертинской.

* * *

Пить из Кнариной кружки я, конечно, не стала — нашлась другая, попроще. Снова огляделась на предмет скрытых камер, мысленно махнула на всё рукой, перекрестилась и щелкнула мышкой. Огромный серебристый экран с трещинкой в уголке послушно вспыхнул.

...Не знаю, может, кому-то и нравится копаться в чужих личных документах, переписках и прочих файлах. Лично я себя чувствовала неопытным сапёром на минном поле. Шаг влево, шаг вправо — и ты уже годишься на корм Пэпэ. Только бы ничего не взорвать, простите, не закрыть, не стереть, не удалить! Надо попросить у Вечера флешку и сделать резервные копии, почему я не додумалась до этого раньше?

На моё счастье на рабочем столе и в папке «документы» Карины Становой царил идеальный, я бы даже сказала, невротическо-перфекционистский порядок. Знаете, когда все папочки подписаны, и на рабочем столе видна картинка — на этот раз какая-то мерзкая змеюка на фоне пустыни — а не сто тысяч документов без роду и племени вперемешку, как у вашей покорной слуги. Ничего лишнего, ничего личного. Действительно, ничего, хотя я только бегло просматриваю названия папок. Черновики, рабочие материалы, визуализации и

тексты всех предыдущих её книг. Электронная библиотека художественных книжек других авторов. Электронная библиотека книг по психологии, коучингу, тайм-менеджменту и прочей подобной ерунде. И папка — "Сейчас в работе".

Надо полагать, та самая.

Я оттягиваю момент, смотрю по сторонам — стараясь избегать обиталища притихшей Машки, явно предпочитающей тёмное время суток, допиваю чай, залезаю в интернет, изучаю правила выкладки проды на продаеде, читаю взволнованные затишьем и отсутствием вебинара комментарии читателей к "Каменному замку" и испытываю острое садистское удовлетворение от осознания того простого факта, что могу официально каждого от авторского имени послать лесом.

Проду им каждый день подавай! Вот сами бы попробовали писать, а потом бы требовали чего-то...

У Карины Становой открыты страницы во всех соц. сетях. Проглядываю их бегло, борясь с чувством стыда — но личных фотографий нет и там. Ничего личного нет, хотя, наверное, можно углубиться и отыскать, но мне не хочется. Ни одного диалога не по делу — реклама, переговоры с редакторами, обсуждение книг, блаблабла... Как такое вообще может быть?!

Куда же всё-таки она исчезла? Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: работа, то есть, книги и в самом деле были всей жизнью Кнары Вертинской. Самым главным в её жизни. Наверное, будь у неё еще личный ноутбук, муж бы об этом знал? Хотя их отношения кажутся мне всё более и более странными. Визуализаций персонажей полным полно, но нет ни одной совместной "семейной" фотографии. Может, Вячеслав заранее удалил всё личное, подальше от моих любопытных глаз? Или — эта версия мне совершенно не нравится — он прекрасно знает, где находится Карина. Возможно, она действительно сбежала с любовником. А я и вся авантюра со мной, с продолжением романа — лишь способ изощрённой мести?

Нет, это не выдерживает никакой критики. Сейчас двадцать первый век, что ещё за романтические побеги в духе Наташи Ростовской? Да и потом, ничего не мешало бы Карине выкладывать продолжение романа, хотя бы со смартфона. Если только она не сидит где-нибудь в подвале или на чердаке, прикованная к той самой злополучной батарее, которой так опасалась я.

Ладно, хватит паранойи и прокрастинации! Я открыла папку "Сейчас в работе" и углубилась в изучение материалов по "Каменному замку". Примерно с тем же чувством, с каким ныряла бы в ледяную тёмную воду незнакомой реки стылрой ноябрьской ночью. И примерно с той же дрожью в пальцах и мурашками по всему телу. Спустила пару часов очнулась, с удивлением осознавая, как же затекли ноги, пробралась на кухню и съела всего помаленьку, малодушно надеясь, что Вечер не заметит, какая я прожорливая — особенно, когда нервничаю.

А я... нервничала.

Во-первых, план книги действительно был. Но — очень и очень приблизительный и не подробный, на мой взгляд, план. Обозначены ключевые события, есть несколько ремарок по персонажам, но это совсем, совсем не то, что я себе представляла и на что надеялась. Вместо "персонаж А едет в пункт Бэ" хотелось бы узнать, на чём он едет, с какими попутчиками, что взял с собой, сколько времени заняла дорога, в какую одежду был одет пресловутый А, и какие мысли в пути его посещали! Но нет. Должно быть, я мало что понимаю в писательских

планах, и ценные подробности хранились у Карины в голове, или, не исключено, она написала нормальный, подробный план от руки и унесла заветную тетрадь с собой, не знаю. Факт оставался фактом: имеющийся план не особо облегчает мою задачу.

А во-вторых... Самым неприятным оказалось даже не это. Задумка Карины, по крайней мере, в том виде, в каком она была изложена, меня... разочаровала. Возможно, это эффект закулисья, разгаданного фокуса, магии, обернувшейся банальной ловкостью рук иллюзиониста, но мне не понравился ход развития событий, придуманный Кнаррой. Слишком уж... банально и плоско.

Интересно, что я сказала бы о других её историях, записанных в виде сухой последовательности событий?

Тельман Криафарский, порочный и болезненный, хотя не лишённый очарования правитель Каменного мира, теряет нелюбимую, сосланную некогда подальше от дворца жену. Она умирает от потери крови, самоубийство, порезанные осколком разбитого фонаря вены. И тогда король, подстёгиваемый Советом Одиннадцати и внезапно пришедшим в себя после двухлетней комы отцом, устраивает отбор невест. Верный страж короны Рем-Таль безответно влюбляется в победительницу, которую сам король признает далеко не сразу — как и чувства к ней. Тира Мин, вторая стражница короны, в свою очередь безответно любит своего короля, страдает от невозможности принять участие в отборе — обет Стража не позволяет ей иметь супруга, пусть даже это сам Король.

Вместе с избранницей Тельман раскрывает дворцовый заговор и постепенно меняется к лучшему. Духи-хранители пробуждаются вновь, возвращенные к жизни Советом девяти магов, мечтавшим залечить свои раны. Однако духи в обиде на всех магов как таковых: неволью пробудившая их давным-давно Лавия совершила некий ужасный поступок, а потому, вместо воскрешения и исцеления, духи-драконы Шиару и Шамрейн — наконец то я узнала их имена! — стали добивать окончательно проклятый мир. Но прекрасная избранница Его Величества оказалась носительницей древнего редкого дара общения с драконами. Она усмирила взбесившихся хранителей, спасла мир, а мятежных магов заточили в глубины Пирамиды, и они стали бестелесными духами, не страдающими и не тревожащимися ни о чём.

Кроме Рентоса. Рентос не участвовал в вызове хранителей, он вернул своё тело и прожил остаток человеческой жизни нормально, как и мечтал.

Перед хэппи-эндом, то есть свадьбой, Тира Мин из ревности попыталась уничтожить без пяти минут новую Вирату Криафара, за что была обращена Шиару в каменную статую посреди Центральной площади. В остальном же Каменный мир вернулся к нормальному цветущему состоянию. Снова пошли дожди, ночи перестали быть пронзительно холодными, а дневная убийственная жара сменилась шадящим теплом. Каменный панцирь, сковавший землю, лопнул.

Разумеется, были ещё разные события, но в целом... в целом сюжет показался мне довольно примитивным. Развратный герой встречает любовь всей своей жизни, сначала терпеть её не может, а потом влюбляется, исцеляется, преображается и становится просто душкой. Героиня, типичная мэри-сю с тайным великим даром, спасает мир и обретает богатого венценосного супруга. Недальновидные маги понесли наказание, злые боги оказались не такими уж злыми, коварная разлучница понесла заслуженное наказание...

А лично мне было жаль магов. И жаль Тиру Мин. И Рем-Талья. И новая героиня, почему-то без имени, не вызывала симпатии — слишком идеальная, слишком удачливая и успешная.

И отбор — терпеть не могу книги про отборы невест, и...

Но это всего лишь план, а то, что напишет Кнара, безусловно, будет шикарным, интригующим и вызывающим слезы сопереживания, смех и финальный катарсис... — подумала было я тут же вспомнила, что написать это всё должна буду сама.

Чёрт. Я не смогу!

Я снова сбегала на кухню. Стресс — это оправдание обжорству, и я имею на него, то есть, на обжорство, полное право! Вернулась к компу. Та-ак, какие-то заметки по миру и персонажам... Сейчас посмотрю ещё сам текст, а вдруг там имеется часть текста "вперёд", желательно, внушительная, о которой Вечер просто не знал?! Заодно и перечитаю...

К моему великому прискорбию, "вперёд" была написана всего лишь одна небольшая глава. Я начала читать — и прискорбие быстро сменилось тотальным недоумением. Потому что из плана невыложенная глава выбивалась, то есть это ещё мягко сказано — плану она противоречила, и как это понимать? Вирата Крейне, злополучная жена Тельмана, не умерла, более того, Вират почему-то потребовал её во дворец. Местная целительница успешно скрыла шрамы от порезов — я невольно потёрла собственные — и теперь молодую супругу правителя должны доставить к Его Величеству.

Но этого в плане нет! Там же чёрным по белому напечатано, что первая королева умирает, перерезав себе вены! Какой может быть отбор невест, если здравствует законная жена?! Или она и будет главной злодейкой романа, антагонисткой героини?!

Я вдохнула, выдохнула. Посмотрела на череп в скорпионишной. На абстрактную картину на стене. На трещинку в углу экрана.

Ну, нет. План есть — идём по плану. Вирата должна умереть? Значит, она умрёт. Никуда не денется. Пойду ещё чего-нибудь съем и придумаю, каким образом её убить, желательно, так, чтобы больше она уже не воскресла.

А потом подумаю об отборе и главной героине. Мне, между прочим, ещё ей имя придумывать и даже внешность. Не до второстепенных персонажей, разобраться бы с главными, так что — наберите воздуха поглубже, дорогие читатели.

Если что — я тут не при чём.

Я не виновата.

Глава 17. Криафар.

Голоса женщин стихли, и я открыла глаза, огляделась, по-прежнему ощущая слабость, тошноту и головокружение, как после сотрясения головного мозга — остались воспоминания тела из детства. Но когда, откуда я падала..? Не помню.

Кто я.

Где я.

Что со мной произошло..?

Впрочем, ответ на первый вопрос у меня был — меня зовут Кнара, моя фамилия Вертинская, и я писательница. Я помнила собственное лицо, словно отражённое в зеркале, часы, проведённые за компьютером, сам компьютер — серебристый металл корпуса, трещинку в левом нижнем углу экрана. Шершавый на ощупь коврик для беспроводной мышки под правым локтём с изображённым на нём скорпионом. Не знаю, почему я так и не выбросила этот коврик, мышка и без него работает. Помнила кожаное кресло, удобный домашний брючный костюм, толстые шерстяные носки. Сюжеты собственных книг. Вкус кофе.

Но в то же время на множество вопросов у меня не было ответа. Какое у меня отчество?

Как зовут родителей? Есть ли у меня вообще семья, друзья, знакомые? Домашние питомцы, цветы на подоконниках, дурные привычки, недоброжелатели? Что я любила есть на завтрак?

Какая-то странная амнезия. Впрочем, если у меня действительно сотрясение — наверное, это временно и вполне объяснимо.

Ладно, переходим ко второму вопросу. Где я? С учетом плохого самочувствия и разговоров о «лекарицах», вероятно, в больнице, но... Я никогда не была в подобных больницах.

Каменные стены из кирпича цвета пьяной охры. Каменный камин, в котором ярко и жарко горели самым настоящим пламенем какие-то бесформенные чёрные камни. На одной из стен — прозрачный светильник в форме цилиндра размером с трехлитровую банку с такими же пылающими камушками на дне. Крохотные окошки с непрозрачным мутным стеклом. На полу, правда, роскошная меховая шкура, но этого явно недостаточно для придания обстановке хотя бы подобия уюта. Кровать, на которой я лежала, тоже оказалась сложенная из камня, вероятно, с каким-то внутренним подогревом, словно емелина печка из русской сказки — камень лежбища был ощутимо тёплым.

Сказки я, значит, помню, а город, в котором живу — нет... Не уверена, что в нашем городе есть такие лечебницы. Скорее уже, частный загородный санаторий.

«По щучьему веленью, пусть мне хотя бы всё объяснят», — прошептала я, спуская ноги и обнаруживая, что ступни у меня босые. Одежда была с одной стороны вполне подходящая для больницы — бежевый халат до щиколоток с длинными рукавами из мягкой и плотной ткани, а вот под халатом обнаружилось нечто совершенно невообразимое: тонкие белоснежные панталоны длиной чуть ли не до колен и такая же белая короткая маечка на бретельках, дополнительно уплотненная в груди. На каменном полу нашла и пара престранных тапочек, напоминающих кожаные сланцы.

В каменных нишах стен громоздились стопки потрепанных книг, вышивка и вязание — по крайней мере я именно так идентифицировала клубки серых и коричневых ниток с воткнутыми в них металлическими спицами и иглами, а также какие-то предметы, названия которым я дать попросту не могла. Однако среди них не было ничего того, что, по моему мнению, должно было быть. Тумбочки, стола, стула... Умывальника, наконец. Нормального освещения. Часов на стене! Тяжелая деревянная дверь с металлическим каркасом.

Больничная палата? Санаторий? Скорее, тюремная камера. Очень странная тюремная камера. Это обилие камня, словно имитация старинного подземелья... Может быть, я на съемках фильма? Кажется, никто не собирался экранизировать мои книги, но мало ли... Надо запомнить это местечко. Если где-то и снимать фильм по «Каменному замку», то только здесь.

Я поплотнее запахнула халат и встала, наконец, просунула озябшие ноги в тапочки. Какая ещё экранизация, выбраться бы отсюда, желательно, живой и целой. Голова чугунная, руки как не мои, какие-то странные сиделки с пугающими разговорами про то, что среди десяти пальцев половина лишних...

А вдруг меня похитил фанат-читатель? Фанатка. Две фанатки?

Бред какой-то. Скорее поверю, что я актриса и снимаюсь в одной из сцен сериала по собственным циклам. Как оно там называется... камео.

Хотя никакая я не актриса. Надо выбираться отсюда и побыстрее.

Я подошла к двери и осторожно толкнула её вперёд. Дверь ожидаемо не поддавалась. Я надавила сильнее, упёрлась всем весом — и едва успела отшатнуться, потому что дверь вдруг

распахнулась внутрь каменной каморки, а на пороге обнаружилась невысокая женщина с копной серых курчавых волос и с таким выражением ужаса на лице, словно за ней гналась стая крыс размером с собаку каждая.

* * *

— Милостивая Шиару! — залепетала женщина, глядя мне куда-то в грудь, расположенную как раз на уровне её глаз. — Вы поднялись, Вирата, какое счастье! Пройдёмте, прошу вас, умоляю, вам нужно лечь. Я сейчас обработаю ваши руки, благостный Шамрейн, счастье-то какое! Пойдёмте, сейчас вам станет лучше, сейчас всё пройдёт, буквально пять шагов.

Пять шагов. Мои герои измеряли шагами время, пять шагов — примерно двадцать пять минут. Но книга только началась, и я не думала, что это обозначение так быстро войдёт в обиход... Уже третий незнакомый странный человек в странном незнакомом месте. Я на съёмках фильма и почему-то не в качестве сценариста, а в каком-то другом, загадочном качестве. Но почему я не помню об этом? Что скрывать, всегда мечтала об экранизации, точнее, даже мечтать-то не смела. Что, от радости ударилась головой и потеряла память?

Тем временем невысокая кудрявая дама с решительностью, несколько противоречащей её почтительным, почти трепещущим интонациями, снова потащила меня к печке-кровати, заставила подняться по каменным ступеням и бережно, но крайне настойчиво уложила на мягкий матрас. Довольно странный на ощупь, мягкий, бесконечно далекий от привычного ортопедического. Чем же он набит? Не синтепон, не пух...

— Вы кто? — наконец я заставила себя вернуться к мыслям о насущных проблемах.

— Лекарица Вин Ра, Вирата, к вашим услугам.

Я невольно посмотрела на её пальцы: все десять были на месте и непохоже, чтобы кто-то покушался на их целостность и количество. Женщине было на вид лет сорок, стройная, с бледным ненакрашенным лицом, в сером однотонном платье с завышенной талией, словно она пришла с маскарада и не успела переодеться.

— Прошу вас, Вирата, вытяните руки и хотя бы пару шагов постарайтесь не шевелиться. Мне нужно наложить мазь.

— Что с моими руками?

Если это съёмки, то я говорю не по тексту и реагирую не так, как должно, однако никто нас не останавливает, и моя напарница не выказывает ни малейшего удивления.

Ток-шоу? Автора помещают в реальность его романа и снимают реакцию? Оригинально. В этом хотя бы есть логика, хотя кто будет такие шоу смотреть, это же гарантированно провальный рейтинг... Я закрутила головой, пытаюсь прикинуть, где должны быть спрятаны скрытые камеры, а лекарица — отвратительно звучит, надо было не выпендриваться и называть криафарских врачей целителями, как везде, не забыть бы исправить — деловито засучивала рукава. Отчего-то не в силах противостоять напору женщины, я действительно вытянула вперед руки, автоматически скосила глаза и увидела, что предплечья до локтей замотаны бинтами. И это мне не понравилось. Вин Ра принялась аккуратно разматывать бинты, и происходящее нравилось мне всё меньше и меньше. В геометрической прогрессии.

— Что с моими руками?

— Вы не помните, Вирата?

— Почему вы меня так называете? Мы где? Здесь съёмки? Я не давала согласия. Это противозаконно! Мне нужно домой.

Действительно, нужно, вот только в упор не помню, почему. Не уют же я забыла исключить. Кстати, сколько сейчас времени? Надо выложить проду, если только я её дописала...

— Вы испытали сильное нервное потрясение. Я помогу вам. Станет легче. Не волнуйтесь. И больно не будет, обещаю.

Если бы хоть кому-то становилось легче от фраз «не волнуйтесь» и «это не больно»! Я боюсь врачей. Сильно боюсь, хотя совершенно не помню, кто и когда меня напугал. Но...

Освобожденная от бинтов кожа ощутила прикосновение воздуха. Я приподнялась и взглянула на руки. А может быть, и не стоило бы этого делать, потому что начиная от запястий и до сгиба локтя кожа рук была грубо и хаотично исполосована узкими бордовыми и очевидно свежими шрамами.

Я не могла такое сделать, мне нельзя... Не помню, почему, не знаю, но мне нельзя такое с собой делать. Кто-то напал на меня? Маньяк? Кто-то... Нет, быть того не может! Я чуть согнула онемевшие пальцы, но ожидаемой боли не почувствовала.

Грим? Оскара гримёру...

— Сейчас мы всё подлечим, Вирата, — успокаивающе ворковала серовласая Вин Ра, извлекая откуда-то из недр своего наряда узкую стеклянную колбу. — Будет жечь, но недолго. Следы останутся совсем слабые, я думаю, пара солнцестоев и благосклонность Шиару — всё заживёт. Постарайтесь не двигаться.

— Откуда вы знаете имена духов-хранителей? — вопрос прозвучал резче, чем стоило, потому что тревожащая неправильность вдруг обрела способность облечься в слова. Лекарица дёрнулась, едва не выронив свою колбу. — Кто вам сказал? Этого не было в книге, только в черновиках, в запароленной папке. Кто вам называл имена драконов?

Отчего-то сейчас это кажется мне даже более важным, чем то, что ко мне обращаются "Вирата", чем странные имена, более чем странная обстановка и мои изувеченные руки.

— Вирата Крейне, успокойтесь, прошу вас, для вашего же блага... — холодная жидкость выплеснулась мне на кожу, и я взвыла, ощущая нестерпимый обжигающий жар в предплечьях и новый виток тошноты. Хрупкая на вид женщина, как оказалось, обладала поистине стальной хваткой и реакцией дикой кошки: она тут же прижала мои ладони к камню, одновременно придавив коленом бёдра. Однако голос её продолжал оставаться тихим, извиняющимся и успокаивающим:

— Потерпите немного, ещё шаг и станет легче!

— Воды!

— Вирата, воды нет, сейчас ранний солнцестой, вода будет только к вечеру.

— Что это такое?!

— Яд рогатой випиры, обработанный магом-лекарем, Вирата. Я прошу прощения за причинённые неудобства, но яды проще впитывают магию, так что...

— Вирата — обращение к коронованной особе, — прохрипела я. Казалось, яд проник сквозь кровавые порезы в кровь, разнёсся по телу, проник в каждую клетку, в сердце, в мозг, сковал лёгкие, не давая дышать. Я цеплялась за несостыковки просто для того, чтобы думать хотя бы о чём-то ещё, кроме опаляющей тело боли.

— Совершенно верно, Вирата Крейне.

Имя было смутно знакомым.

— Вират Тельман, — боль резко усилилась и внезапно схлынула, оставляя меня обессиленной, почти ничего не соображающей.

— Вират Тельман ваш законный супруг, Вирата Крейне, — лекарица понизила голос почти до шёпота, в темноте, подкрадывающейся к глазам, я цеплялась за него, продолжая слушать и отвечать, чтобы не потерять сознание. — И вам необходимо срочно поправиться и никому не говорить о том, что вы сделали, потому что Вират Тельман требует вас к себе. Требует вас обратно. Для вашего же блага лучше утаить шаг этой слабости от Его Величества...

— Куда требует?

— Во дворец, конечно. Сейчас во дворе Радужного поместья стоит королевский отряд во главе с одним из стражей короны. Ждут вас.

Дурнота отступила окончательно, чего нельзя было сказать о слабости. Вин Ра выпустила мои дрожащие и всё ещё горячие руки, и я уставилась на почти чистую кожу. Воспалённые припухлости вокруг бордовых рубцов пропали, как, собственно, и сами рубцы, остались только белёсые, едва заметные следы, словно порезы были нанесены несколько лет назад. Если не приглядываться, то незаметно. Я провела по ним пальцем. Никакого грима. Вот так фокус.

— Кто это сделал?

— Это сделали вы сами, Вирата. Разбили один из светильников, и... Вы потеряли много крови. Вам нужно беречь себя, сейчас вашей жизни ничего не угрожает, но яд рогатой випиры — слишком радикальный метод лечения. К сожалению, у нас мало времени.

В дверь постучали, настойчиво, хотя и тихо, и лекарица соскользнула с кровати.

— Платье для Вираты Крейне Криофарской! — произнёс за дверью уже знакомый голос молодой, скептически настроенной девицы Си Ан, который я слышала сразу после того, как проснулась.

Крейне, Крейне... Ну, конечно! Её имя выпало из памяти, но я вспомнила. Сосланная в одно из заброшенных, но ещё не разграбленных поместьев Радужного района Криофара нелюбимая жена вздорного правителя придуманного мною каменного мира.

Почему я — это она?..

Нелюбимая, ненужная. Эпизодическая роль. А ведь Крейне должна была тихо и незаметно умереть перед отбором невест, однако вместо этого — пришла в себя. Этой сцены даже в плане не было и быть не могло. Я рефлексивно погладила шрамы на внутренней стороне рук. Снова поглубже запахла халат на груди, посмотрела на почтительно склонившую голову женщину, стоящую изваянием у каменной кровати и, откашлявшись, произнесла, немного повысив голос:

— Входите.

Глава 18. Криофар

Девушка, светловолосая, юная и свежая, несмотря на худобу и тёмную обветренную кожу лица, почтительно протягивает мне нечто струящееся и белое. Смиренное выражение на лице не скрывает сочащуюся из-под опущенных ресниц хитринку: я успеваю заметить быстрый острый взгляд, брошенный на мои руки.

Если это игра, то игра высшего уровня для такой проходной эпизодической роли.

— Как тебя зовут?

Если она и удивилась, то виду не подала. Пробормотала, так и стоя с платьем в протянутых руках, не поднимая глаз:

— Так Си Ан, Вирата.

— Как меня зовут?

Лекарица явно хотела вмешаться, но я махнула на неё рукой, и женщина примолкла.

— Вирата Крейне.

— Я больна?

Си Ан и лекарица переглянулись.

— Уже всё хорошо, — почти подобострастно заявила служанка — или сиделка. — Вин Ра хорошо вас подлечила, может быть слабость, но во Дворце всё уже пройдёт, и не вспомните.

— А сейчас я где нахожусь?

Новый обоюдный взгляд с признаками явного беспокойства.

— Вы временно пребывали в одном уютном замечательном поместье в Радужном районе, где о вас заботились, с вами хорошо обращались, вам давали всё необходимое, пока вы... восстанавливали силы и душевное спокойствие. Но сейчас на улице вас ожидает... м-м-м... ожидают... те, кто сопровождают вас во дворец к Вирату Тельману. Нам жаль расставаться с вами, Вирата, но Его Величество скучает без вас...

— Так хорошо обращались, что я перерезала вены, — я взяла из протянутых рук девушки белую мягкую, кажется, немнущуюся ткань. От моих слов и служанка, и лекарица одновременно вздрогнули и отпрянули от меня.

— Это была случайность! — Си Ан наконец-то подняла покрасневшее лицо. — Разумеется, упал лампин, разбился вдребезги, вы споткнулись...

— Ну-ну, — я погладила едва ощутимые шрамы на предплечьях. Хороше же я упала. Вставала и падала, вставала и падала, раз тридцать. — Думаю, Вирата заинтересует, почему здесь оказались такие скользкие полы...

Сама не знаю, почему я так легко подхватываю эту безумную игру в персонажей моей последней недописанной книги. Может быть, я еще не до конца пришла в себя и принимаю реальность за сон — или наоборот. Из-за этого ощущения, а ещё потому, что они так явно пресмыкаются передо мной, легко почувствовать власть и свободу. Это пьянит, даже если это только розыгрыш.

Си Ан и Вин Ра одновременно опускаются на колени синхронным, словно бы отрепетированным, движением, сдвигают волосы в сторону, обнажая шею. На основании шеи и у той, и у другой — узкий багровый шрам в виде крестика. Неисцеляемый знак людей гильдии труда, не всех, только тех, кто работает или работал когда-то в Каменном Замке.

Обнажение шеи — знак полной покорности...

Мне показалось, что головокружение возобновляется.

— Вирата, — прошептала молодая служанка. — Мы действительно заботились о вас, как могли, целых два года. Да, мы не могли позволить вам уехать, на то был приказ Вирата Тельмана. Мы не имели возможности послушаться.

— Два года?

— Да, Вирата. Конечно, мы понимали, что молодой супруге Его Величества будет скучно и тоскливо здесь в полном одиночестве, но что мы могли поделать, Вирата?

— Я это, — киваю на руки, — сама сделала?

— Сегодня ночью, — Си Ан склонилась ещё ниже и заговорила, шёпотом, торопливо, словно боясь, что я не дам ей договорить. — Вы были весьма огорчены, вы даже с полсотни солнцестоев назад обстригли волосы, Вирата. Потом вроде бы успокоились, то есть, мы так подумали... Хорошо, что у Вен Ши слух, как у феникая. Сначала она не обратила внимания на шум, но потом распереживалась, зашла к вам и... Мы места себе не находили, думали,

что... Слава Шиару и Шамрейну, что всё обошлось. И надо же, что именно в этот же солнцестой за вами пришёл страж трона! Прошу вас, Вирата, не выдавайте нас! Мы так рады, что Вират Тельман сменил гнев на милость, или это милость духов-хранителей, но мы так надеемся, что у вас всё сложится хорошо! Не дело молодой, красивой и знатной женщине сидеть взаперти...

Лекарица Вин Ра толкает её локтём в бок, и юная служанка осекается на полуслове.

— Переоденьтесь, Вирата, прошу вас, они уже так долго ждут... Я помогу вам.

— Не надо! — теперь болтливую девчонку обрываю я, голова идёт кругом. — Сколько я здесь нахожусь?

— Два года же, — под моим взглядом она словно старается вжаться в пол. — Вы приехали через несколько дней после Вашей свадьбы, вирата...

— Кто сейчас за мной пришёл?

— Люди Его Величества. Страж Короны показал указ с печатью, не беспокойтесь, всё по закону...

Это всё слишком натуралистично. Слишком логично. Слишком для меня.

Едва заметные припухлости шрамов на коже рук. Чувство слабости, натянутых внутри струн. Тепло и шероховатость камня, мягкость и шелковистость ткани, застывший в глазах коленопреклоненной девчонки страх.

— Оставьте меня на пару шагов. Я переоденусь. Сама. Помощь не нужна.

Очевидно, Си Ан не хочет оставлять меня в одиночестве — в конце концов, в комнате на стене недальновидно остался ещё один лампин. Может быть, надеется надавить на жалость — участь смотрительниц Вираты будет весьма незавидной. Тельман не славился излишней жестокостью, но жестокость была в его крови, крови наследника древней королевской династии, каравшей, как и положено, куда чаще, чем миловавшей.

Что меня ожидает, там, за пределами комнаты? Гром аплодисментов, смех, поздравления, телекамеры, воздушные шары — картинка нарисованная в воображении, оказалась слишком яркой, словно я уже видела её где-то. Я стянула халат и, испытывая некоторое смущение, майку. Надела платье, предельно простого покроя, воздушное и свободное длинное, в пол, с открытыми руками и плечами. Грудь не просвечивала, но я всё равно казалась себе почти голой. Белоснежный наряд, словно свадебный. Хотя в Криафаре нет традиции надевать белое на свадьбы...

Я встала, грубоватые сланцы явно дисгармонировали с нежным нарядом, но у двери на полу обнаружили мягкие кожаные сандалии цвета топлёной карамели, а рядом стояла керамическая чаша с украшениями — браслеты и кольца. Обувь я поменяла, а драгоценности оставила. Пригладила волосы, щекотавшие плечи, растопыренными пальцами. Выдохнула. Открыла дверь, прошла через пустой, как мне показалась коридор, открыла ещё одну дверь — и после полумрака комнаты без окон с одним лампином зажмурилась от слепящего белого света. Золотистое безоблачное небо, не голубое, а с рыжим отливом, словно отражающее песок и мёртвый камень под ним. Своевольное проклятое солнце, сжигающее Криафар днём и бессердечно покидающее в морозные черные ночи.

Никаких телекамер. Никакого смеха, голосов. В полном молчании передо мной стоит десяток закутанных с ног до головы, за исключением босых ступней в кожаных, как и у меня, сандалиях, фигур. Их одежды напоминают арабские бурнусы цвета топлёного молока, тёмно-коричневые платки-куфии бедуинов, на головах поверх платков — серебристые ободки, сплетенные из корней пустынного манника. Лица почти полностью скрыты, но

взгляды светлых, кроме самого советника, совсем не восточных глаз прикованы ко мне. Солнце отражается от моих непристойно оголенных по контрасту плеч, от белого платья. Женские силуэты по бокам остаются в тени, я вижу их боковым зрением, но смотрю только на стоящих впереди мужчин. Чувствую мягкие руки, одевающие меня в подобие чадры. Это необходимость, а не дань моде или религиозным взглядам — чем ближе к полудню, тем жарче солнцестой.

Я выхожу, как на казнь, словно солнечные лучи могут испепелить меня целиком.

Стоящий впереди мужчина делает шаг вперед, одним движением снимает свою головную накидку и бросает её на землю, на колени не опускается, но склоняет голову — передо мной склоняет, подставляя пшенично-золотистый затылок и загорелую шею неумолимому жаркому солнцу. На его коже шрама в виде креста нет. Может быть, потому, что прежде чем стать стражем Вирата Тельмана, он стал ему просто другом?

— Рем-Таль, — говорят мои губы, я борюсь с истерическим смешком. Где же они тебя нашли, такого настоящего, сильного, невозмутимого, как небо, я же представляла тебя именно таким... — Первый страж короны, Рем-Таль...

— Польщён, что Вы помните меня, Вирата Крейне. Нас ждут. Жара усиливается. Рад видеть Вас в добром здравии, но нам надо спешить.

Советник Тельмана Криафарского отступает в сторону, позволяя увидеть бескрайнюю твердь оттенка тёмной охры. Это не пустыня, как может показаться. Под тонким слоем песка — камень. Камни, камни, камни...

Этого всего просто быть не может!

За остальными сопровождающими, безликими и безымянными для меня, высятся внушительные безгорбые верблюды, то есть, не верблюды, конечно. Камалы, плотоядные, выносливые двухметровые твари, исконные жители Криафара, самые крупные из выживших после божественного проклятия. При королевском дворце их немного, слишком тяжело прокормить — еды и людям-то не хватает. Впрочем, поговаривали, что камалы не брезгают и падалью, а такого добра на окраинах Криафара можно найти немало.

Я должна знать, так это или нет. Это же моя, мною придуманная вселенная. Должна ли? Невозможно продумать каждую деталь, каждую мелочь. Кажется, я всё меньше и меньше знаю об этом мире, возможно, существующем только внутри моей сбрендившей головы.

Действительно, жарко. И чадра весьма кстати.

— Надень, — я наклоняюсь и поднимаю упавшую в пыль куфию — хотя здесь, наверное, неотъемлемая принадлежность гардероба жителей пустынь называется иначе. Рем-Таль на меня смотрит, как мне кажется, с удивлением, к которому явно не привык, но подчиняется моментально. Ловко водружает на голову хитрое сооружение из ткани. Я с сожалением наблюдаю, как от его мужественного лица, которое мне хотелось бы разглядеть во всех подробностях, на виду остаются только тёмные внимательные глаза.

— Благодарю, Вирата Крейне. Не стоит утруждаться в дальнейшем. Позвольте Вам помочь.

На спине степенно приблизившегося к нам камала был закреплён вполне внушительный паланкин. Зверь моргнул, равнодушно глядя на меня сверху вниз вишневыми круглыми глазами с трогательными длинными ресницами. Опустился, почти по-человечески вздохнув, на мозолистые колени, так, что паланкин предательски закрипел, потом поджал задние ноги, покорно распластался на камне, позволяя без особых усилий забраться внутрь. Не решившись коснуться Первого стража, я не удержалась и погладила кучерявую короткую

шерсть зверя, жёсткую, непривычного багряного оттенка. От него пахло плесенью и самую малость — гнилым мясом. Камал нетерпеливо всхрапнул, и я с трудом забралась-таки внутрь, чувствуя себя такой тяжёлой, неуклюжей в непривычной одежде. Моду на камалов как средство передвижения знати ввёл эксцентричный и склонный авантюрам дед Тельмана, страдавший отсутствием обоняния, надо полагать... Внутри паланкина, однако, неприятного запаха вовсе не было. Стоило устроиться на небольшом, обитом гладкой бордовой тканью кресле, как зверь поднялся, заставив меня вцепиться обеими руками в маленькие деревянные ручки. Мягко заколыхались шторки по бокам, ожидаемой штормовой тряски не было, зверь двигался неторопливо и плавно, я видела маячившую впереди морду с задорно торчащими вверх бархатными овальными ушами.

Остальные, насколько я видела, двигались просто верхом.

Апельсиново-рыжее небо. Раскатистое похрапывание зверя, точно сошедшего со страниц детского альбома. Бархатный мешочек с драгоценностями, который фактически силой всучила мне выбежавшая из двухэтажного каменного дома Си Ан. Сказка с восточными нотками, вот только прекрасная принцесса — самозванка.

Сказка, реальная до самых мельчайших подробностей.

То, что с натяжкой можно назвать «городом» располагается в округах Росы, где располагается оазис Охрейн, и Инея, где находится Каменный дворец Вирата Тельмана. До них еще нужно добраться, пройдя пустынные земли, обогнув Пирамиду вдоль русла высохшей реки Шамши. Сколько займёт дорога?

Внутри паланкина я стягиваю чадру. Солнце, раскаляющееся с каждым шагом, пытается проникнуть сквозь шторки, но безуспешно. А я гляжу во все глаза на наваленные причудливыми архитектурными композициями каменные глыбы так, как не смотрела бы на самый живой и волшебный пейзаж. Здесь уже полтора века не было дождей, а полноводная река высохла. Здесь почти не растут растения, только выносливый манник приспособился питаться тающим ледяным градом, изредка выпадающим по ночам вопреки законам физики моего родного мира, наверное. Здесь так мало живых существ, а те, что есть...

Почувствовав легкую щекотку на руке, опускаю глаза — и вижу сидящего на предплечье крошечного золотого скорпиона с маленькими клешнями и тяжелым набухшим жалом на кончике изогнутого хвоста.

Жёлтый скорпиутец. Если его тельце высушить, перетереть до консистенции сахарной пудры, а потом вдохнуть, наркотический эффект будет мгновенным. Употребление жёлтого порошка вредит здоровью, вызывает привыкание и запрещено законом, но поговаривали, что в иные времена и сам Вират не брезговал им... При этом жёлтый скорпиутец — одна из самых ядовитых тварей Криафара, несмотря на маленькие габариты. Паралич сердечной мышцы...

Надо просто не шевелиться, не двигаться, замереть, насколько это возможно с учётом невозмутимо покачивающегося камала, продолжающего свой путь. Может быть, он уползёт сам, может быть...

— Вирата... — раздаётся голос Рем-Талья совсем близко, от неожиданности я вздрагиваю.

И вскрикиваю.

И дёргаю рукой, разумеется.

Глава 19. Криафар

Рем-Таль среагировал мгновенно. Он ударил меня по руке, стряхивая опасное существо,

в большей степени казавшееся мне безобидной пластмассовой игрушкой, нежели смертельно ядовитой тварью, и я ощутила боль от удара, в который раз удивившись тому, что все эти невозможные события ощущаются совершенно, на все сто процентов реальными. Я вообще не должна была называть Рем-Талья по имени, просто потому, что его никогда не существовало, он был лишь плодом моего воображения. И, тем не менее, я уже не могла представить себе этого загорелого светловолосого мужчину кем-нибудь другим.

Второй рукой мой спаситель молниеносно выхватил откуда-то странный металлический предмет, что-то вроде заострённых щипцов, проткнул метнувшееся членистоногое, потом подхватил его, точно кусок пиццы и вышвырнул в окно.

— Как расточительно, — пробормотала я отчего-то онемевшими губами. — Они же дорого стоят.

Рем-Таль склонил голову:

— Знаю, но... я не одобряю вещества, дурманящие разум. Вирата, примите мои извинения за столь непочтительное обращение. Я в любом случае не должен был...

— Прекратите, всё в порядке. Если бы не вы...

Я заметила, что мой послушный камал замер на месте, даже не перетаптываясь с ноги на ногу, а королевский Страж покорно опустил голову, словно ожидая, что я отсеку её за дерзость каким-нибудь портативным топориком, который непременно должна носить в кармане всякая уважающая себя королева. Не знаю, зачем, но я продолжала соблюдать правила этой навязанной мне игры:

— Примите мою искреннюю благодарность и восхищение. Ваша реакция поразительна.

— Не хочу вас пугать, Вирата, но быстрая реакция необходима каждому, кто хотел бы выжить, находясь у вершины. На мою жизнь покушались двадцать три раза, из них жёлтого скорпиутца подбрасывали дважды.

— Вы хотите сказать, это было покушение?!

— Ну, что вы, не думаю. Просто один из неучтённых факторов дикой природы, контролировать которую полностью мы не можем. Эта природа вот уже полтора века — неотъемлемая часть нашей жизни. И такое случается. Вы к этому привыкните.

Надеюсь, привыкать не придётся, и я в ближайшее время окажусь в привычной, менее экзотической действительности. Я помолчала, потом кивнула. Рем-Таль снова поклонился, вскочил на своего камала. Диковинный бордовый зверь обнажил желтоватые клыки, достойные саблезубого тигра из сказок.

Можно подобрать нужные типажи героев. Найти актёров, создать обстановку, насыпать песок и накидать камни, в конце концов... Но нарастить зубы мутировавшим покрашенным верблюдам?!

— Рем-Таль! — окликнула я направившегося было вперёд Стража. — А ведь вы мне хотели что-то сказать?

— Просто собирался поинтересоваться, всё ли у вас в порядке, Вирата.

Следующий вопрос я уговаривала себя не задавать, но в итоге всё же задала:

— А сколько раз покушались на жизнь Вирата Тельмана?

Его имя ощущалось на языке, как шипучая конфета или таблетка. Невольно я сглотнула.

— Трижды, — спокойно ответил Страж и чуть ускорился. — Прошу прощения, Вирата, Его Величество просил не медлить.

* * *

Пустынный пейзаж никак не менялся достаточно долгое время. Песок, хаотично и безо

всякого умысла сваленные каменные глыбы, редкие кустики пустынного манника причудливых геометрических форм. Несколько раз на глаза попадались пугливые, самые многочисленные и безобидные обитатели этих мёртвых пространств — большеухие фенекаи и остроносые каменки, один раз я заметила скользящее по камням тельце випары.

Мы ехали по прямой, пока не добрались до высохшего русла Шамшы. Пирамида, разумеется, была видна издалека, и я, уже почти смирившаяся с реальностью всего происходящего, разглядывала её. Я знала, насколько она огромна, насколько подавляюще смотрится со стороны чёрный, блестящий, как оникс, камень. Сама же хотела сделать её огромной и жуткой, но видеть это внушительное сооружение со стороны оказалось... невероятным. Я знала, что там, под ногами, есть лабиринт, ведущий к могиле мятежной огненной Лавии и ещё глубже, к спящим божественным существам, знала, что в верхних ярусах у самой поверхности восемь изуродованных магов Криафара добровольно несут свою бесконечную вахту, охраняя притихших духов-хранителей, точнее, сдерживая их, я всё это знала, но увидеть своими глазами... Мы обогнули Шамшу и двинулись дальше, оставив пирамиду с её подземными тайнами сбоку, а потом и вовсе за спиной.

Вскоре однотипный пейзаж начал потихоньку меняться, каменные развалины по-прежнему имели место быть, но теперь они стали более сюжетными. Разрушенные дома и другие пришедшие в упадок и запустение элементы архитектуры красноречиво говорили о том, что мы потихоньку приближаемся к району Росы, то есть к Каменному Дворцу. Жаль, что нарисованная мной когда-то "на коленке" карта Криафара была столь поверхностной и недетальной. Всё, что я могла сказать, так это то, что венценосная Крейне провела около двух лет в противоположной от района Росы Радужной области. Вероятно, это было случайностью, но мне отчего-то казалось, что дальность расположения была решающим и принципиальным фактором.

Почему Тельман отослал молодую жену?

Я не продумывала ответ на этот вопрос. Когда-то мне казалось, что антипатия и нежелание подчиняться, менять свою вольготную, полную всевозможных чувственных удовольствий жизнь на навязанную родителями ненужную супругу вкупе с подростковым упрямством запросто могли бы объяснить изгнание Крейне, но теперь эта версия буквально трещала по швам. Судя по всему, Крейне страдала в заточении, раз решилась на такой жуткий шаг. Запереть молодую красивую девушку без веской на то причины в четырёх стенах, как какую-то безумную... Может, в том и ответ? А вот теперь этот неожиданный вызов. И жёлтый скорпиутец внутри паланкина. Совпадение?

Или у Вирата Тельмана появились другие планы на собственную жизнь, в которую совершенно не вписывалась законная жена-иностранка? Новое увлечение, способное занять место второй половины? В Криафаре запрещены разводы, только смерть разлучит нас... И не так важно, кто будет инициировать эту смерть. Раньше я думала, что Тельман неспособен на что-то серьёзное, вроде убийства, но тогда он был просто наброском, несколькими абзацами на экране компьютера, прекрасной и одновременно отталкивающей фантазией.

...Кажется, я совершенно не знала собственных персонажей.

* * *

— Что вы думаете о Криафаре, Вирата?

Мы сделали небольшой привал, выпили воды из кожаных округлых сосудов, напоминавших резиновые грелки моего детства. Моментально разбитый молчаливыми сопровождающими шатёр, горстка предложенных сухофруктов снова напомнили мне

восточную сказку.

Я удивилась возобновлению светской беседы, а тем более такому вопросу, но тут же вспомнила, что Крейне за два проведённых здесь года фактически не успела ничего разглядеть и посетить.

— Ответ на ваш вопрос будет зависеть от его подоплёки и моих дальнейших перспектив, — осторожно ответила я.

— Что вы имеете в виду?

— Возможно, присматриваться к окружающему меня рельефу и ландшафту просто не имеет смысла.

— Вирата, — он протянул руку, словно собираясь коснуться проступившего на предплечье синяка от своего удара. Но вместо этого провёл пальцем вдоль едва заметной линии шрама, не задевая кожу. И как только углядел? — Вы молоды и, как и все молодые люди, склонны к... импульсивным поступкам. Поверьте...

— Зато решение Вирата о моем изгнании вряд ли было столь уж импульсивным.

Рем-Таль поднялся.

— Прошу меня извинить, но я не обсуждаю решения Вирата. Надеюсь, всё будет хорошо. Вы отдохнули? Можем продолжать путь?

— Почему мы обогнули пирамиду по Вьюжной дуге, а не через Иней? — вдруг спросила я. — Здесь всё выглядит таким...

Наиболее близкий к Охрейну район Иней считался благополучным, самым обжитым и развитым местом, помимо района Росы, конечно. Находящийся от него в противоположной стороне район Вьюги, который мы сейчас и проезжали, напротив, представлял собой полузаброшенные дикие трущобы.

— А вы, тем не менее, неплохо ориентируетесь в Криафаре, — Рем-Таль обернулся, но добавить ничего не успел. Совершенно внезапно тишину разорвал какой-то нечеловеческий вопль, стражники одновременным жестом выхватили топоры с короткими лезвиями и длинными рукоятками, лязгнул металл. Рем-Таль дёрнул меня за руку, зажав между собой и нервно всхрипнувшим камалом. Запах тухлого мяса ударил в нос.

Глава 20. Криафар.

Тёмные фигуры, два-три десятка, появляются, словно из-под земли. Сначала мне кажется, что они одеты в какие-то облегающие, целиком закрывающие тело костюмы, подобные экранным растиражированным комбинезонам ниндзя, но потом понимаю: напротив, люди почти голые. Одежда на них рваная, едва прикрывает пах и грудь, ветхая и грязная настолько, что почти сливается по цвету с загорелой дочерна пропылённой кожей. Глаза без преувеличения горят на обветренных бородатых лицах — сплошь мужчины непонятного возраста, исхудавшие донельзя, с перекошенными от ярости физиономиями. В руках у них заострённые каменные обломки, которыми новоявленные дикари воинственно взмахнули каким-то пугающе синхронным движением.

Я стою, вдавленная заслоняющим меня стражем в жесткий бордовый бок своего камала. Некстати мелькает мысль о том, что плотоядных острозубых животных используют явно не по назначению — вот если бы они были, скажем, сторожевыми, охранными, пользы было бы куда больше. Несмотря на то, что силы явно не равны — даже с учётом существенного численного превосходства "дикарей" их примитивное оружие в ослабленных от голода руках никак не может равняться с мастерством профессиональных воинов с топориками — битва отнюдь не заканчивается за десять минут. Дикари сопротивляются отчаянно, ярко, но

вмешательства Рем-Талья вроде бы не требуется, поэтому он продолжает стоять рядом со мной, пристально, настороженно наблюдая за ходом маленького сражения.

— Кто это? — выдыхаю я. Люди Рем-Талья молчат, «дикари» гортанно выкрикивают нечто угрожающее и нечленораздельное.

— Мы называем их струпами, — не оборачиваясь, коротко бросает мне в ответ Страж. — Разное городское отребье, бездомные бродяги. Сбиваются в кучи, частенько набрасываются на одиноких путников. Кстати, не брезгуют и каннибаллизмом, они вечно голодны. Но чтобы напасть на такой многочисленный и вооруженный отряд... Совсем страх потеряли. Или обезумели.

"Что-то не то, — стучит у меня в голове. — Происходит что-то странное".

Тем не менее, у бродяг нет шансов. Я вижу три или четыре бездыханных тела, слишком тёмных среди золотистого песка, хотя и стараюсь малодушно на них не смотреть. Остальные струпы сбились в кучу и едва ли не шипят по-звериному на ощерившихся на них топориками стражников. Впрочем, цели добить или скрутить нападавших у моих охранников нет, они просто их отгоняют. Подвывающие струпы жадно и тоскливо, как голодные собаки, косятся на наш скарб, и мне от всех души хочется отдать им всё, что есть. Не думаю, что Вират Тельман так уж от этого обеднеет.

— Это ужасно, — озвучиваю я все свои мысли разом.

— Это несправедливо, но естественно и закономерно, — пожимает плечами Рем-Таль. — В любом обществе кому-то достаётся больше, кому-то меньше. Разумеется, до наложения проклятия всё было иначе.

— Легко сваливать всё на проклятие, — неожиданно зло говорю я.

— Менять устоявшиеся нормы куда сложнее, — серьёзно кивает Рем-Таль, так и не отрывая взгляда от пятящейся толпы струпов, и я не могу понять, издевается ли он над моим наивным праведным возмущением или, наоборот, согласен с ним. — Позвольте помочь вам, Вирата...

На какую-то сотую долю шага от поворачивается ко мне, и в этот момент откуда-то слева на нас бросается тёмная воинственная тень. Рем-Таль резко разворачивается, никакого топорика у него нет, поэтому он выхватывает то, что ближе всего: те самые щипцы, которыми парой часов ранее проколол скорпиутца.

Я зажмуриваюсь, но отчего-то вижу как наяву: заострённое лезвие входит в горло неудачливому струпу. Его костлявые руки худы и темны, как ветки. Рем-Таль моментально опускает руку, светлая ткань его бурнуса орошается мельчайшими багряными брызгами, подрагивающее тело тяжело падает на песок, однако спокойствие не изменяет первому Стражу трона Криафара.

— Помочь, Вирата?

Дальнейший путь до Каменного Дворца проходит без приключений.

* * *

Не знаю, чего я ожидала от самого прибытия в Каменный Замок, но... Начать следует с того, что я и прибытия-то ожидать не должна была, однако замок был. Существовал, закрывал часть неба и горизонта, отбрасывал тень и так далее. Не такой огромный и величественный, как пирамида в сердце Криафара, не такой пугающий, но всё же масштабный и помпезный. Вблизи могло показаться, что каменные глыбы сброшены друг на друга хаотично и бессистемно, однако издали глазам стороннего наблюдателя открывался великолепно продуманный архитектурный рисунок, каменные ступени, казалось,

державшиеся чудом или древней магией, перекрещивались, переплетались, словно вьющееся густо разросшееся растение.

...если я рассчитывала на торжественную встречу, фанфары, выстроившихся живым коридором слуг, а апофеозом в нетерпении высматривающего меня с самой высокой башни Вирата, то можно было признавать полное отсутствие пророческого дара. Провал по всем пунктам.

Меня никто не ждал.

Мы спешили, и молчаливые охранники тут же испарились, уведя с собой и животных. Рем-Таль сделал почтительный и в то же время настойчивый жест рукой, приглашая меня вперёд, а я застыла перед арочными тяжёлыми дверьми, мечтая потрогать руками, почувствовать на ощупь нагретые солнцем шероховатости.

— Вирата, солнцестой подходит к верхней точке. Нам нужно внутрь.

Внутри царила прохлада, но приятная, не зябкая. Несколько совершенно традиционно, не по-восточному одетых слуг покосились на меня с любопытством, но и только.

Мы поднялись по каменной лестнице, я позволила себе коснуться гладких, словно бы мраморных перил.

В коридоре на втором этаже нас всё-таки ждали. Две молоденькие служаночки, худенькая белокурая девушка с по-детски округлым лицом и сочная рыжеволосая, в пышных одинаковых платьях цвета молодой зелени. Платья могли бы показаться милыми, если бы не откровенно-вызывающие декольте, буквально на грани приличия.

Девушки склонили головы, подставляя моему взгляду загорелые шеи с крестообразными надрезами.

— Приведите себя в порядок после дороги, Вирата. Его Величество будет ждать вас на ужин. Желаете что-то перекусить прямо сейчас?

Я помотала головой. Есть не хотелось, то ли от усталости, то ли от переизбытка впечатлений, навалившихся за последний день. Да передо мной не так уж давно человека убили!

...человека, который являлся плодом моего воображения, и убил его — плод моего воображения. Впрочем, никаких струпов в моём Криафаре вроде бы не было. Или я просто об этом забыла, как забыла о большей части своей жизни?

Следующие полчаса бездумно брожу по «своим покоям», рассматриваю обстановку. Онм богатая, но необжитая, что и неудивительно. Бедной Крейне не дали возможности ничего «обжить». Впрочем, теперь я не исключаю, что и она могла что-то натворить, что-то, повлекшее за собой ссылку.

Очень хочется спать, но засыпать в этом странном месте, ничего не разузнав...

— Час принятия воды, Вирата, — тихонько говорит рыжеволосая смешливая служаночка, чьё имя я не запомнила.

Я как раз стою на пороге ванной комнаты, просторной, с округлой чашей светящейся, как жемчуг, внушительной ванны.

— Не сейчас. Позже.

Голова идёт кругом. Каждый камешек вокруг вопит о древности и богатстве. Здесь всё настолько... настоящее, подлинное, что короткие отрывистые воспоминания из моей прошлой жизни кажутся гораздо менее реальными видениями. Фальшивкой. Гладкая белая кафельная плитка с узором из голубых рыбок в маленькой тесной ванной комнате, вафельное полотенце на крючке над раковиной, кусок обветренного мыла — всё это

вызывает отторжение, а не ностальгию. Даже не отторжение, — недоверие.

Девушки переглядываются между собой.

— Но, Вирата... если не сейчас, потом вода будет только завтра, — почти шёпотом произносит худенькая блондинка Айнике.

Недоуменно смотрю на них, очень трудно сосредоточиться и прогнать видения из прошлого, точнее во всех смыслах настоящего, тем не менее, кажущегося прошлым.

Девчонки ждут, а я мотаю головой.

— Почему нельзя сейчас набрать воду, а воспользоваться потом?

— Но как же, Вирата... это оскорбит духов-хранителей... Вода — это дар. Дар должен быть принят, если это не вода для питья в освящённых сосудах. К тому же пыль с дороги...

Чёртовы суеверия.

— Хорошо. Хорошо! Сейчас так сейчас.

Но от протянутых рук всё-таки отступаю:

— Сама.

Девчонки снова переглядываются, но не уходят. Я неуверенно расстёгиваю и снимаю платье, то и дело поглядывая на лица моих юных спутниц, ещё такие живые и эмоциональные, не скрывающие их поверхностных мыслей, ожидая реакции. Реакции никакой нет, значит, я все делаю правильно...

Наверное.

Стягиваю длинные, но такие тонкие, почти невесомые панталоны, рука сама непроизвольно ложится на гладкий впалый живот. Не для того, чтобы прикрыться — неловкость я испытываю, но стеснение — нет. Провожу рукой по коже живота, как будто я хочу найти... что-то, какой-то след или шрам, но ничего не нахожу. Другой рукой опираюсь на заботливо протянутую руку служанки и шагаю в жемчужно-серебристую ванную. Опускаюсь вниз, и блондинка благоговейно поворачивает кран с водой, наполняет ковшик, в то время как рыжая посыпает мою голову моментально пенящимся порошком. Сухой шампунь? В умелых руках девчонок, намывливающих мои волосы, я расслабляюсь больше, чем могла надеяться. Закрываю глаза, жалея о том, что воды действительно мало, и полежать в горячей ванне с пеной не удастся.

И всё-таки я даже почти засыпаю, когда внезапно в полной тишине, прерываемой только редким журчанием воды, резко хлопает дверь, а руки служанок отдёргиваются от меня так, будто их ударило током.

Открываю глаза и вижу стоящего в двери проёме мужчину. Даже если бы не склонившиеся в почтительном поклоне девушки, неброская, нарочито дорогая одежда, перстень на пальце, ключ из яшмаита на металлической цепочке на шее, я бы всё равно его узнала.

Не смогла бы не узнать.

Я же сама его создавала. Представляла каждую ресничку в презрительно сощуренных глазах, каштановые длинноватые кудри, хищный нос, статное сильное тело, я творила его из страхов и мечтаний, из всего того, к чему меня влекло, добавляя в равной мере то, что меня пугало. Вират Тельман стоял и разглядывал меня, голую, мокрую, с прилипшими к щекам волосами, всю в пышной голубой пене, к счастью прикрывающей грудь и низ живота. Разглядывал, не отрываясь, и глаза его, серые, как сухой асфальт из моего прошлого, темнели.

Не от желания, не от восхищения мною, моим обнажённым телом. Тельман

Криафарский смотрел на меня, прибывшую в Каменный Дворец непосредственно по его приказу, и стискивал зубы от ярости.

Я чувствовала его злость, его негодование почти физически, не понимая, что было тому причиной. Молчание, это бесцеремонное разглядывание, замершие с опущенными глазами служанки, вся эта неестественно-театральная сцена могла бы показаться оскорбительной для настоящей Крейне. Но я... я, Кнара Вертинская, захлёбывалась от нелепой нежности смотря на него в ответ, сконцентрировавшись на лице, таком бледном, в отличие от остальных загорелых лиц. Ни один художник не нарисовал бы его точнее.

С явным трудом Его Величество отвёл от меня колючий недобрый взгляд, уставился на светловолосую Айнике, сжавшуюся в комочек. Медленно провёл пальцами по её лицу, отводя со лба влажный золотистый локон, коснулся губ, погладил, недвусмысленно осмотрел глубокий вырез на её платье. И снова повернулся ко мне, словно внезапно вспомнив о моём присутствии и существовании:

— Рад видеть вас, дорогая. Соскучился, знаете ли... эти два года тянулись, как вечность. Заканчивайте наводить красоту, не к чему тянуть, нас ждёт совместный ужин и важный разговор. Поторопитесь, Крейне. Я есть хочу.

Его пальцы сжимаются на пухлой щеке девчонки так, что она едва удерживается от писка, после чего Тельман разворачивается и уходит. Я гляжу ему вслед, запоздало обхватывая себя руками за грудь, потом смотрю на блондинку с красным следом на молодой чувствительной коже.

Никто из нас троих не произносит ни слова.

Глава 21. Наш мир

Я отрываю голову от подушки и несколько минут недоумённо смотрю перед собой, не понимая, где я нахожусь. Сколько же сейчас времени?! Часов семь вечера, самое неудачное время для того, чтобы спать. Чёрт, чувствую себя как с тяжелого похмелья.

Вопрос: зачем? Спать надо по ночам, а не днём, тогда и голова болеть не будет, и мозги начнут внятно соображать! Сама не понимаю, откуда такая сонливость, не исключено, что от желания спрятаться и не решать текущие насущные вопросы, связанные с моей таинственной подработкой. Никогда не думала, что писательство — такое утомительное дело! Всегда представляла себе этот творческий процесс иначе. Вот изумительное вдохновение закручивает возвышенную писательскую душу таким благоухающим экзотическими цветами чудесным вихрем, то и дело подбрасывая умопомрачительные инсайты и видения, этакие визуально проработанные до последней детальки галлюцинации... Подхваченный ураганом творчества и креатива, писатель напрочь забывает о себе и о времени, вдохновенно творит, пока вдруг не замечает случайно, что миновало трое суток, а из-под гипотетического пера вышло как минимум полкниги.

Ну, может, у настоящих писателей так оно и есть.

Но где настоящие писатели, а где — я.

Сидеть перед компьютером в опасной близости от Машки-педипальпы, владелицы двух отменных клешней и хвоста с ядовитым наконечником, не хотелось, но выбора не было. В кресле оказалось уютно только первые полчаса, потом поочерёдно начали затекать ноги, руки, поясница, немилосердно занял даже ушибленный в глубоком детстве копчик. Мысли стали растекаться, пальцы перестали попадать на клавиши, никакие картинки не желали приходить в голову, разве что совсем не имеющие отношения к тексту, а сам текст выдавливался через силу, словно фарш из засорившейся буксующей мясорубки.

Когда я почти что силой принудила себя собраться и сосредоточиться, я вдруг поняла, что практически не помню в деталях содержание предыдущих глав! Пришлось заново всё перечитывать, а стоило мне только закончить с этим делом, как имена персонажей, детали их биографий, географические названия снова стали ускользать из памяти, и я решила их законспектировать...

И одновременно я ужасно злилась и на себя, и на свою неправильную неписательскую голову, а больше всего, отчего-то, на героев, действующих вразрез с установленным автором планом. Сказано: жена умирает, у Вирата отбор новых невест, доктор сказал в морг, значит в морг! Зачем было усложнять, зачем было позволять Крейне возвращаться в мир живых после попытки покончить с собой?! Так или иначе, до дворца она доехать не должна.

Я кровожадно усмехнулась, придумывая возможные варианты смерти. Покосилась на террариум — а почему бы и нет? Пусть её укусит скорпион, точнее — скорпиуец. Элегантно и просто. Или добавим социальной остроты — озверевшие от голода бедняки нападают на богатый караван... В одном из Кнариных черновиков о мире я натыкалась на описание неких бродяг-струпов. Флаг им в руки!

Я даже набросала краткий план главы с различными вариациями гибели ненужной по сюжету Вираты, но, кажется, это было последним, что я делала осознанно. Потом голова начала мерно стучаться о клавиатуру, в итоге я сдалась, сохранила файл с недописанной главой в черновиках и перебралась на соблазнительно уютный диван.

... Интересно, Вячеслав уже вернулся?

Словно в ответ на мои мысли в прихожей раздался какой-то шум, я подскочила на диване, торопливо разгладила слегка обслюнявленную подушку, смятый плед и потёрла не менее помятое лицо. Умыться бы и выпить кофе, но... А был ли этот шум или мне послышалось? Кажется, абсолютная тишина вновь обуяла эту огромную квартиру, больше похожую на музей. Я замерла, прислушиваясь.

Ничего не слышно. Как будто кто-то зашёл и так же я, как я, замер в коридоре, отслеживая происходящее в многочисленных пустых комнатах.

"Вы верите в мистику?"

Мне вдруг стало жутко, неоправданно, иррационально жутко. Зачем я на это всё согласилась, ничего не проверив, ничего не узнав?! За окнами темнело, стоять на одном месте и выжидать, что вот-вот со скрипом приоткроется дверь, и в комнату, из которой нет другого выхода, кроме как в окно, проникнет таинственное нечто, не было сил. Я решительно дёрнула дверь и буквально выскочила в коридор, запоздало подумав, что надо было хоть нож с кухни утащить, для устрашения.

Коридор не пустовал. На маленькой скамеечке у входа безропотно сидел одетый в красную куртку и коричневую шапку с помпоном худенький мальчик лет двух на вид. На моё появление он не отреагировал никак, словно вообще его не услышал. Зато сидящая перед ним на корточках женщина — очевидно, няня — подняла голову и уставилась на меня.

Я с трудом удержала челюсть от падения на грудь.

Во-первых, от того, что ребёнок действительно существовал, хотя я почему-то почти уверилась, что это тоже — вымысел и обман. Во-вторых, из-за внешности предполагаемой няни. Длинные платиновые локоны мерцали, словно их обладательницу только что отпустили со съёмок рекламного ролика средства для идеальной укладки. Половину лица прикрывали очки со светло-сиреневыми стёклами, ярко-красные пухлые губы сложились в букву "о", точёную фигурку с пышной грудью и тонкой талией облегал кожаный короткий

комбинезончик, поверх которого было небрежно наброшено миниатюрное, но явно баснословно дорогое меховое манто. Тонкими пальцами с алыми ноготками, заострёнными, как вампирьи когти, она развязывала шнурки на ботиночках ребёнка. Малыш наконец-то повернул голову, поднял на меня тёмные, ничего не выражающие глаза, и я увидела слуховой аппарат на его левом ушке.

Разве это няня?! Эскортница какая-то, не иначе...

— Здравствуйте, извините, пожалуйста, если помешали, — неожиданно глубоким низким голосом пропела модельная дева. — Мы быстренько сейчас. Незаметненько. Бесшумненько. Моментальненько! Иди, Тель! Не мешай тёте.

— Он мне не мешает, — только и смогла произнести я. — Вы мне не мешаете, никто...

Няня выпрямилась — роста в ней оказалось сантиметров на пятнадцать больше, чем во мне, а вот весу примерно на столько же килограммов меньше.

— Вы такая замечательная! — и зубов у неё, кажется, больше, чем у меня раза в два... — Такая добренькая! Понимающая! Меня зовут Милена, очень, очень приятненько!

— Аня, — пробормотала я и снова посмотрела на мальчика со слуховым аппаратом и безучастным, потухшим взглядом. Произнесла одними губами: "привет". Мальчик не отреагировал. Няня ухватила его за плечо и потащила в дальнюю комнату. Высокие белоснежные сапоги остались в прихожей, как напоминание, что чудное видение мне не привиделось.

М-да. Я вернулась в комнату, плюхнулась в кресло и дёрнулась, увидев, что здоровенная Машка выбралась из своего укрытия и застыла чёрным изваянием у стекла своего террариума, позволяя разглядеть себя во всей красе.

"Это почти крабик, милый крабик, ты же не боишься крабиков", — сказала я себе и разозлилась, потому что эти сюсюкающие интонации были явно позаимствованы у модельной няни. А потом вздохнула и сказала вслух:

— Знаешь, Мащ, всё это очень и очень странно. Вот это всё: муж, у которого пропала жена, но он её не ищет, куда больше беспокоясь о книге. Ребёнок какой-то зомбированный, няня... впрочем, посмотришь на такую — и понятно, почему супруг не шьёт, не порет...

А потом повернулась к экрану, уже почти привычно заглянула на страничку Кнары Вертинской на продаеде. Ничего себе, сколько новых комментариев набежало всего на несколько часов! Небось, ругаются из-за задержки продолжения, а у меня написано полтора абзаца... ну ладно, чуть больше, и всё — сплошь фантазии о том, как будет в муках освобождать место для других, более достойных претенденток, Вирата Крейне. Впрочем, Вечер сам виноват. Нашёл, кого в писатели подряжать!

Я со вздохом открыла комментарии — ну, да, не очень-то приятно читать отчасти всё же заслуженную критику, но делать нечего, надо знать, чем живёт читатель, в конце концов, самой Кнаре я зла не желаю и совсем не хочу, чтобы у неё упал рейтинг, продажи и что там ещё...

Челюсть снова потянуло упасть, причем со страшной силой, руки задрожали. Нет, никто не ругался, отнюдь. Просто пока я спала, а единственный, по словам законного супруга писательницы, компьютер с доступом в авторский аккаунт находился в одной со мной комнате, кто-то выложил на сайт новую главу "Каменного замка".

Глава 22. Криафар.

Стол в малой королевской гостиной, где нам накрыли ужин... огромный.

Метров шесть в длину, не меньше. На столе светло-кофейного цвета скатерть. От этой

мысли сразу же мучительно начинает хотеться кофе. Кажется, там, в прошлой-настоящей жизни я любила кофе.

С одной стороны, воспоминания продолжали пробиваться сквозь морок памяти, с другой стороны, они были всё более стёртыми и размазанными. Какими-то неубедительными.

А здесь, в Криафаре, всё было настоящим. Реальным, осязаемым. Гладкий прохладный шёлк вышитой однотонными нитями в тон скатерти — так и хочется погладить. Терпкий пряный вкус горячего напитка в круглой глиняной чашке без ручки, не вызывающий никаких ассоциаций. Собственно, ужин: пресные подсушенные хлебцы, упругие белёсые стебельки сладковатых незнакомых овощей, ломтики мяса, мягкие и нежные. Пара кусков розового бисквитного пирога, очевидно, на десерт. Странная непривычная еда, однако внезапно проснувшийся голод уверял, что всё в порядке, стодится. Всё и в самом деле могло быть вполне в относительном "порядке", если бы не с аппетитом поглощающий свою порцию Его Величество Тельман, сидящий на другом конце идиотически бесконечного стола, от взглядов которого кусок застревал в горле.

До малой гостинной Его Величество был сопровождён тем же Рем-Талем, бесстрастным и безучастным, бдительно осмотревшим помещение, видимо, на предмет возможной опасности, не без некоторого внутреннего сопротивления передавшего своего великовозрастного подопечного в мои руки. В тот момент, когда Страж, наконец, повернулся к выходу, я прикусила губу, чтобы не попросить его остаться.

Ужин проходил в молчании, впрочем, поддерживать какую-либо беседу на таком расстоянии было бы невозможно. Молчание тяготило и в то же время прерывать его не хотелось.

Вират соизволил доесть, промокнуть лицо тканевой салфеткой, сложенной причудливым цветком, отбросить салфетку куда-то за спину, а на моей тарелке ещё оставалась добрая половина, и теперь я давилась едой, сидя перед Тельманом, не зная, чего от него ожидать. В какой-то момент меня разобрала злость, и торопиться я перестала — раз уж зрелище законной супруги, вооруженной вилкой — если так можно было назвать странный, весьма неудобный столовый прибор с двумя широкими зубцами, заострённый с боков, — настолько тебя увлекает, что ж, пожалуйста, имейшь полное право налюбоваться, после двух-то лет разлуки. После двух лет, которые, по твоей милости, довели это хрупкое создание до попытки покончить с собой! — на этой мысли я вздрогнула. По его милости — или по моей? Злость вдруг растаяла, оставляя за собой шлейф растерянности. К тому же злополучные скользкие овощи никак не желали насаживаться на вилку.

— Дорогая, неужели в нашей, гм, резиденции вас кормили руками? — изумился Вират, а мне захотелось метнуть в него ножевилкой. — Похоже, вам нужно взять пару уроков столового этикета.

— Как красиво называется тюрьма, дорогой, — я тоже коснулась губ салфеткой, после чего аккуратно примостила её на плоской квадратной тарелке. — А есть ли смысл в этих уроках? Наконец-то решились продемонстрировать негодную жену свету? Не мешало бы, впрочем, сначала оповестить жену, в чём причина её негодности. Мало ли, осрамит публично.

Тельман поднялся с места, неторопливо и грациозно, как хищное сытое животное. Прошёл вдоль стола, остановился в метре от меня и присел прямо на столешницу, так аккуратно, что тончайшая кофейная скатерть даже не пошла волнами.

— Похоже, с вами можно говорить откровенно.

— Буду весьма признательна.

— Как вы уже поняли, привязанности к вам я не питаю. Этот брак был навязан моими родителями и моим... положением. Я его не хотел. И не хочу.

— Уже поняла, — эхом повторила я.

— Я не хотел и не был готов жениться, меня вполне устраивает... разнообразие. Вся палитра оттенков, — он улыбнулся самым паскудным образом, как будто одних слов было недостаточно, но на откровенную провокацию я не поддавалась. — Однако закон есть закон. Наследник престола должен быть женатым человеком. Или вдовцом. Как вы, возможно, знаете, в Криафаре брак расторгается только смертью.

Мне стало не по себе — мягко говоря. Вспомнились мысли и подозрения о скорпиутце и бродягах, и внутри всё сковало от мутной горечи. А на что я, собственно, надеялась? Это политика, ничего личного. Впрочем, возможно, наоборот: слишком много личного. Личная неприязнь ко мне и заинтересованность... в другой.

Тельман небрежно покачивал ногой, явно не испытывая и десятой доли моего смятения, а мне хотелось встать и подойти к нему. То ли ударить, так, чтобы мало не показалось, то ли взбить руками каштановые пряди, погладить мускулистую спину, руки, переплести пальцы... Совершенно неуместные желания.

— Так это прощальный ужин?

Король поперхнулся, возможно, чуть более демонстративно, чем было нужно:

— Ну, что вы, моя дорогая! Разумеется, нет. Если бы я хотел от вас избавиться, то не стал бы разводить бесед и тратить скудную государственную казну на ужин, гораздо проще было бы решить вопрос до того, как вы сюда попали...

"Или, возможно, кто-то рассчитывал на удачу, но таковая не пожалала ему подыграть"

— Тогда что вам нужно?

— Спустя некоторое время после нашей свадьбы на моих родителей было совершено покушение. Мать погибла, а отец впал в состояние глубокого беспробудного сна, в котором находился всё это время. Именно под влиянием горя и во имя вашей безопасности, между прочим, я и попросил вас удалиться в нашу... — он осёкся и просто закончил. — В поместье, подальше от опасностей и соблазнов двора.

— Немного не сходится по срокам, — предельно вежливо поправила я. — Ужасная трагедия, произошедшая с Вашими родителями, случилась через пять дней после того я уехала. В поместье. Но вы продолжайте, продолжайте...

— Потрясающая осведомлённость и память, Вирата. Я восхищён. К чему я это всё веду... Ах, да. Точно. Об этом ещё никому не известно... Почти никому, я имею в виду, ни подданным, ни Совету Одиннадцати. Его Величество Вират Фортидер, мой отец, пришёл в себя.

— Пришёл в себя... — я опять повторила бездумным эхо.

Этого сюжетного хода однозначно не было в книге. Родители Вирата были мертвы! Должны были быть мертвы, но как же так... Зачем?

Возможно, ключевое слово здесь именно "зачем". Появление новых ходов я предугадать не могу, но изменение старых, безусловно, должно иметь под собой какую-то цель. И если я уловлю эту цель, обнаружу закономерность, если я пойму, кто и зачем играет со мной в эту игру...

Играет в игру? То, что происходит вокруг, не вписывается в эти четыре буквы. Но я всё

ещё хочу вспомнить про себя всё. Я всё ещё уверена, что мне нужно вернуться. И этот самодовольный эгоистичный кретин, разглядывающий меня то ли как лошадь на базаре, то ли как зайца в зоопарке, только добавляет масла в огонь. Мне нужно вернуться обратно. В этом мире всё слишком... неуправляемо.

...как будто в том, другом дела обстояли иначе!

Эта мысль заставила меня замереть на месте, а Тельман продолжил всё тем же деланно-развязным тоном:

— Отец пришёл в себя, но лекари говорят, долго он не протянет. Максимум три десятка солнцестоев...

"Месяц"

— Тем не менее, он в сознании. И вполне в разуме.

Кажется, я начинала понимать причины этой неожиданной спешки...

— Более того, сейчас Вират Фортидер, как вы понимаете, в своём королевском праве, тогда как его единственный сын снова считается лишь "исполняющей долг рукой отца своего", — Тельман криво усмехнулся. — А взгляды папеньки на меня, на мою жизнь всегда были такими... — фривольный жест рукой, за которым я невольно проследила. — Устаревшими, ретроградными. Тем не менее, мой долг как любящего сына проводить папашку к духам-губителям, — ещё более фривольное хмыканье, — без лишних проволочек. Пусть помрёт счастливо и окончательно.

— И не оставит трон кому-нибудь ещё?

— Ну, это маловероятно, претендентов не так уж много, и старик тоже от них не в восторге, — бодро произнёс Тельман, но я отчего-то ему не слишком поверила. — Но он хотел видеть меня женатым, примерным семьянином и прочее, так что... Я хочу предложить вам сделку, Крейне.

Он соскользнул, так и не потревожив скатерти, и навис надо мной, всё ещё сидящей за столом. Неосознанно я сжала рукоятку ножевилки в руке.

— Подумайте, вы ведь уже взрослая девочка... Вам не нужен такой муж, как я. У меня есть и будут другие женщины, много. Я не хочу вас, я ничего к вам, кроме унижительной жалости, не чувствую. Вам нужна нормальная семья, дети, я не смогу вам всего этого дать. Разве что трон... Но зачем вам трон умирающей, голодающей, проклятой страны, Крейне? Два года назад у нас с вами не было выбора, но он есть сейчас.

От того, как почти доверительно он назвал меня по имени, сердце заколотилось о рёбра. Лицо Тельмана Криафарского, на какое-то мгновение утратившее своё привычное едкое презрительное выражение, оказалось ближе, чем когда-либо раньше. И всё же он меня не касался даже пальцем, и вещи, которые он говорил, были... ужасны.

Для той, настоящей Крейне были бы ужасны. Не для меня.

Я сжала губы, прежде чем сказать максимально холодно:

— Какую сделку вы предлагаете?

Тельман отодвинулся и опять беззастенчиво присел на стол, едва не задев обтянутым тёмно-коричневой тканью брюк бедром мою пустую тарелку.

— Мы изображаем счастливую семейную пару, упорно работающую над сотворением наследника, пока папаша Фортидер не покинет наш бранный мир. Около тридцати солнцестоев, эти бездельники-лекари утверждают одно и то же, не сговариваясь. А потом вы будете свободны, Крейне. Вы умрёте.

Глава 23. Криафар

— Так всё-таки умру?

Его близость кружит голову, и я злюсь на себя. Ну что за бред, его... его вообще не существует! Плод моего воображения, весьма неудачный главный герой. Провальные герои, провальная книга, провальная сюжет...

— Не по-настоящему! — Его Величество взъерошил волосы самостоятельно, задорным, совершенно мальчишеским движением, а я постаралась вспомнить, сколько же ему лет. На момент свадьбы с Крейне было двадцать четыре, значит сейчас — двадцать шесть. Не такой уж и мальчишка. Но, кажется, совершенно не поумнел. Почему же ему так не нравится молодая жена? Она хороша собой, тем не менее, дело ограничилось даже не свадебной ночью — жалкой свадебной четвертью часа...

— Мы иницируем Вашу смерть, после чего отправим вас в мирный приморский край Силай, и вы начнёте новую жизнь. Это не то что ваш захудалый Травистан, там хорошо. Вдали от проклятия, вдали от этого мёртвого камня, вдали от... меня, — Тельман протянул руку, словно собираясь погладить меня по голове, но тут же отдернул руку.

— Это противно воле духов-хранителей, — на автомате сказала я. — Наш брак будет оставаться в силе.

— Они мне тоже противны, — широко улыбнулся Вират. — Не слишком-то любезно боги обошлись с моим миром и со мной в частности, хотя я-то ничего плохого им не сделал. Собственно, как и мир.

— И лично вам насолили?

— При чем тут соль? Я имею в виду собственное нездоровье, из-за которого, — Вират повысил голос, чтобы его было слышно за стенами гостиной, — из-за которого эти два стерегущих меня напыщенных идиота, — снова понизил голос и закончил, — ни дают мне покоя ни днём, ни ночью. Но знаете, отчего-то ваше присутствие меня не так уж и угнетает. Поразительно. Может, на правах всё ещё моей жены именно вы будете сопровождать бесценное королевское тело по всяким там мелким надобностям? В сортир и по девкам, например, а то...

— Я принимаю ваше предложение, — оборвала я его. — Тридцать солнцестоев — и мы расходимся. Спать вместе не будем.

— Разумеется, — Тельман улыбнулся, но мне показалось, что в этой улыбке есть что-то натянуто-фальшивое, чего не было раньше. — Разумеется, никакой постели, хотя для порядка навещать вас мне всё равно придётся. Кругом шпионы, кругом подлые доносчики. Ну а вы достанетесь вашему будущему новому мужу невинной и непорочной. Скажете спасибо еще, что я вами побрезговал.

Что, даже брачных четверти часа не было..?

— Спасибо, Вират. Естественно, раз уж вы не справились, найдётся кто-то... повыносливее. Так причина в этом? Лечили два года мужское бессилие, оттого и смотреть на меня не хотели?

Серые глаза снова потемнели, хотя губы продолжали улыбаться. Судорожным движением король извлёк из голенища сапога маленький свёрток из серой тонкой бумаги, ловко развернул — я заметила, что его длинные пальцы нервно подрагивали, высыпал на ладонь желтоватый порошок и резко вдохнул, откидывая голову назад и зажимая одну ноздрю.

— Вы... вы чего, совсем с ума сошли?! — я стукнула его кулаком по ноге, а Тельман дернулся, отшатываясь от моей руки, и, утягивая со стола скатерть, рухнул на пол, зацепив

пару стульев... Посуда полетела на пол, двери в гостиную распахнулись, и на пороге я увидела Рем-Талья, а рядом с ним — встревоженную темноволосую девушку с мускулистым поджарым телом и донельзя хмурым лицом. Её голые руки были покрыты синим узором татуировок: то ли руны, то ли просто причудливый орнамент.

Рем-Таль первым оценил ситуацию, подскочил к запутавшемуся в скатерти монарху, вытащил его и поставил рядом с собой.

— Я же вам говорил, моя Вирата, что эти два идиота постоянно рядом! — расхохотался Тельман, утыкаясь лбом в плечо Стража. — Везде со мной, я просто как за каменной стеной. Это кто ещё из нас в темнице... — он всхлипнул, смахнул слёзы с ресниц и снова захихикал.

— Почему вы это позволяете?! — я рывкнула, психологически легче было орать на уже знакомого стража, чем на Тиру Мин, которую я видела в первый раз. — Вы же должны его беречь! Он употребляет эту отраву, а вы...

— Видите ли, дорогая, мне запрещено сдохнуть только одним, естественным, образом, все остальные — к моим услугам. Не учите их работать, а меня — жить, и остаток наших с вами дней пройдёт тихо и гладко. Ну и шуточки свои дурацкие бросьте. Сегодня ночью я вас непременно на-ве-щу, слышите?! Не одевайтесь там, примите ванну, и что там вам, девушкам, надо ещё... — он снова расхохотался, поднял кулёк с остатками порошка и запихнул обратно в голенище. — Рад был... Или не рад, лисак его знает. Веди меня, мой верный Рем-Таль, меня тянет блевать, это всё она, у меня на неё аллергия... Или нет, тебя же требовал к себе папаша, значит ты, Тира... Ненавижу брюнеток, — неожиданно трезво заключил Вират, после чего все трое наконец-то покинули малую гостиную, а я осталась одна. Посмотрела на ножевилку, сунула в карман — на случай, если дражайший супруг всё-таки "на-вес-тит" в спальне, как и грозился.

Светловолосая Айнике терпеливо дожидалась меня в коридоре, синяк на её щеке от пальцев Тельмана наливался лиловым.

* * *

— Вам не следует волноваться, Вират. Это вредно для вашего здоровья.

— Моё здоровье уже трудно испортить, Рем, — хриплый голос, некогда такой сильный, даже излишне громкий, напоминающий рёв камала, ныне — жалкая тень прошлого, слабый бесплотный шёпот. — Я до сих пор не могу поверить, что Ризвы нет в живых... что прошло два года.

— Тем не менее, это так, Вират.

— А ты всё тот же, Рем-Таль. Говоришь правду в глаза и ничего не боишься... Жаль, не могу сказать того же о собственном сыне. Где Тельман?

— Ужинал с Виратой Крейне. То есть, я хотел сказать...

— Не исправляйся. Всё равно мне осталось недолго, и все эти формальности ничего не меняют. Вират или Превират... Как он, Рем? У них с Крейне есть дети? Ну, говори, ты же понимаешь, я всё равно всё узнаю.

Рем-Таль посмотрел на лежащего на кровати мужчину. Называть его "стариком", как за глаза частенько делал Тельман, было явно неоправданно. Вирату Фортидере было пятьдесят два года, и до взрыва, оборвавшего жизнь его супруги, раздробившего в ошмётки его правую ногу и обозначившего начало обратного отсчёта его собственной жизни, это был крупный и крепкий мужчина с густой копной не знающих седины волос, требовательный и жёсткий. Сейчас же бледное безволосое лицо, по цвету сливавшееся с бежевыми пуховыми подушками, бескровные, едва шевелящиеся губы казались синонимом беспомощности и

слабости. Их человеческим воплощением.

— Нет, детей нет. Вирата Крейне неважно себя чувствовала и какое-то время... отсутствовала. Но сейчас она во дворце, так что...

— Я не понимаю, Рем! — внезапно совсем по-стариковски пожаловался Вират. — Я не понимаю! Мы с Ризвой так хотели этого ребёнка! Так любили его... Я знал, что она не сможет иметь ещё одного, я... я не виноват, что так всё вышло с его... здоровьем. Я всего лишь хотел уберечь его от него самого! Его и...

— Вы ни в чём не виноваты, Вират.

— Ко мне уже приходили виннистры — по финансам, животноводству, торговле, каменной отрасли и остальные, не было только по военным и иностранным делам, впрочем, не думаю, что те скажут что-то новое. Они как будто и не знают, что эти два года у страны был правитель! Они не делали... ничего! Совет Одиннадцати необходимо созывать завтра же. Во что этот мальчишка превратил Криафар? В бордель? А знаешь ли ты, Рем-Таль, что его, Вирата Криафара, малюют на картинках с распутными девками умельцы с Нижнего Рынка — и продают всем желающим за горсть презренного заритура? Разумеется, ты в курсе, ты же сопровождаешь его повсюду, но что ты можешь поделать, я всё понимаю и не виню тебя... Разве этому я его учил? А я ведь учил его, Рем, ты знаешь. Это правда, что струпы напали на твой отряд?

— Поражён Вашей осведомленностью.

— И что сделал наш Вират Тельман? — с сарказмом выдохнул Фортидер. — Дай-ка я угадаю? Ничего! Он ничего не сделал, ему плевать! Пора бы ему напомнить, что помимо него у меня трое племянников. Конечно, Армин совершенно безголовый, но Трастор и Деривер... — король гневно обессиленно выдохнул и отвернулся, на лбу его проступил пот, который Лазар, личный слуга Его Величество моментально вытер тряпочкой. Этот жест вызвал ещё один недовольный выдох. Вират Фортидер не был дураком, чтобы отрицать собственную слабость и беспомощность, но и смириться с ними он не желал.

— Почему не ты мой сын, Рем? Почему такой сын, как ты, родился у...

— Прощу вас, Вират... Просто дайте Тельману шанс.

— Ещё один шанс! — горько произнёс умирающий. — Ещё один шанс! Что ж, почему бы и нет. Сколько они дают мне, Рем, эти бездари, именующие себя лекарями?

— Столько, сколько вы сами...

— Не ври мне, юноша, ты же мне почти как сын!

— Тридцать солнестоев, — тихо произнёс Рем-Таль, не отрывая глаз от изображения чернобурого фенекая, выполненного неуклюжей детской рукой, вот уже восемнадцать лет висящего на стене на почетном месте рядом с портретом королевской семьи: Вираты Ризвы, Фортидера и маленького Тельмана.

Король проследил его взгляд, приподнявшись при помощи слуги.

— Передай Тельману, что если он так занят, что даже не счёл нужным зайти к отцу... завтра я жду их с Крейне на Совете Одиннадцати. Еще один шанс, последний услышать взрослую речь из уст мальчишки. Только ради тебя, Рем-Таль.

Король тяжело опустился вниз, а Первый Страж трона кивнул и шагнул к двери. Никто не видел, как скривилось его лицо.

Глава 24. Наш мир

Я лежу на диване, заложив руки за голову, и прислушиваюсь к происходящему в коридоре, стараясь не пропустить возвращение Вечера, для которого у меня есть несколько

животрепещущих новостей. Впрочем, пока что в коридоре, судя по тишине, не происходит ничего. Казалось, эта огромная квартира к тишине привыкла, но с учётом того, что ребятёнок-то, похоже, с проблемами, это и неудивительно. При мысли о мальчике у меня снова внутри всё сжалось от бессмысленной глупой жалости. С отцом, который верит в мистику, приводит домой кого попало, целыми днями пропадает на работе, трудно иметь счастливое детство. Впрочем, возможно, многие со мной и не согласились бы. Какие-то отцы сразу же бросают больных детей. А этот вот не бросил... И деньги в семье, очевидно, есть немалые.

— Машка, что ты об этом думаешь? — негромко пожаловалась я, однако скорпиониха хранила гордое молчание. По-хорошему, нужно было бежать отсюда подобру-поздорову. С учётом произошедшего либо Вячеслав мне врал — что было ожидаемо, но всё равно неприятно, — либо ввали ему. Иметь дело с хозяином-дураком или с хозяином-сволочью — какая мне, в сущности, разница? И то, и то — незавидная перспектива.

Не знаю, почему я ещё здесь. То ли хочу дать ему последний шанс, то ли меня снедает любопытство — зачем это всё было надо?

Я не выдержала и позвонила Вальке.

— Ну, как там твоя служба?! — звонко выкрикнула она, и я невольно поморщилась, настолько контрастировал с окружающим безмолвием громкий голос моей подруги.

— Да ещё и двух дней не прошло, рано делать выводы, — неопределённо сказала я. Добавила в голос небрежности. — Слушай, ты ведь неплохо в железе разбираешься? Можно ли управлять компьютером удалённо, не присутствуя лично? Ну, там, выходить в интернет, просматривать файлы, находясь при этом за другим компьютером...

— Конечно. Удалённый доступ называется. Анька, ну ты и неуч.

— То есть посторонний человек... я имею в виду, человек, находящийся не в этой комнате и не в этом доме, может иметь доступ ко всем программам?

— Ну, да. Но это не будет совсем уж посторонний человек. Есть разные программки, которые должны быть установлены на компе, да и согласие на удалёнку надо дать. Так что это должен быть очень даже свой человек. Ну, или какой-то мощный хакер, не знаю...

— То есть, достаточно знать, какая установлена программа...

— Установить разрешение на компьютере для удалённого доступа. И интернет нужен. Да я всего пару раз такое видела, когда комп у меня ломался, братан помогал, вот он у меня в этом шарит, а я-то так... Что случилось?

— А без интернета? — вместо ответа спросила я.

— Без интернета никак, наверное... А что?

— Перезвоню, — буркнула я и отключилась.

По словам Вячеслава, Кнара пропала. А кроме неё, доступа к личному кабинету на сайте, где идёт выкладка романа, ни у кого нет. Однако новая глава выходит, кто-то её выложил, и это явно не я. Вариант первый — с Кнарой-Кариной всё в полном порядке. Либс они издеваются надо мной с Вячеславом на пару, либо муж, как и я, жертва глупого розыгрыша, глупого и недолгого, ведь очевидно, что о пополнении романа новой главой ему скоро станет известно. Либо подозрительные личности, похитившие известную писательницу, выпытали у неё логин и пароль от личного кабинета на сайте и опубликовали главу сами. Непонятно зачем только, вот такие они психи.

Однако могла ли Карина помимо логина и пароля дать неведомым врагам ещё и возможность удалённого доступа? Но зачем?

Я повернулась на живот и зарылась лицом в подушку.

Дать право на доступ Карина могла дать только в одном случае, точнее, смысл в нём был только в одном случае — если она знала, что за её компьютером сижу я и мучительно пытаюсь сочинить собственную версию событий в соответствии с найденным планом. Потому что половина новой главы была придумана мной! То, что отец Тельмана пришёл в себя, придумала я — он и должен был потребовать тот самый отбор. Злоключения Крейне по пути во дворец тоже придумывала я, вот только по моей задумке одно из них должно было привести к смерти жены Тельмана Криафарского, а она в итоге выжила. И, похоже, не собирается умирать.

И всё это не укладывалось ни в какие рамки. Зачем? Почему? Ведь я сразу же всё узнала. Так или иначе, но Вечер мне врёт. Он знает, где Карина, и знает, что с ней всё в порядке. Он рассказал ей, что у них дома живу я.

И значит, вывод только один — они просто надо мной издеваются. Развлекаются на пару. Может, у Кнары периодически пропадает вдохновение, вот эта чокнутая парочка находит себе жертву и веселится вовсю. Очень смешно. Упасть — не встать. А если я сейчас возьму и вообще удалю все главы? Или выложу откровенный бред, в котором умрут все герои — да на этом книгу и закончу? Может, я тоже хочу повеселиться.

Похоже, сегодня мы с господином Становым окончательно простимся, не по мне такие развлечения. Впрочем, было бы любопытно узнать, на что он на самом деле рассчитывал.

— Вот так, Машка, — говорю я вслух. — Я буду по тебе скучать. На самом деле, ты реально милая, если на тебя не смотреть, конечно, и вообще беспроблемное существо, если есть кому тебя кормить. Но объясни мне! — я решительно села и уставилась в тёмное окно. — Почему нельзя было честно всё сказать? Почему нельзя было предложить... соавторство, так это, кажется, называется? И зачем было тащить меня из другого города? И почему именно меня?

Абсолютная тишина становилась невыносимо давящей. Её хотелось нарушить — и одновременно затаиться, прислушиваясь.

— И знаешь, Маш, — невольно понижая голос, продолжила я. — Мне ведь понравилось писать. Придумывать, сочинять. На самом деле, возможно, мне просто обидно стать целью глупого розыгрыша двух скучающих богатеев, но что касается всего остального... Что бы я сейчас делала у себя дома? Рыдала бы из-за Кирилла. Однозначно. А тут я вообще про него забыла, понимаешь? Думала о Вирате Тельмане, о Рем-Тале, о магах, о Крейне... Наверное, я пыталась отыгаться на этой бедной героине, ведь она так похожа на меня: тоже не нужна своему прекрасному принцу, да и принц, сказать по правде, не такой уж прекрасный, но она, похоже, всё равно в него верит — и не исключено, что у неё, в отличие от меня, всё получится.

А у меня — нет. Я не героиня, Маш. Максимум — героиня дурацкой шутки.

В коридоре что-то звякнуло, и я подскочила на кровати. Как была, босяком, побежала в коридор. Впрочем, грех не побегать, полы-то с подогревом.

* * *

Вячеслава не обнаружилось, зато в коридоре стояла Милена, улыбаясь, как акула. Не может у человека быть столько идеальных белоснежных зубов. Не женщина — ходячая реклама стоматологических услуг, а возможно, и клиники пластической хирургии, студии по наращиванию волос, ресниц, бровей, груди... Не хватает только ценников. Смотрелось бы куда органичнее.

...или я просто завидую?

Облачившаяся в ботфорты на высоком каблуке, и без того высокая няня смотрела на меня откуда-то сверху, слегка покачиваясь, как Пизанская башня. Смотрела с восторгом, как учёный на древнюю реликвию, как будто никогда раньше не видела живых, ненакрашенных и не оттюнингованных женщин. Нас можно было помещать на рекламные проспекты салонов и клиник вдвоём. Подписав "до" и "после", разумеется. Или на сайты, посвящённые борьбе с наркозависимостью. С той же подписью, но в другом порядке.

— Простите, дорогушенька! — залепетала няня. На этот раз очков на ней не было, и ничего не скрывало эпохально-неторопливое хлопанье слишком чёрных, слишком длинных, неестественно густых ресниц. — Я отвлекла вас от невероятно важного дела, от творчества, от созидания высших материй, от рождения словечек и фразочек! Но, с другой стороны, вы вышли так удачненько! Мне нужно вниз, но я не должна оставлять ребёночка одного. Не можете ли вы, милочка, посмотреть пять минуточек за мальчишечкой, пока Вячеславушка не вернулся?!

У меня, образно выражаясь, зарябило в ушах, захотелось потрясти головой, прыгая на одной ноге, чтобы из головы вывалились попавшие внутрь уменьшительно-ласкательные суффиксы.

— Где ребёнок?

— Ребёночек в комнатке, тихонечко сидит, играет в игрушечки, ждёт папочку! — няня разве что в ладоши не захлопала. — Вы солнышко, прелесть, я мигом!

Она действительно унеслась бело-чёрно-розовым вихрем, так, словно за ней гналась стая демонов, а я осторожно приоткрыла дверь в детскую. Остановилась на пороге.

Кажется, Вечер не хотел, чтобы я туда заходила, и в принципе, его можно было понять — вероятно, я бы тоже постаралась оградить особенного ребёнка от излишних контактов с незнакомцами. Но ведь я уже решила, что не останусь здесь, так какая мне разница, как он отреагирует?

Детская была даже больше кабинета Кнары. Кроватка с высокими бортиками, как у младенцев. Мягкий ковёр. Ящики с игрушками. Детский низенький столик и деревянный стульчик. Маленький Тель — мне не хотелось называть его полным именем, вызывавшим ассоциацию с малоприятным книжным персонажем — сидел посреди ковра с машинкой в руке. Его лицо было таким же безучастным к происходящему, как и в самый первый раз, когда я его увидела. На меня он не смотрел, и я снова испытала щемящую острую жалость — и сомнение.

Можно было оставить мужа. Оставить книгу. Разыграть меня. Читателей. Но бросить ребёнка!

— Привет, Тель. Меня зовут Аня.

Он полностью меня проигнорировал. И вот как общаться? Или лучше так, а ну как поднимет крик на весь дом... Я подошла к одному из пластиковых контейнеров с игрушками и наугад достала то, что первым попало под руку — пару пластмассовых мячиков, размеров с теннисные. Бросила их мальчику, один за другим.

— Лови, Тель!

Сначала он вообще никак не отреагировал, я потянулась к нему, забрала мячи и кинула их снова, бормоча какие-то глупости про упругие разноцветные шарики, про ковёр, кровать, люстру с динозавриками, фартук для рисования на крючке... Не зная, о чём с ним говорить, я просто описывала комнату вокруг, надеясь, что его успокоят хотя бы интонации моего

голоса. Бросала и бросала мячики, словно пытаюсь зачем-то разбить невидимую стеклянную стену.

Прошло минут пятнадцать, и я испугалась, что белокурая Милена сбежала отсюда насовсем. Что Вячеслав может запросто вернуться под утро. Что я не смогу уйти и оставить ребёнка на произвол судьбы, а ведь его надо как-то укладывать спать, а он совершенно меня не воспринимает...

На этой мысли маленький темноглазый Тельман внезапно ухватился рукой за один из шариков и толкнул его обратно.

Ко мне.

Глава 25. Криафар.

Рыжеволосая смешливая служанка Айка деловито взбивала пуховые подушки. Деловито, энергично, но слишком долго. Взбивала, укладывала, перекладывала, расправляла складочки на простыне, смахивала невидимые пылинки... Было полное ощущение, что она то ли хочет вывести меня из себя, то ли просто наслаждается прикосновением к тому, чего не было в её собственных комнатах — дорогой гладкой ткани, упругому мягкому птичьему пуху. Даже те, кто жил при дворе, обеспеченная сытая обслуга, куда более обеспеченная и благополучная, нежели формально свободные струпы, не могли позволить себе продукцию животного происхождения, и чаще всего в качестве наполнителя для подушек использовали пористый, легкий и упругий минерал ситорит. Спать на нём было удобно, особенно если уже привык.

Но с подушками на постели Их Величеств дешёвый ситорит не шёл ни в какое сравнение.

— Довольно, Айка! — не выдержала я. — Иди. Ты свободна на сегодня.

Рыжая кивнула, присела в легком поклоне и попятилась к двери, в этот же момент та распахнулась, и на пороге показался Вират Тельман. Судя по его мерцающим позолотой серым глазам, остаток сегодняшнего бесконечного дня не выдался удачным. И настроение у Вирата Криафара было самое что ни на есть мерзкое.

Я сжала зубы и замерла у кровати, радуясь тому, что ещё не успела раздеться и лечь. Айка тоже застыла, поскольку выход наружу был перекрыт телом Его Величества.

Довольно-таки невменяемым уже телом. Кажется, к порошку из жёлтого скорпиутца Его Величество присовокупил что-то алкогольное.

— О, моя пр-рекрасная кор-ролева! — он слегка запинался на длинных словах, а пальцы путались в пуговицах собственной рубашки. — Какая жалос-сть, что вот вы уже в спальне, а я смотр-рю на вас и понимаю, что вы меня ну совер-ршенно не возбуждаете, это пр-росто какое-то... — расстегивать рубашку ему надоело, и в итоге Тельман просто рванул её от ворота вниз. — А! Вер-роломство, я же должен исполнить этот, как его... долг, поскольку имею несчастье являться вашим, этим, как его... супр-ругом! Точно! Потому что папенька хочет, чтобы мы с вами, как бы это сказать... Ну, так пр-ришёл бы сам и сам бы вас от... жахал, я не пр-роттив.

Он сделал шаг вперед, и Айка попыталась змейкой проскользнуть наружу, однако именно в этот момент Вират потерял равновесие и ухватился за её плечо, да так и не убрал руки, словно рядом с ним была вешалка, а не человек.

— Но почему, почему я один стр-радаю?! Давайте, сделайте хоть чт-что-нибудь ради нашего бр-рака! Ст-танцуйте, р-разденьтесь как-нибудь... кр-ррасиво!

Я продолжала молчать. Расширенные зрачки Тельмана отдавали болезненной желтизной, как всегда после приема порошка из панциря жёлтого скорпиутца. Он был

невменяем, и я ничего не могла с этим поделать. Точнее, я примерно представляла себе, что теоретически можно сделать — промыть желудок, например. На практике Вират вряд ли бы мне дался для этой медицинской процедуры.

— Опять молчите, мил-лостивая Шиар-ру и этот, как его, втор-рой! Вы такая... дурная, что я даже не знаю, что! А между тем кр-ругом полно кр-расивых, доступных, но почему я должен ублаж-жать имен-но вас?! В чем я пр-ровинился?!

За дверью наверняка стоял кто-то из бессменных сопровождающих. Рем-Таль. Тира Мин. Кто-нибудь еще.

Громкий голос Вирата было слышно, наверное, даже в Рассветном зале.

— Вот она, — Тельман неожиданно резким и сильным толчком притянул к себе рыженькую служанку. — Она же гор-раздо... А вы кор-ролева, и у меня на вас не ст... Но, заметьте, во всем этом пр-роклётом двор-рце нет больше ни одной бр-рюнетки, только вы и Тир-ра, випар-ра души моей! Я хр-ранил вам вер-рность, хотя бы так!

— Как вам угодно, — я не должна реагировать, вообще не должна реагировать, он мне никто, я ему никто, и то, что в уголках глаз стали вдруг скапливаться жгучие злые слёзы, оказалось для меня полной неожиданностью. Я не планировала тут задерживаться и уж тем более спать с Тельманом. — Как я вам уже говорила, если у вас проблемы с мужским здоровьем, посетите целителя. Я тут не при чем. И меня не нужно ублажать, я уже говорила, что не собираюсь с вами спать. И вообще разговаривать, когда вы в таком состоянии.

— У меня нет пр-роблем! — будь я в другом состоянии, будь на его месте кто-нибудь другой, я непременно бы захихикала, настолько комично пьяно звучал сейчас его голос, настолько по-детски, жалобно и обиженно скривились его губы. Но Тельман вдруг взглянул мне в лицо, в глаза, куда-то в самую затаенную скрытую за глазами суть, и голос его изменился, как по волшебству, словно тут он ломал невесть для кого предназначенную комедию. Он вдруг перестал спотыкаться на словах, и шатать его тоже больше не шатало.

— У меня. Нет. Проблем, — отчеканил Вират Криафара, резко разворачивая рыжую служанку спиной к себе, прижимая ее к стене, упираясь одной растопыренной пятерней ей в лопатки, а второй расстёгивая пуговицы на брюках. — Никаких проблем, Вирата Крейне.

Я должна была отвернуться. Может быть, подойти и отвесить пощёчину. Может быть, запустить в него чем-нибудь. Но у меня будто ноги приросли к полу, а взгляд, точно лазерный луч, впился в Его ненавистное Величество.

Он смотрел на меня своими бездонными серыми с золотыми крапинками глазами, а я — на него.

На то, как медленно, тягуче задирает он длинную тёмную юбку податливо обмякшей Айки, оглаживая смуглые узкие голени в белых гольфах, а затем бёдра, задержавшись на голых ягодицах — никаких панталон, никакого белья. Смотрела, как он заправляет её подол в ворот платья, раздраженно смахивая в сторону рыжую прядь, выбившуюся из строгой прически. Как прижимается к ней со спины, запуская руку в глубокий вырез спереди, мягко поглаживая, снова, и снова, и снова, сжимая так, что девушка едва сдержала то ли вскрик, то ли стон. Как он почти грубо отпустил ей, потянулся к закушенной губе, проталкивая палец между губ, вытаскивая и вновь вводя его в полуоткрытый влажный рот, размазывая слюну по губам и подбородку. Как его вторая рука скользит вниз, по её впалому животу. Как он резко, почти равнодушно, но точно входит в неё, закрывая широкой ладонью её рот.

Я смотрела, смотрела на него, а он — на меня. Несмотря на выверенный ритм толчков Тельмана в это доверчиво подставленное женское тело, постепенно ускорявшийся и

невольно подчинявший себе моё дыхание, я не видела похоти в его направленном на меня взгляде. Ненависть — может быть. И что-то ещё, чему не могла в тот момент подыскать названия.

Девушка задышала глубже, закрыла глаза, глухо и сдавленно простонав что-то, а он вдруг вышел из неё, небрежно оттолкнув в сторону.

«Пятна останутся», — отстраненно подумала я, глядя на испачканную стену, всё ещё не в силах пошевелиться, не понимая толком, что я чувствую, что сейчас только что произошло.

Айка, не удержав равновесия, осела на пол и принялась тут же торопливо поправлять юбку и корсаж.

— У меня нет проблем, моя дорогая Вирата, — его голос, его дыхание, казалось, даже не сбились. — Спокойной ночи.

Только услышав мягкий хлопок закрывшейся двери, я смогла проглотить скопившуюся в пересохшем рту слюну и осознать, что в спальне кроме меня никого нет.

* * *

— Ты нашёл демиурга, шипохвост? — огненная Лавия, как всегда, вплавлена в мёртвую скалу, только непримиримо, дерзко и почти весело глядит её багровый с голубой радужкой глаз. И всё же нетерпение и возбуждение магички чувствуются даже в камне: тёплом, слегка вибрирующем. — Демиург где-то здесь, в Криафаре. Неужели так трудно найти того, кто умирал и внезапно вернулся к жизни? Это — неперемнное условие, Шип.

— Но это единственное неперемнное условие, гвирта, и его недостаточно! Ведь в Криафаре множество людей, а мы даже понятия не имеем, мужчина это или женщина, возраст, внешность, социальное положение и... И маги благодаря предсказанию Варидаса тоже знают о демиурге, госпожа. И они тоже будут его искать, искать, чтобы вернуть обратно, потому что пребывание демиурга в созданном им самим мире опасно. Время сворачивается в кольцо, словно проглотившая хвост випира, и...

— Мне нет дела до времени! Я от него устала. Ты знаешь больше других, шипохвост. Ищи демиурга!

— Больше других?

— Кровь демиурга исцеляет.

— Но я не могу брать кровь у всех подряд и проверять! Я и пирамиду-то не имею возможности покидать надолго.

— Думай, думай, шипохвост... смотри по сторонам. Ищи. Надеемся на удачу. Нам действительно нужно поторопиться... я знаю, я чувствую. Свобода так близка. Моя и твоя свобода!

Стоящий перед каменной стеной маг кивает и делает шаг назад, однако почти тут же дёргается, давя слабый крик. Тоненькая змейка, молодая рогатая випира с кожаными наростами на голове, благодаря которым она и получила своё название, стремительно проползает в узкое пространство между тканью брюк и кожей. Сворачивается в кольцо на щиколотке.

Яд этой змеи не настолько сильный, как у золотого скорпиутца, взрослого здорового человека не убьёт, но парализует шагов на пять-шесть.

— Помощник, — в голосе Лавии проскальзывает нечто, похожее на улыбку. — Мало ли что.

Глава 26. Криафар.

Заснула я только под утро.

Не то что бы увиденная сценка настолько поразила меня, чтобы напрочь лишиться сна и покоя, но было тоскливо и тошно. Конечно, я не невинная юная Крейне, чтобы терять сознание и романтические иллюзии при виде законного супруга, хладнокровно задирающего подол первой попавшейся служанки на глазах у жены. Я знала, что Тельман был капризным, избалованным и порочным мальчишкой, я и хотела, чтобы он таким был до поры до времени, но то, что он вытворил сейчас, явно выходило за все мыслимые рамки.

Почему он поступал так? Как будто мстил. Что эта впечатлительная, милая, хрупкая девочка ему сделала?

Господи, да ничего она ему не сделала, не было у Крейне никаких страшных секретов, скелетов в шкафу и подводных камней, не представляла она из себя ничего особенного. По моей задумке, это была чистая и наивная девушка, с искренней симпатией и надеждой смотрящая на своего юного супруга, не знающая о специфической репутации Тельмана Криафарского. Та, что запросто могла бы влюбиться с первого взгляда и долго закрывать глаза на измены, но породить такую ненависть... Впрочем, в который раз я могла убедиться — мои героини зажили собственной жизнью. Что мешало им иметь личные тайны от своего создателя?

Светловолосая Айнике разбудила меня, приоткрыв тяжёлые шторы.

— Простите, Вирата, — потупилась она. — Вират Тельман ожидает вас на завтрак.

— Я не приду.

Глаза служанки широко распахнулись, видимо, она представила, как сейчас идёт к не в меру похотливому господину с докладом об отказе строптивой супруги и закономерно следующий за этим приступ королевского раздражения, заранее приводящий её в ужас.

Спал ли он и с ней тоже? И с ней, и с каждой встреченной во дворце девкой? Кроме, пожалуй, Тиры Мин, которая и за женщину-то у него не считалась. Судя по всему, к брюнеткам Тельман пристрастия действительно не питал.

Злость была слишком сильной. Но я постаралась не выдать её хотя бы голосом:

— Я не приду. Неважно себя чувствую. Принесите завтрак сюда.

— Но, Вирата...

— Тебе по сто раз нужно всё повторять?!

Девушка тут же безропотно повиновалась, а мне на миг стало стыдно. Но только на миг: в конце концов, единственное, что я могла в действительности сделать для них для всех — это выбраться отсюда живой и невредимой и дописать чёртову книгу. Но как выбраться?

Пожалуй, бежать из дворца еще рано, да и некуда. Вокруг — каменная пустыня, жаркий час гнева в полдень и стужа по ночам, жуткие озверевшие бродяги и ядовитые твари, а то и что-нибудь похлеще. Возможно, стоит навестить магов. Открытый день уже, вероятно, прошёл, я как раз собиралась о нём писать, причем, надо выяснить. В любом случае, можно придумать способ поговорить с ними...

Дверь распахнулась, Вират Тельман снова стоял на пороге, весь помятый, взъерошенный и серый, не только глазами, но и лицом. Я села в кровати — по крайней мере, новая ночная сорочка, закрытая и непрозрачная, позволяла мне это сделать.

— Выйдите и закройте дверь. С той стороны.

— Подождите, Крейне...

— Убирайтесь.

Дверь он действительно закрыл, но с этой стороны, и мне моментально стало не хватать воздуха.

"Его вообще не существует, не существует, не существует..." — надо твердить, как мантру, и возможно, тогда... Но как же "не существует", когда вот же он — стоит в каких-нибудь паре метров, лохматый, насупленный, точно домовёнок — так и тянет протянуть руку и пригладить пальцами волосы. Тоже мне, король...

— Крейне. Простите меня.

Я приподняла брови, а Тельман повторил, глядя куда-то вбок:

— Простите. Вчера я не должен был... я был не в себе.

— А мне как раз показалось, что подобное поведение для вас в рамках обычного.

— Не настолько, — он вдруг усмехнулся. — Но...

Я спустила ноги с кровати, встала. Голова предательски плохо соображала, но я мучительно пыталась справиться с мыслями. Отрешиться от вчерашнего.

— За что вы так со мной, Тельман? Что я вам сделала? Я уже поняла, что я вам не нравлюсь, но мы вроде бы договорились...

Он всё же посмотрел мне в глаза и замер, вжавшись в дверь. А приглушённый голос зазвучал тише, чем раньше:

— Не знаю. Иногда в вашем присутствии я просто... теряю над собой контроль. Мне хочется сделать вам больно. Так, как никому другому.

Это было неожиданное, почти интимное признание, слишком интимное — и слишком искреннее, если я хоть что-то понимала. Мне нечего было на это ответить.

— Ту служанку вы больше не увидите.

— Айку? Вы даже имени-то её не помните. И вы считаете, мне должно быть от этого легче? Из-за своей минутной вы прихоти лишили девушку работы, а она, возможно, кормила всю семью. Но вы же ни о ком не думаете, кроме себя.

Тельман снова взъерошил волосы и промолчал.

— Фальшивка. Все ваши слова. Вы сам. Ваша злость. Ваша болезнь...

— Откуда вам знать?!

Теперь замолчала я. Действительно, откуда? Не говорить же ему, что я сама так придумала. Не говорить же ему, что под предлогом мнимой болезни меня саму опекали всё детство, не давая и глотка свободы, пока я не взбунтовалась. И вот теперь он тоже по-своему бунтовал.

Воспоминание оказалось неожиданным, и я прикусила губу.

— Вы правы. Этого я знать не могу.

— Вам нужно что-нибудь съесть, сегодня сложный день, — Тельман так и не отводил от меня горячего, какого-то болезненного взгляда. — Отец потребует нас к себе. Будет собран Совет Одиннадцати.

— Вы снизошли до извинений и объяснений, а это значит, — я делаю ещё шаг вперёд, а Тельман, пусть даже и инстинктивно, отступает, следя за мной, как загнанный в угол феникай за подкрадывающимся лисаком. — Это значит, что моё присутствие там действительно нужно, поэтому до заседания совета вы будете прикидываться паинькой, но затем настанет вечер, вы захотите сбросить напряжение, и всё повторится. Убирайтесь, Тельман. Наше соглашение расторгнуто. Я не собираюсь смотреть на ваши...

— Не знаю, что со мной творится в вашем присутствии. С той нашей первой брачной ночи...

— С вами и без моего присутствия ничего хорошего не происходит, — злость моя внезапно схлынула, оставляя усталое опустошение. — Не врите хотя бы сами себе.

— Всё у нас сразу пошло куда-то не туда, — Тельман невесело хмыкнул. — Впрочем, думаю, что и вы не желали этого брака, но у вас, как и у меня, не было никакого выбора. Может быть, вы хотите вернуться домой? У вас там остались родственники, которым вы могли бы доверять?

— Домой — это в Травестин? Нет уж, там меня никто не ждёт.

— Мне тоже некуда бежать. Хотя бы что-то общее у нас есть.

"Больше, чем тебе кажется", — добавила я мысленно и вздохнула.

— Ещё раз вы примете эту золотистую дрянь — я даже разговаривать с вами не стану. Поверьте, мало вам не покажется.

— Вы такая грозная, моя фени...

— И фамильярничать со мной тоже не нужно. Если уж у вас ничего нет за душой, учитесь хотя бы притворяться, Вират. Вам потом, возможно, всю жизнь притворяться хорошим правителем, которому не совсем уж наплевать на свою страну и свой народ.

— Грозная и жестокая.

Я протянула руку и почти коснулась особенно непослушной пряди, а глаза Тельмана снова полыхнули обжигающей яростью.

— А вот этого не нужно.

— Не нужно, — эхом повторила я, отходя к кровати. — Выйдите, я оденусь.

— Жду вас на завтрак. Прошу... прошу вас. Вират Фортидер будет завтракать с нами.

— Он уже настолько хорошо себя чувствует?

Тельман неопределённо мотнул головой, и я поняла, что этого он попросту не знает.

— На вашем месте я бы перестала мстить хотя бы отцу, который всего лишь...

— Я постараюсь не трогать вас, а вы не лезьте в мою жизнь, — прошипел Вират. — Слуги вас проводят. До встречи, моя дорогая.

— Если Вират Фортидер спросит меня, где я была эти два года? Думаю, он уже в курсе вашей бурной личной жизни.

— Скажете, что были нездоровы, но сейчас уже всё хорошо, и мы активно трудимся над наследником.

— Надеюсь, подкладывать подушку под платье для пущей достоверности не потребуется?

— Разве что там, где у других женщин обычно располагается грудь.

"И да хранят меня каменные драконы, — я посмотрела на тихо закрывшуюся дверь. — Как от постели Его Величества, так и от того, чтобы не придушить его ненароком".

Глава 27. Криафар

Проводить меня на королевский завтрак пришёл сам Рем-Таль. Его холодное серьёзное лицо, как обычно, трудно было прочесть, тем не менее, он сразу же поинтересовался моим самочувствием и настроением, и — как показалось — довольно искренне. Пока мы шагали по бесконечным и совершенно одинаковым на первый взгляд коридорам, мне в голову пришла одна абсурдная идея.

— Рем-Таль, подождите.

Он тут же остановился, чуть склонив голову набок, как большая длинноногая птица: журавль или, может быть, аист. Я протянула руку и коснулась его плеча, наблюдая за реакцией. Реакция не последовала, и я сжала пальцы на запястье своего хладнокровного провожатого. Но когда ладонь легла ему на слегка колючую щёку, Рем-Таль тихо и почти растерянно проговорил:

— Вирата, что вы делаете?! — и я опомнилась, отдёрнула руку. Похоже, эксперимент не удался, и на мои прикосновения неадекватно реагировал один только Тельман. Ничего особенного в них не было — просто имел место быть один особенный, совершенно ненормальный король, вот и всё.

* * *

Один только вид прежнего короля Фортидера, отца нынешнего Вирата и по совместительству моего законного, хоть и временного и выдуманного супруга, мог внушить трепет и менее чувствительной особе. Он был по-настоящему истощён и напоминал больного после серьёзной химиотерапии — полностью гладкий безволосый череп, обтянутый бледной кожей, запавшие глаза. Магия сохранилась в Криафаре преимущественно в довольно слабых целителях, а я подумала о Стурме, маге-целителе — неужели даже она даже для первого лица в королевстве не в силах ничего сделать? Впрочем, возможно, именно благодаря её усилиям отец Тельмана получил в подарок от судьбы эти тридцать солнцестоев.

Здоровому человеку смотреть на умирающего всегда тяжело. А если ты ещё и чувствуешь себя причастным...

— Доброго утра, Вират Фортидер, — сказала я, не поднимая глаз, решив быть тихой, молчаливой и милой. — Рада видеть вас в добром здравии.

Интересно, знает ли сам король о том, что его возвращение в мир живых — временное?

— Здравие не такое уж доброе, но спасибо на ласковом слове, дочка. По правде говоря, не ожидал увидеть тебя, говорят, и ты нездорова? Нам, старикам, болеть — дело обычное, но духи-хранители бывают слишком суровы к молодым.

— Пути духов-хранителей неисповедимы.

— Это верно.

Тельман, уже менее помятый, но на диво молчаливый, сидел примерно посередине еще одного чудовищно огромного стола чудовищно огромной парадной обеденной залы. Кроме него и пары слуг, один из которых неотлучно находился за спиной старого короля, а второй бдил за сменой блюд и тарелок, в зале никого не находилось — Рем-Таль испарился, оставив меня на пороге. Вероятно, пользовался минутной передышкой в присмотре за своим подопечным. Я посмотрела на лежавшие на другом конце стола приборы — и решительно переставила их напротив Тельмана, мимоходом отметив, как он сощурил глаза. Впрочем, где уж было Крейне изучать особенности придворного этикета! Зато я смогу хотя бы его услышать.

— Вы ещё ни разу не присутствовали на Совете Одиннадцати, Крейне? — Вират Фортидер почти демонстративно обращался ко мне одной, полностью игнорируя сына. Я улыбнулась, надеясь, что улыбка выглядит скромно и мило, а не так, как я её чувствовала изнутри: насмешливым болезненным оскалом.

— Даже не слышала о таком. Только о Совете Девяти.

— Конечно, где уж вам слышать о подобном — мой сын не любитель сборищ, на которых невозможно устроить оргию.

Я не смотрела на Тельмана, но почти физически чувствовала его эмоции, вполне человечески понятные. Наверное, независимо от того, что мы вытворяем, от родителей всё равно хочется полного принятия — без учёта возраста и статуса. И я вздёрнула подбородок.

— По молодости супруг порой переходил черту дозволенного, но всё это в прошлом. Уверена, что отныне забота о нуждах государства станет его первой потребностью.

Тельман быстро взглянул на меня, серые глаза вспыхнули, но их выражение было мне

непонятно: благодарность, злость, сарказм? А вот старший Вират неожиданно тепло улыбнулся:

— Знаете, Ризва тоже всегда меня ото всех защищала. Хотя в данном случае...

— Жаль, что мы с ней не успели познакомиться, — искренне сказала я, обрывая очередную сентенцию, обличающую Тельмана. И подумала вдруг, что мешает мне — если я всё-таки вернусь обратно, а я же должна вернуться, не останусь же я навсегда в этой безумной галлюцинации собственного выдуманного мира! — что мешает мне сделать для каждого из своих нечаянных знакомцев маленькое чудо? Вернуть Вирату Ризву — можно же придумать причину! Излечить Тельмана, чем бы он там не болел — это как минимум, а как максимум примирить его с самим собой и с окружающим миром. Снять проклятие с Криафара. Я всё могу сделать с этим миром, абсолютно всё, я для него бог — и от осознания этого закружилась голова. Могу всё, что угодно, вот только не сейчас и не здесь.

И вряд ли эти перемены положительно скажутся на рейтинге книги... Хотя какой, к чёрту, рейтинг, какая, к чёрту, книга. Я провела подушечкой большого пальца по краю ножевилки и почувствовала боль, кровь капнула на светлую скатерть, и я, как ребёнок, торопливо сдвинула на пятнышко тарелку.

Всё реально, реальнее, чем было там, в моей прошлой жизни, пусть я помню её из рук вон плохо.

— Мы могли бы вместе сходить в фамильную усыпальницу, — чуть оживился король. — Я ведь... так и не попрощался с ней толком, хотя скоро, я полагаю, мы увидимся снова. Я думаю, Ризве было бы приятен ваш визит.

Тельман резко отодвинул стул от стола и встал. Кажется, он был на грани взрыва, хотя я и не понимала причин такой реакции.

— Куда... ты? — обращаться к нему на "ты" было едва ли не сложнее, чем поверить в реальность происходящего.

— Наелся, — холодно ответил законный супруг. — Я буду ждать... тебя, — кажется, он тоже давился неформальным обращением, — в зале заседаний. Пообщаюсь пока что с виннистерами, побеседую о... нуждах государства, которые мне так небезразличны, что даже оргии уже не отвлекают. Справлю, так сказать, первейшую нужду, то есть, потребность.

Я тоже поднялась, нахально протянула руку для поцелуя, пытаюсь переключить его внимание.

— Как скажете, мой Вират.

Мы посмотрели друг на друга через стол. Внезапно мне самым абсурдным образом захотелось вытворить что-нибудь совершенно безумное, ненормальное. Дать ему пощёчину, заорать, рвануть со стола скатерть, скидывая на пол квадратные блюда и кувшины из толстого матового стекла, схватить Тельмана за камзол, вцепиться в него, расцарапать щёки, а потом... Я прикрыла глаза. Может быть, сам воздух этого мира так действует на иномирных писателей, что они немножечко сходят с ума?

Тельман взглянул на протянутую ему руку с отвращением, как на дохлую випиру. Очевидно, схожее желание выкинуть какой-нибудь фортель отчаянно боролось в нём с нежеланием ещё больше выводить отца из себя и пониманием совершенно реальной возможности лишиться этого всего — трона, достатка, свободы...

Неловкое прикосновение его пальцев к моим было едва ощутимым, как дыхание. Но нас обоих тряхнуло — меня от неуместного жгучего желания к нему прижаться, поцеловать,

прокусывая губу до крови, а на лице Тельмана отражалась бессильная глухая злость. Он протянул мою руку к себе и наклонился, но не задел, резко, с явным облегчением отпустил и буквально выбежал прочь.

Я поймала взгляд старшего Вирата, на удивление не раздражённый, а скорее, задумчиво-заинтересованный, и едва удержалась от желания сунуть в рот ноющий порезанный палец. Вместо этого положила себе на тарелку порцию очередного незнакомого блюда нежно-лилового оттенка и начала жевать, почти не чувствуя вкуса.

* * *

Зал заседаний оказался гораздо меньше по размеру и куда менее пафосным, нежели парадно-обеденный. Тоже каменные стены и сводчатый, каким-то хитрым образом подсвеченный потолок. Небольшая приподнятая над каменным полом сцена, одиннадцать одинаковых стульев с высокими спинками, стоящие полукругом вокруг подмостков — на Совете все должны были быть символически равны. Тельман действительно общался с одним из виннестеров — так в Криафаре назывались советники-министры по самым разным вопросам.

Их было семь: кругленький невысокий мужичок, заведующий финансами, седовласый усатый и очень суетливый мужчина, отвечающий за животноводство, растениеводство и распределение ресурсов, проще говоря, виннистер Охрейна, типчик с прилизанными тёмными волосами, занимающийся торговлей, очень суровый мужчина с квадратной челюстью, ответственный за добывающую отрасль, высокий и тощий виннистер по военным делам, улыбочивый блондин, руководящий взаимодействием с иными странами, совершенно безликий и какой-то серый виннистер прочих вопросов "жизни мирской". Восьмым должен был быть слугитель духов-хранителей, должность, устранившая в последние сто пятьдесят лет, девятым — маг, один из Совета Девяти, но эти персонажи по понятным причинам отсутствовали. Последние два места предназначались Вирату и Вирате Криафара.

С учётом Его Величества Фортидера и стоящих за спиной Тельмана стражей: как всегда бесстрастного Рем-Таля и хмурой Тиры Мин, всё в тех же кожаных брюках, но хотя бы прикрывшей свои разукрашенные нательными узорами руки строгим мужским камзолом, — нас оказалось двенадцать.

Глава 28. Криафар.

Мы с Тельманом сели на предназначенные нам места. За спиной стояли вечные спутники Его беспутного Величества. Несмотря на то, что оставалось как раз два свободных стула, присаживаться они не стали — то ли не по статусу, то ли из принципа. Я, едва ли не как заправский маг-менталист, чувствовала умиротворяющее присутствие Рем-Таля и нервную, беспокойную ауру Тиры Мин.

Столько моментов из жизни персонажей, из устройства самого этого мира не было мной продумано и придумано, и вот — иная реальность прорвалась в оставленные дыры, словно вода в продырявленное днище корабль. С этой книгой всё сразу пошло наперекосяк, раньше я не позволяла себе подобной халявы, скажем, оставлять героев, даже второстепенных, без подробной биографии. А теперь парочка таких героев буквально дышит мне в затылок, а я и понятия не имею, о чём они думают и чего хотят. Да что там, я сама — тот пресловутый второстепенный герой, внезапно попавший в главные и теперь не понимающий, в какую сторону идти.

И даже главный герой, Вират всея Криафара — совершеннейшая для меня загадка.

Тем временем загадка сидела рядом со мной, довольно уныло глядя на своеобразную

сцену, на которой выступал с докладом первый участник Совета Одиннадцати, суровый виннистер Кравер, подробно и занудно, но не без некоторой агрессии сыплющий цифрами и фактами на головы преданно внимающих слушателей. Я попыталась отвлечься от своего переменчивого взбалмошного супруга и вслушаться в речь советника, почти целиком скопировав хмурое внимательное лицо Вирата Фортидера, который появился здесь на своём отдельном кресле в сопровождении сразу же удалившихся слуг.

Вслушиваться и следить за ходом доклада было трудно: во-первых, дикция глубокоуважаемого Кравера оставляла желать лучшего, он безбожно шепелявил и говорил, спотыкаясь на каждом третьем слове, во-вторых, само перечисление незнакомых мне названий горных пород вводило в состояние некоего медитативного транса. Я поняла, что яшмаит и фириан — самые известные драгоценные камни Криафара — добываются в так называемом Самоцветном Радужном поясе, располагавшемся, соответственно, за радужным районом, там, где и держали два года в полузаточении юную королеву Крейне. Богатые месторождения минералов добывались с трудом, так как добытчиков от собственно месторождений последние полтора века отделяли толстые каменные слои, которые можно было пробивать и взрывать, но нанесённые каменной поверхности раны затягивались самым невообразимым образом, словно каменные плиты стремились восстановить свою порушенную целостность. Однако отказаться от добычи камней и металлов, экспорт которых составлял основу внешней экономики мира, было невозможно. Местные горщики постепенно приноровились к капризному ландшафту. Работать в добывающей отрасли было муторно и сложно, случалось, что во время вскрытия очередного месторождения люди гибли массово и беспричинно, что тоже относилось к последствиям наложенного проклятия. Однако после Охрейна Самоцветный Радужный пояс был вторым местом, куда толпилась очередь желающих прибиться, как-никак, источник неплохого дохода, несмотря на все сложности и опасности. Как бы не называли "презренным" денежный металл заритур, а дураков — желающих отказаться от него — не находилось...

После достаточно короткой сводки о достижениях, сводившихся, в общем-то, к тому, что за последние два года разработки не уменьшились, а продолжали находиться на прежнем уровне, последовали обильные жалобы. Утилизация отходов требовала финансов и договоренностей с соседним Альгионом, который, собственно, их и утилизировал в самом бюджетном варианте, но в последнее время изрядно обнаглел и поднял расценки. Резко негативное влияние вредоносной каменной пыли, в изобилии образующейся во время вскрытия месторождений, на здоровье работников привело к массовым протестам и требованиям компенсаций, не предусмотренных бюджетом. Поступила идея перенести обрабатывающие минералы аппараты поближе к территории, на которой происходила добыча, что было в целом логично с учётом общей заброшенности радужного района, однако требовалось решить некие юридические вопросы с номинальными владельцами брошенных имений — и опять-таки требовались дополнительные вложения... Король Фортидер кивал с умным видом, светловолосый Ристур, виннистер иностранных дел, едва ли не подпрыгивал на месте, желая внести свою ценную лепту по поводу несговорчивого Альгиона, а также главных импортёров "минералов ювелирного значения" — Травестина, моей, между прочим, родины, и Таринтура, о котором я сегодня услышала в первый раз.

Прочие доклады проходили по аналогичной схеме: несколько сдержанных слов о текущей работе "в поте лица, не щадя живота своего", а далее полнокровный и вдохновенный рассказ о проблемах, которые не решаются, сложностях, не дающих нормально работать, но

преодоление которых находится за пределами компетенции уважаемых виннистеров, и планах, которые страшно даже представлять, а не то что реализовывать, с учётом уже имеющегося опыта нерешённых дел и задач.

Я испытывала... двойственные чувства. С одной стороны, злость на Тельмана, который явно не сумел не то что вникнуть во все эти вопросы, но даже минимальным образом обуздать эту толпу опытных и искушенных бюрократов, каждый из которых был приблизительно вдвое старше его, и которые, очевидно, ни в грош его не ставили. Разумеется, небезосновательно, и всё же... С другой стороны, мне почему-то подумалось, что при своей жизни Вират Фортидер не так уж и стремился приобщить ветреного сына к политической деятельности, а если и стремился, то исключительно через упрёки, обвинения и сарказм, что явно не способствовало его стараниям. На что рассчитывал король-отец? На то, что будет жить вечно, и Тельман никогда не встанет на его место?

Тем временем на политических подмостках произошло определённое оживление. Виннистер Охрейна по имени Рион возбужденно размахивал руками перед лицом сонного Прегана, отвечающего за разнообразные мирские вопросы. Из-за полуприкрытых веками мутных глаз и какого-то сонного выражения на треугольном лице он походил на змею.

— Нет, мы не можем, мы категорически не можем увеличить расход довольствия, земля Охрейна не бесконечна, её нужно беречь! Глубокоуважаемый Крамер не так давно говорил о том, что и ресурсы Радужного пояса не безграничны, но там речь идёт о мёртвом камне, о мёртвых камнях, а здесь уникальный изумительный уголок природы, в котором мы чудом сумели сохранить жизнь, вы понимаете, Преган, жи-и-изнь! Накормив сотни голодных сегодня, мы получим тысячи умирающих от голода завтра! Нужно думать на перспективу!

Преган открыл узкий рот с бескровными губами и зашипел, как сердитая потревоженная випира:

— Пока вы думаете о будущем, вы лишаетесь возможности этого самого будущего!

— Будущее не есть какая-то там "возможность", это наш проект, наша задача, наше...

— Полегче, уважаемые виннистеры, — голос Вирата Фортидера был тих, но в нём ощущались отголоски былой властности, и, несмотря на слабость, виннистеры послушались моментально. — Насколько я понимаю, вопрос поднимается исключительно в связи с недавним ростом числа выступлений струпов?

— Да! — выкрикнул Рион, тогда как Преган высказал своё решительное "нет". Оба снова уставились друг на друга, словно мангуст и кобра.

— Люди голодны, Рион.

— Они всегда голодны! И им всегда всего мало.

— Нужно пересмотреть нормы распределения...

— Что думаешь, Рем-Таль? — неожиданно Вират Фортидер обернулся к застывшему, как изваяние из яшмаита, Стражу. Это было действительно... странно, и я, не глядя на Тельмана, почувствовала какую-то досаду за него. Не знаю, нарочно ли отец провоцировал сына, столь демонстративно игнорируя его, или это выходило само собой, но обращение даже не к одному из виннистеров, к Стражу, формально — слуге, пусть и высшего ранга, в обход родного отпрыска, было... было оскорбительной констатацией того, что законного наследника, лишь на тридцать солнцестоев уступившего отцу трон, можно не принимать в расчёт. Мне захотелось сжать руку Тельмана в своей, как-то ободрить его, поддержать, но делать этого, разумеется, категорически было не нужно. Даже если бы мои прикосновения не выбивали его из колеи, я понимала, что он должен как-то оправдать себя сам — и вряд ли

оправдает.

Рем-Таль выглядел слегка растерянным, но и проигнорировать вопрос правителя не мог.

— Вират, не думаю, что простая раздача ресурсов решит вопрос с бунтовщиками. Это утихомирит их на несколько солнцестоев, но потом им нужно будет больше. И ещё больше. Они должны почувствовать нашу силу. Струпы уважают, если можно так сказать, только силу.

— Им нужно дать работу! — зашипел Преган. — Разумеется, не стоит выращивать армию нахлебников, но...

— Струпы чуть не убили мою жену днём ранее, когда она направлялась с караваном во дворец, — вдруг сказал, не поднимаясь с места, Тельман, и второй раз за всё время заседания Совета разом настала полная тишина. Голос Тельмана был немногим громче его отца, но, несмотря на то, что хозяйских властных ноток в нём не было совершенно, что-то заставляло прислушиваться к нему. Может, просто любопытство — неужели этот мальчишка вообще слушает, о чём идёт речь? Сказать по правде, и у меня были такие сомнения. — Мы не должны закрывать на это глаза. Но я против исключительно насильственного решения вопроса. Те, кто сейчас ежедневно пополняет ряды струпов — так или иначе, народ Криафара. Так что да, их нужно накормить, дать им работу. И устранить лишь тех, кто не примет единожды данный шанс. Радужные месторождения не единственное место, где можно добывать минералы... Есть горы за районом Вьюги. Потенциально — ещё более ценные месторождения.

— А вы подумали, какие средства требуются..! — вскинулся Кравер, щелкая своей выдающейся челюстью. — Это невысказанные средства, которых у нас нет!

— Никто не говорит о скоропалительных вложениях, однако предоставить занятость людям мы можем уже в ближайшее время.

Виннистер по финансам, Фриок, нервно сжал руки за спиной и подпрыгнул на своём стуле. По поводу "вложений" ему явно было что сказать, но перебивать юного Вирата он всё же не стал.

— А вы, Крейне? — внезапно обернулся ко мне отец Тельмана, и я вдруг подумала, а был ли этот Совет настоящим — или постановочным для нас двоих. — Что думаете вы? Тем более вы, в некотором роде, заинтересованное лицо. Страшно подумать, что могло случиться с вами, если бы не доблесть нашего Рем-Таля... Что вы думаете об этом всём?

— Эти люди... струпы... истощены до крайности и озлоблены до потери человеческого облика, — медленно начала я, мучительно желая испариться и не видеть этих обращённых на себя мужских глаз всех присутствующих, кроме, разумеется, Тельмана, вновь вернувшего себе отстранённый вид и безучастно изучающего какую-то точку на стене. — Не думаю, что с ними будет просто договориться... не думаю, что они будут испытывать благодарность за отданную еду, скорее, это действительно может подвигнуть их продолжать добиваться своего нападениями и запугиваниями. Но мой супруг прав. Они — жители Криафара, и просто вырезать их всех без остатка — всё равно, что отрубить заболевшую конечность.

— Иногда это необходимо, — сказал Вират Фортидер, но в его голосе не было снисходительности, скорее любопытство.

— Это необходимо в мире, утратившем магическую защиту, в мире, где маги-целители слабы, я понимаю. Но мы должны дать людям шанс. Временно можно перебросить силы с Радужного месторождения на разработку Вьюжного...

— Вирата! — хором выдохнули несколько виннистеров одновременно. — Мы не можем

позволить себе перебои в экспортных поставках, у нас есть сроки и обязательства, мы импортируем слишком многое, мы...

— Не перебивайте мою жену, — холодно сказал Тельман, и шум голосов снова загадочным образом стих.

— Что ж, — Вират Фортидер хлопнул ладонью по колену, накрытому вязаным покрывалом. — По крайней мере, в самые ближайшие дни я хотел бы увидеть максимально подробный проект разработки Вьюжного месторождения.

— Но... — Кравер буквальным образом схватился за голову. — Но..!

— Мы могли бы обратиться к магам из Совета Девяти, — проговорила я, и тут ко мне обернулся даже Тельман. — Вертимер, Вестос...

— Маги никогда нас не слушали! — визгливо отозвался Рион. — Маги! Они окопались в своей пирамиде...

— Можно хотя бы попробовать.

— Вирата, прошу прощения, но в Криафаре вы человек ещё новый и, возможно, не...

— Спокойствие, соблюдайте спокойствие. На сегодня всё, — Вират-старший снова хлопнул себя по коленям, призывая к молчанию. — Всем спасибо за участие, появилось немало информации к размышлению. Жду доклады в письменном виде. И проект разработки Вьюжного месторождения, а также социальный план по обеспечению трудоустройством на нём безработных и бездомных желающих. Со всеми планируемыми расходами по минимальной и максимальной ставкам. По поводу магов — разговор не для сегодняшнего дня. Я устал. Расходимся. Крейне, постойте.

Виннистеры покинули изрядно нагретый зал заседаний почти мгновенно. Стражи стояли у дверей, Тельман небрежно поднялся, но отчего-то не спешил уйти.

— Рад, что ты, оказывается, умеешь говорить, — Вират смерил собственного отпрыска взглядом, радости в котором было весьма скудное количество.

— Да, я уже лет двадцать пять уже как умею. Мать говорила, года в полтора научился.

— Крейне, — не обращая внимания на слова Тельмана, продолжил Вират Фортидер. — Крейне, ваши слова... вы молоды, вы верите в лучшее, это так понятно, и хотя...

— Она права, — резко оборвал его Тельман. — И по поводу Вьюжных копий, и по поводу магов. Несмотря ни на что, она права, так признай это хотя бы сейчас.

— Я надеюсь, моя дорогая, только на вас, — Фортидер кивнул мне, его острый подбородок дёрнулся. — Я надеюсь на то, что вы справитесь... со всем, и подарите Криафару достойного наследника. Моему сыну несказанно повезло.

— Я же ничего такого... — растерянно сказала я, но Фортидер лишь поднял руку, видимо, действительно утомившись от слов. Слуги молчаливо просочились в Зал заседаний, готовые подхватить Его болезное Величество.

— Подарите Криафару наследника, Крейне, и я умру если не счастливым, то в относительном покое.

Слуги подхватили кресло с королём — судя по всему, его тщедушное, иссушённое двухгодовой комой тело весело немного, — и унесли прочь.

Я вышла из зала заседаний и растерянно остановилась на пороге — в Каменном зале я ориентировалась ещё из рук вон плохо. Голос Тельмана буквально кольнул в затылок:

— Я провожу вас, дорогая Крейне. А вы, — это, очевидно, было сказано стражам, — можете идти. Не слышали что ли отцовское наставление: нам с супругой нужно срочно озаботиться наследником. Вот мы и отправляемся заниматься этим важным неотложным

делом. Вдвоём.

Рем-Таль что-то ему отвечал, явно не согласный, что от дежурства в коридоре во время этого важного процесса может быть какой-то вред, а я двинулась вперёд, подумав о том, что проголодалась и устала, но один несомненный плюс от сегодняшней встречи есть: появился реальный повод для встречи с магами, практически официальный.

Я была уверена, что, доведя меня до личных покоев, Тельман уйдёт, но он, как ни в чём не бывало, зашёл вслед за мной. Новая светловолосая служанка испуганно выскользнула прочь, препятствовать ей он не стал. Впрочем, сейчас мой король был серьёзен, трезв и задумчив.

— А, так вы не шутили насчёт наследника? — как можно более насмешливо фыркнула я. Мне не хотелось с ним препираться, но и его беспричинное присутствие напрягало.

Тельман только махнул рукой.

— Я уже говорил, в вашей компании я чувствую себя на удивление свободно. Почти как в одиночестве. От этих соглядатаев порой так хочется отдохнуть. Крейне, насчёт магов... Даже не думайте. Вы меня поняли? Никаких разговоров, никаких визитов! Исключено.

— Почему? — такого поворота я не ожидала. — Почему нет? Я знаю, что открытый день прошёл, но...

— Это опасно. Вы не понимаете всего... Совет Девяти был созван Виратом Плионом еще до наложения проклятия, но теперь ситуация поменялась. Маги первые приняли на себя удар, их физиология, их душа, если можно так выразиться, изменились под его воздействием. Они никому не подчиняются, они не вполне адекватны и не контролируют свой дар, никто не сможет в случае чего... на них повлиять. Это опасно, я запрещаю.

— Так разве это не будет лучше для вас? — я не хотела с ним заигрывать, я даже наслаждалась тем, что мы можем говорить почти нормально, без подкалываний — и говорим вот уже несколько часов. Но я должна была увидеться с магами, и если остальные их боятся, тем лучше — конфиденциальный разговор был бы предпочтительнее. Вероятно, не стоит раскрывать им сразу, кто я есть — мало ли, какая будет реакция. Сначала стоит познакомиться, присмотреться. Впрочем, Нидра наверняка прочтёт мои мысли, а Варидас может увидеть моё будущее в другом мире...

Да, Тельман был прав, судьба жестоко обошлась с Советом Девяти. И несмотря на то, с какой теплотой я думала о собственных персонажах, у них-то не было повода испытывать ко мне добрые чувства. Но другого выхода я не видела. Мой мир был не здесь, пусть я и помнила его так плохо.

— Что вы имеете в виду?

— Вы же меня терпеть не можете. Если со мной произойдёт какой-нибудь несчастный случай, вам же будет гораздо проще, Вират. Не нужно будет возиться с имитацией смерти, переправкой меня в Силай и со всем прочим... Так будет гораздо проще. Помогите мне только добраться до Пирамиды и уповайте на случай.

— Проще... — Вират смотрел на меня, стоя у двери. — Так действительно было бы проще, но на самом деле... На самом деле...

Он разжал сцепленные руки и поманил меня таким знакомым, земным жестом. Я шагнула к нему, уже понимая, что наше сближение не закончится ничем хорошим, но почему-то не в силах остановиться.

— Вы... ты хорошая, — Тельман вытянул руку, но не касался меня. — Красивая. Неглупая. Неслабая. Милая, как моя Чу-и. Ты понравилась мне с первого взгляда... Да, я не

могу сказать, что влюбился, я тебя совсем не знал, невеста из Травестина казалась такой перепуганной и в то же время восторженной девчонкой, сказать по правде, её скорее можно было пожалеть, чем полюбить, но всё же я шел к тебе, уверенный, что всё у нас сложится, хотя я и брака не хотел, и детей не хотел, и мечтал выкинуть что-нибудь отцу назло. Я зашёл к тебе тогда так же, как сейчас, прелестная юная Крейне, так я тогда о тебе и думал: прелестная. Юная. Наивная. Моя. Чистый лист. Я хотел сам тебя испортить, от и до. Всему научить.

— Что же произошло? — слушать его слова, такие несомненно искренние и такие... жестокие было отчего-то невыносимо.

— Что-то... что-то определённо произошло. И вот теперь ты... вы стоите рядом, и я знаю, что должен сделать. И я... хочу это сделать. «Хочу» и «должен» так редко совпадают в моей жизни. Не отпускать, а... Но стоит мне коснуться вас — и я чувствую невыносимое, безграничное отвращение. Страх. А я бы хотел вас коснуться, Крейне.

Мы были близко, очень близко. И я пыталась вспомнить, как он вжимался в рыжеволосую Айке, как брезгливо смотрел на мою протянутую руку там, в обеденной зале, всё прочее, вспомнить и разозлиться. Но прошлые обиды словно отошли на второй план. Словно это всё было в черновике, ненужном, неопубликованном. Несуществующем.

Я тоже хотела его коснуться.

Воздух сгустился между нами, и мы сближались, сближались, неотвратимо, как если бы кто-то другой писал историю, в которой мы были бы только персонажами, не живыми свободными людьми. Но в тот момент я не возражала. Я была согласна на всё.

За секунду до того, как соприкоснулись наши губы, моя рука невольно легла на его плечо. Наваждение спало, Тельман выдохнул и отступил, разрывая мимолётный контакт.

— Простите, Вирата. Я помню наш уговор, и я... Никаких магов. Никакой пирамиды. И никакой постели. Обед вам принесут в комнату, помнится, вы когда-то об этом просили.

Тельман вышел, а я обхватила голову руками.

Несусветная глупость, ещё чего не хватало — целоваться с тем, кого не существует! Не существует, я сказала!

Что же случилось тогда, в нашу брачную ночь? Что происходит теперь? Не знаю, я этого не писала, не знаю! Но выясню обязательно, я не могу это так оставить.

А по поводу пирамиды и магов — пусть девкам своим указывает, что им делать. Уж точно не мне.

Глава 29. Криафар

Я проснулась, как будто вынырнула из тяжёлой, холодной, беспросветной глубины. Поморгала, привыкая к мысли, что я всё ещё в Каменном Дворце.

Она не вызвала страха или разочарования, эта мысль. Память о событиях моей настоящей земной жизни всё ещё была словно затянута ряской, как поверхность заболоченной лужи. Надо хотя бы делать какие-то зарубки или пометки, сколько я здесь нахожусь. Три солнцестоя? Или уже четыре? Кажется, так мало, но если вспомнить про отпущенные три десятка — чудовищно много.

Айнике каким-то загадочным образом узнала о моём пробуждении, рыбкой проскользнула в спальню, принялась хлопотать над одеждой и занавесками. Я украдкой следила за ней, не спеша вставать, прислушивалась к внешним звукам. Никаких звуков не доносилось, но Вират уже столько раз, кажется, врвался в мою спальню без предупреждения. Может, и сейчас..?

Но всё было тихо. Слишком тихо.

Как и ужин, завтрак подали в комнату, и я снова ощутила себя пленницей. Делать было совершенно нечего. Впрочем...

— Айнике! — окликнула я светловолосую служаночку. — Позови мне Рем-Талья. Прямо сейчас.

— Куда, Вирата? — испуганно переспросила девчонка.

— Сюда, я же здесь, — понимаю, почему короли становятся отмоороженными деспотами. Очень трудно держаться, когда вокруг все так безбожно тупят и в то же время беспрекословно подчиняются.

— В спальню?! — бедолага, вероятно, решила, что в подопечные ей достался второй Тельман.

— Где можно поговорить без свидетелей? — сдалась я. — Без лишних ушей и компрометирующих кроватей?

— Есть антратовый грот, Вирата. Туда редко кто-либо заходит, потому что обычно там очень прохладно.

— Грот так грот. Но сначала передай мою просьбу Стражу, желательно, когда Вирата не будет поблизости и уточни подходящее время для встречи. Не ждать же мне его шаг за шагом.

Айнике кивнула, но прежде, чем она выскочила выполнять поручение, я притормозила её рукой.

— Ты тоже с ним спала, Айни? С Виратом Тельманом?

Глаза блондиночки моментально наполнились слезами.

— Вирата, что вы, я никогда... Я дорожу этим местом, я сама бы никогда, да хранят меня каменные драконы..!

— Иди уже, — махнула я рукой, чувствуя грызущую досаду, в первую очередь, в отношении себя самой.

* * *

На встречу со Стражем я пришла, выждав шаг для верности. "Антратовый грот" оказался одной из многих, совершенно непонятно для каких целей построенных камерных комнат: арочный вход, сводчатый потолок. Стены были выложены абсолютно чёрным камнем, казалось, поглощающим другие цвета и звуки. Несколько светильников с горючим сланцем мерцали над нашими головами, вызывая головокружительное ощущение, что мы зависли в космосе. Кажется, на потолке даже поблёскивали крошечные белоснежные светлячки, хотя им и взяться-то было неоткуда.

От чёрных стен действительно веяло стылмым холодом.

— Что-то случилось, Вирата?

— Ничего страшного. Просто хотела поговорить.

Я уселась на каменную скамью, поверхность которой, к счастью, была не такой ледяной, и приглашающе похлопала ладонью рядом с собой.

— Присаживайтесь... Можете уделить мне пару шагов? Его Величество сейчас, я надеюсь, не одинок?

Рем-Талья заколебался, но, очевидно, явных причин отказать королеве отыскать в своей памяти не смог.

— Да, Вирата, я в вашем распоряжении и к вашим услугам.

Я тоже задумалась, пытаюсь определиться, что именно сейчас у него спросить. И

высказала буквально в лоб, без предварительной подготовки:

— В ночь после нашей свадьбы с Тельманом... Вы с Тирой Мин сопровождали его?

— Да, разумеется. До дверей спальни.

— В каком он был настроении?

Казалось, Рем-Таль удивлён.

— В... обычном, Вирата. Если можно так сказать. Он вёл себя, как всегда.

— Издевался, ёрничал и делал вид, что ему на всех наплевать?

Рем-Таль помолчал, а я залюбовалась контрастом бесстрастного лица и пылающего в тёмных глазах пламени. Всё-таки он был очень хорош собой, мужественный Первый Страж криафарского трона.

— Вират Тельман довольно часто бывает... недоволен необходимостью постоянного сопровождения. О чём порой высказывается в достаточно резкой форме.

— Вы настоящий дипломат, но мне сейчас не нужны эвфемизмы и выверенные формулировки, не надо пытаться оградить меня, пожалуйста. Расскажите, что произошло ночью после нашей свадьбы.

— Разве вы не помните сами, Вирата?

— Вы знаете, что когда вы забирали меня из Радужного поместья, я была... не совсем здорова, — мы оба бросили взгляд на едва заметные полосы шрамов на моих предплечьях. — С тех у меня появились некоторые пробелы в памяти. Видимо, это что-то эмоциональное. Расскажите мне, Рем-Таль. Всё, что знаете.

— Но я не знаю ничего такого, что могло бы быть вам интересно, Вирата.

— Мне интересно всё.

Я потянула его за рукав. У него были сильные мускулистые руки — особенно по сравнению с более худощавым жилистым Тельманом. Настоящий телохранитель. А в данном случае, возможно, ещё и душехранитель.

Шарахаться, как его повелитель, Рем-Таль от меня, конечно, не стал, но мои прикосновения явно выбивали его из душевного равновесия, как мне ошибочно казалось, непоколебимого.

— Все было, как и должно было быть.

— Хотите сказать, он возненавидел меня не с первого взгляда? — получилось недостаточно саркастично. Возможно, шёлковый характер настоящей Крейне начал как-то проявлять себя.

— Я не читаю в душе Его Величества. Мне показалось, всё было нормально. Во время брачной церемонии Вират вёл себя доброжелательно. Учтиво. Безукоризненно. Вират Фортидер был доволен.

— Но изначально Тельман был против этого брака?

Рем-Таль с некоторой тоской глянул на выход. Вероятно, в мечтах он уже приложил меня головой об каменную стену, и, нейтрализовав чересчур прилипчивого и дотошного противника, мчался прочь от стоявших ему поперёк горла задушевных разговоров.

— Вират, как вы слышали, с детства не совсем здоров и нуждается в постоянном просмотре. Разумеется, это не могло не сказаться на его тяге к... свободе. На его внутреннем протесте по поводу ограничения, даже формального, этой свободы. Простите, Вирата, я не лучший собеседник в этих вопросах. Вират не обсуждает со мной свои чувства, я только Страж. Мне нужно идти.

— Подождите! — я снова ухватила Рем-Талья за рукав, а потом, для верности, вцепилась

в руку.

Рука у него была... хорошая. Сильная. Тёплая.

— Вирата, прошу вас...

Где-то в душе меня умиляло и забавляло почти юношеское стеснение этого взрослого сильного мужчины в моём присутствии. Впрочем, не исключено, что я опять стала жертвой незнания выдуманного собою же мира. Может быть, здесь вообще не принято касаться посторонних людей. Может, прикосновение к ладони сродни приглашению к близости. Или что-нибудь ещё... Но от Рем-Талья веяло надёжностью.словно старший брат, который не будет сюсюкаться, но в случае чего — непременно поможет, защитит от любой опасности и угрозы.

— Всего пара шагов, вы же понимаете, мне нужно знать. Что-то произошло в эту нашу брачную ночь, что-то, что кардинально изменило отношение Тельмана ко мне. Он меня терпеть не может, но я не могу понять, за что и почему. Вы самый близкий к нему человек, вы...

— Мы были друзьями, это правда, но очень давно. У нас шесть лет разницы, в юношеские годы это целая пропасть, Вирата. Я поступил на службу, когда мне было четырнадцать.

— Да, — это я помнила. — Ваша мать состояла в Совете Одиннадцати, почти уникальный случай, когда женщину взяли на эту роль. Виннестер по распределению ресурсов, если не ошибаюсь. Она погибла, верно? Камал свалился в русло Шамши во время перехода.

— Вы поразительно осведомлены, — как-то сухо сказал Рем-Таль, и я опомнилась.

— Да, так получилось, что...

— Мать погибла, а отец умер ещё во время моего младенчества, и Вират Фортидер любезно пристроил меня на роль официального наставника собственного сына. Точнее говоря, друга и сопровождающего.

— Официальный друг — звучит не так уж радостно. Вашей задачей было подружиться с молодым Превиратом и сопровождать его повсюду. Не этого вам хотелось. Но у вас не было выбора.

— Меня полностью устраивали и устраивают мои обязанности, — ещё суще проговорил Страж трона.

— Всё время возиться с капризным мальчишкой, чей характер и интересы так отличаются от ваших? А теперь...

— Вирата, вы хотите поговорить обо мне или о Его Величестве? Да, мы с Тирой Мин сопроводили вас и Вирата Тельмана до ваших покоев. Вы зашли первая, Вират стоял на пороге и разговаривал с нами, недолго, буквально шаг.

— О чём?

— О различных не самых существенных вещах. У Вирата весьма своеобразное чувство юмора.

— Да уж, представляю... Он, небось, предложил присоединиться, потом предложил оставить дверь незапертой, чтобы было удобнее подслушивать, потом — принести кровать и скоротать время...

— Вы поразительно осведомлены, — холодно отозвался Страж и осторожно попытался высвободить руку.

— Нетрудно догадаться, — я как можно более легкомысленно закатила глаза.

Подозрительный какой. Хотя... мне-то что за дело, пусть подозревает, всё равно он никогда не догадается, а если и догадается, то не докажет. Сочтут сумасшедшим.

— Да, примерно так всё и было. Потом Вират вошёл в спальню и прикрыл дверь. Мы с Тирой Мин, как вы понимаете, не подслушивали.

Это что только что было, попытка сарказма? Испорчу я честного правильного Стража...

— Через сколько минут Тельман вышел из спальни? То есть, я хотела сказать, шагов?

Рем-Таль смотрел на меня тяжелым взглядом. Разговор явно его тяготил.

— Примерно через три шага, Вирата. Прошло уже два года, я не помню всего произошедшего так уж точно.

— Он был одет?

— Скорее да, чем нет.

Я сдалась — пожалуй, вряд ли я добьюсь чего-то более информативного сегодня. Пожалуй, стоит решить второй вопрос, пока терпение моего собеседника не истощилось окончательно.

— Рем-Таль, у меня есть к вам просьба.

— Просьба?

— Вообще-то приказ, но мне не хотелось бы сразу его так называть. Пусть будет конфиденциальная личная просьба.

Рем-Таль всё-таки вытащил свою широкую ладонь из моей. Золотистые волосы, тёмные у корней, казались ещё более светлыми на фоне загорелой, обветренной кожи, придавая его суровому лицу некоторую романтическую мягкость. А вот в голосе мягкости не было.

— Буду счастлив услышать детали, Вирата.

— Вы присутствовали на вчерашнем Совете Одиннадцати. Мне нужно добраться до Пирамиды и увидеться с магами. Тельман против. Вы должны мне помочь.

— Вират совершенно прав. Я так же не могу согласиться...

— От вас не требуется соглашаться. От вас требуется выполнить поручение наилучшим образом из всех возможных. Вы Страж трона. Я тоже сижу на троне. Подчиняйтесь. Это во благо Криафара.

— Как угодно, Вирата. Но я не смогу не сообщить обо всём своему королю. Это мой долг и прямая обязанность. А дальше — как духам-хранителям будет угодно.

Я вздохнула. Нет, Тельмана с его неуместно проснувшейся заботой мне было не нужно. Хотя при других исходных данных я с удовольствием бы поехала именно с ним.

— Когда Вирату Тельману было восемь лет, он сбежал из Каменного замка. Точнее говоря, думал, что сбежал. На самом деле, это ты его отпустил. Он надоел тебе до колик в кишках, и ты позволил ему уйти, надеялся, что с ним что-нибудь случится в пути, а тебя освободят от непосильной ноши. Всё обошлось, тебя даже не ругали, король всегда питал к тебе слабость, потому что твоя мать была ему небезразлична. "Вот таким должен был быть мой сын", — думал он, глядя на тебя день за днём, год за годом. Но в облике идеального стража есть некоторые прорехи, верно? Когда Тельману было семнадцать лет, он увлёкся некой Лирией. Вирату Фортидери не понравилось это увлечение, и он велел тебе... Достаточно? Я могу продолжать.

— Достаточно, Вирата.

На лице Рем-Талья не дрогнула ни одна жилка.

— В таком случае, я буду ждать скорейшего приглашения на небольшую экскурсию, о которой никто не должен знать. Не переживай, мне нужно только добраться до места,

внутри я пойду одна.

— Я не переживаю, но не думаю, что Совет Девяти впустит кого-либо, кроме Вас. Хотя не исключено, что они вообще не выйдут на разговор.

— Посмотрим.

Я поднялась с каменной скамейки, зябко поёжилась, только сейчас осознав, что пальцы почти что околели. Обхватила себя руками.

Может быть, зря я затеяла этот шантаж? Может ли Рем-Таль сделать какой-то ответный ход, в результате которого меня снова запрут на пару лет?

Но у меня в запасе имелось слишком мало солнцестоев, чтобы раздумывать, а в стратегическом планировании я никогда не была сильна.

— Что ему не понравилось во мне, Рем-Таль? — спросила я, хотя этот вопрос следовало задать несколько раньше. То есть, вообще не следовало задавать. — Что со мной не так?

— Не могу знать. На мой взгляд, вы идеальны, Вирата, — совершенно серьёзно ответил Первый Страж и покинул антрастовый грот.

Глава 30. Наш мир

Тоненькая девушка с черными прямыми волосами чуть ниже плеч и золотистыми, как знаменитый криафарский песок, глазами, наконец, заснула, обхватив руками одну из десятка пуховых подушек, в беспорядке разбросанных на кровати. Во сне она беспокойно ворочалась, одеяло сползло на пол, тонкая ночная рубашка не скрывала очертаний молодого привлекательного тела. Светильник на горячем сланце почти погас — каждый солнцестой слугам приходилось заменять старый выгоревший сланец на новый кусок такого полезного в быту минерала. Слегка мерцающий то золотым, то алым черным бесформенный обломок в стеклянном сосуде не мешал крепкому, хотя и тревожному сну уставшей Вираты Криафара, и от легкого скрипа открывшейся двери она не проснулась.

Тёмный силуэт, возникший на пороге, трудно было разглядеть в подробностях. Гость сделал шаг в комнату, еще шаг и ещё, остановился над кроватью, наклонился, протянул руку, но не коснулся темнеющей на фоне светлой наволочки пряди волос. Осторожно зацепил пальцами лямку такой откровенной ночной рубашки. Потянул вниз, обнажая грудь. Пальцы скользнули на светлую беззащитно обнажённую кожу и тут же отдёргнулись. Через несколько мгновений спящая Вирата Крейне осталась в своих покоях одна.

Ненадолго.

Спустя буквально шесть шагов плотно прикрытая дверь снова открылась, и новый гость, чьих черт в полумраке было не разобрать, без единого звука проник в спальню. Остановился перед кроватью, разглядывая лежащую на кровати девушки. Тень занесённой над ней руки пробежалась по коже, словно призрак золотого скорпиутца.

Вирата Крейне не просыпалась.

— Вы что здесь делаете?!

Голос Вячеслава Станова раздался где-то сзади меня, слишком громкий, такой долгожданный и одновременно неожиданный. Я вздрогнула и, не оборачиваясь, зашептала:

— Укладываю спать вашего сына. Вы видели вообще сколько времени?

— Почему это делаете вы?

— Это я вас хочу спросить. Почему мне приходится это делать? Ваша няня ушла несколько часов назад и до сих пор не вернулась, не могла же я бросить ребёнка одного! Дети должны спать в такое время.

— Почему вы сразу не позвонили мне?!

Я моргнула. А и в самом деле, почему?

— Это вы так пытаетесь элегантно переложить на меня ответственность за выбранную вами няню? Она сказала, что выйдет на десять минут и пропала! Надо было бросить Теля и вас вызванивать?

Теперь моргнул Вечер. Мы посмотрели друг на друга и перевели взгляд на уснувшего прямо на моих коленях черноволосого мальчика. Он был худенький, миниатюрный, но тёплая тяжесть расслабленного во сне тела приятно давила на колени.

Не знаю, что со мной произошло в этот самый момент. Наверное, лёгкий всплеск безумия, не иначе. Мне показалось вдруг, что я не заняла чужое место исчезнувшей писательницы Кнары Вертинской, а словно бы вернула своё собственное, давно утраченное. Мой дом. Моя книга. Мой мужчина. Наш ребёнок. Моё. Это всё — моё. Наше.

Вячеслав осторожно приподнял мальчика, задев мои колени, и меня будто насквозь прошибло током от его прикосновения. Чтобы стряхнуть невольный морок, я ущипнула себя за запястье. Что за ерунда, он же мне даже не нравится.

Тоже подошла к кровати. Всё-таки спящие дети — это прекрасно. Наваждение спало, но зато накатила сонливость. А ведь за продю я ещё не бралась...

— Хотите, я посижу тут, покараулю? — неуверенно предложила я. — Он же может проснуться, испугаться один...

— Он не проснётся.

От этой фразы меня снова тряхнуло, но уже по-другому. Стало жутко, тревожно, хотя, конечно же, Вячеслав просто имел в виду, что у ребёнка крепкий сон. И тут же я вспомнила, что собиралась прощаться и уходить, а вовсе не заниматься делами господина Станова. В это самое время он зажал подбородком смартфон, отступая назад в прихожую, одновременно стягивая ботинки и выговаривая тихим свистящим шёпотом:

— Немедленно возвращайся. Я сказал, немедленно, о чём ты только думала?! Я предупреждал... Ты не понимаешь! Так нельзя!

— Надеюсь, вы говорили сейчас с женой?

Вячеслав помотал головой. Снял очки и уставился на них так, словно впервые видел. Снова нацепил и посмотрел на меня.

— С какой женой?

— У вас их несколько?

— От Карины вестей по-прежнему нет.

Я вздохнула. Либо он действительно гениальный актёр, либо всё-таки полный дурак. Какой вариант предпочтительнее? Ладно, будем придерживаться второго варианта. Так оно проще.

— Вячеслав, послушайте. Мне нужно вам кое-что показать. Прямо сейчас, это срочно и важно.

Он неохотно пошёл за мной в кабинет Кнары Вертинской, но перед ноутбуком притормозил.

— Что произошло? Аня, уже очень поздно, завтра тяжёлый рабочий день, так что... Я же говорил вам, что тексты не читаю.

— А сейчас придётся. Сдаётся мне, вы тот ещё шутник. Вы или ваша Карина.

— Что вы имеете в виду?

— Представьте себе, сегодня в "Каменном замке" вышла новая глава.

— Вышла, — спокойно сказал этот невообразимо невозмутимый тип. — И я благодарен Вам. У вас отлично получается, зря вы сомневались. Сюжет должен развиваться.

— Вышла глава, половину из которой писала не я! И уж точно не я выкладывала!

— Это тоже хорошо, — пробормотал Вячеслав. — Это тоже правильно, Аня, поймите.

— Я и хочу понять! Но не понимаю. Кто-то имеет удалённый доступ к компьютеру? Кнара продолжает дописывать свою книгу? Но зачем ей понадобилась в таком случае я? Вдохновение закончилось? Она использовала мои черновики! Или вы просто так издеваетесь?!

Слова, проговорённые вслух, были слабы и беспомощны, как новорождённые хомячки. Слепо тыкались во всё вокруг, не выражая спутанных мыслей. Я замолчала — не потому, что Вечер пытался меня как-то остановить или перебить, а потому, что сама осознала бессмысленность любого демарша.

— Я ожидал чего-то подобного, — негромко произнёс Вячеслав. — Нет, Аня, никто не издевается над вами и не разыгрывает. Я до сих пор не знаю, где находится Карина. Никто не имеет доступ к её компьютеру, в этом я совершенно уверен. Всё дело в вас. Видите ли, вы — не совсем обычный человек.

— В каком смысле? — я отступила от него обратно в прихожую. Если я в чём-то и была уверена, так это в том, что я — совершенно обыденное существо, а вот стоящий передо мной человек явно ненормальный. И как я могла быть такой дурой, что поверила ему и приехала в незнакомый город в незнакомый дом? Может, загипнотизировал он меня?

— Карина вернётся, когда история будет дописана, Аня! — Вечер тоже стоял, щурясь на меня карими глазами. — Карина вернётся, а вы будете свободны и щедро вознаграждены. Да, вы правы, книга пишется, потому что Карина жива, но без вас этого было бы недостаточно... Послушайте, я не могу сейчас правильно сформулировать, но... Пишите. Размышляйте, фантазируйте. Думайте! Если вы боитесь утечки информации, вы можете делать записи на ноутбуке без интернета, да хоть на бумаге, это совершенно неважно. История должна развиваться, продолжаться, и сейчас это невозможно без вашего, именно вашего участия. Вы закончите её, Карина вернётся, всё наладится.

— Маленькая поправка, — прошипела я. — Не "буду свободна", а уже свободна. Свободна по определению. Не надо мне вашего вознаграждения и книги вашей мне нахрен не надо. Не знаю, что на меня нашло, когда я соглашалась, но до свидания. В полицию обращаться не буду, в психиатричку тоже. Разве что в органы опеки — не уверена, что с такими родителями ребёнок вырастет адекватным.

— К сожалению, я не могу сейчас вас отпустить.

От его спокойных и даже немного печальных слов у меня сердце упало куда-то в желудок. Приземление должно было быть мягким, но мне стало почти физически больно.

— Моя подруга знает, где я нахожусь. И не она одна. Имейте в виду...

Дверь открылась, и белокурая грудастая Милена ворвалась в прихожую.

— Простите-простите-простите! — запела она, а Вечер резко её оборвал:

— Не голоси. Ребёнок спит.

— До свидания! — громко объявила я. Присутствие второго человека закономерно придало мне уверенности: ну не станет же сумасшедший отец семейства угрожать или пытаться удержать силой прилюдно. Бог с ними, с вещами — невелика потеря. Даже паспорт восстановлю, а телефон в кармане лежит, как-нибудь такси закажу и Вальке позвоню. Только бы выйти живой и здоровой.

— Вам нужно дописать историю, Аня. Обязательно нужно. Вы уже начали это делать. Она сама вам помогает, как может, вы же видите. Но без вас ничего не получится.

Я смотрела на Вячеслава Станова — если этот псих действительно тот, чьим именем назвался. Короткие волосы, чуть затуманившиеся очки, кожаная чёрная куртка. Совершенно обычный мужчина, на таком и взгляд не задержится лишний раз. Вжавшаяся в стену Милена переводила испуганный взгляд с меня на него.

— До свидания.

Я шагнула к двери, дернула ручку — я не заметила, чтобы ворвавшаяся Милена возилась с замком. Выскочу на лестничную клетку и рвану по лестнице, пусть только попробуют остановить, такой крик на весь подъезд подниму!

Никто меня не останавливал. Дверь не открывалась.

Я подёргала ручку, покрутила один, другой замки — они легко и безнадежно прокручивались в моих руках. Подняла взгляд на мужчину и женщину, стоявших в просторном коридоре.

— Спокойненько, Анечка! — дрожащим голосом произнесла няня. — Куда вам в такую темень-то? Это вы на меня обиделись, да? Простите, пожалуйста, миленькая, больше такого не повторится. Буду сидеть тут, днём и ночью, обещаю, честненько-причестненько.

— Дверь откройте, — угрожающе произнесла я. — Я сейчас орать буду. Соседи полицию вызовут.

— Аня...

— А-а-а-а! — завизжала я.

— Вы только напугаете ребёнка. Соседи в отпуске, они вас не услышат.

— Откройте дверь! Немедленно!

— Аня, сначала нужно дописать историю. До логического... финала.

— Это незаконно. Вас посадят, вот только не знаю, куда — за решетку или в психушку. Это ещё вопрос, где хуже. Или опыт уже есть? Думаете, деньги всё решают?

— Аня, допишите книгу.

— Ага, уже бегу. Давайте прямо сейчас пойду и допишу? Духи-хранители вновь вырвались из пирамиды и уничтожили Криафар весь до основания. Как вам такой финал? Прямо сейчас могу.

Вячеслав и Милена переглянулись.

— Вы можете сделать всё, что считаете нужным, — тихо сказал Вячеслав. — Думаю, в данном случае книга будет сопротивляться. Но в итоге, вероятно, вы всё-таки окажетесь сильнее. Я не могу давать вам никаких советов, но на вашем месте я бы подумал ещё.

— На вашем месте я бы открыла дверь. Выпустите меня прямо сейчас, и я обещаю вам, что не буду обращаться в правоохранительные органы. И книгу допишу. Из дома. Устрою всех счастье, вообще всем. Даже огненную Лавию оживлю.

Вячеслав с Миленой снова переглянулись.

— Не нужно обсуждать со мной сюжет, — мягко сказал господин Станов. — Просто пишите. И... да, возможно, сюжет в процессе будет изменяться и дальше. Не пугайтесь. Это нормально.

— Это не нормально. Всё это — не нормально.

Я вытащила из кармана телефон и стала набирать номер Вали. Надо было в полицию звонить, но на нервах я напрочь забыла мобильный номер службы спасения. 121? 211? 212?

Сети не было.

— Милена, можно сделать звонок с вашего телефона? — процедила я. Няня ещё больше вдавилась в стену, как будто главную опасность здесь представляла я, и стала боком пробираться к двери детской.

— Поздненько сейчас для звончков, миленькая! Идите спатеньки, утречком всё наладится, успокоится, а меня ждёт ребёночек! Нам завтра вставать раненько, в садичек!

Мы с Вячеславом остаёмся одни.

— Я в окно выброшусь.

— Аня, не чудите. Я ничего плохого вам не сделаю. Мне нужно вернуть Карину.

— И дописать книгу.

— И дописать книгу.

Так тихо, что я, кажется, слышу мерное шкрябанье Машки в скорпионариуме. Качком Вячеслав не выглядит, но и я не спортсменка, драться с ним не хочется. Голос срывать — не хочется, уверена, он прав, это действительно бесполезно.

А если он в качестве аргумента скорпиона выпустит или ещё что похуже придумает? Но почему не работает телефон? Ладно, на компьютере есть интернет, напишу Вальке в соцсетях.

— Псих, — говорю я просто для того, чтобы последнее слово осталось за мной, и отступаю в кабинет. Тяжело опускаюсь на кровать. Подхожу к компьютеру, тычу пальцами в клавиши, попадая в нужные в лучшем случае с третьего раза.

Интернет есть, но ни один из сайтов, кроме продаеда не работает. Писать жалобы в комментарии под книгой? Какая ерунда со мной творится! Может, и напишу, вот только не сейчас. Утром. Чёрт. Кажется, до утра действительно придётся остаться здесь.

Кажется, я влипла.

Глава 31. Криафар

Записку от Рем-Талья мне принесла Жиэль — полненькая круглолицая служанка с такими светлыми бровями и ресницами, что на фоне загорелого лица они казались припорошенными снегом. Мысленно я поставила себе зарубку на памяти — узнать о судьбе так некстати подвернувшейся Вирату бедолаги Айки, точнее, хотя бы дописать пару строк про неё в эпилоге.

Если я ещё когда-нибудь окажусь перед монитором.

Записку я прочитала и в лучших шпионских традициях сожгла — прямо в светильнике, миглом сердито задымившемся. Наш с Рем-Талем поход к Пирамиде с целью внеплановой аудиенции у Совета Девяти был назначен на следующее утро, Вират Тельман и Вират Фортидер принимали иностранную делегацию из Травестина — жадные до наживы соплеменники Крейне предпочитали ковать железо пока горячо — или, как здесь принято говорить, лепить, пока глина не засохла, то есть попытаться что-то урвать от временно вернувшегося из Мируша старшего Вирата. Меня на встречу не позвали — то ли из сочувствия к проданной своими в проклятый мир за самоцветы и минералы девчонки, то ли ещё из каких-то соображений. Чем отговорился от присутствия Страж, я не знала, в конце концов, это были не мои проблемы. Тратить целый солнцестой на безделье не хотелось, но с другой стороны, совершать побег и нестись через каменную пустыню в одиночку было бы форменным безумием.

Свободный день прошёл бестолково и в то же время — познавательно. Меня не беспокоили, и, хотя отсутствие Тельмана отчего-то нервировало, одиночество было едва ли не подарком. Отделавшись от навязчивой заботы Жиэль и Айнике, я побродила по дворцу-

лабиринту, изумляясь причудливой фантазии, таланту и трудолюбию мастеров, ухитрившихся подчинить себе камень как податливую мягкую глину. Дерево в интерьере практически отсутствовало, а вот камни и металл использовались самые различные. Впрочем, замок был возведён ещё до наложения проклятия, а это значит, что не исключалось помогающее воздействие магии. Сводчатые потолки наводили на мысли о средневековых замках. По-своему Каменный замок был роскошен — каменную мебель покрывали меховые шкуры, в металлических рамах многочисленных картин мерцал зеленью и багрянцем вплавленный фириан. По понятным причинам в Криафаре весьма уважали скульпторов, разбросанные по всему огромному пространству натуралистичные каменные статуи вызывали дрожь. Словно спящая красавица не дождалась поцелуя принца и проснулась сама, вперёд заклятого мира...

Уже на обратном пути я наткнулась на зал, чьи стены были изрисованы апокалиптическими сценами, изображающими падение Криафара.

Светильники сияли слишком тускло, и я осторожно сняла один из них, открыла маленькую дверцу и старательно поддула на кусок чёрного минерала, раздувая уснувшее пламя. Прикрыла за собой низкую металлическую дверь — даже невысокой мне пришлось пригнуться, чтобы пройти — хотя, очевидно, большая часть внутренних помещений пустовала, и маловероятно было, чтобы кто-нибудь мне помешал.

Окон в зале, который я мысленно окрестила "историческим" не было, да и вообще замок напоминал то ли закрытую цитадель, то ли подземелье, однако при этом пространство не давило и воздух был прохладен и свеж. Я пошла вдоль разрисованных стен, отыскивая самую первую картину.

Хотя я и знала эту историю, однако, как то и дело выяснялось, мои знания не всегда претендовали на звание истины. Шантаж Рем-Таля по большей части являлся блефом — не так уж много грехов, водившихся за ним, я успела придумать. Но, видимо, обаятельный золотоволосый Страж умудрился обзавестись ими самостоятельно — судя по тому, как легко он сдался.

Я снова вспомнила его последние слова: "вы идеальны, Вирата". Как он это произнёс — очень серьёзно, почти благоговейно, словно и не было до этого неприятного разговора. Как будто он действительно видел во мне нечто большее, нежели ненужную Вирату Тельмана Криафарского.

Мысль была лишняя и, как и большинство лишних, ненужных мыслей, никак не хотела покидать голову. Я слегка потрясла светильником. Стала разглядывать настенные комиксы.

Зелёный, плодородный и богатый Криафар — такой, каким он сохранился в Охрейне, Мируш во плоти — был похож на изображения православного рая, разве что только ангелов с крыльями не хватало. Не страна — цветущий сад, мирные тучные звери, сладкоголосые пёстрые птицы, люди, бродящие с вдохновленными лицами по тропинкам среди цветущих и плодоносящих (почему-то одновременно, но не будем придираться к художнику) кустов. На следующей картинке я увидела человека с окровавленными, безвольно опущенными руками, стоящего на коленях на потрескавшейся сухой земле и с ужасом смотрящего в пустое безоблачное небо. Просто человек — или невольный виновник всего произошедшего, последний служитель духов-хранителей, муж огненной Лавии? Каруйс. Точно. Служитель Каруйс — так его звали.

В служители выбирали людей с совершенно особым магическим даром, как правило, за редким исключением — сына предыдущего служителя. По преданиям, духи-хранители

могли иногда представлять перед людьми в обличие каменных драконов, однако до случившегося апокалипсиса в этом не было особой необходимости: милостивая Шиару и благостный Шамрейн с доисторических времён дремали в каменной пирамиде, люди жили своей жизнью, а служители, чью речь понимали и слышали божественные сущности, являлись своеобразными посредниками между ними на крайний случай — затяжной войны, засухи, пришедшего с юга мора... Служители жили замкнуто, непосредственно при Пирамиде — тогда ещё не погружившейся большей частью под землю и именовавшейся "Храном", чем-то средним между храмом и хранилищем, обителью душ богов. Несмотря на почти монашеское аскетичное уединение служители всегда заводили семьи — кровно наследуемый дар должен был передаваться дальше.

Третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая картинки показывали парящих огромных драконов — размазанные коричневые с позолотой крылатые тени, разбегающихся людей с вздетыми к небесам руками и перекошенными лицами, поглощающее землю окаменение, исчезающая Шамша, погружающийся под землю Хран, расползающийся во все стороны трещинами подземный лабиринт, песочный дождь, льющийся с позолоченного неба...

Маги, принявшие на себя удар разгневанных божеств — безымянный художник не озаботился деталями, единственная достоверная подробность — их было восемь. Уже без Лавии. И сама Лавия — распятая на каменной скале обнажённая рыжеволосая фигурка. В силу незнания художник обошелся с ней милостиво. Казалось, что девушка просто спит раскинул руки, замерев в бескрылом полёте.

Всё это было по-своему даже красиво — насколько красива может быть чужая боль, прошедшая мимо тебя самого — и в определенном смысле познавательно, но меня интересовало то, что произошло между первой и второй картинкой.

Возможно, народ Криафара просто не желал поверить, что проклятие — результат трагической случайности. Возможно, старался не задумываться об этом — какой смысл, если безжалостно наказаны все вольные и невольные участники события, если ничего уже не вернуть обратно?

Случайность. Совпадение. Некстати сошедшие звёзды, нелепая человеческая оплошность. Духи-хранители Криафара оказались слишком подвластны своей животной ипостаси, переменчивой, вспыльчивой и стихийной.

Кровь невинного, нерожденного.

Проклятие любящего.

Любовь проклятого.

Язык древних, способный пробуждать хранителей.

Теперь мне стало душно и тесно, и я поспешила выйти из зала.

* * *

У себя в комнате, поев скорее для того, чтобы отвязаться от служанок, я тоскливо устала в потолок. Подарок в виде одиночества оказался хорош лишь первую сотню шагов.

Может, ну их, этих магов? Чем они помогут иномирному автору, запутавшемуся в собственном творении... Надо найти Тельмана, а лучше — самого Вирата Фортидера. Напроситься на завтрашнюю дипломатическую встречу. Побеседовать с министром Ристуром, чтобы понимать, чего ждать от этой встречи... Прожить отведённые солнцестои на полную катушку. Может быть, что-нибудь изменится. Что-нибудь обнаружится — само. Как-нибудь само наладится.

Я почти загорелась этой мыслью, подскочила на месте, распахнула дверь — и остановилась так резко, что внутренние органы предательски подпрыгнули, желудок тошнотворно надавил на диафрагму. По узкому ломтику пространства на полу между дверью и косяком неторопливо и неизбежно, как сама смерть, по направлению ко мне полз золотой скорпиутец.

Не такой малыш, как тот, что оказался на моей руке во время перехода от поместья в районе Радуги до королевского Дворца. Этот был гораздо больше, ощутимо тяжелее — почти с ладонь. Панцирь мерцал чистым золотом, незнакомым Криафару. Прекрасное смертоносное существо.

Я могла, нет, я должна была завизжать и вскочить на кровать — уж что-что, а высоко прыгать эти твари не умели. Но я лишь смотрела на медленное приближение скорпиутца, мерно покачивающийся тяжелый изогнутый хвост с надутым ядом мешочком и острой иглой на конце — тельсоном.

Тельсон. Тельман...

Откуда тут взялся скорпиутец? Да, эти твари опасны, но и редки, ибо на них денно и нощно охотятся. Порошок из перетёртых в мельчайшую пыль панцирей золотого скорпиутца обладает ярким наркотическим эффектом, уже любезно продемонстрированным мне Виратом.

На чёрном рынке за криафарский золотой прах дают целые горсти презренного заритура.

— Уходи! — сказала я. — Уходи, я не хочу тебя убивать. Уходи прочь, туда, откуда пришёл, к тому, кто тебя послал.

Это было глупо, абсурдно. Следовало позвать на помощь — и почему эти балбески, мои служанки, достают меня, когда это совершенно не нужно и не оказываются рядом вот в таких вот ситуациях?

— Уходи!

Тварь остановилась. Это ничего не значило — она просто могла среагировать, ну, на млей сдавленный сиплый голос, вибрацию воздуха — я тряслась, как подхваченный ветром пустынный манник. А затем скорпиутец неуклюже развернулся, суетливо шевеля длинными вытянутыми вперёд педипальпами, узкими острыми ножками — и пополз в противоположную сторону.

Я уже могла закрыть дверь, но остоленело смотрела за его торопливым передвижением, исчезновением в полумраке коридора — освещающий сланец тратили осторожно, без излишеств. Здесь умели ценить и беречь ресурсы, даже в Королевском дворце.

Вернулась на кровать. Села.

Может быть, слова создателя мира обладают особой силой? Правда, в общении с Тельманом и другими это было не слишком-то заметно, но...

А если я должна написать? Вдруг написанное мною начнет сбываться. Это было бы логично, в конце концов, я писатель, и этот мир — плод моей фантазии, изложенной текстом, пусть не на бумаге, а на экране, но всё равно...

Бумага и чернила у меня были — последние, правда, засохли за ненадобностью, но я без эквивоков плюнула прямо в чернильцу. На несколько предложений в рамках эксперимента хватит.

Что бы такое написать? Я расправила лист. Не стоит начинать с чего-то глобального,

попробовать можно и на мелочах... В голову как назло ничего не лезло. Ну же, давай, что угодно! Не стесняйся, Кнара-Крейне — какая разница, никто не узнает, а если вдруг выяснится, что хоть какая-то магия подвластна здесь и тебе... Я зло царапнула заостренной каучуковой на ощупь палочкой для письма по бурым пыльным чернилам в квадратной серебристой коробочке.

* * *

Раздался стук в дверь, и сидящая на кровати Крейне вздрогнула от неожиданности. Вират Тельман зашёл в спальню, плотно, тщательно закрыл за собой дверь, словно стараясь потянуть время. Стряхнул прядь тёмных волос, прилипшую ко лбу, зажмурил серые воспалённые, как от слёз, глаза.

— Что стряслось? Ваши внезапные и безрезультатные вторжения ко мне уже становятся традицией.

— Они вас так раздражают? Что конкретно? Внезапность или всё-таки безрезультатность, моя сердитая фени?

— И то, и другое.

— С первым я, кажется, ничего не могу поделать.

Тихий стук в дверь разорвал тишину. Каучуковая палочка выпала у меня из рук.

Глава 32. Криафар. Часть 1

Стук повторился и, не в силах выдерживать томительное ожидание, я распахнула дверь.

На пороге стоял вовсе не Вират Тельман, а какой-то щедушный и невероятно ушастый молодой человек, невысокий, даже чуть ниже меня, одетый во что-то невообразимое: некое подобие римской тоги, белой с золотыми вставками, даже плетёные сандалии на голых, слишком больших для такой жалкой комплекции ступнях напоминали об античной моде. Его восторженная улыбка, слегка по-кроличьи выступающие вперёд верхние передние зубы произвели на меня не меньшее впечатление, чем недавнее появление скорпиутца. А если я всё-таки ошиблась, и нет никакого Криафара, а есть только моя шизофрения и несколько безумцев — соседей по несчастью?

Тем временем субъект склонил голову в горделивом полупоклоне, полном непередаваемого внутреннего достоинства:

— Вирата... Вирата... Нет слов! У меня просто нет слов!

— В таком случае приходите, когда они будут! — буркнула я и закрыла дверь, возможно, задев нежданного посетителя по круглому картофелеобразному носу.

Постояла полшага, разглядывая дверь. Снова её открывала.

Субъект никуда не исчез, правда, восторг с его выразительного лица пропал начисто. Теперь на нём крупными, буквально печатными буквами было написано искреннее и безграничное страдание. В круглых глазах чуть навывкате стояли слёзы, нос-картошка подрагивал, как у приноживающегося кролика, выступающие зубы слегка постукивали по нижней губе.

Не похож на наёмного убийцу. Да и не стал бы наёмный убийца медлить.

— Вы кто? — я едва удержалась от того, чтобы добавить: "Я такое не придумывала!".

— Гаррсам, разумеется! — плаксиво и обиженно отозвался субъект. — Вирата, разве вас не предупредили? Вы ещё не готовы? Вы уже не готовы? Вы ждали меня раньше? Так это не моя вина: бездельники и лодыри, мерзавцы и заговорщики задержали поставки светца! Вы представляете?!

— Увы, не представляю. Что вам здесь нужно?

Ладно, служанок я отпустила сама, желая побыть в одиночестве, правда, заставить их оставить подопечную Вирату было ох как сложно, пришлось даже пригрозить. Но интересно, куда смотрит стража, деликатно стоящая шагах в пяти. Настолько деликатная, что я начисто о ней забыла и даже не позвала, увидев скорпиутца... Скорпиутца, которого унылый плечистый охранник, между прочим, проглядел, и этот вопрос надо обязательно поднять, слишком уж расслабился. Не успела я подумать об этом, как стражник возник за спиной обиженно похрюкивающего визитёра.

— Всё в порядке, Вирата?

— Не всё. Почему непонятно кто стучится в мою комнату, как к себе домой? Почему вы его не остановили?

— Но... — мявкнул стражник. — Это же... Гаррсам!

— Сам Гаррсам, надо же! Я его не выду... не вызывала.

— Гаррсама не вызывают, Гаррсам приходит сам, когда захочет и куда захочет, ибо это право даровано ему высочайшим указом самого Вирата Фортидера! — приосанился посетитель, откашлялся и снова изобразил восхищение на лице. — Вирата, у меня нет слов!

"Дубль два", — вздохнула я про себя.

— Что вам нужно, Гаррсам?

— Вас, Вирата! — недоумённо насупился субъект, кожа на его молодом подвижном лице собралась на лбу складками, как у шарпея. — Пойдёмте ко мне! Прямо сейчас!

"Вот, — мрачно подумала я, — Дописалась ты, озабоченная писательница, допускалась слюней на собственное творение. Как оно там в анекдоте:

— Вы кто?

— Я ваша мечта!

— Но я не о такой мечтал!

— А сбывлась такая..."

Тем временем сбывшаяся мечта топталась на пороге и выжидательно шевелила ушами.

— А право зазывать к себе в спальню любую понравившуюся королеву вам тоже Виратом Фортидером даровано? — мрачно спросила я.

— Почему в спальню?! — изумился субъект. — Там же неудобно и тесно! Нет-нет, никаких спален. В мастерскую, Вирата!

У меня отлегло от сердца, хотя бояться существа могло разве что ущемленное эстетическое чувство.

— Уже легче. И чем займёмся в мастерской?

— Я буду ваять вашу скульптуру, разумеется!

Ну, вот и прояснилось. Сумасшедший кабыздох, скорее всего, просто человек искусства, которым нередко при дворах прощались и не такие чудачества, а писательской магии у меня нет вообще.

Или Тельман настолько терпеть меня не может, что сопротивляется даже ей?

— Стойте тут! — велела я Гаррсаму, бросилась к кровати, схватила лист, отыскала укатившуюся палочку, плюнула в чернила и быстренько накарябала:

Гаррсам нежно обнял стоявшего навтыжку стражника, а потому они вдвоём направились в мастерскую с романтическими намерениями.

Вернулась.

Нет, ничего. Стражник продолжал меланхолично полировать взглядом стену напротив,

ушастик мучительно выбирал подходящее для лица выражение: восторженное или обиженное и оскорбленное.

— Ну, пойдёмте ваять, Гаррсам, — я вздохнула. Новый персонаж — это любопытно. И непонятно, а время у меня есть. — Раз уж сам Вират Фортидер разрешил...

— У меня нет слов! — удовлетворенно закивал кабыздоз, залихватски махнув пологом своей тоги.

Проходя мимо стражника, он, с некоторым сожалением, мимоходом погладил его по плечу.

...или это мне только показалось?

Глава 32. Криафар. Часть 2.

— Ну, и что от меня требуется, Гаррсам?

— Сидите, не двигаясь, и вдохновляйте меня, прекрасная Вирата... Как, вы ещё не разделись?!

Я сижу, зябко ёжась, прямо на куске холодного светца — белого, словно бы мягко светящегося изнутри камня, удивительно податливого для скульпторского резца материала. Ещё один кусок светца, чьи очертания уже отдалённо напоминают женскую фигуру, установлен на каменной же подставке. На еще одной подставке замер, то и дело болтая ногой в воздухе, творец Гаррсам, в одной руке сжимающий подобие огромного гвоздя, а в другой — изящный молоточек. С помощью этих двух орудий он ловко откалывает по кусочку от заготовки с таким вдохновенно-грозным лицом, что окажись поблизости Микеланджело и Леонардо, они мигом совершили бы акт уничижительного суицида, не в силах смириться с такой конкуренцией.

Впрочем, своё дело Гаррсам похоже действительно знает. Как минимум, за те шесть шагов, что я тут нахожусь, еще ничего не испортил и по пальцу себе ни разу не попал, а я, признаться, за него боялась.

— На раздевание высочайший указ Вирата Фортидера явно не распространялся.

— Но мне надо понять пропорции! — Гаррсам спрыгнул со своей подставки, схватил линейку и какой-то чудовищной конструкции циркуль, угрожающе помахал в мою сторону. — Платье помешает! Все эти тряпки помешают! Мне нужен натуральный продукт, так сказать, оригинал, исходник, созданный милостивой Шиару!

— Я вас заранее прощаю, если пропорции будут нарушены.

— Искусство не простит! — зубы снова обиженно застучали по губе, а ноздри затрепетали, но меня уже было не пронять таким дешёвым шантажом.

— Используйте свой глазомер, для чего-то же благостный Шамрейн даровал вам такие огромные прекрасные глаза!

Гаррсам открыл рот, потрясённый комплиментом, а я зевнула и огляделась. Мастерская... весьма себе творческая мастерская. Мебели в общепринятом значении нет. Всюду пыль, разнокалиберные обломки камней, какие-то инструменты: подобие самых разных долот, стамески, скребки, мотки пеньковых веревок и прочее, неочевидное для незнающего человека, но явно нужное. Рядом со мной на соседнем камне в глиняных чашках разных размеров мирно покоились несъедобные на вид густые субстанции — клей или паста. Ни одной готовой статуи, позволившей бы оценить степень одаренности и профессионализма задохлика, к сожалению, не наблюдалось. Иллюзий я не питала.

— Вирата, ну хоть лямочку с плечика-то спустите! На моё восхитительное творение весь дворец будет любоваться, что я, не имею права тоже красоту полицезреть?!

— Резонно! — мне стало смешно. — Только прохладно тут у вас, дорогой Гаррсам. Просто морозильная камера какая-то.

— Светец тепло не любит. Но согреться — это мы мигом организуем, это даже не переживайте!

Ушастая физиономия выглянула из-за каменной заготовки и заговорщически подмигнула мне. Гвоздь был зажат в зубах, как морковка, а в освободившейся руке призывно серебрилась узкая бутылка.

— Этак вы никогда работу не закончите, любезнейший Гаррсам!

Скульптор забурчал что-то невнятное, потом, наконец-то выплюнул гвоздь и протянул бутылку мне:

— А это только вам, дорогая Вирата! Только вам, для согрева и разрядки, так сказать, обстановки. Мне нужны эмоции, мне нужны вы настоящая, подлинная, всего пара глоточков — и напускной флёр спадёт! А вот мне нельзя, а то руки, знаете ли, трясутся... Да. Руки, руки, сколько в вас спрятано красоты!

Он вдруг поманил меня молоточком, а для верности ещё и по каменному боку заготовки похлопал, и я отчего-то послушалась, подошла. До финальной стадии статуе было ещё ой как далеко, но одна рука, находящаяся на противоположной, до этого скрытой от меня стороне заготовки, уже почти была готова.

Я только изумлённо покачала головой. Это было действительно потрясающее мастерство, тем более потрясающее, что глядя на самого мастера, и предположить хотя бы пятую долю подобного результата было невозможно. Но рука каменной девушки, у которой будет лицо Крейне Криафарской, нечаянной недолгой королевы Каменного мира, оказалась настолько изящной и тонкой, словно была сделана из застывшего пара, а не из твёрдого минерала. Тоненькие нежные пальцы замерли в жесте, летящем и властном одновременно.

Я вытянула свою руку и коснулась ноготков статуи. Было ощущение, что я смотрюсь в зеркало, только мой каменный зазеркальный двойник был ещё не пробужден от колдовского сна или только-только попал под заклятие.

— Изумительно, — растерянно сказала я и посмотрела на Гаррсама, активно шевелящего ушами и носом — одновременно, но каким-то волшебным образом в разных направлениях. — Вот теперь я верю в высочайший указ Вирата Фортидера. За такое можно и привилегиями одарить.

Уши Гаррсами покраснели, длинные, как у телёнка, ресницы, захлопали, точно веер в руках японской гейши, а ступня принялась высверливать дыру в каменном полу.

— Ой, давайте не отвлекаться, Вирата! Хотите согреться — сделайте плоточек. Или два. Больше не надо.

Талант — это же своего рода тоже магия. И я почему-то на эту магию поддалась, не могу ничем другим объяснить то, что я взяла бутылку из рук Гаррсама, откупорила и глотнула обжигающий жидкий лёд с терпким чуть кисловатым привкусом — совершенно ни на что не похожий напиток. Сначала мне стало холодно, так холодно, что зубы чуть не застучали в такт Гаррсаму. А потом навалился приятный жар.

Милостивая Шиару, как же я устала от всего и всех!

* * *

— Гаррсам, випирий выродок!..

— А я что, а я ничего!..

— Да я тебя по стенке размажу, на твоей же блевотине замешаю и...

— Но-но-но! Право приглашать в мастерскую кого угодно даровано мне Виратом Фортидером! Есть указ...

— Вот им и подотрешься, когда...

— Да она сама..!

— Ещё раз скажешь что-нибудь в подобном тоне о Вирате, я тебе язык к стенке вот этой хренью прибью.

— Но хорошо же получилось! А еще немного и получится ещё лучше!

— Если я узнаю, что ты, выкидывш лисакский, видел Вирату без одежды, я тебе глаза вот этой рукой вырву и скормлю королевским камалам!

— О-ё-ёй!

— Ты у меня..!

— А можно я просто буду ваять прекрасное?!

— А можно я просто тебе морду набью?! Это тоже прекрасно, по-своему.

— Нельзя! Ай!

Голоса врываются в приятную дымку беспамятства, развеивают её, а мне так не хочется возвращаться к реальности. Где я, кто я, кто это ругается и беспрестанно ойкает на заднем плане? Не хочу вспоминать и думать. Но спина уже жалобно ноет, намекая на то, что я лежу не в мягкой и уютной королевской кровати в пуховых подушках, а на какой-то тонкой подстилке, под которой неровная каменная поверхность.

Что произошло?

Я взяла бутылку из рук искусителя Гаррсама, а потом... чёрт. Захотелось застонать. Надо же было так надраться!

И похмелье подозрительно быстрое и болезненное. Да у меня после студенческих пьянок так голова не болела! Захотелось погрозить потолку кулаком. Кто бы ни выдумал это шайючное зелье, будь он проклят во веки веков!

Впрочем, в Криафаре не стоит злоупотреблять проклятиями. Так, надо встать... одеться... Где-то на середине бутылки, ближе к доньшку, идея про то, что надо позировать обнажённой, показалась мне совершенно логичной, разве что «Эврика!» не заорала... А вот что-то другое я явно орала... надеюсь, не про свои тайны и не про Вирата Тельмана...

Кто же ругается с Гаррсамом? Голос мужской, но я в упор его не узнаю! Похоже, если я не встану, бедолагу скульптора явно разделают, как лохтана на скотобойне, а ведь он честно пытался убедить меня, что «уже хватит» и «можно ограничиться одной лялочкой, я же пошутил!»...

Ох, стыдоба.

Чьи-то сильные руки буквально отрывают меня от пола, ставят вертикально и закутывают в какую-то ткань. Туман рассеивается, я моргаю, жалея, что приходится держаться за того, кто меня ведёт, и нет возможности потерять глаза.

М-да, вдохновился Гаррсам, кажется, по самое не могу — статуя ещё не готова, конечно, но голая женская грудь видна совершенно отчётливо. Красивая грудь, не поспоришь. Но Криафар не настолько прогрессивен, чтобы поставить на видное место статую, изображавшую обнажённую королеву.

Я с трудом втискиваю ноги в туфли и послушно иду за своим проводником в спальню — я надеюсь, что именно в спальню, желанную сейчас, как Мируш для грешника.

За проводником ли?

Скорее, за проводницей.

Глава 33. Криафар.

Кажется, она могла бы нести меня на руках без особого напряжения, но к счастью, до этого дело не дошло. Темноволосая, как и я, стройная и невысокая, Тира Мин с лёгкостью тащила меня по коридору, не быстро, но я едва успевала перебирать ослабевшими ногами. Почему со мной отправили её? Если Тельман... этот випирий выродок! — в очередной раз побрезговал ко мне прикасаться, мог бы отправить Рем-Талю. Ему было бы проще волочь малосознательную тушку первый и последний раз в светец напившейся королевы.

— Эй, Тира!

Если Второго Стража трона и покорила моя развязная фамильярность, вида она, естественно, не подала.

— Слушаю вас, Вирата.

Интонации её голоса слишком напоминали интонации Рем-Талю и в то же время отличались разительно. Как бы ни сдерживал себя золотоволосый страж, на дне его безграничного спокойствия всегда бурлил огонь, скрытый, но жаркий. Не смирился он со своей участью всегда безмолвной тенью ходить за Виратом Тельманом, отнюдь.

Голос Тиры Мин был сух, как ноябрьская листва.

— Кто приказал тебе сопровождать меня сейчас?

— Я подчиняюсь приказам Вирата.

— А моим будешь подчиняться?

— Да, Вирата.

Никаких эмоций.

Когда-то я думала сделать её избранницей Тельмана. Вероятно, о чём-то подобном размышлял и Вират Фортидер, утверждая на роль Второго Стража молоденькую девчонку, серьёзную, темноглазую выпускницу Школы боевых стражей. Рем-Таль был поставлен на это место, если можно так выразиться, по благу, за счёт симпатий Его Величества к его матери. Тира Мин добилась своего места самостоятельно, в честном отборе. Тогда Тельману было всего шестнадцать, и, как и любой принц, он досконально освоил все виды холодного оружия и боевые искусства. Всю жизнь испытывая комплекс из-за своей неизлечимой болезни, из-за необходимости постоянного пригляда и сопровождения, он добился немалых успехов во всём. Примерно два раза в год для Превирата устраивалось что-то вроде турниров с его ровесниками — учащимися "боёвки", как называли в народе Школу боевых стражей. Возможно, ему просто нравилось общение со сверстниками, которого в силу происхождения и состояния здоровья он был лишён. Двоюродные братья Армин, Трастор и Деривер были очень разными, но одинаково занудными, настырными и надменными, все сходились в одном: такое тщедушное существо, которое даже в сортир не ходит самостоятельно, не достойно в обход их, замечательных, занимать трон, о чём всячески давали понять. Разумеется, Тельман их периодически бил — он всегда был лучшим бойцом — однако ситуацию в их отношениях это не меняло. Наоборот.

Однажды среди уже примелькавшихся лиц "боёвки" произошло приятное глазу пополнение: темноволосая худенькая девушка стояла среди высоких плечистых юношей с максимально независимым видом. Тельман презрительно хмыкнул про себя: в шестнадцать лет он более хотел казаться циничным, нежели в действительности был таковым.

Однако девчонка осталась сначала в десятке победителей состязания, а потом и в пятёрке.

А потом в тройке.

— Узнай о ней, — небрежно приказал Тельман Рем-Талю во время короткого перерыва. Информация была скудной: сирота, оба родителя трудились в Самоцветном поясе, погибли во время горного обвала. По этой причине девочке была дарована возможность выбирать учебное заведение, и она выбрала Школу боевых — необычно, но формального повода для отказа не нашлось...

Туман в глазах и мыслях рассеялся почти полностью, но контроль над телом всё ещё не вернулся, и мне казалось, что если Тира Мин выпустит мою руку из своих воистину стальных пальцев, я растекусь по полу позорной лужицей.

— Спокойной ночи, Вирата.

— Подожди.

Девушка замерла. Как и всегда, на ней были простого покроя брюки и майка без рукавов, оставляющая всем желающим возможность полюбоваться её мускулистыми, хотя и стройными руками, испещренными причудливыми цветными орнаментами.

Сама не знаю, зачем я приказывала ей остаться. Я... ревновала к этой девушке, к девушке, которую Тельман ни разу не попытался потащить в свою гостеприимную постель. К девушке, которая делала татуировку без обезболивающей магии каждый раз, когда мысли о собственном Вирате становились невыносимыми, но которая ни разу не дала повода упрекнуть себя в чём-то подобном.

— Тира, почему ты, а не Рем-Таль, повела меня сюда?

— Одежда Вираты, — Стражница протянула прихваченное в Мастерской платье подбежавшей Жиэль.

Ну, да, логично. Как бы ни шарахался от меня дражайший супруг, а позволить Стражу тащить голую, пусть и завёрнутую во что-то законную жену — не смог. Собственник, чтоб его.

— Зайди.

Я шугнула Жиэль и отчаянно зевающую Айнике. Тира смотрела на меня, непроницаемым тёмным взглядом пустынного лизара — хищной полтораметровой ящерицы. Мне самым абсурдным образом захотелось показать ей язык и сказать что-нибудь вроде: "Он мой. Даже сейчас, даже так, он всегда был мой. Я его придумала, я его создала, я его жена. Обо мне он думает, когда задирает подол очередной безотказной девчонки. Потому и задирает, что думает".

Бред какой, но мне хотелось сказать что-нибудь подобное, ей назло. А ведь Тира Мин гораздо больше подходит Тельману, чем я. Чем настоящая Крейне, тихая и безотказная.

Лицо Стражницы неподвижно. В глубине тёмных глаз я ничего не могу прочесть, но знаю, что дело только во мне. Я — не могу. А что-то там, разумеется, есть.

Озвучь я свои бредовые речи, ей было бы что ответить. Например, то, что Тельман никогда никого не принуждал силой, что он знает — с ней простого перепиха на десяток шагов не получится. Ей нужно всё — или ничего.

И у неё есть хотя бы это "ничего"

— Рем-Таль занят, Вирата. Во дворце произошёл неприятный случай.

— Какой? — я так погрузилась в мысленный диалог, что вопрос задала на автомате, ещё и обидеться успела: значит, не в ревности Тельмана дело, просто Страж занят.

— Один из стражников погиб.

У меня сердце опускается в пятки, раскалываясь по пути на две половины.

— Что произошло?

"Уходи, я не хочу тебя убивать. Уходи прочь, туда, откуда пришёл, к тому, кто тебя послал!". Пусть это будет что-нибудь другое, по каким причинам только люди ни умирают...

— Укус золотого скорпиутца, Вирата.

Совпадение? Может быть. А если нет? Кто может хотеть меня убить? Я же никого здесь ещё не знаю. Или всё-таки совпадение?

Не буду сейчас об этом думать.

— Спокойной ночи, Тира Мин.

Жиэль и Айнике всё-таки врываются в спальню после её ухода, набрасываются на меня со своей заботой, как оголодавшие камалы на свежееосвежёванного лохтана. Спустя десяток шагов умытая, протрезвевшая и переодетая Вирата мирно возлежит в собственной постели. Завтра утром Рем-Таль — если происшествие не помешает нашим планам — придёт за мной, и я всё у него выпрошу.

Закрываю глаза. Я протрезвела, но безумным фантазиям это, к сожалению, не мешает. Я вижу мужской силуэт напротив статуи в мастерской Гаррсама. Закутавшийся в какую-то тряпку великолепный творец — к счастью, живой и даже не кастрированный, при обеих руках и ногах, спит, свернувшись в клубок там, где недавно валялась я. Буквально с резцом в руке, трудился всю ночь, бедолага. Выше пояса статуя близка к готовности: лицо, обрамлённое чуть колышущимися прядями волос — честное слово, ощущение движения было таким реальным! — уже узнаваемо. Губы приоткрыты. Вторая рука лежит на щеке, грудь — действительно обнажённая.

Мужчина стоит перед статуей, смотрит на неё. Протягивает ладонь, накрывает каменные пальцы. Скользит по губам, по шее, проводит по груди. Накрывает груди обеими руками. Он зол на себя за своё желание — столь же сильное, сколь и неосуществимое.

Я не могу разглядеть его лицо, оно и к лучшему, если честно.

Визитёр срывает с Гаррсама тряпку — тот что-то сонно бормочет и протестующе ёжится во сне — и набрасывает на плечи каменной безотказной Крейне.

Этот жест едва ли не более чувственный и интимный, чем прикосновения шагом ранее.

Глава 34. Наш мир

Что ждёт Крейне при встрече с магами?..

А пёс его знает.

Самое главное, я решительно не могу понять, чего она хочет! И, несмотря на то, что у писательского руля вроде бы стою именно я, на самом деле всё не так просто.

Всё совсем, совсем не просто!

Мистика продолжается. Хотя какая, к чёрту, мистика — эксперимент, заговор каких-то компьютерных гениев против отдельно взятого художественного произведения и его автора. Авторов.

Возмущенная до глубины души — и до этой же самой глубины испуганная — в рукопашную с Вечером я вступать не стала, хотя первый раз в жизни мне настолько захотелось расцарапать мужчине лицо. Для начала решила перепробовать все иные доступные мне средства протеста: орала и пыталась докричаться до соседей (стуча по батареям металлической ложкой для обуви, как же иначе), выламывала дверь — без комментариев, бессчётное количество раз пробовала дозвониться до Вали, мамы, Кирилла, службы спасения, кого угодно — телефон не звонил и сообщения не оправлял. Брала штурмом интернет — другие сайты, кроме продаеда, перестали открываться, а мои комментарии под книгой с просьбами о помощи моментально исчезали. Пыталась поорать

"Пожар!" в окно, но окно не открылось, а с восьмого этажа мои крики и гримасы за стеклом никого не волновали.

К слову сказать, Каринин компьютер я прошерстила вдоль и поперёк, никаких программ слежения и внешнего доступа не обнаружила, впрочем, это ещё ни о чем не говорило.

...никогда не думала, что со мной произойдёт нечто подобное! Самого обычного человека в двадцать первом веке похищает какой-то псих, держит в самой обычной многоэтажке с лифтом и косьержкой, несёт всякий бред, и я ничего не могу с этим поделать, и никто даже не чешется! Впрочем, Валентина, может быть, и чешется, но результатов такой её чесотки отчего-то не видно, а ведь адрес я ей, вроде бы, сбрасывала. С другой стороны, какой смысл Вале приезжать сюда самой? Ей же никто не откроет дверь, может, даже и в подъезд не пустят. А полиция от подруги — не родственницы! — попросту не примет заявление... Да и когда Валя начнёт по-настоящему волноваться? Я ей подруга, а не дочь и не сестра.

Грустно признавать это ещё раз, но от моего исчезновения в мире ничего не поменяется, и никто особенно не расстроится. Была — и нет. Жизнь продолжается.

"А потом, после завершения книги, ни одна живая душа не свяжет с левым бизнесменом Вячеславом Становым твой обезображенный полуразложившийся труп без документов, найденный на какой-нибудь помойке! — любезно добавила внутренняя паранойя. — Ему даже и рук пачкать не придётся. Запустит тебе ночью Машку в постель... Может быть, вообще нет никакой Кнары Вертинской, а есть только рабыни безумного мужика, которые бесследно исчезают после очередного написанного романа..."

Бррр.

Единственное радикальное средство, которое я не попробовала — реализовать угрозы Вечеру и удалить книгу с сайта. Или нет. Устроить апокалипсис, убить всех героев и таким образом завершить проклятуший роман. Формально наша договорённость была бы соблюдена, и, по крайней мере, закончилось бы томительное ожидание. Немаловажным бонусом было бы то, что Вечер подобного исхода явно не хотел, что недвусмысленно читалось на его лице — разумеется, для книги, а возможно, для всей писательской карьеры Кнары Вертинской это был бы сокрушительный провал. Честно говоря, я и так поражена, что читатели до сих пор не разбежались, при моём-то участии в процессе. Хотя какое мне дело до читателей, лайков, наград, рейтингов, продаж и прочей мутотени, не имеющей прямого отношения к одному отдельно взятому подневольному литературному негру?!

Всё это так, но...

Но...

Я честно собиралась, я почти придумала эту финальную сокрушительную для всех главу, но не смогла. Может быть, "магия" сработала бы снова, ничего бы у меня не вышло, но... рука не поднялась. Глупо, сентиментально, а вот так.

Пусть в реальной жизни у Кирилла беременная подружка, у Вальки работа, у родственников свои дела, в которых мне нет места, пусть я такая, какая есть, некрасивая, небогатая, ничего не умеющая и не ждущая от жизни, пусть мне совершенно не жалко чокнутого Вечера и его жену, которая сбежала от больного ребёнка, но я не могу так поступить с героями.

Они-то в чем виноваты?!

Ну и — самую капельку — мне был интересен наш литературный диалог с этим

"неизвестно кем" по ту сторону экрана. Мой текст менялся, менялся каждый раз непредсказуемо. Как там сказал Вечер: мир будет сопротивляться? О, да, он сопротивлялся. Он делал ответные ходы. Он жил.

И меня захватила эта игра.

Не имея возможности заняться чем-то ещё, оставив надежду на побег, я часами напролёт валялась на диване, слушая периодическое шкрябанье Машки в скорпионариуме и думала о Криафаре.

Почему Крейне ведёт себя так странно? Чего она хочет, зачем идёт к магам? Остаться королевой на криафарском троне? Малышка Крейне так честолюбива? Но зачем, не лучше ли воспользоваться щедрым предложением Тельмана и отправиться в прекрасный, почти курортный Силай, освободив-таки место рядом с королём для другой героини? Не могла же она настолько влюбиться в Тельмана за сутки знакомства в день свадьбы, так легко простить ему непонятное унижение в брачную ночь — выскочить из спальни молодой супруги через три шага с перекошенным от отвращения лицом, забыть о двухлетней ссылке, о попытке самоубийства, между прочим! Даже читатели говорили о том, что Крейне ведёт себя до крайности нелогично, но уповали на то, что этому найдётся причина.

А я эту причину придумать не могла и неведомый «соавтор» не давал никаких подсказок.

Да взять хотя бы самого Тельмана! Не знаю даже, как я к нему относилась. Судя по всему, он был чертовски обаятелен, несмотря на все свои заскоки и недостатки, вот только флёр обаяния — такая ненадёжная штука... Отчего-то он всё больше напоминал мне Кирилла. В данный момент такое нелогичное неприятие Крейне заслонило в нём все остальные черты, но я, равнодушная к бедам главной героини, на мой взгляд, по большей части надуманным, видела Тельмана совершенно отчётливо.

Закомплексованный, одинокий, явно не в нужную сторону пошедший юноша, обиженный на всё и всех. Отец воспитывал через сравнение с другими, мать бестолково жалела из-за неведомой хвори, единственный друг был себе на уме, даже чёрный большеухий феникай загадочно умер, и никто не разделил с ним это маленькое горькое горе. Так же я смотрела в своё время на Кирилла, и моя любовь к нему была замешана не столько даже на восхищении его талантами, его умом, его харизмой — как я думала раньше. Она выросла на глупом бабском сочувствии: к тяжёлому детству с деспотичным отцом, к неумению зарабатывать и распределять силы, к его бытовой беспомощности, его нерешительности в отношениях... И чисто по-человечески сейчас мне хотелось встряхнуть Крейне за плечи и сказать: беги от него, дура! Посмотри вокруг, протри глаза: среди камней и бредущих по пескам камалов найдётся кто-то, с кем тебе будет проще. Может быть, это кто-то уже стучится в твою дверь — а ты не открываешь.

Я в своё время не открыла — и теперь сижу в чужой квартире за закрытой дверью, а не у себя дома, с мужем, детьми, кошкой на кресле и простым домашним счастьем в белый горошек.

Иногда я выдвигала собственные версии поступков героев — и большая часть из них исчезала бесследно, подвергаясь безжалостной правке невидимого партнёра. Сначала я думала, что дело в том, будто они неинтересные и примитивные. Но если причина гораздо проще, и они просто не соответствуют действительности?

Действительность. Где она, в чём она? Что более действительно: постапокалиптический мир песка и камня с золотым небом, духами-драконами, магами и

подземным лабиринтом, или эта огромная пустая квартира с её безумными хозяевами, помешанными на написании электронной книжки настолько, что готовы для этого похитить человека?

Из коридора донеслись тихие приглушённые звуки, а потом вдруг раздался отчаянный детский крик. Я подскочила на диване и побежала на голос, хотя — вот честное слово — собиралась сегодня же объявить голодовку и забаррикадироваться шкафом.

А вот гляди же ты, побежала.

Глава 35. Криафар.

— Вирата... простите, Вирата... Вы сами просили разбудить вас в шестой час... Вирата...

— Казню! — грозно объявила я, потом сознание вернулось окончательно. Голова протестующе заныла — вот зачем вчера я пила эту дрянь, похожую на загустевший спирт с лимонным привкусом? — Шучу, Вирата шутить изволит.

Ох, духи-хранители, а я вообще спала ночью или там Пирамиду по кирпичикам разбирала? Счастье еще, что ограничилась публичным стриптизом, а не публичной исповедью. А то кто знает, где могла бы проснуться.

Есть ли в Криафаре психиатрические лечебницы для королев с манией величия и претензией на божественную природу?

Айнике изобразила на лице томительное ожидание вкупе с глубоким страданием из-за необходимости делать что-то, для меня неприятное:

— Вирата, прошу вас! Вы очень просили вас разбудить! Убеждали, что если будете ругаться и... сквернословить, не надо обращать внимания!

...Надо же, какая я вчера была здравомыслящая.

— Я вам завтрак принесла, Вирата, хотя ещё очень рано. Воды, к сожалению, почти нет...

М-да, с водой действительно напряг. Есть неприкосновенный запас для питья, а для гигиенических процедур вода поступает только два раза в день, примерно на пять-шесть шагов. И это в королевский дворец! Простой народ обходится одноразовым доступом. Где добывают воду бездомные струпы, страшно даже задумываться.

— К вам... Страж Короны приходил, — совсем тихим шёпотом сообщает Айнике, и в полумраке я вижу, как румянец пробивается через загар на её щеках. — Справлялся о вашем самочувствии. Я попросила подождать снаружи.

— Да? — мне стало интересно.

— Простите за самоволие... Но во дворце слухи разбегаются быстро, Вирата.

Что ж, пояснений, пожалуй, не требуется.

Я наскоро, как могла, привела себя в порядок, дивясь чудесам местной причудливой сантехники. Брошенные на произвол судьбы коварным автором, никак не продумавшим этот вопрос, криафарцы воспользовались тем, что было в изобилии: камнем и песком, плюс щепотка бытовой магии, не иначе. Чувствуя себя кошкой, посетившей огромный лоток, я с трудом переключилась на более насущные вопросы: Айнике сказала, что слухи по Дворцу расползаются мгновенно. Возможно, ранний визит Рем-Талья ко мне ещё можно как-то оправдать, но наш совместный уход неизвестно куда... И если Айнике выгоднее быть на моей стороне и покрывать загулы госпожи — судя по покрасневшим щекам, для служаночки всё вокруг было окрашено исключительно в романтические тона — то как быть со стражниками у дверей моих покоев и теми, кто стоит при выходе из дворца?

Легкий, едва слышный стук в дверь заставил Айнике снова вспыхнуть.

— Пустить, Вирата?

— Пусти. И никому не слова, поняла?

— Нема, как каменка!

Рем-Таль выглядел собранным и отрешённым, как обычно. Я вспомнила силуэт у статуи, так некстати пригрезившийся мне на грани яви и сна, и тоже едва не покраснела. Айнике понятно выскользнула в дверь — комната слуг находилась напротив моей.

Стоило ей уйти, Рем-Таль тут же развернул принесённый с собой ворох белоснежного тряпья: традиционное длинное платье, напоминающее паранджу, платок с одноцветной вышивкой на нём, всё тонкое, не просвечивающее, но при этом легко продуваемое и воздушное.

— Наденьте, Вирата. У нас очень мало времени.

Почтительность в его голосе, безупречные манеры, которые никто не упрекнул бы в несоответствии этикету, сочетались с таким глубоким чувством собственного достоинства, что невольно хотелось с ним считаться, хотя Тельман периодически и пытался бунтовать, почти так же, как и против отцовского контроля.

В закрытом отсеке ванной я быстро переоделась. Платком закрыла нижнюю часть лица. В плане путешествий по пустыне — самое оно, но для конспирации, боюсь, не поможет.

— Стойте, Вирита.

Я тут же остановилась, потом отчего-то разозлилась:

— А вас никто не учил вежливым словам при общении с Её Величеством, Первый страж короны?

— Как вам будет угодно, — с издевательским спокойствием выговорил Рем-Таль. — Пожалуйста, Вирата, не изволите ли остановиться? Мне нужно надеть на вас зеркальный амулет, если вы позволите.

— Какой ещё зеркальный амулет?

— Вы же не хотели, чтобы Вират знал о нашей прогулке? Если соблаговолите его надеть, возможно, мы всё-таки выйдем из Дворца. Хотя можем остаться здесь, я буду только рад. Маги не...

— Хватит болтать. Давайте амулет и выходим.

Рем-Таль извлёк из кармана странное украшение, действительно напоминавшее кусок треснувшего зеркала на цепочке. Медленно-медленно — издевается, не иначе! — надел его мне на шею. Ладони как бы невзначай коснулись плеч.

— Держитесь рядом, я же тоже перестану вас замечать.

— Вообще?! — удивлённо коснулась зеркального осколка. Не чувствуется ничего особенного, надеюсь, Рем-Таль меня не разыгрывает. По сути, о существовании магии в Криафаре до этой поры я знала теоретически, за исключением разве что эпизода с излечением шрамов на руках.

— Почти. Увидеть можно, если присматриваться и знать, кого искать. Но внимание просто смотрящих будет словно отражаться от вас.

— Какая ценная вещица.

— Из закрытого хранилища. Доставать её без указа Вирата, подтверждённого печатью — противозаконно.

— Настолько испугались раскрытия своих маленьких грязных тайн, что решили рискнуть? — ну зачем я его дразню, мне с ним ещё ехать через пустыню, да и время

поджимает! А я...

— Разумеется, нет, Вирата, — серьёзно отвечал Рем-Таль. — Просто хочу выполнить вашу просьбу о помощи со всем старанием. Хочу вас...

— Что? — несколько растерянно переспросила я, а Рем-Таль повысил голос и открыл дверь:

— Хочу вас попросить заботиться о состоянии своего здоровья, Вирата. Отдыхайте. Я передам ваше пожелание Вирату.

Я вышла тоже. Покосилась на неподвижно стоящего, точно оловянный солдатик, стражника.

Видит или не видит? Рем-Таль двинулся прочь, и не оставалось ничего другого, как поспешить за ним.

* * *

Ехать на камале без паланкина — это, скажу я вам...

Удовольствие небольшое. Во-первых, у него спина широкая, а худосочной Крейне не мешало бы заняться растяжкой. Во-вторых, я и на лошади-то каталась всего несколько раз, подозреваю, что от постоянной качки даже при относительно небольшой скорости передвижения завтра чудовищно заболит всё, что ниже рёбер. В-третьих, он пахнет! Отвратительно плохо пахнет, и даже какие-то сладкие ароматические снадобья, которыми щедро полита жёсткая бордовая шкура, не меняют ситуацию, даже наоборот — так ещё тошнотворнее, потому что камаловые «духи» и масло оливника, предназначенное для защиты кожи от ожогов, добавляют нотку гнилостной сладости.

А вот Рем-Таль — подтянутый, с прямой спиной — никаких неудобств, кажется, не испытывает. Привычный. Повинующийся натяжению поводьев, камал хмуро улёгся передо мной — кажется, Страж придерживал его ногой — и я вскарабкалась, подумав, что свободное время во Дворце надо занимать не пьянством в компании всяких лупоглазых задохликов, а полезными делами, например, верховой ездой.

С одной стороны мне хочется потребовать палантин и комфорт, достойный королевы. С другой — не хочется показаться слабой. И я терплю.

— Рем-Таль! — кричу, стараясь сделать независимый вид. — А что там случилось вчера со стражником? Я слышала, во Дворце произошло убийство.

— Убийство, Вирата? — неторопливо идущий впереди зверь останавливается, поджидая моего, ещё более медлительного и неповоротливого зверя. — Почему вы так решили? Произошёл несчастный случай. Укус скорпиутца.

— И часто по дворцу разгуливают ядовитые твари пустыни?

— Первый раз за последние лет десять, насколько я помню.

— Как мог скорпиутец проникнуть внутрь?

— Как угодно. Дворец не закрытая цитадель.

Глаза Рем-Талья непроницаемы и спокойны.

— В пустыне подобных существ миллионы. Вы же видели сами. Иногда они проникают в мир людей.

— Кто он был, этот погибший стражник?

— Позвольте спросить, а почему вы спрашиваете?

— Извольте ответить? — в тот ему проговорила я.

Мы снова смотрим друг другу в глаза. Не знаю, почему, но мне так хочется его уязвить. Увидеть его эмоции, его чувства. Даже его ярость.

— Диок Страм, сорок семь лет. Служил во дворце уже двадцать лет. Был надежным человеком, не раз получал награды за свой труд. Женат, двое детей. Они получают компенсацию презренным заратуром, естественно. Вас что-то ещё интересует?

"Да!" — хотела бы я сказать, но не говорю. Я никому не могу доверять, я даже своим собственным ощущениям, своим собственным глазам и ушам не доверяю. Но мне почему-то не по себе.

До пирамиды мы добираемся без приключений: лизарды, випиры и скорпиутцы и прочие решают обойти нас стороной. Жилище магов, хранилище божественных существ угрожающе чернеет на фоне матового золота песка и камня впереди в каких-нибудь трёх сотнях шагов. Оно огромно, а я знаю, что это — только верхушка. Остальная часть скрыта под землёй.

Я закрываю глаза, пытаюсь вспомнить нарисованный собственноручно план. Причудливую вязь подземных ходов, предназначенных для того, чтобы праздные и любопытствующие не тревожили духов-хранителей, помню отчего-то прекрасно — я рисовала его, ориентируясь на один из лабиринтов-обводилок для младших школьников, и он так долго висел, прикрепленный к краю компьютера.

Удобное кресло, в которое можно забираться с ногами. Свет из окна, бьющий прямо в глаза — надо задвинуть жалюзи. Клетчатый пред. Стеклянная коробка сбоку — аквариум? Кружка с кофе с надписью... Надписью... Прикосновение маленькой тёплой руки, вызвавшее невольную улыбку. Сейчас я вспомню всё, вот прямо сейчас...

— Что дальше, Вирата? Прошу прощения, но если час гнева застанет нас на открытом воздухе...

Час гнева наступал с четырнадцатым часом из двадцати трёх, составляющих солнцестой, то есть, криафарские сутки: около полутора часов после солнце безжалостно выжигало всё живое, старательно прячущееся, ускользающее, зарывающееся в песок, ищущее спасительное укрытие или тень. Даже пустынный манник сворачивал свои листья в трубочку и сжимался в некое подобие колючего шара.

— Просите, и дано будет вам, ищите и найдете, толкайте, и открыто будет вам. Ибо всякий, кто просит, получает, и кто ищет, находит, и стучащему отворят*, - важно продекламовала я.

— Что?

— Ничего. План простой — напроситься в гости.

— Я пойду с вами.

— Нет.

— Да.

— Нет!

— Хватит с меня одной совершенной глупости.

— Да не тронут они меня, это же маги, а не струпы.

— Неизвестно, кто хуже, — очень серьёзно произнёс Страж, направляя своего камала к пирамиде. — Если вам нет дела до своей безопасности, проявите милость ко мне. Здесь жарко.

Сказать по правде, я не вспомнила бы, где вход, самостоятельно. К счастью, за счёт ежемесячных нескончаемых очередей даже в песке наблюдалось некое подобие протоптанной дороги, безошибочно указывавшей направление к одной из черных каменных стен Пирамиды, на первый взгляд ничем не отличавшийся от остальных.

В "открытый день" проход, понятное дело, был открыт. А что делать сейчас мне? Действительно, что ли, кулаком побарабанить: кто, мол, кто в пирамидке живёт?

* * *

* цит. из "Евангелие от Матфея"

Глава 36. Криафар.

— Помогите мне спуститься. То есть, спешиться, — я держусь за поводья, цепляющиеся, кажется, за небольшой колышек, воткнутый куда-то в нос несчастной животины. — Рем-Таль?

Страж погрузился в созерцание пирамиды настолько, что ответил не сразу. Покосился на меня с таким видом, словно решал, а не лучше ли притвориться глухим, но в итоге кивнул и молча хлопнул по багровой спине камала, вынуждая пустынного хищника опуститься сначала на передние, потом на задние колени, приближая вожделенную землю к неумелому всаднику.

Песок казался горячим даже через подошву сандалий. На месте этих беспечных людей в местах, где водятся скорпиутцы и змеи, я бы носила охотничьи сапоги до середины бедра — и плевать на жару, но у Рем-Талья и остальных явно был свой взгляд на местную моду. Без лишней просьбы мой Страж протянул мне кожаную флягу с водой. Примерно десяток шагов спустя мы уже перекусили какими-то сэндвичами с крайне солёным вяленным мясом и запили чем-то горячим и сладким. Странные взгляды на пустынную пищу. Сначала жажда действительно усилилась, а потом внезапно отступила, и мы достаточно долго ехали, не испытывая необходимости тратить драгоценную воду.

Пирамида казалась цельной и мёртвой. Хран, дом и темница для магов-уродцев, огромный памятник уснувшим божествам и саркофаг огненной Лавии, навсегда ставшей его неотъемлемой частью... Я стояла и смотрела, а Рем-Таль, сдержанный, недвижимый и в то же время невыносимо, раздражающе ироничный, стоял за моей спиной, удерживая за поводья обоих животных, вяло переступающих мозолистыми тонкими ногами. Внезапно я почувствовала толчок — вероятно, один из камалов не удержался от соблазна ухватить поперёк хребта юркую маленькую каменку, пустынного грызуна, большеухого, длиннохвостого, нещадно поедаемого всеми, кто больше его хоть на пару миллиметров.

Отпрыгнув от оголодавшего зверя, я вдруг почувствовала, как ноги утопают в мягком песке. Поначалу это показалось естественным, я попыталась нащупать ступнями какую-то твердь — но безуспешно.

— Вирата! — голос Рем-Талья сочился тревогой, как кровью — непрожаренный говяжий стейк. — Что...

Хотела бы я знать — "что"! Ноги проваливались в песок, как в болотную трясину, по щиколотку, по колено... я забилась, будто зацепившаяся за клейкую ленту муха.

— Вирата, спокойнее, это не поможет! — голос Рем-Талья, напряженный, но уравновешенный, слегка отрезвил, вырвал из топи паники. — Не думаю, что нас хотят убить... Скорее, задержать до процедуры знакомства.

— Негостеприимно, — буркнула я. Действительно, стоило перестать сопротивляться, и песочная трясина словно бы тоже притихла, продолжая, тем не менее, прочно удерживать меня за голени. Я хотела продолжить свою обличительную речь, но вдруг бросила взгляд на пирамиду — и застыла. Кусок черной каменной стены выцветал, становился полупрозрачным, растекался чёрной дымкой. И в новообразовавшемся пролёте стоял худенький подросток со странным, словно бы кукольным, неестественно ровным оранжевым

лицом. В руках у него, самым невообразимым образом извиваясь, как живое, длинными змееподобными корнями, находилось уродливое растение с мясистыми тёмно-зелёными листьями.

Несмотря на то, что растеньице было страшное, песочная ловушка — препаршивая, а паренёк мог бы сниматься в ужастике без грима, я почувствовала тепло в груди.

И жалость.

И вину.

И боль.

Маги не были главными героями Книги, но именно их я чаще других рисовала в блокноте, именно их представляла себе отчётливее, чем кого бы то ни было.

— Вертимер, — выдохнула я. И едва не добавила: "Прости. Простите меня — за всё".

* * *

Так трудно смотреть на него, тоненького, невысокого, насупленного мальчишку — и понимать, что в его теле живёт взрослый, да что там взрослый — стопятидесятилетний! — мужчина.

Вертимер рассматривал меня с любопытством. Рот, выделяющийся своей живостью и подвижностью на огрубевшей, застывшей оплавленным воском коже, приоткрылся, как бывает у заинтересовавшихся чем-то детей.

— Прошу аудиенции у Совета Девяти! — выкрикиваю я. — Вирата Крейне Криафарская...

Рем-Таль всё ещё стоит за спиной, но я чувствую его предельно возросшее напряжение, его недовольство и неодобрение, причины которых не понимаю. Ему кажется, что я должна не просить, а требовать? Или наоборот, что была недостаточно почтительна?

Лишенное мимики лицо мага земли трудно прочитать, мне чудится на нём то насмешка, то удивление, то полубезумное злое веселье. Он одет в какую-то хламиду, рваную, бесформенную, полностью потерявшую первоначальный цвет, словно портовый нищий или струп, тёмные волосы до плеч — непослушные и свободолюбивые, как и он сам.

— Ты не вовремя. Открытый день прошёл.

Его голос — по-детски звонкий, как у какого-нибудь паиньки-пионера из старого советского фильма — или той самой ожившей фарфоровой куклы из какого-то ужастика, вид которой вполне невинен — до первой широкой улыбки, обнажающей рот, полный острых гнилых зубов.

Но с зубами у Вертимера всё в порядке.

— Ты не предупреждала.

— А разве Варидас не предупредил вас? — кричу я в ответ и тут же понимаю, что сморозила глупость: мой маг-прорицатель уже давно ничего не предсказывал, а страх перед разоблачением в большей степени был направлен на Нидру.

— А его нет! — залиvisto сообщает Вертимер. — Так ты к Варидасу? Приходи в открытый день, Вирата Криафара. Здесь все равны.

— Я ко всем. И не могу ждать открытого дня. Я пришла с подношением.

— У нас множество даров. Нам это неинтересно.

— Даже если не пустишь, просто возьми.

Зеркальный амулет я вернула Рем-Талю, как только Каменный Дворец скрылся из виду. Но теперь на моей шее висело новое украшение — маленький мешочек из плотной ткани. Его-то я и сняла, протянула на вытянутой руке вперёд, точно кусок мяса дикому животному

— и словно дикое животное, маг земли хищно, заинтересованно повёл носом, а песок внезапно выпустил мои ноги, позволяя сделать несколько шагов вперёд.

Макушка Вертимера доставала мне до плеча, а рука была, кажется, даже тоньше моей. Не эту ерунду надо было ему тащить — мелькнула непрощенная мысль — а еды побольше и одежду нормальную.

Я едва ли не фыркнула — тоже мне, заботливая мамаша явилась проведать дитяtko в летнем лагере, а дитяtko некормленное и с расцарапанными коленками.

— Дай, — не то попросил, не то потребовал Вертимер.

Я опомнилась и высыпала в подставленную ладонь мага горсточку земли, самой настоящей — кто бы знал, каких трудов мне стоило отловить виннистера Охрейна Риона и вытребовать у него этот маленький сувенир.

Вертимер сжал пальцы, поднёс к лицу и вдохнул запах, змеевидные корни манника хищно затрепыхались, словно и он требовал порции вкусенького. Крошки земли покатались по предплечьям мага и облепили корни, обнимая их.

— Проходи, Крейне Криафарская, — голос стал ниже, тише, взрослее, словно Вертимер сбросил одну из множества масок. — Мы поговорим с тобой. Недолго.

— Мой страж и животные...

— Они останутся здесь.

— Под открытым небом и палящим солнцем?! — возмутилась я. В тот же миг стена песка сбоку от меня взметнулась к небу, как цунами, но не обрушилась нам на головы, замерла, оплавляясь и каменяя.

— Вот им тень, — равнодушно сказал Вертимер и сделал приглашающий жест рукой.

Глава 37. Криафар.

Каменными переходами я иду за Вертимером вглубь верхнего яруса Пирамиды. Этот ярус маги занимали всегда, но раньше, до погружения, существовала внешняя лестница наверх — каменная, узкая, без перил, дважды охватывающая Хран, как небрежно брошенный кем-то пояс. Теперь в ней не было необходимости.

Мы проходим через пещеру, в которой в открытый день маги встречают посетителей-просителей. Идём мимо стены скорби, ныне не востребованной — слишком редки разрешенные визиты к магам, чтобы тратить это время на исповедь отвернувшемуся от Криафара божествам. Мимо стены подношений — там пусто; то, что не забрали маги, мигом унесли воришки и попрошайки, беззастенчиво расталкивающие локтями страждущих и нуждающихся.

Вертимер поворачивается ко мне, его глаза мерцают в темноте, как сгустки света.

— Я не умею читать мысли и не знаю, что тебе нужно, но... Знай: я хочу изменений. Я хочу отсюда выбраться. Куда угодно. На любую волю: в пустыню, во дворец, в иной мир, — я вздрогнула, но Вертимер, кажется, сказал это просто так. — Остальные скажут тебе, может быть, что не хотят. Не слушай их, королева, просто они боятся поверить.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Ты пришла, потому что тебе что-то нужно. За это стоит предлагать адекватную цену, иначе какой смысл?

— Но с чего ты взял, что я могу её заплатить?

Я могу. Но они не должны знать об этом, хотя ума не приложу, как построить разговор, чтобы не выдать себя сразу и — Вертимер прав — что предложить взамен. У Крейне нет возможности облегчить жалкое существование Совета Девяти, ни одного из них. Она

пришла с пустыми руками.

Глаза земного мага погасли, словно сланец, горевший внутри, вдруг выгорел дотла.

— Ни с чего. Идём, королева.

* * *

— Ты посмотри! — гулкий раскатистый бас сотрясает каменные стены пещеры. — Только несколько дней назад взяли мальчишку на слабо — а он уже привёл прехорошенькую девчонку! Так держать, Верти! Пусть эти несговорчивые гвирты воротят носы, свет клином на них не сошёлся! А мы с тобой будем развлекаться!

— Заткнись! — из тёмного угла выступает фигура светловолосой женщины, и у меня буквально во рту всё пересыхает. — Вертимер вечно тащит из наружного мира сюда всякую дрянь, — доверительно говорит она высокому и, кажется, равнодушному ко всему юноше в серебристом плаще, греющем в руках пузатую бутылку из светлого непрозрачного стекла. Периодически Вестос — маг воздуха с незаживающей дырой в груди — подносит горлышко бутылки ко рту, обхватывает губами, но, разумеется, не глотает. — То он тащил высохшие экскременты лизардов и камалов, надеясь получить из них перегной. То всякую колючую лабуду, вроде этого веника или оливника, пытаюсь объяснить тупой растительности, что можно жить в вечном полумраке. То вот...

— А ты не ревнуй, Варька! — невидимый Рентос снова хохочет. — Как лисак на кочане: и самой не надо, и на других рычит. Смотри, какая девочка сладкая.

— Что нужно сладкой девочке? — ещё один женский силуэт появляется в поле моего зрения. Целительница Стурма не вызывает такого ужаса как боевая магичка Варрийя, может быть, потому, что в испещренной язвами коже, в отличие от переходящих в металлические лезвия плечевых костей, нет ничего сверхъестественного. Хотя и приятного — тоже нет. Стурма подходит ближе, и её глаза, такие неожиданно ясные, кажутся самыми спокойными и доброжелательными среди всех остальных. Краем глаза я отмечаю стоящую на коленях фигуру Нидры и вздрагиваю, инстинктивно ожидая разоблачения — не думаю, что могу сохранить хоть какие-то тайны от ментального мага. Вопрос в том, захочет ли отстранившаяся ото всех Нидра поделиться своим открытием с другими.

— Кто ты? Зачем пришла? Ты же пришла сама? — Стурма наклоняет голову к плечу. Её губы, пузырящиеся желтоватым гноем, как при сильном герпесе, почти улыбаются мне. Я открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент легкая судорога проходит по её лицу. Маг целитель бросает короткий острый взгляд в сторону коленопреклоненной менталистки, а я сжимаю пальцы в кулаки.

И что дальше?

* * *

— Вот как, — негромко произносит Стурма. — Сама Вирата Криафара. Вот так, запросто...

Выгулявший манник Вертимер молча проходит в свой закуток, опускает растение на камень и медитирует над землёй.

— Без даров, — подхватывает голос потерявшего тела мага-метаморфа Рентоса. Интересно, чувствует ли он сам себя каким-либо образом в пространстве — или нет? Отчего-то мне кажется, что он стоит прямо у меня за спиной — не лучшее чувство.

Я их боюсь. Их невозможно не бояться — они слишком другие. Каждый из них уже где-то за пределами смерти. Самый старый из магов Тианир, выглядящий, как сшитая из лоскутов кукла или жертва безумного патологоанатома, улыбается мне, словно пожилой

отец внезапно приехавшей погостить дочери.

Вот только никакая я не дочь — скорее, наоборот. И вместе со страхом внутри меня вопреки всему колотится виноватая нежность, а рядом с ней — странное эйфорическое чувство, слишком напоминающее счастье.

Они существуют!

...почему Нидра не выдала меня?

— Крейне Криафарская... жена беспутного и бестолкового Вирата Тельмана, — нараспев произносит Стурма, всё так же рассматривая меня, словно картину в галерее перед покупкой. — Вирата Тельмана, который никогда к нам не приходил.

— Я хотела спросить о нём, — решаюсь я начать с малого. — Мой супруг... болен.

И тут до меня доходят слова Стурмы.

— Никогда к вам не приходил?! Не пытался вылечить? И даже в детстве Вират Фортидер никогда его не...

Стурма качает головой.

— Не жена, судя по тому, что нетронутая, как пустыня. Невеста, — хмыкает Варрийя, удивительно мирная сегодня, но даже с таким настроением от неё так и веет агрессивной искрящейся энергией. Скрещивает руки-лезвия перед собой. — Невеста без места.

— Да вы что, вон оно как... Вот ведь...! — с чувством высказывается Рентос. — Да он... Ему бы... Да я бы..!

"Импотент" и "мудак" — это самые приличные слова, а часть ругательств я даже и не знаю. "Випирина гонада"?! Хотя, возможно, мне просто послышалось.

— Простите, — начала было я, потому что разговор явно пошёл в другую сторону, но прощать меня никто не собирался.

— Последние сто пятьдесят лет люди только и делают, что просят нас о чём-то, — мягко произнёс Тианир, которого матерная экспада Рентоса совершенно не впечатлила. — Мы, дорогая Крейне, уже давно поняли, что людям зачастую нужно совсем не то, чего они якобы хотят. Обычно мы молчим об этом...

— Но ты сама пришла, так что не жди, что эти злые существа будут тебя щадить, — сероглазый Вестос улыбается, плотнее запахивая на продырявленной груди плащ.

— Что мне нужно? — спрашиваю я эхом, невольно поддавшись их влиянию, их воздействию. Их обаянию, возможно, никем, кроме меня, не ощутимому.

— Очень скоро тебе придётся уехать отсюда, — произносит Стурма, и я не могу сказать, о чём она: о ссылке ли неудобной супруги в Силай или о возвращении демиурга-Кнары в свой реальный мир.

— Но ты могла бы остаться, — неожиданно подхватывает Варрийя. — Могла бы, Крейне Криафарская. Ты хотела сказать, что хочешь спасти этот мир и мужчину, который тебе нравится, несмотря ни на что? Это так — и не так.

— Они так устали от того, что Варидас бездельничал полтора века, что сами подались в предсказательницы, — Рентос грохочет где-то у меня над головой.

— Спасти всегда хотят только себя самого, Вирата, не питай иллюзий. Обрести себя.

— С тех пор, как не стало нашей Лавии, — Тианир выглядит безмятежным старцем, мудрецом, ожившим портретом некоего античного философа. Но меня не обманешь этим благообразным внешним видом — Тианир не так уж прост. — Нас осталось восемь вместо девяти. Видишь ли, это не та перемена, с которой легко смириться.

Сказать по правде, мне не хочется, чтобы он продолжал. Но я знаю, что они всё равно

продолжат. А ведь Рем-Таль меня предупредил...

— У меня нет никакой магической силы. Никаких способностей.

— Но ведь магом нельзя стать, можно только родиться? — звонкий, удивлённый голос Вертимера не разрывает тишину, а погружается в неё, как брошенный в болото камень.

— Верно, но из каждого правила есть исключения, — по-прежнему мягко говорит Тианир. Так маньяк-убийца убеждает связанную по рукам и ногам жертву с кляпом во рту, что она всегда мечтала умереть на помойке с выпущенными наружу внутренностями. — Лавии больше нет, но она умерла не так, как следовало. Милостивая Шиару и благостный Шамрейн не забрали её душу, её магию, её силу. Только жизнь. И она в некотором смысле всё ещё здесь.

— О чём ты? — Вестос стряхивает серебристые пряди с плеч.

— Сила Лавии ещё здесь, и кто-то может её получить. Занять её место.

— Обряд стильхо? — Варрийя облизывает губы, такие красные, что они кажутся окровавленными. А возможно, так оно и есть.

— Существует такой обряд, — кивает Тианир, тянет себя за бородку. — Обряд, позволяющий призвать силу убитого мага в чистое невинное тело.

— Стильхо?! — возмущенно гудит невидимый Рентос. — Нет, я тоже хочу, чтобы нас стало девять, но я бы не позволил, чтобы меня выпотрошили как самку галлуса! Мне были дороги мои потроха!

— Чтобы вместить магию в тело, изначально для неё не подготовленное, нужно освободить пространство, — Тианир пожимает плечами так, словно удаление детородных органов, селезёнки, желчного пузыря, щитовидной железы, почки и одного лёгкого является чем-то обыденным. "Освобождение пространства"... Я знаю, как выглядит бесполое безволосое существо после обряда стильхо, это не вошло в основной план книги, но когда-то я придумывала что-то вроде отряда элитных магических воинов.

— Тебе страшно? — с любопытством спрашивает Стурма. — Но никто не может, никто не собирается принуждать тебя к чему-то. А ведь так ты сможешь остаться здесь, как ты и хочешь — на самом деле. Обрести силу, какой у тебя никогда бы не было. Свободу.

...да, силы у меня не было. Там, в своём мире, по уши погружённая в его проблемную тревожную суету, будучи единственным и неповторимым демиургом Криафара, я не чувствовала собственного могущества. Здесь я вообще была ничем, липовая королева, заблудившаяся душа в чужом теле. Хочу ли я на самом деле спасти мир, спасти Тельмана, которому я не нужна, хочу ли я вернуться обратно — или обрести свою судьбу?

Может ли быть, что то, что предлагает мне Тианир — и есть моя судьба?

Я трясую головой. Что за бред. Может быть, Нидра воздействует на меня?

"Нет"

Маги смотрят на меня выжидательно, а я чувствую себя загнанной в угол. Я думала, что это мне нужны они, а оказалось — я нужна им.

"Они не знают"

Нидра неподвижна, всё ещё повёрнута к нам спиной. Её голос раздаётся внутри моей головы.

"Почему ты им не сказала?"

"Что толку? Им нельзя говорить"

"Почему?"

"Демиург в созданном им мире лишён магических способностей и почти беспомощен.

Но это не означает, что его жизнь, а особенно его смерть нельзя использовать. О демиурге знают. Его ищут"

"Кто?"

Вот теперь мне стало страшно. Чёрт, чёрт, чёрт.

"Я не выдаю своих" — Нидра равнодушно транслирует мне собственные мысли. Спорить с ней бесполезно, да и времени нет.

"Но не ты?"

"От твоей смерти я ничего не выиграю. Месть меня не интересует"

"А чего ты хочешь?"

Слушая шелест мыслей ослепшей и оглохшей после проклятия менталистки, я обвожу взглядом каменную залу. Вертимер возится со своим цветком, Вестос вдыхает запах недоступного для него вина...

— Мне надо подумать, — выдавливаю я, перевожу взгляд на одну из стен и вижу проступающие руны, округлая вязь, напоминающая корейскую письменность. Я знала, что древние жрецы, предшественники служителей, общались с духами-хранителями письменно, но знание этого языка давно утеряно.

А язык остался.

— Думай, — выдыхает Рентос мне в самое ухо.

— Думай, Вирата, — от широкой улыбки Стурмы несколько язвочек лопаются, гной стекает по подбородку.

«Думай».

— Я провожу, — говорит Вестос, поднимаясь, от его резкого движения плащ на груди распаивается, и я вижу дыру, огромную, неисцеляемую брешь.

В этот момент мне кажется, что жуткий обряд стильхо не такая уж необходимость для принятия магии.

Просто тот, кто пополнит Совет Девяти должен быть своим в полном смысле этого слова. Что-то безвозвратно утратившим, ощущающим вечную тоску по недостающей части себя самого.

Глава 38. Криафар

Не так уж много информации к размышлению, но я выхожу из Пирамиды... не то что бы ошеломлённая, скорее, нагруженная тяжёлыми мыслями. Мыслями обо всём сразу.

Криафарские маги — безумные существа, стоит ли прислушиваться к их словам? Теперь, когда жар дневного светила усилился многократно, и по лицу заструился пот, сознание самым парадоксальным образом прояснилось.

...как я вообще могла слушать эти бредовые речи про изуверский обряд наполнения магией, про мою судьбу и желание остаться здесь? Немыслимая чушь. А вот то, что Тельмана они ни разу не видели — интересно. Очень и очень интересно. Я даже остановилась, отчего идущий сзади по моим следам Вестос чуть не врезался мне в спину.

А чем Тельман вообще болен? Почему Вират Фортидер не отвёл его к Стурме ещё в раннем детстве? Сам старший король пришёл в себя уже после "открытого дня", и, кажется, к целительнице тоже не обращался, хотя это-то я как раз могу понять. Вират не цепляется за жизнь без любимой супруги или не верит в слабые способности магички, или у них давний конфликт, или он настолько демократичен, что не решился побеспокоить магов вне установленного расписания встреч — ещё одна чушь, но пусть будет так! Но не использовать все шансы, все возможности для излечения собственного ребёнка...

Рем-Таль, стоящий навтыжку между двух камалов, на мгновение изменил своей выдержке и подался мне навстречу, словно пытаюсь прочесть по моему лицу результат поездки, за которую мог нехило схлопотать от Тельмана, если тот каким-нибудь образом о ней бы прознал. Впрочем, наверняка предусмотрительный страж продумал заранее какие-то аргументы в свою защиту. Я же предлагала ему всё свалить на меня — так он и свалит. А что сделает Вират со мной... Может быть, ничего не сделает — перед отцом придётся объясняться. Ну, покричит, нагнёт ещё какую-нибудь девицу в качестве мести, а может, даже двух — переживу. Будет противно и обидно, обидно от своей обиды, но — переживу.

— Ужасно жарко, — я знала, что Вестос остался внутри и не может нас подслушать, но внезапно закрутившийся вокруг меня прохладный ветерок красноречиво свидетельствовал о том, что маг воздуха не просто так отпустил меня и забыл. Вряд ли ветер дует со злостными шпионскими намерениями, но ощущение незримого присутствия никак не проходило.

— Разумеется, Вирата, — Рем-Таль тоже никак не прокомментировал природный каприз. — Уже почти что час гнева. Боюсь, нам придётся остаться здесь.

— Слишком долго.

— Разумеется, но боюсь, в ином случае мы попросту не дойдём. Животные не выдержат. А здесь, — он махнул рукой на окаменевшую песочную беседку, — можно переждать жару. Так будет разумнее и безопаснее.

Так было разумнее и безопаснее, но вынужденная стоянка нервировала. Садится прямо на песок не хотелось, стоять на одном месте было трудно. Рем-Таль слабо улыбнулся — или мне только почудилось, как дрогнули уголки его губ? Страж снова похлопал камала, и тот послушно опустился передо мной.

— Устраивайтесь с комфортом, Вирата. Не так уж долго нам ждать, особенно с учётом этого прохладного подарка.

— Он плохо пахнет! — вот уж не знаю, откуда в моём голосе берутся эти капризные интонации маленькой избалованной девочки, которой я никогда, кажется, не была. Возможно, я просто подхватываю неволью предложенную Рем-Талем игру в инфантильную королеву и верного стража, ни с кем другим я такой не становлюсь.

— Просто подумайте о чём-то другом. Отвлекитесь.

— Ну, тогда расскажите мне что-нибудь. Расскажи.

— Что вы хотите?

Я хочу спросить его о Тельмане. О его болезни, о его детстве, о его первой женщине, бросившей юного принца не без участия короля, не желавшего этой связи, и самого Рем-Талю, подкупившего соблазвившего девицу воина. Но вслух говорю совершенно другое:

— Расскажи мне, как был проклят Криафар.

Я знаю эту историю, я сама её сочинила. Но Рем-Таль, его слова, лаконичные, сухие и точные, заставляют меня пережить всё заново, с позиции жителя, а не автора. Я сижу на камале, а Рем-Таль, не боящийся никого и ничего, стоит на песке, прислонившись спиной к своему животному, и говорит о конце света, который я устроила этому миру, чтобы в ином, бесконечно далёком мире кому-то было не скучно скрасить поездку в метро на нелюбимую работу из дома, полного забот и хлопот, чтением ещё одной фантастической книжки о несуществующем и прекрасном.

* * *

— Можно ехать, Вирата.

Я сонно вздрагиваю и приподнимаюсь со спины смиренно лежащего неподвижно зверя.

То ли совет Стража "отвлечься" подействовал, то ли я просто привыкла, но неприятного гнилостного запаха от жёсткой шкуры камала действительно больше не ощущалось. И это хорошо — в отличие от того, что поездка слишком затянулась, а я позорно провалилась в сон.

— Едем.

Ну и хороша я: лицо наверняка помятое, в уголке губ засохла ниточка слюны... Сон на свежем воздухе, чтоб его. А вот Рем-Таль собран, как всегда: впрочем, при его службе другой человек и не выдержал бы. Неужели находясь рядом с Тельманом, он всегда оставался именно таким, год за годом игнорируя оргии, пьянки, употребление дурманящего порошка?

Страж снова похлопал камала по боку, призывая встать, протянул мне поводья... И в этот момент животное захрипело, дёрнулось с такой силой, что я вывалилась буквально в руки Рем-Талья: равновесие он потерял, и мы рухнули в золотой песок, а затем каким-то нечеловеческим рывком он перебросил меня через себя, подальше от обезумевшего животного. Камал повалился на бок, судорожно дёргая ногами и головой, бока вздымались рывками, глаза закатывались.

— Что...

— Похоже на укусы випиры, — Страж, в отличие от меня, самообладание сохранил. — У неё сильный яд почти что мгновенного парализующего действия, но для следующего укуса твари требуется время подкопить яд.

Меня затошнило и замутило, на собственные почти голые ступни смотреть не хотелось.

— Надо вернуться к магам, пусть они...

— Вы не успеете. Через шаг всё закончится.

Агония умирающего животного была ужасна, и как бы я ни боялась змей, как бы ни заходило всё внутри от ужаса, страха и жалости, я наклонилась над почти уже переставшим дёргаться камалом, чьё тело, такое крупное и мощное, дрожало, точно лист на ветру. Протянула руку погладить — жест бессмысленный, ненужный, ничего не способный изменить.

— Вирата, вы бы отош...

Рем-Таль договорить не успел — очередная судорога вдруг едва ли не выгнула тело зверя дугой, камал вдруг резко поднял голову и прихватил меня за ладонь острыми тёмными зубами. Я взвизгнула, не удержавшись, кровь капнула на морду, на свалывшуюся от слюней бордовую шерсть около рта.

— Вирата!

Рем-Таль отдёргнул меня, схватил за руку, видимо в красках представляя себе последствия: мало того, что поспособствовал моему побегу, так ещё и вернул в неполной комплектации.

Рука была на месте, и все пять пальцев — тоже, клык камала содрал кожу, однако с учётом того, что зубов он явно никогда не чистил, заражение могло быть весьма вероятным. Пока я тупо смотрела на окровавленную кисть, Страж развил бурную деятельность: вытащил мешок из-под затихшего камала, извлёк флягу с водой, какую-то мазь, промыл, помазал и перебинтовал мою руку куском ткани, безжалостно оторванным от его головного платка, местного аналога куфии. Заставил своего камала опуститься и взобрался на него.

— Поехали, Вирата.

— Как? — я всё ещё медлила, точно старенький компьютер со множеством открытых вкладок и недостаточным объёмом памяти.

— Единственным, к моему сожалению, доступным нам способом. На моём камале. Приношу свои извинения, — сарказм ощущался явственно, но был недоказуем.

— А... он? — я кивнула на мёртвое животное.

— К завтрашнему утру от него останутся только кости. В пустыне всё, что не движется, идёт в пищу.

Внезапно Рем-Таль наклонился ко мне, ухватил под мышки, как ребёнка, и усадил перед собой. Его камал поднялся, а я запоздало возмутилась:

— Да ты совсем уже..!

— Давайте вернёмся во Дворец, там вам непременно дадут другого мёртвого камала для игр в оплакивание и похороны.

Моя спина прижималась к его груди, и я не находила в себе сил даже отстраниться, не то что сопротивляться.

— За что мне держаться?!

— Вы не упадёте.

Мы двинулись вперёд, а я ухитрилась на повороте скосить глаза на мгновенно разлетевшуюся пылью каменную беседку. И...

— Рем-Таль..!

Страж обернулся тоже, и резко остановил свой живой транспорт. Мы замерли, глядя во все глаза — я смотрела во все глаза, это как минимум — на то, чего быть не могло по определению.

Мёртвый — как мы оба были уверены — камал вставал.

Чуть пошатываясь, он тяжело поднялся, присыпавший его песок слетел, точно пыль со старой библиотечной книги, наконец-то понадобившейся какому-то читателю. И на зомби зверь никак не походил. Пятую долю шага спустя он окончательно обрёл равновесие и внезапно рванул куда-то вдаль чуть ли не галопом.

Стоило ему скрыться из виду, как Рем-Таль развернул своего зверя и направил его в противоположную сторону.

* * *

Зеркальный амулет, отводящий глаза, разбился, вероятно, при моём падении на Рем-Таль с камала — обнаружив этот факт Страж, кажется, выругался. Не на меня, просто так. Словно нашкодившие дети, мы возвращались, уже не питая иллюзий по поводу того, что наша вылазка останется незамеченной. Время неумолимо двигалось к вечеру, недовольный двойной нагрузкой камал плёлся медленно, будто бы с каким-то мстительным удовлетворением пытаюсь задержать наше и без того позднее возвращение.

На мою прочувствованную речь о том, что я возьму всю вину на себя, Рем-Таль не обратил ни малейшего внимания, как на бестолковый детский лепет. Я чувствовала его тело, так непозволительно интимно прижатое к моему собственному, и, возможно, поэтому ощущала себя неоправданно храброй. Что чувствовал он, оставалось для меня загадкой.

При появлении на горизонте жилых построек Рем-Таль пошёл пешком.

— Давайте я где-нибудь погуляю с десятков шагов, а ты вернёшься первым? — неуверенно предложила я, но Страж только отрицательно мотнул головой. Оставлять меня одну он явно не собирался. Похоже, он уже смирился с неизбежным и не пытался даже как-то его отсрочить. Так что во Дворец мы зашли вместе, и к моим королевским, так сказать, покоям тоже подошли вместе. Жиэль и Айнике выбежали мне навстречу, и по ужасу в их глазах я поняла, что меня хватились. Запас везения явно закончился с выходом из Пирамиды.

ск-сучала... Все беды от безделья, отец всегда говор-рил.

Тем временем Тельман извлёк откуда-то из-за пазухи нечто до боли напоминающее наручники: металлическую гибкую восьмёрку.

Лицо Рем-Талья по-прежнему бесстрастно, но в глазах его мелькает что-то такое... что-то такое, что я понимаю: еще четверть шага, и он ударит Тельмана, да так, что завершить инцидент мирно хотя бы для ни в чём не повинного Стража уже будет попросту невозможно.

Не злость, не страх за себя, а страх за него заставляет меня стряхнуть оцепенение.

— Рем-Таль! — выкрикиваю я. — Я ваша Вирата, и у меня не меньше оснований вам... приказывать. Уходите. Немедленно!

— Стр-роптивая! — Тельман хватается за стену, пытаясь удержаться в вертикальном положении. — Рем-Таль! Иг-ик-гн... тьфу, Игнор-рируй!

— А я сказала, уходите!

— Нет, он останется!

Рем-Таль переводит несколько растерянный взгляд с меня на Тельмана, а меня неожиданно разбирает истерический смех.

— Уходите, Рем-Таль. Мы с Виратом сами тут разберёмся, насчёт наследника. От кого и когда, и каким образом. Это личное дело. Семейное, так сказать. Вас оно не касается.

— Да какого випирьего выродка ты командуешь моим Стражем?! — почти обиженно и почти чётко выдаёт Тельман, и я зажимаю рот кулаком, чтобы не расхохотаться.

— А ты мне помешай, — насмешливо говорю я. — Запрети, ну, давай! Что ты мне сделаешь? Охрану вызовешь? Чтобы весь Дворец знал? Кастинг осеменителей проведём? Рем-Таль, уходите немедленно. Считайте, что я говорю от лица Вирата Фортидера.

— Вирата...

— Мы разберёмся сами.

— Стоять! Не смей! — в голосе Тельмана звучат едва ли не панические нотки, и я, даже понимая, что вряд ли он может показать себя перед Стражем хуже, чем уже показал, не хочу доводить до предела. А вообще, я тоже могу поиграть в такие игры, если уж они ему нравятся.

Подхожу к Рем-Талю и встаю между ним и Тельманом. Кладу руку на грудь Стража, тяну ладонь к обнажённой шее. Горячая. От него веет теплом.

— А, возможно, вы и правы, мой Вират. Он гораздо лучше. По крайней мере, не шарахается от меня. Не нюхает всякую дрянь. Уверена, дети от него будут лучше. Красивее... Говорят, красивые дети рождаются от сильных мужчин. Оставайтесь, Рем-Таль.

— Нет, это вообще выходит за всякие р-рамки! — Тельман машет ладонью перед лицом, будто пытаясь отогнать невидимых мошек.

— Вы правы, Вирата. Вам лучше разобраться самим. Прошу меня простить... — Рем-Таль пятится, дверь закрывается, а мы с Тельманом остаёмся одни.

Ощущение собственной власти, контроля надо всей этой абсурдной ситуацией пьянит не меньше, чем порошок из золотого скорпиутца.

— Да что ты себе позволяешь?!

— Действительно. Надо позволять себе гораздо, гораздо больше.

— Что?!

— А ведь вы боитесь меня, Ваше Величество. Ты боишься.

Тельман и впрямь следит за мной, как следил бы за випирой, покинувшей еще треть шага назад казавшуюся такой надёжной клеть и теперь извивающуюся перед ним,

раздувающую небольшой капюшон с золотистыми кольцами. Я подхожу к нему почти вплотную, вытягиваю запястья вперёд,

— Ты же этого хотел? Ну, давай. Без помощников уже не то, да?

— Не трогай меня, — одними губами говорит Вират, а я смеюсь в голос, уже не в силах сдерживать истерику.

— А если трону? Мне, как ты понимаешь, нечего терять.

— Пожалуйста... Не трогай.

— Что-то меня ты не сильно жалел. Не удивлена, что твой отец ни в грош тебя не ставит. Никто не ставит.

И пока Тельман переваривает услышанное, я почти повторяю его давешний жест — резко толкаю в грудь так, что он подаёт на кровать, почти не думая, вырываю из его рук восьмёрку-наручники — один из замочков открывается — и пристёгиваю его руку к металлическому бортику кровати.

— Никогда не думала, что моего мужа нужно будет удерживать в спальне исключительно грубым насилием.

— Пусти! — в его глазах паника, а я вдруг вспоминаю про его мифическую — или не мифическую? — болезнь.

— Придёшь в себя — поговорим.

— Ты не понимаешь...

— Объяснишь.

— Мне нужно ещё это золотистой дряни, — облизнув губы, внезапно почти трезвым голосом произносит Тельман. — Через десяток шагов нужно повторить дозу. Иначе...

— Ещё чего. Потерпишь.

— Но так нельзя! Мне будет плохо...

— Мне тоже было плохо, — я приближаю своё лицо к его, и Тельман вжимается в пуховую подушку. — Очень плохо и очень больно, целых два года, милый. Так что теперь я глуха. Как минимум до рассвета.

* * *

В гордом оскорблённом молчании Тельман не продержался и двадцати минут, то есть, простите, четырёх шагов. Начал ныть.

— А вы говорили, что в моём присутствии вам спокойно, как в одиночестве! — я мстительно повернулась к нему спиной, не зная, чем занять себя. Наконец, схватила чистый лист и графитовую палочку и принялась рисовать абстрактные линии, окружности и штрихи.

— Крейне-е...

— Ты мне обещал вести себя прилично. А что вытворяешь?

— Ты сама виновата!

— Я?! — такого нахальства я не выдержала, развернулась и уставилась на него, побледневшего больше обычного. Кажется, его лоб был влажным — хотя в комнате было прохладно, на коже Вирата проступил пот, серые глаза потемнели до черноты. Но его болезненный вид несколько меня не впечатлил. — Да ты совсем берега потерял! Какой бы дряни ты не обнюхался, это ничего не меняет и ничего не оправдывает! Ты предложил меня изнасиловать, а виновата я?!

— Сначала я обнаруживаю вас полуголой и пьяной в мастерской этого выроodka Гаррсама! — выверился Тельман, дёрнулся и выругался. — Потом мой Страж встречается с вами во Дворце тайно, захаживает в вашу спальню, а потом... Где вы были целый день?!

Вместе?

— Это что, сцена ревности, что ли?! У тебя от этой дряни мозги отказали окончательно. Если было чему отказывать. Не собираюсь я ничего объяснять.

— Ты моя жена!

— Шутка удалась, мне уже смешно.

Я снова принялась терзать несчастный лист.

Злые интонации в его голосе моментально сменились жалобными.

— Я не буду так, больше вообще не буду, я обещаю... Я так устал, я пришёл к тебе, и обнаружил, что тебя нет с самого утра, что Рема тоже нет, не знаю, почему, но это было просто убийственно невыносимо. Я знаю, что это всё я, но... Я очень устал, я сорвался, это в последний раз! Но сегодня мне нужно ещё, непременно, я принял только половину того, что нужно. Принеси мне, Крейне, пожалуйста, у меня в комнате есть место, где хранится эта золотая мерзость...

— Тебя же нельзя оставлять одного? — я снова повернулась. Только один раз видела наркоманскую ломку, в каком-то поучительном видео для подростков типа «или ЗОЖ, или умрёшь». Надеюсь, муженёк не выдаст чего-нибудь в таком же духе и как минимум не уделает мне кровать.

— Крейне, пожалуйста, мне нужно, мне очень нужно. Честно. Только сегодня. Сейчас. Прямо сейчас...

— Говори, где.

Пока он давился объяснениями через нарастающую дрожь, с трудом сглатывая слюну, я думала. Прикидывала. Вряд ли когда-нибудь мне ещё удастся повернуть обстоятельства в свою пользу так, как сейчас. И никто не знает, что придумает Тельман утром, как и кому прилетит за эту ночь на трезвую его голову.

Времени на раздумья оставалось немного, звать на помощь слуг или Стражей не хотелось. Рем-Таля я уже подставила — дальше некуда.

— Кр-рейне... Пожалуйста. Поторопись. Поторопитесь... Мне правда очень, очень плохо. Крейне, умоляю, мне надо, прямо сейчас...

Кто-то робко поскрёбся в дверь, а я сердито дёрнула себя за прядь волос. Кажется, пора повесить на двери табличку: "Королеву просьба не беспокоить".

Глава 40. Наш мир.

Маленький Тель в коридоре заходил в истерике, кричал каким-то странным визгливым голосом что-то нечленораздельное, говорить он, судя по всему, ещё не умел. Как вообще такие детки учатся говорить? Как он слышит происходящее вокруг?

Вячеслав стоял, склонившись над ним, и выражение беспомощной растерянности на его лице внезапно вывело меня из себя ещё больше, чем даже безумное похищение с литературной подоплёкой.

— Не хочет раздеваться, — горе-похититель уставился на меня поверх очков, на доньшке его тёмных глаз плескалось искреннее, я бы даже сказала, исконное мужское недоумение из разряда «стиральная машина регулярно похищает мой второй носок», «этого супа ещё пять минут назад не было в холодильнике, я клянусь!» и «как это, неинтересно смотреть футбол?!».

Я подняла ребёнка и прижала к себе, мокрые сапоги — дождь, что ли, на улице? — колотили меня по животу с неожиданной силой.

— Тшшш, — зашептала я ему в прикрытое шапкой ухо, то, что без слухового

аппарата. — Ш-ш-ш, Тель! Пойдём-ка, посмотрим, какие игрушки тебя целый день ждали в комнате. Ждали и ждали, пока Тель вернётся из садика...

Так, с орущим ребёнком на руках мы потихоньку отступали по коридору в сторону тихой и тёмной детской. Постепенно надрывные рыдания становились тише. Вячеслав не стал препятствовать и вмешиваться — спасибо хотя бы за это.

Пусть своих детей у меня и не было, но с маленьким Телем мы как-то однозначно находили общий язык. Он обхватил меня руками за шею и сопел, как-то сердито и одновременно беспомощно, а я ходила с ним, то ли укачивая, то ли просто меряя шагами комнату, и бормоча всё, что приходит в голову:

— Не повезло тебе, дружок. Знаешь, я вот смотрю на тебя — и все мои теории заговора и трагические мысли летят в тартарары. Почему-то я никак не могу поверить, что люди могут так издеваться над маленьким ребёнком в угоду каким-то своим идеям, даже если это очень-очень странные люди. А твои родители — странные люди. Кажется, до Книги им есть куда больше дела, чем до тебя, уж прости, что говорю это вслух, надеюсь, это не нанесёт тебе психологическую травму, то есть, не травмирует больше, чем уже есть... Знаешь, наверное, я тоже сумасшедшая, но вдруг всё это правда, и Карина вернётся после того, как я закончу роман? И хотя бы у тебя всё будет хорошо. Наверное, она тебя любила и заботилась о тебе... Глупо, но мне так хочется в это верить.

Мы опустились на небольшой стульчик, и я принялась осторожно стягивать с Теля варежки, шапку, расстёгивать куртку.

— Но ведь роман нельзя закончить просто так, даже я это понимаю. Карина, — я не хотела произносить "мама" вслух при ребенке, мало ли, вдруг снова расплачется, хотя на самом деле не была даже уверена, что он вообще меня слышит. — Карина всегда заканчивала свои книги счастливым финалом, хотя и не без грустной нотки, именно это мне всегда больше всего в её книжках нравилось... Настоящие писатели пишут по плану, однако о каком плане может идти речь, если каждую главу мой невидимый соавтор меняет по собственному желанию в неведомую мне сторону?

Я стянула сапожки, и Тель сполз с моих коленей, потопал к игрушкам, схватил те самые, полюбившиеся нам обоим мячи и бросил в мою сторону.

— Вы в детском саду, случайно, не работали? — Вячеслав стоял в дверях.

— Только Снегурочкой на библиотечном корпоративе.

— У вас неплохо получается обращаться с детьми.

— Зато у вас — отвратительно, — огрызнулась я. — Хреновый из вас отец.

— Сказать по правде, это не мой ребёнок.

— Как это — не ваш? — глупо переспросила я. — А чей?

— Не знаю. Мы познакомились и поженились с Кариной, когда она уже была... в общем, я не знаю, кто его настоящий отец. Карина всегда говорила, что родила его просто для себя. Но официально он записан на меня. Я всегда много работал, и им занималась Карина.

Высокие отношения, ничего не скажешь.

— Надо же, какое благородство, — я пожалала плечами. — Так вам нянька требовалась, на самом деле, или писатель?

— Милена скоро придёт, у неё какие-то... семейные обстоятельства.

— А кем, если не секрет, вы работаете?

— Я предприниматель.

— Предпринимаете попытки выжить в этой стране, — пробормотала я себе под нос старую шутку из интернета.

— Что?

— Ничего. Всё это очень интересно, но похищать людей вам права никто не давал.

— Аня, я понимаю, и мне, правда, очень жаль, но... У меня нет другого выхода, — Вечер стянул очки и уставился на меня, почти с той же беспомощностью как тогда, в прихожей. — Мне нужно, чтобы Карина вернулась. Вы же видите, без неё тут всё катится в бездну. Она нужна ребёнку. Она нужна читателям. Она нужна нам всем! Мне... Допишите книгу.

— Послушайте, Вячеслав, — я вздохнула, поднялась и подошла к нему. — Мне действительно хочется вам поверить. Но так не делается. Я сочувствую вашей беде, но у меня своя жизнь!

— У вас её нет, — совершенно спокойно отозвался новоиспечённый предприниматель и вдруг взял меня за руку, сжал пальцы. — Вы несчастны и одиноки. Ваша работа не приносит вам ни денег, ни удовлетворения, в ближайшем будущем вас бы попросту сократили, точнее, сократили бы вашу подругу, а вы бы ушли сами, чтобы она осталась — и даже спасибо бы не услышали. Человек, которого вы думали, что любили всю жизнь, скоро женится на беременной от него девушке, гораздо моложе вас. Вы будете перебиваться случайными заработками, полнеть, коротать вечера и выходные за книгами, лет через десять начнёте активно болеть всем подряд, в большей степени от скуки и душевной пустоты, а потом...

— Замолчите, — я сказала это слишком громко, и невольно оглянулась на Теля, но мальчик именно в этот момент перевернул большой пластиковый контейнер с каким-то крупным и ярким конструктором. Вырвала свою ладонь из руки Вечера. — Откуда вам это знать? Никто не может знать, как всё пойдёт дальше.

— Никто, — он кивнул. — Будущее может меняться, разумеется, но при прочих равных условиях иногда оно очевидно. И вы это тоже понимаете. Иначе пытались бы сбежать гораздо активнее.

Чёртов... випирий выродок.

— Я ничего не говорила вам о человеке, которого я люблю. "Думаю, что люблю" — эта фраза меня резанула больше, чем следовало.

— Здесь вы ничего не теряете. Наоборот. Вы это понимаете.

— Я вас в тюрьму засажу. Какой бы ни была моя жизнь, это не ваше дело! Не ваше, и вы не имеете права..!

— Мне нечего вам возразить, просто сейчас я не могу поступить иначе. Не кричите при ребёнке, пожалуйста. Милена вот-вот придёт, я приглашаю вас на семейный ужин. На кухне, зато меню ресторанное.

— Идите вы со своим ужином в...

— Вы же хотели задать мне несколько вопросов по Криафару. Вот и поговорим. И поедем заодно.

"Вы верите в мистику?..." — спросил меня Вячеслав при первом знакомстве. Нет, я не верила... тогда — точно, но сейчас было ощущение, что я падаю в пропасть, стоя на одном месте.

Не может же он читать мои мысли? Я посмотрела на Вечера, словно ожидая ответа на безмолвный вопрос в подтверждение своих догадок, но он глядел только на Теля, пока в

спальню, наконец, не проскользнула Милена, а я не отправилась в свой кабинет, фактически признав капитуляцию.

...Так ведь и подумала — "свой кабинет".

* * *

Я не умею общаться с людьми. Не умею флиртовать, кокетничать, что там ещё нужно делать для того, чтобы наладить контакт, вызвать к себе симпатию, заинтересовать или понравиться. Наверное, не стоило входить с сумасшедшим Вячеславом в конфронтацию, тем более, что псих он, похоже, мирный.

А если не псих?

Если он действительно читает мои мысли, если неведомые силы управляют всем вокруг, если люди исчезают просто так и возвращаются в зависимости от содержания книги, которую могу написать только я? В ожидании сама не знаю чего, я умылась холодной водой и уселась на диван. А вдруг шизофрения передаётся воздушно-капельным путём? Мне надо проверить.

Я достала из принтера пачку обычной писчей бумаги, откопала ручку за клавиатурой. Бестолково огляделась в поиске скрытых видеокамер, понимая, что это — чистое безумие, прикрыла бумагу рукой.

И начала писать новую главу чужой — и в то же время моей собственной — Книги. О недостойном короны Короле, запутавшемся в собственных чувствах и не знающем, как ему дальше жить и править. О его молодой прекрасной жене, так и не разделившей с ним постель, стоящей на распутье: протянуть ему руку или оттолкнуть окончательно. О мужественном Страже и несчастной Стражнице, каждый из которых был обречён остаться на второстепенных ролях, но в глубине души ещё надеялся на другую судьбу. Каждый из которых скрывал в душе собственные секреты. О смешном, но гениальном скульпторе с глазами навывкате и торчащими, как у кролика, зубами, похожем на одного моего одноклассника в начальной школе. О погибающем каменном мире, о его разгневанных божествах, о проклятых магах... Но именно сейчас мне казалось, что я пишу о совершенно других вещах. О собственном одиночестве, о надеждах и любви, которая то ли поддерживала моё внутреннее пламя, то ли, наоборот, не давала ему возможности разгореться.

Первый раз в жизни я писала и писала, лист за листом, совершенно забыв о времени и о том бедственном положении, в котором оказалась. И удивилась, когда поняла, что совершенно не чувствую поджатую ногу, что за окном совсем темно, что в горле совершенно пересохло, и ноют отвыкшие от механического письма пальцы.

Словно откликаясь на моё возвращение к реальности, раздался тихий стук в дверь. Я перевела дыхание, потрясла ногой и руками, достала заранее присмотренный моток широкого прозрачного скотча. Не без внутреннего содрогания свернула исписанные листы трубочкой и стала клеивать скотчем. Намертво.

Сунула получившийся неаккуратный свёрток под подушку.

Конечно, в случае чего, вряд ли я смогу потом это размотать и отодрать скотч, проще будет выкинуть. Но эксперимент есть эксперимент. Я знаю, что не существует магии, экстрасенсов, неоткрывающихся замков и исчезающих в никуда людей. Есть совпадения, обман, чудеса техники и продажные люди.

Но...

Я открыла дверь.

Вячеслав стоял на пороге. Одетый в какой-то дорогой тёмно-синий деловой костюм,

белоснежную рубашку, только что цилиндра не хватало и галстука-бабочки. На прекрасного принца он всё равно походить не стал, но в какой-то момент я пожалела, что в своих мятых домашних брюках и довольно-таки замызганной старой рубашке я ему не соответствую. Можно было бы сделать совместное селфи и кинуть Валентине... потом, когда магия выборочной блокировки телефона и интернета закончится. Выложить в социальные сети: смотрите все, я и молодой симпатичный олигарх ужинаем в его пентхаусе...

Подходящей одежды — вечерней, элегантной и пафосной — у меня в принципе не имеется. Но судя по взгляду Вячеслава, ему нет до этого никакого дела.

Глава 41. Криафар.

Стук повторяется, а я смотрю на лежащего на кровати Тельмана, болезненно-пристально следящего за мной, закусившего губу. Кажется, его и без того бледное лицо утратило последние краски, но одновременно он выглядит едва ли не соблазнительней, чем обычно: уже такое привычное капризно-надменное выражение совершенно ему не идёт.

— Я иду к тебе. А ты лежи и не рыпайся, только попробуй сказать что-нибудь лишнее, уничтожу все твои драгоценные запасы, — истерический смех опять прорывается через преувеличенно угрожающие интонации. Тельман кивает, судорога проходит через его тело. Не похоже, что он притворяется. Впрочем, что я знаю о его актёрских способностях?

— Ключ от манжет принеси, — выдыхает Тельман. — Там же... Под подушкой.

— Манжет..? А, ну да. Самое место, — киваю я. — Всегда под рукой должны быть, понимаю... Слушай, до чего ты себя доводишь? Для чего, — не выдерживаю и подхожу ближе. — Чего тебе не хватает?!

— Мораль мне читать вздумала?! — вскидывается он, но тут же опускается обратно на подушки. — Всего мне хватает. У меня всего — даже слишком. Попробовала бы сама так пожить, когда тебя даже в сортир одного не выпускают, когда даже в самый первый раз трахнуться пришлось едва ли не под неусыпным надзором! "Вират, поторопитесь, у вас скоро урок фехтования!" — передразнил он кого-то, очевидно, Рем-Таля.

— И теперь тебе постоянно хочется делать это при всех, что ли? Тоже мне, страдалец.

— Ты ничего не понимаешь!

— Куда мне... Чем ты болен?

— Проклят, как Криафар, — криво ухмыляется Тельман. — Так мне отец сказал. Оставишь меня одного — и рассыплюсь. Хватит болтать, принеси мне золотого праха, и ключ не забудь! Ну же... Поторопись. Словоны жилы вытягивают через поры...

— Сам виноват. Ладно. В твоих интересах никого сюда не звать и не сбегать, — на самом деле, я сомневаюсь. Вот так два десятка с лишним лет ничего с ним не случилось, а сейчас... Проклятие, шутки шутить со мной вздумал. А ну как и впрямь рассыплется? Я не доверяю ему, но ещё меньше — доверяю этому миру, в котором происходит одна Шиару ведает, что.

Или Шамрейн. Или вообще кто-то третий.

Совершенно забыв о только что раздававшемся стуке, я распахиваю дверь — и едва ли не сталкиваюсь нос к носу со стоящим прямо за дверью Гаррсамом.

О, не-е-ет, только не он! Только не сейчас!

— Вирата! — масляно глядя на меня, Гаррсам бочком-бочком пытается протиснуться в комнату. — Вирата, дорогая, ваша скульптура готова! Она прекрасна, невероятно, неподражаема, как любое творение моих рук, то есть, я хотел сказать, она едва ли не превосходит по красоте изумительный оригинал, но этот ретроград, ваш законный супруг,

ничегошеньки не понимает в искусстве в целом и в скульптуре в частности! Он, видите ли, кощунственно протестует и не даёт согласия на то, чтобы красота стала достоянием общественности! Что может быть восхитительнее, прекраснее и естественнее обнажённого женского тела?! — руки Гаррсама очерчивают в воздухе некое подобие восьмёрки, а зрачки мечтательно закатываются. — Уж Вират-то должен понимать, не струп, чай, какой-нибудь, но нет! И это разбивает моё трепетное нежное сердце! Вирата, послушайте, нет, вы должны послушать, как оно мучительно бьётся, дайте вашу прелестную ручку...

— Так, — у меня разом на нервной почве занули голова и зубы. — А ну-ка, идите сюда!

Я отодвинулась, пропуская Гаррсама в комнату. От зрелища лежащего на моей кровати прикованного к ней Его беспутного Величества, про которого он только что распинался самым что ни на есть неуважительным образом, Гаррсам резко закашлялся и покраснел, будто камалья шерсть. Зубы снова принялись отбивать чечётку по нижней оттопыренной, как у испуганного жеребёнка, губе.

— Эм, Ваше Величество, то есть, я хотел сказать... Ну...

Я-то была уверена, что некоторая неадекватность лица Тельмана, некоторая, если так можно выразиться, перекошенность и яростное сверкание огромных тёмных глаз на белом лице связаны с его физическим состоянием, а никак не с ревнивым отношением к моим обнаженным изображениям и их творцу-задохлику, но Гаррсам-то об этом не знал и жалобно, тоненько заскулил.

— Ммм, Вират на вас не сердится, — безуспешно стараясь быть доброжелательной и естественной, широко заулыбалась я. — Не сердится же, да?!

Тельман нехотя мотнул головой, как лев под дулом пистолета, убеждающий окружающих в том, что стал вегетарианцем.

— Но у нас к вам есть одна, гм, просьба. К кому, как не к вам, мы можем обратиться, — импровизация никогда мне не давалась. — Ведь вам доверяет сам Вират Фортидер. Да, дорогой?!

Тельман снова мотнул головой и, кажется, клацнул зубами, а Гаррсам нервно загарцевал на месте.

— Только никто не должен об этом знать! — строго продолжала я вещать, потом сунула замороченному скульптору в руки бумажный лист и палочку. — Понимаете, мы с Его Величеством любим иногда позабавиться... Вы меня понимаете?!

Гаррсам затравленно кивнул.

— Смотрите, как замечательно он смотрится! Запечатлейте-ка его портрет, пока я сбегаю за другими нашими... приспособлениями, — я подтолкнула уже вплотную прижавшегося ко мне бедолагу. Чего ж его так разбирает, неужели Тельман славится не только постельными экспериментами, но и пытками-казнями? Впрочем, стоит вспомнить разговор у статуи в мастерской, чтобы понять — иногда Его Величество может быть вполне убедителен.

— Я скульптор, а не художник! — мявкнул было Гаррсам, но я зажала ему рот рукой.

— Только близко к нему не подходите, на всякий случай — кусается... Шучу! — торопливо добавила я, глядя на стремительно бледнеющее лицо нечаянного визитёра.

"И да хранят меня каменные драконы от постели Его Величества!" — одними губами прошептал несчастный Гаррсам.

— Стоите здесь. Рисуете. Ждёте меня. Понятно?!

— Да, Вирата, — обречённо вздохнул юный гений, а потом неожиданно хитро

улыбнулся. — Но я могу рассчитывать на ответный шаг? Статую, статую прятать грех. Грех же?!

— Грех, — я снова открыла дверь, к счастью, нового посетителя за ней не обнаружилось. — Статую поставим в спальне моего супруга, пусть любит. Я полностью разделяю его мнение, уж извините. Всё, уважаемый Гаррсам, я скоро вернусь.

Где находятся личные покои Тельмана, я знала — выспросила у Айнике — но внутрь никогда не заходила. Стоящий около дверей стражник нервно переступил с ноги на ногу, явно не понимая, как реагировать на моё вторжение. Я тоже не понимала, как вести себя: поздороваться, начать разговор первой — как-то не по-королевски... молча пройти?

— Имя! — рявкнула я, уставившись в лицо стражнику.

— Ассан Хорк! — почти так же отрывисто отозвался мужчина средних лет и вытянулся еще сильнее. — К вашим услугам, Вирата!

— Наградить вас надо, за верную службу! — брякнула я и вошла в королевские покои Его Величества Тельмана.

Глава 42. Криафар.

Темно. Занавеси были опущены, лампы на горячем сланце не горели, но абсолютной темноты не вышло — каменные стены в королевских покоях Вирата Тельмана ровно и мягко мерцали, искрились, переливались. Не без сожаления я потрясла светильники, заставляя их разгореться. Появившуюся было смазливую служанку с хитрыми глазами прогнала одним взмахом руки и гневной гримасой. Несправедливо резко, возможно. Я имела ничуть не больше прав на Тельмана, чем и он на меня. Совершенно никаких прав.

При свете ничего особенного в королевских покоях тоже не обнаружилось. Поскольку уверенности в том, что Тельман ломает комедию, а также в том, что он не вывернется из своих металлических "манжет" и не сбежит, чтобы жестоко отомстить за небольшое устроенное мною представление, у меня не было, следовало поторопиться. Я мельком оглядела неприлично огромную кровать, а в остальном — почти спартанскую для короля обстановку: несколько вбитых в стены полок с книгами и неуклюжими, явно сделанными детскими руками глиняными фигурками животных, стол и пару бордовых с золотом кресел. Почему-то сразу представился сидящий в одном из них Рем-Таль, бесстрастно, как обычно, читающий книгу или просматривающий какую-то документацию перед Советом Одиннадцати, пока Тельман беспечно дремлет в объятиях очередной блондинки. Двух блондинок.

Картинка была слишком яркой, слишком натуралистичной, слишком отчётливой. А я пришла сюда по делу... Ключ, да.

На кровать пришлось забраться с ногами. Я распласталась по шёлковому тёмно-зелёному покрывалу, запустила руки под ворох подушек, испытывая одновременно чувство лёгкой брезгливости и какого-то смутного сожаления. При других обстоятельствах...

Смогла бы я остаться надолго единственной в этой постели? Хотела бы я остаться, как утверждали маги?

Ключ обнаружился, маленький, холодный и острый, я сжала его в кулак и принялась за поиски неприкосновенного королевского наркотического запаса. Где Тельман вообще достаёт эту дрянь? Сильно подозреваю, что у него для таких дел имеется посредник, и даже догадываюсь, кто. Нет хуже врага, чем заклятый друг...

Один из камней в полу — под ним, как и говорил мне Тельман, небольшое углубление. Ещё один тайник — в толстом подлокотнике кресла. Это те схроны, на которые указал мне

сам Вират. Но они, разумеется, не единственные — не настолько Вират потерял голову. В результате беглого обыска я обнаружила ещё три местечка — в глиняной фигурке фенекая, под кроватью и в одной из пухлых книг, стоящих на самой высокой полке — пришлось пододвинуть одно из кресел, чтобы добраться.

Выдумщик, чтоб его. Но человека, прочитавшего в свое время добрую сотню детективов и просмотревшего пару десятков детективных фильмов и сериалов как минимум, трудно обмануть наивным жителям доинтернетного мира.

Возвращайся, Крейне!

То есть, Кнара... Как же меня зовут на самом деле? Кто я? Может быть, прошлая жизнь в другом мире — это и есть наваждение, сон или бред, а моё место на самом деле здесь?

Хватит думать всякие глупости, возвращайся!

Я бросила прощальный взгляд на покои Тельмана, такие обезличенные, словно роскошный, но стандартный гостиничный номер, ничего не говорившие о своём владельце. Если бы я осталась здесь, с ним, приказала бы вышвырнуть эту кровать к Шиаровой матери. Для сна сгодилась бы такая, как моя, а ещё тут есть соблазнительно пушистый ковёр на полу, вероятно, из шкур тех же камалов, которому при желании можно было бы найти применение...

Я решительно закрыла за собой дверь, пряча свой мерзкий груз в складках юбки. Воодушевлённый обещанием награды стражник источал положительные флюиды мне вслед и, надо полагать, не обратил внимания на мой вороватый и слегка виноватый вид.

* * *

Гаррсам честно меня дождался, но с явным облегчением испарился буквально через десятую часть шага при моём появлении. Тельман, уже не просто белый, а какой-то серозелёный, рванулся мне навстречу.

— Принесла?!

Я кивнула. Выложила найденное добро на пол.

— Тут больше.

— Всё, что нашла. У меня нюх, как у лисака, — кивнула я, а Тельман опять вздрогнул, словно его ударили током, губы беззвучно шевельнулись. Матерные слова в Криафаре существуют, вот только их категорически запрещено произносить вслух, одна из тех традиций, которая как самоподдерживающаяся реакция, не требует внешнего контроля для соблюдения. Наверное, эффект психологической разрядки куда меньше, но и плюсы свои имеются. Нет ни малейшего желания выслушивать от Тельмана то, что он может мне наговорить.

Непонятно только, как о шедеврах матерного фольклора в таких случаях узнают новые поколения. Может быть, существуют какие-то справочники?

— Дай!

— Не так быстро.

Я снимаю со стены лампин. Беззвучно, как и Тельман, чертыхаясь, открываю горячую дверцу и вытряхиваю прямо в пламя горсть бесценного золотого порошка.

— Ты...! Ты что творишь?!

— Маленький разговор начистоту, — я знаю, что он до меня не дотянется и вряд ли разломает кровать, раз уж до сих пор не разломал, но мне всё равно отчего-то страшно. Глаза у Тельмана в этот момент — чёрные, как Пирамида и совершенно безумные.

— Я тебя убью, — хрипит Тельман, а мне на самом деле кажется, что его тёмные глаза

святятся ведьминым золотом. — Не смей. Дай мне... Ты знаешь, как трудно её достать?!

— Даже тебе?

— Мне?! Я ничем не лучше других! — он срывается на крик, который, впрочем, тут же обрывается. — Ты думаешь, что я могу больше, чем другие?! Я ничего не могу. Ни бросить этот проклятый дворец, ни оставить этот мир, ни выбрать себе жену, ничего я не могу, ничего!

— Всё могут короли, — вполголоса шепчу я. Не то что бы его слова для меня неожиданность, но всё-таки не думаю, что он врёт. Я имею в виду — не врёт в своих чувствах. Ему действительно нехорошо.

— Дай мне, ты обещала! Эту дрянь нельзя вдыхать не до конца, она мне кости изнутри переламывает!

— Чем ты болен?

— Я не знаю!

— Быть такого не может.

— Я не знаю, — шепчет Тельман. — Я бы и сам хотел это знать! Когда я оставался один надолго... один раз, тогда, когда я сбежал в детстве из дворца, со мной на самом деле что-то стало происходить. Я плохо понял, что именно, я был ещё ребёнком, но ощущения... запомнил. Это было не больно, но очень похоже на то, когда превысишь дозу этой золочёной пыли. Словно падаешь с огромной высоты, и вся кожа горит. Невыносимо. Я так упивался тогда своим одиночеством, шагов, может быть, десять, а потом меня охватил ужас, и я выбежал к людям. Отец говорил, что это как родовое проклятие, но ты же видела нашего великого Вирата, на самом деле ему плевать на меня и на мои вопросы. Всегда так было.

— И при этом он требует наследника, который так же будет страдать от того же недуга? — это не укладывалось в голове.

— Оно проявляется не в каждом поколении. Редко. Случайно. Мне просто не повезло.

Что ж, тут трудно спорить.

— Почему тебя не водили к магам в детстве? Почему ты сам не пошёл?

— Я ходил, но меня не приняли, — хмыкнул Тельман, на мгновение прикрыв ладонью глаза, виски поблёскивали от проступившего пота. — Видишь ли, наша нелюбовь с Советом Девяти друг к другу взаимна. Надо полагать, тебя они приняла с распростёртыми объятиями? Ведь ты же была там, Вир-рата? Я ответил? Дай мне золотой пыли. Я и сам сейчас — пыль. Пыль к пыли...

— Она тебя убивает, — убеждаю я то ли себя, то ли его. — Потерпи. Перетерпи. Станет легче, если ты сам с этим справишься...

— Я не справлюсь! Дай, дай мне...

Я бросаю в огонь ещё порцию порошка, и золото, которым вспыхивает пламя, отражается в зрачках Тельмана.

— Что ещё тебе от меня нужно? — он почти скулит. — Я был не прав, но ты слишком... Не знаю, что на меня находит рядом с тобой.

— Это тоже интересный вопрос, — киваю я. Раздвигаю губы в улыбке — не хочу, чтобы он видел, что меня тоже почти трясёт. — Что ты никак не уймёшься?

Еще горстку — в огонь. Золото и чёрное пламя.

— Ненавижу тебя.

— Это я знаю, но почему? Ответь.

Его подбородок опускается на грудь, глаза закрываются, дыхание тяжёлое, и я не знаю,

что мне делать.

Подхожу к нему с пустыми руками, опускаюсь на корточки.

— Не трогай меня.

— Почему?

— Не знаю. Не хочу. Не могу!

— Ты ничего не знаешь и ничего не можешь. Не надоело?

Время идёт. Зачем я вообще это всё затеяла? Тельман мечется по кровати, переходя от бессильного шёпота к рёву раненого зверя, от просьб к угрозам и обратно.

— Дай мне этой пыли, Крейне, — он произносит моё имя так обманчиво-мягко. — Дай. Я расскажу тебе всё, что ещё ты хочешь знать? Я не был тебе верен, я никогда даже не собирался. Секс даёт почти такое же забвение, как эта золотая прелесть... Почти такое же. Даже на нашей свадьбе я думал о том, кто станет следующей после тебя, хотя ты мне понравилась. Тогда ты казалась такой невинной, такой чистой. Такой испуганной и робкой. Это возбуждало, но... Я вёл тебя в спальню и держал за руку. Дорого бы я отдал, чтобы сейчас просто взять тебя за руку. Может быть, это часть моего проклятия?

— Что случилось?

— Мы зашли в спальню. Я раздевал тебя, мы целовались. Ты выпила вина — оно стояло в спальне, как и заведено. Я помню этот сладкий привкус на твоих губах, а потом внезапно всё изменилось.

— Вспомни, — прошу я. Хотя — какая мне разница? Не об этом я должна думать. Впрочем, любая странность могла бы стать ключиком к моему появлению здесь... Или я тоже вру, как и Тельман?

— Мне становится плохо, когда я тебя касаюсь, — говорит Тельман, его голос словно прорывается сквозь тяжёлое дыхание. — Но и когда не касаюсь... Знаешь, наверное, если бы не это, я уже забыл бы тебя и о тебе. Ты оказалась бы одной из многих, очень многих. Но за эти два года ты стала единственной. Я думал о тебе каждый день. С каждой. С каждым. Всегда. Думал о тебе. Ненавижу тебя! Дай мне забыть, Крейне... не хочу ни о чём думать, ничего не хочу, эта пыль даёт мне тишину...

Время идёт, шаг за шагом, неумолимо движется к апельсиновому криафарскому рассвету. Ломает не только Тельмана — и меня тоже, потому что я не могу, боюсь отвести от него взгляд. Пространство между нами будто искажается.

Золотой пыли становится всё меньше. Я жгу её.

Тельман то воет, то кусает подушку, но уже ни о чём меня не просит. Иногда он замолкает, словно проваливается в сонное беспмятство, иногда срывается на какое-то бессвязное бормотание. Окончательно покончив с дурманящей пылью, я устало опускаю голову на подушку рядом с головой Тельмана.

— Ты — тоже наваждение, как и эта пыль, только от тебя легче не становится даже на пару шагов, — дёргаюсь, как бывает во сне, обалдело кручу головой, не понимая, приснились мне эти слова, или Тельман и в самом деле их произнёс. Наверное, приснились: его глаза закрыты, и дышит он пусть и неровно, но глубоко.

Лампы гаснут, но сквозь занавески пробиваются уже лучи дневного светила. Осторожно-осторожно я протягиваю руку к Тельману, касаюсь его носа. Подбородка. Лба. Приглядываюсь, присматриваюсь.

Ничего сверхъестественного не происходит. Вират спит. Вират жив. Очень осторожно достаю найденный под подушкой ключик. Он работает, вероятно, как магнит: наручники

открываются при простом прикосновении. Поглаживаю покрасневшее, стёртое запястье. Запускаю пальцы в волосы, сжимаю уши, глажу шею. Провожу рукой от кончиков пальцев до груди.

Его рубашка влажная от пота. Недолго думая, я надрезаю ворот острым кончиком металлического ключа и рву тонкую ткань, вытираю краем простыни кожу. Прижимаюсь щекой к груди, прислушиваюсь к дыханию, пытаюсь уловить стук сердца.

Если бы это было проклятие, сон бы его не развеял...

Залезаю на кровать рядом. Может быть, завтра он действительно меня убьёт. Но пока что...

Недоумённо моргаю — кажется или нет? Такое чувство, что стайка шаловливых детей с зеркальцами поймала добрую половину сотни солнечных зайчиков и пустила их скакать по кровати. Точнее, по Тельману. Золотистые линии пробегают только по его коже, не касаясь одежды и простыней. Накрываю один из ломаных кругов ладонью — и он гаснет, как светлячок, а кожа кажется такой горячей. Но и вспышка жара проходит без следа.

Полшага — и всё закончилось, золотых линий больше нет, если они вообще были. А если всё действительно закончилось?

Осторожно касаюсь губами его лба. Губ. Грудь.

Не просыпается. Пристраиваюсь рядом, натягиваю одеяло на себя и на него. На ощупь нахожу его руку, переплетаю наши пальцы — пожалуй, достаточно для начала — и вполне себе трогательно для конца. Тоже закрываю глаза.

...голоса врываются в мой беспокойный сон.

— Нет-нет, прошу вас, уходите немедленно! С Виратой всё в порядке, Вирата спит... и она не одна. Простите вас, уходите!

Это голос Жиэль, а мужской голос я не могу узнать. Кого она прогоняет прочь? Не знаю, я слишком устала. Прижимаюсь к Тельману крепче и ни о чём не думаю.

Когда я просыпаюсь окончательно, в комнате кроме меня больше никого нет. Только листок на столе с наброском Гаррсама, и я жалею, что не обзавелась собственным тайником, чтобы спрятать его ото всех.

* * *

— Я её нашёл! — ликующий голос того, кого огненная Лавия прозвала Шипохвостом, ввинчивается в густую темноту подземного лабиринта. — Грирта, я нашёл демиурга! Она исцелила своей кровью ужаленного випирой камала, это она, это...

— Вирата Крейне, — голос Лавии лишён привычного сарказма. — Надо же, как любопытно.

— Откуда вы знаете? — изумлённо переспрашивает маг, а голубой глаз презрительно щурится в ответ.

— Ты не единственные мои глаза и уши. Вирата Крейне... Что ж, в каком-то смысле это так символично. Доставь её сюда. Немедленно.

— Но как?! Это же Вирата, гвирта... Как я могу забрать её из Дворца?

— У тебя, кажется, был напарник...

— На такое никто не согласится!

— Меня не интересует, как ты это сделаешь. Я говорила тебе, что готова подождать, но не тогда, когда свобода так близко... Ты брал кровь человека из Дворца на ритуале. Воспользуйся этим, это укрепило вашу связь, не могло не укрепить. Делай, что хочешь, но ни капли крови демиурга не должно пропасть втуне. Приведи мне Вирату Крейне, Шипохвост.

Маг в ответ склоняет голову, чувствуя, как подрагивает мёртвый камень вокруг.

Глава 43. Криафар

Немного поколебавшись, я всё же решила до завтрака проведать Тельмана. Отослать меня прочь ему так легко не удастся, пока жив отец, но как-нибудь ещё напакостить — запросто. Да и Рем-Талю неплохо бы сказать несколько слов. Например, спасибо. "Спасибо, что не изнасиловал, хотя была такая возможность", — так себе комплимент, но уж что есть, то есть.

Двигаясь уже проторенной дорожкой в сторону личных покоев Его Величества, я готовила какие-то примирительные слова — может, и не надо было, но несмотря на полную уверенность в своей правоте, я не знала, чего ожидать. Никогда не сталкивалась с людьми, употребляющими наркотики, но если организм слабый, а ломка сильная, дело, вроде как, и летальным исходом может закончиться...

Впрочем, раз дожил до утра и ушёл на своих двоих — может, всё не так уж плохо и все останутся живы? И кое-кто даже извлечёт какой-нибудь урок?

...первое, на что упал мой взгляд, было как раз-таки лицо Тельмана. Стоящего в настежь распахнутых дверях своих мерцающих покоев Тельмана. Живого, вполне себе даже бодрого Тельмана, настолько ошеломлённое лицо, как будто за ночь я превратилась в скорпионицу или отрастила себе вторую голову. Но нет, смотрел он куда-то мимо меня. Точнее, за меня.

Рем-Таль и Тира Мин обнаружились рядом. И они, Шамрейн их погрызи, тоже как по команде уставились вдруг куда-то за мою спину. Хотя мимика Первого Стража была куда более сдержанной, тёмные глаза расширились, что в его случае вполне тянуло на гримасу изумления. Даже вытянутый в струнку стражник скосился...

Предчувствуя самое нехорошее, я обернулась.

По просторному каменному проходу в нашем направлении двигалась во всех отношениях замечательная процессия. Впереди гордо вышагивал Гаррсам в нежно-розовой на этот раз тоге. На голове у него — нет, честное слово, я такого не придумывала! — покоился металлический венок. Времени рассматривать детали не было, ладно хоть не лавровый и не терновый. За ним угрюмо тащились четверо плечистых стражников, которые, пыхтя и побряхтывая, тащили... тащили...

— Эт-то что такое?! — первым пришёл в себя Тельман.

— Приказ Вираты Крейне! — важно отвечивал Гаррсам. — Установить неземную красоту в Вашей спальне, Вират! — он сделал шаг в сторону, словно предлагая удостовериться в том, что "красота" — вот она, действительно, красота!

Мы дружно повернули головы. В руках покрасневшей от натуги четверки была моя точная каменная копия. Голая, как выходящая из пены Афродита, к счастью, с руками и стройнее.

Левый стражник бережно придерживал каменную Крейне за полушарие груди, но, поймав на себе наши общие пламенеющие взгляды, руку попытался переставить, в результате чего вся отлаженная композиция накренилась и чуть ли не рухнула, удержав равновесие каким-то чудом.

— Посторонитесь, Ваше Величество! — торжественно сказал Гаррсам. — Я понимаю так просто забыть о времени, восхищаясь прекрасным, но у вас будет еще целая жизнь на то, чтобы изучить моё творение во всех подробностях!

— О, я изучу! — Тельман, как ни странно, действительно посторонился, но улыбался он

как-то... нехорошо. Я бы на месте Гаррсама подумала бы о смене профессии, ну и об эмиграции куда-нибудь в Силай, так, на всякий случай.

На Рем-Таля смотреть мне было отчего-то стыдно. Наверное, теперь он действительно думает, что мы с Тельманом стоим друг друга. Что вообще есть какое-то "мы".

* * *

Вчерашнее безумие схлынуло будто бы без остатка. Может быть, Вират страдал провалами в памяти, а может, для него подобное было попросту в порядке вещей, но о прошедшей мучительной ночи первым он не заговорил, и я не знала, радоваться этому или насторожиться.

Впрочем, радоваться чему бы то ни было не тянуло, особенно когда Тельман почти гостеприимно махнул рукой, приглашая зайти внутрь, а потом прикрыл двери, оставив безмолвных стражей за ними.

— Ну, и что я должен с этим делать? — Тельман приобнял мою каменную копию, демонстративно погладил обнаженное плечо. — Она будет портить настроение многочисленным прекрасным гостям этой комнаты, а накрыть её покрывалом — просто преступление против моего развитого эстетического чувства.

— Можете кому-нибудь передарить, — в тон ему ответила я. — Думаю, найдутся другие ценители, разборчивые и правильно расставляющие приоритеты, готовые и компанию девушке в дальней дороге составить, и полюбоваться на её изображение без посторонних.

— Намеряете...

— Отнюдь. Прямо говорю.

Тельман смотрит на меня и, кажется, прячет в губах улыбку.

— Придется заказать Гаррсаму мою аналогичную скульптуру и поставить в вашей спальне.

— Портить настроение моим прекрасным гостям?

Улыбка становится очевидней, но глаза темнеют, а я продолжаю:

— Есть пара моментов, Вират, которые необходимо обсудить. Во-первых, вы, кажется, забыли, что через пару десятков дней собирались со мной навсегда проститься, так что на этот недолгий срок мне хватит и этого Гаррсамова шедевра, — разворачиваю карандашный набросок, и у Тельмана лицо вытягивается и идёт красными пятнами — любо-дорого посмотреть.

— Убери! Сожги, съешь, порви, как можно было так издеваться над больным человеком!

— Ни за что, это мой честно заработанный трофей. Тоже мне, больной нашёлся, вон какой румянец задорный. А во-вторых... Скажите честно: вы сошли с ума?

— Отдай немедленно! — из-за такой ерунды, как нежелание меня касаться, он, тренированный и сильный, проигрывает моему куда более слабому телу. И ощущение власти над ним кружит мне голову. Я отбегаю от него подальше, запрыгиваю на его безразмерную кровать, ползу на четвереньках в центр и прячу сложенный трубочкой рисунок в декольте.

— Забирай.

Тельман смотрит на меня, как акула на туристов в подводной клетке. Того и гляди, начнёт убеждать, как важно вовремя покинуть зону комфорта.

— Ты опять напилась?

— Стекла как трезвышко. Как приятно, когда тебя боятся, просто душа радуется. А ведь в одной кровати мы уже были и даже спали. Во сне ты куда более смелый, чем наяву, между

прочим.

— Я не боюсь, — внезапно говорит Тельман и осторожно присаживается рядом. — Не хочу чувствовать то, что я на самом деле не чувствую, вот и всё. Зачем ты пришла?

— Ответ за ответ. Ты в своём уме?

— А в чём ещё?!

Кажется, подобные идиомы ему не знакомы.

— Так не пойдёт. Ты ведешь себя нелогично, то посылаешь куда подальше, то закатываешь омерзительные сцены ревности, на которые не имеешь никакого права.

— Я никуда тебя не посылал, наоборот, велел оставаться во дворце!

Вздыхнула.

— Ещё одна такая выходка, как вчера, и... Ты даже не представляешь, какая изощренная у меня фантазия и насколько отвратительный на самом деле характер.

— Отчего же, вполне представляю, — пробормотал Тельман. — Сказать по правде, ты изменилась невероятно.

— Чего и тебе желаю. У нас с тобой осталось так мало дней вместе. К чему было нюхать эту гадость, а потом устраивать вчерашнюю сцену? Или ты в долгу у своего же Стража, раз решил его так вознаградить? Я думала, ночь с королевой стоит дороже.

— То, что ты сказала вчера... всё это правда. Он лучше.

— А я вообще не имею привычки лгать. Хватит себя жалеть! — не знаю, кому я это говорю — себе или ему. — Значит, так. Мне осталось здесь совсем немного времени, и я категорически не намерена больше терпеть никакое твоё непотребство. Если ты не хочешь составлять мне компанию сам, не мешай другим. И не устраивай потом пьяные истерики.

Тельман резко поднимает голову, отрываясь от сосредоточенного созерцания своих ногтей.

— Куда-то опять собралась?

— В Охрейн. Самое позднее — завтра.

— Какой ещё Охрейн?! — Тельман возмущенно открыл рот. — Зачем?!

— Хочу посмотреть Криафар. Хочу увидеть его таким, каким он был до проклятия.

«Хочу найти ту болевую точку, ради которой я здесь».

— Никто так просто туда не ездит! Все поездки туда согласовываются с виннистером Рионом минимум за... И с действующим Виратом! А отец никогда просто так...

— Ты тоже Вират. И ты ещё должен что-то там с кем-то согласовывать? Не смейся, что за детский лепет? Не нужно никого предупреждать, пусть это будет внеплановой... проверкой. Пусть все забегают, как напуганные каменки в клетке, а мы будем хмурить брови и тыкать пальцами в каждый плохо окученный куст и каждого нерасчёсанного лохтана, сварливо спрашивая, почему так малоэффективно они там все работают, на что вообще тратятся казённые средства и не пора ли вспомнить о публичных казнях через сожжение заживо в час гнева на Песчаной Площади.

Тельман смотрит на меня во все глаза. Наклоняется чуть ближе.

— Если тебе не хочется объясняться с папочкой, я всё равно туда поеду. Но уже не с тобой.

Еще ближе.

И ещё.

— Если бы я знал, какая умопомрачительная Вирата из тебя может получиться...

Может быть, пережитая — без преувеличения — совместная ночь что-то изменила? Я

не двигаюсь ему навстречу, но — жду. Не знаю, зачем. Он испорченный недалёкий мальчишка, я сама его таким создавала, красивого, капризного и всё же...

Закрываю глаза и жду.

В ту же секунду Тельман стремительно выхватывает из декольте моего платья сложенный в трубочку рисунок себя самого, прикованного к моей кровати. Спрыгивает со своего бескрайнего лежбища и смотрит на меня с едва ли не счастливой улыбкой.

Мальчишка.

— Ну, нет — так нет, — демонстративно равнодушно перекатываюсь на другую сторону и тоже поднимаюсь. — Потом не жалуйтесь и не плачьте в подушку.

— Я не..!

— А если начнёте преследовать моего доблестного Стража, я вам в постель скорпиутца запущу. Они же вам так нравятся.

— Вашего Стража?!

— Моего. У вас их двое, извольте делиться.

Тельман подходит ко мне и упирается сложенным в трубочку рисунком мне в шею, как лезвием кинжала.

— Поедем в Охрейн вместе. Завтра на рассвете. А если ты продолжишь подобные намёки, твой доблестный страж будет стоять в твоей комнате в виде каменной статуи. Лет сто назад мой прапрадед устраивал такие фокусы. И прапрабабка его, кстати, слушалась безоговорочно.

— Договорились. До завтра, мой Вират.

— А как же совместный завтрак? Обед? Ужин?!

— У вас теперь есть неплохая компания, — я кивнула в сторону статуи. — А мне надо отдохнуть от вашего общества перед завтрашним его избытком.

— Не понял, мы на "вы" или всё же на "ты"? Крейне..?

— Будет зависеть от того, сможете ли вы продержаться и не натворить каких-нибудь мерзких глупостей хотя бы до завтра. Я не люблю больших сборищ, так что предлагаю поездку исключительно вдвоём. Имейте в виду, мне есть с чем сравнить.

— Подожди...

Я останавливаюсь, а Тельман протягивает ко мне руку. Пальцы замирают, едва касаясь щеки, так, что я чувствую тепло его кожи, но соприкосновения всё-таки нет.

— Не хочу чувствовать того, что я не чувствую.

— Я тоже. Но мне сложнее — ты меня всё время вынуждаешь.

Повернулась и молча выхожу из спальни Его Величества, стараясь держаться независимо, но на самом деле разговор вымотал меня куда больше, чем я хотела показать. И, кроме того, я так и не поняла, за кем из нас сегодня осталось последнее слово.

Глава 44. Криафар.

— Куда это ты собрался с утра пораньше?!

Ну вот. Замужняя, пусть и не совсем в полном смысле этого слова женщина. Королева, между прочим. Фактически богиня. А стоило раздаться эмоциональному окрику сзади — и сразу чувствую себя сбегающей с последнего урока школьницей с сигареткой с потной ладошке, прихваченной суровым директором за шкирку.

...у Тельмана я этому чувству научилась, что ли?

Вират Фортидер, окружённый безликими безмолвными слугами, появился как чёрт из табакерки — чертовски не вовремя. Разумеется, Тельман, придя за мной, не таился так, как

Рем-Таль и никакими амулетами не озаботился (подозреваю, что он даже был не в курсе, что что-то подобное имеется во дворце), но и отчитываться о нашем семейном культпоходе явно не собирался. И теперь заработал отцовский окрик, как будто ему всё ещё было лет четырнадцать.

— В Охрейн.

— В Охрейн? Ты?!

На лице Его старшего Величества отчётливо читался вопрос, неужели в Охрейн завезли какую-нибудь отменную дурь или особо забористых девок.

— Мы, — сказал Тельман, и я со вздохом выглянула из-за его плеча. Увидев меня, старший Вират буквально оборвал себя на полуслове.

Ну вот, сейчас мы уже на пару услышим гневную родительскую отповедь о том, что "вот, только что было нападение струпов, и не на двух беззащитных одиноких путешественников, а на вооружённый отряд!", "куда же ты, сынок болезный, без пары заботливых нянек?!", "запишитесь-ка у виннистера Риана в порядке живой очереди", а возможно, ещё какое-нибудь чтение морали — о моём тлетворном влиянии на наследника престола, например. Не исключено, что о наших бурных выяснениях отношений Его Величеству уже стало известно: Рем-Таль, например, наябедничал или тот же Гаррсам мог нарисовать любительскую копию прикованного к постели Вирата, и сейчас я услышу что-нибудь о том, что не мешало бы и практику разводов ввести в современный Криафар...

Вират хлопал глазами, очевидно, всё то, что я сейчас проговаривала мысленно, и у него вертелось на языке. Открыл рот, и я подумала, что сегодняшняя поездка в Охрейн накрылась тушкой дохлого камала, но Вират совершенно неожиданно произнёс:

— Я вас не видел.

Слуги медленно развернули внушительные тронные носилки и двинулись по каменному коридору прочь.

— Не понял, — Тельман недоумённо повернулся ко мне, и мы встретились взглядами. Его глаза, трезвые и какие-то спокойные, словно он в кои-то веки был в согласии с самим собой, сегодня были чистого серого цвета. — Не понял, он что, вот так просто... ушёл? И всё?! Смерти моей хочет? То есть, нашей...

— Ну... — я не отодвигалась, и мы так и стояли, до смешного близко, посреди опустевшего дворцового коридора. — Может быть, он просто вдруг понял, что не сможет контролировать тебя вечно? Может быть, он понял, что тебе пора взрослеть, так или иначе?

— Сегодня мы на "ты", прямо вот так, с утра?

— Что-то не устраивает?

— Меня более чем устраивает. Почему ты не осталась ночью? — без перехода спросил он, а я вздохнула.

— По кочану.

— Что?

— Так у нас в Травестине говорят, когда не хотят отвечать на вопрос. Я и не собиралась оставаться. Просто... хотела проверить, не ударился ли ты во все тяжкие. В смысле, не напился ли или не надышался опять какой-нибудь дрянью, перед совместным выходом.

— Ты могла бы остаться, — он отступает. — Странно, но ничего такого даже не хотелось. Может быть, с тобой пока что слишком не скучно.

— Развлекать не нанималась, — буркнула я, надеясь, что не покраснела и выгляжу достаточно равнодушной. — Давай как-нибудь сам с этим справляйся.

...ночью я к нему и в самом деле пришла. Не знаю, зачем. Может быть, для того, чтобы увидеть его в объятиях очередной пары девиц — и избавиться от каких-то совершенно неуместных эмоций в его отношении. Может быть, действительно для того, чтобы убедиться — с ним всё в порядке. Может быть, потому, что хотя бы когда он спит, я могу к нему прикасаться. Может, просто соскучилась — весь день я действительно его избегала, и даже ела в одиночестве. А ночью не выдержала и пришла.

...девиц не было. Тельман спал один, и, судя по спокойному дыханию и чистому цвету лица, был буквально безупречен во всех отношениях — хотя теперь оказалось, что он меня всё-таки как-то углядел. И даже от статуи не избавился, хотя за целый день, наверное, мог бы при желании. Зато в одном из кресел сидела недремлющая Тира Мин. Мне она не сказала ни слова, поклонилась, в меру почтительно и равнодушно, и я почему-то остановилась на пороге. И не зашла.

* * *

— Поможешь? — спросила я, с сомнением глядя на распостёртого у ног камала, всё-таки слишком большого и неудобного для того, чтобы залезать на него, как изящная королева, а не как неуклюжая откормленная курица на деревенский плетень. — Может, что-то изменилось?

— Да не особо, — Тельман даже смутился, но в любом случае, наш худой мир был лучше давешнего звенящего напряжения.

— Ну, как знаешь. Отвернись, пока я буду мучиться и карабкаться на эту зверюгу.

— Подумываю обзавестись парой толстенных перчаток и держать тебя, как раскаленный котелок, — он фыркнул, и это тоже было... лучше. Лучше, чем раньше. Так или иначе, на камала я забралась, а Тельман продолжал стоять и глядеть на меня снизу вверх. Одетый перед походом в лучших традициях пустынных бедуинов, с повязанной вокруг головы куфией, облаченный в белоснежное платье-халат в пол поверх традиционной одежды, он выглядел забавно, вызывая ассоциацию с Алладином. Перчатки у него действительно были, правда, какие-то ненадёжные. Не для раскалённых котелков и строптивых королев. Не надевая их, Вират провел тонкой мягкой тканью перчаток по моему предплечью от запястья в сторону локтя. И вдруг лицо его, расслабленное и непривычно мягкое, закаменело. Я непонимающе уставилась на него и вдруг поняла, в чём дело.

— Когда? — безжизненно проговорил Тельман, и пришлось ответить, потому что врать ему не хотелось хотя бы в мелочах:

— Незадолго до моего возвращения. Не ты один страдал в заточении под постоянным присмотром, знаешь ли. Но сейчас это всё в прошлом, не обращай внимания. Как будто это была не я.

— Крейне...

— Забудь, — сказала я, досадуя, что он увидел. Что он мог сказать, что он мог сделать? Сколько во всём произошедшем было его вины — с учётом того, что его самого как будто и не было, был только персонаж, созданный мной, намеренно несовершенный, слишком похожий на того, кто когда-то разбил сердце мне? Убивая Крейне, несчастную незваную королеву, я словно прощалась с самой собой, той, которой была когда-то: слабой, нелюбимой, потерявшей себя в собственных чувствах. И хотя персонаж выжил вопреки всему, нет больше ни той Крейне, ни Кнары Вертинской, похожей на Крейне, есть кто-то третий, тот, кто хочет жить и бороться за себя.

Есть я. И мир, получивший свободу от произвола собственного демиурга. И я могу здесь

остаться насовсем, а моё полузабытое, полустёртое прошлое — точно эти шрамы на руках. Если не вглядываться, не напоминать — почти незаметно.

Камал Тельмана опускается перед ним, но Вират медлит, всё ещё разглядывая мою руку.

— Поехали! — говорю я, а Тельман вдруг касается меня ладонью — и тут же отдёргивает её, словно от открытого огня. — Не мучай себя, если тебе неприятно...

— Может быть, я смогу привыкнуть, — Тельман забирается на камала и смотрит не на меня — вперёд. — Не знаю, почему так произошло, вероятно, уже и не узнаю, но, может быть, всё однажды изменится?..

— Может быть, — киваю я ему. — Невозможного в этом мире вообще очень мало, мой Вират.

И мы наконец-то выехали с территории Каменного дворца.

Глава 45. Криафар.

Зона Охрейна — единственного оазиса этого высохшего и закаменевшего мира, оставшаяся неподвластным проклятию — охранялась лучше, чем Каменный королевский дворец. Действительно, что дворцу-то сделается, кому он нужен?! А тут — филиал рая на земле. То есть, нужно говорить — Мируша.

Охрана при виде нас довольно-таки непрофессионально вытягивается лицами, но хотя бы никак не комментирует ситуацию. Тельман чуть ускоряется, и я не слышу, что он говорит стражникам, но те расступаются быстро и поспешно, склоняют головы.

На мгновение я удивляюсь тому, откуда в мире, лишённом интернета и вообще средств массовой информации как таковых, узнают Его Величество в лицо. Этот вопрос я и озвучиваю, как только мы преодолеваем кордон из стражников, а затем проезжаем в неторопливо, со скрипом отворяемые металлические ворота посреди своеобразной ограды из каменных насыпей.

— Я невероятно популярен среди простого народа, — хмыкает Тельман, картинным жестом отбрасывая прядь тёмных волос за спину. Ну, да, в нашем мире его инстаграм взорвался бы от популярности, у нас вообще падки на смазливый мордашки богатых парней, но здесь? Видя моё недоумение, Тельман сдаётся. — Во-первых, на камалах приезжают только представители дворца. А во-вторых — вот.

Ключик на цепочке на его шее. Своеобразная королевская печать.

— По правилам, с возвращением отца я должен был вернуть ему это. Но он не попросил, а я не стал проявлять... инициативу.

Хмыкаю тоже.

— А как же корона?

— Исключительно для праздничных и торжественных мероприятий, которые бывают раз в несколько лет.

— Жаль.

— Почему?

— У меня осталось так мало времени, а я хотела бы её примерить. Просто примерить. Может быть, так бы я почувствовала себя настоящей королевой. Это было бы хорошее воспоминание, почти волшебное.

— Ты же надевала её на свадьбу. И... ты и так королева.

— Номинально. И ненадолго. А свадьба была как будто целую тысячу лет назад. Я уже ничего не помню.

— Ты можешь остаться.

Тельман говорит это спокойно, не глядя на меня, как бы между делом, а я теряюсь. И ничего не отвечаю ему, разглядываю ровные насыпи шоколадного оттенка щебёнки, скрывающей от любопытствующих взглядов жемчужину Криафара. Сама не знаю, рада я этой внезапной перемене, этому подарку — или подачке, с какой стороны посмотреть, — или наоборот зла, безмерно зла на него и на себя заодно.

Потому что остаться хотелось. Очень.

Вернуться было необходимо, но я не помнила, зачем и почему. Толком не могла понять, куда, к кому. Странные провалы в памяти потихоньку восполнялись, затягивались, и всё-таки я чувствовала, что потеряла, упустила из вида нечто самое важное.

Мы проехали в очередной проход, словно протиснувшись сквозь невидимую тонкую, но осязаемую, слегка влажную плёнку, и я забыла о своей амнезии, о Тельмане и его полушутливом, полусерьёзном предложении, вообще обо всём на свете. Потому что посреди мёртвого высохшего мира камня и песка пульсировало, дышало, переливалось всеми оттенками зелени, синевы и пурпура самое настоящее чудо.

Охрейн.

* * *

Мне трудно оценить его площадь, вероятно пара десятков квадратных километров, но, возможно, я сильно занижаю количественные показатели. В первый момент чёрные поля, покрытые зеленым, золотым и какими-то перламутровым флёром ранней, только что поднявшейся растительности кажутся мне бескрайними. Бесконечными. Россыпь сельскохозяйственных строений — конюшен, коровников, курятников, если так можно их назвать, потому что ни лошадей, ни коров, ни кур в привычном мне понимании в Криафаре нет — протянулась справа. Где-то вдали я вижу пасущиеся стада мохнатых четырёхрогих лохтанов. Река, единственная сохранившаяся полноводная река Айвуз была с этой точки обзора не видна, но я чувствовала её запах. Пьянящий, головокружительный, свежий запах жизни: воды, жирной плодородной земли, незнакомых животных и иномирных растений, всё это, невообразимо смешавшееся в какое-то хитросплетение ароматов, приятных и не очень, но по сравнению с безжизненным горячим воздухом остальной части Криафара, вечно скрипящем на зубах песком это было восхитительно. Судя по тому, какой невесомой, полупрозрачной казалась проступающая на полях листва, здесь была весна. В Криафаре не было времён года, то есть, ни один день года не отличался кардинально от другого, но в Охрейне имела место и короткая весна, и осень...

— Здесь же не бывает зимы? — почти возбужденно спросила я Тельмана, резко натянув поводья своего камала, отчего он недовольно утробно хрюкнул. — Зима, снег?

— Снег? — Тельман потянулся ко мне, успокаивающе хлопнув моего зверя по холке. — Это что?

— Такое белое, холодное и падает с неба на голову, а в тепле превращается в воду, — я засмеялась. Наверное, тут даже газовый состав воздуха другой, переизбыток кислорода или что-то в этом роде, отсюда такое эйфорическое состояние.

Биологи, геологи, физики и прочие умные люди с Земли пришли бы, вероятно, в эйфорическое состояние просто от самого факта существования подобного природного парадокса.

— Нет, такого у нас нет, ночью в час гнева выпадает иней, такой белый холодный порошок. Но он не падает на голову, просто замерзают микроскопические капли жидкости на поверхностях, — очень серьёзно ответил Тельман, а я опять расхохоталась.

— Это пройдёт, — понимающе добавил он. — Здесь очень... свежо.

— А тебе не весело?! Тут так прекрасно. Почему ты живёшь не здесь? Надо перенести сюда дворец.

— Справедливое и равномерное распределение ресурсов — то, благодаря чему выжил Криафар, — пожимает плечами мой Вират. — Я соврал бы, если бы сказал, что обитатели Каменного замка не получают больше, но это соизмеримое "больше". Однако и нашим виннистерам нельзя доверять целиком и полностью, и всем людям, являющимся звеньями в цепочке от пашни до чьих-нибудь нуждающихся рук. Если дворец окажется здесь, это будет слишком большим соблазном, слишком большим искушением. Сепарация власть имущих от Охрейна была первым обещанием, данным моим предком Виратом Плионом после того, как духи-хранители, проклявшие Криафар, вернулись в Хран и заснули. Мы не можем нарушать это обещание.

— У-у, ты говоришь, как настоящий справедливый король, — я смеюсь и тянусь к нему, но не дотягиваюсь. — Всё-таки, надо признать, когда я тебя придумывала, то заложила и что-то хорошее.

— Ты меня придумала? Забавно. Но я и есть самый настоящий, — Тельман улыбается в ответ, а я треплю камала за шкурку и едва не теряю равновесие. Нельзя ему рассказывать... Ни в коем случае нельзя!

Эта мысль отрезвляет, заставляет прийти в себя. Эйфория ещё чувствуется, голова идёт кругом, но я уже могу её контролировать. Великое достижение...

Среди полей и животных копошатся люди, мелкие и какие-то одинаковые, как муравьи, наше появление проходит для них почти что незамеченным, но есть и другие, явно рангом повыше: наблюдающие, проверяющие, что-то изучающие. От работяг, впрочем, привилегированных работяг, потому что в Охрейн стремятся попасть все, кто физическим трудом зарабатывает себе на жизнь, они отличаются головными уборам: не повязки на манер пиратских бандан, а широкополые шляпы. «Надсмотрщики» кланяются, шушукуются. Так или иначе, явление короля для них — нонсенс.

Мимо меня с жужжанием проносится какое-то мохнатое бордовое насекомое, отвлекшись за него, я не сразу замечаю словно бы из воздуха материализовавшегося седовласого виннистера Риана с двумя сопровождающими за спиной. Его роскошные усы, кажется, стали ещё пышнее от благообразной душевной улыбки на лице, но одновременно с этим мне кажется, что он с трудом подавляет то ли тревогу, то ли раздражение.

— Вират! Вирата! Как неожиданно... И приятно.

— Моя супруга оказалась здесь первый раз, — с этакой величавой небрежностью произносит Тельман, и я невольно думаю о том, на самом ли деле он может быть таким, каким кажется: уверенным, властным, взрослым, или это только игра, минутная бравада передо мной. А возможно, и то, и другое разом. — Вирата Крейне хотела бы посмотреть, как здесь всё устроено.

— Очень хотела бы, — проникновенно говорю я, отмечая, как беспокойство на лице местного, если можно так выразиться, министра сельского хозяйства не исчезает, нет — отступает куда-то в глубину. — Я же понимаю, что от вашей качественной и бесперебойной работы зависит весьма значительная доля благополучия Криафара.

— Охрейн велик, Вирата. Что бы вы хотели посмотреть в первую очередь? Фруктовые сады? Огороды? Пастбища? Может быть, полюбоваться прекрасным Айвузом с фирианова моста? На пасеку, думаю, приглашать вас не стоит, да и в лесу достопримечательностей

маловато, но... У нас тут есть потрясающие цветочные луга, только-только зацвели голубянки, это потрясающе красиво, а какой стоит аромат! И...

Да, наверное, для скромной девушки из Травестина, за два года обезумевшей от местной мёртвой и агрессивной флоры и фауны и убойного климата, интересным было бы в первую очередь созерцание милых зверушек и цветочков.

Но для меня, жительницы средней полосы России, тоска по живой природной красоте еще не стала столь сильной и ноющей, как, вероятно, должна была быть у Крейне, и я нарочито беспечно мотаю головой, понимая, что пытаясь косить под дурочку, ясно переигрываю — куда мне до Тельмана!

— На аромат голубянки у меня аллергия, жуткий насморк начинается, — доверительно сообщаю виннистеру. — Так что пропустим этот этап. Я бы хотела поговорить с простыми работниками, вы же понимаете, что для главы государства важнее всего люди?! А, кроме того, неплохо бы пообщаться с вами поближе, один на один, точнее, один на два, Совет Одиннадцати не даёт нам такой возможности... Вы же невероятно важный человек, вы фактически кормите, поите и одеваете всю страну! Желательно провести беседу в вашем кабинете, там, где хранятся разные скучные бумаги, отчёты и прочие документы. Вы же понимаете, какая огромная ответственность лежит на ваших надёжных и мощных плечах?! За каждой каплей воды, за каждой горсточкой земли — чья-то жизнь, виннистер Риан, жизнь, за которую вы отвечаете своей единственной и неповторимой жизнью.

— Полностью поддерживаю, — Тельман подъезжает, его камал встает бок о бок рядом с моим. — Не знал, что у тебя такая реакция на голубянку, дорогая. Как раз собирался прихватить букет и украсить им спальню.

— Твою или мою? — тихо спрашиваю я, и Тельман только собирается что-то ответить, но виннистер Риан склоняет голову с некоторой обречённостью.

— Да, конечно, как прикажете. С чего желаете начать?

— С документации, — решаю я. А ну как уничтожит что-нибудь лишнее, если время будет. — А потом совместим беседы и обзорную прогулку. Час гнева...

— В Охрейне не бывает часа гнева, дорогая, — вмешивается Тельман. — В это время здесь идёт дождь! — а потом наклоняется ко мне и говорит, ещё тише, чем я:

— Мне уже страшно. Скоро ты и во дворце потребуешь отчётов?

— Если успею до своего исчезновения — непременно, — отвечаю я, отмечая краем глаза, как улыбка на его лице бледнеет и гаснет, уступая место задумчивости.

Глава 46. Криафар.

Несколько раз, там, в моей земной жизни я проводила вебинары по финансовой грамотности. На самом деле, в этом нет ничего сложного... тем не менее, экономического образования у меня не было, и осилить анализ внушительных стопок документов, сплошь состоящих из унылых сводок цифр за два последних года, подсунутых мне не менее унылым виннистером Рианом и двумя его восхитительно безмолвными и исполнительными помощниками, было бы ой как непросто.

Уж точно не дело пары-тройки часов.

К счастью, обнаружились две вещи, нет, даже три. Во-первых, здоровая и какая-то живительная, вдохновляющая злость при мысли о том, что какие-то сволочи могут позволить себе неустановленное сюжетом мошенничество в моём мире. В моём, до самого последнего камушка! Любовно выпестованном, любовно же разрушенном и буквально собранным, будто пазл, из кусочков воспоминаний, мечтаний и снов, на поверку

оказавшимся таким прекрасным во всех его проявлениях.

Во-вторых, Тельман, как ни странно, что-то соображал, и хотя я отчего-то была уверена, что он в лучшем случае застынет надменной свечкой где-то у порога или окна, предоставив мне изучать отчёты и беседовать с виннистером, Вират меня удивил. Взял на себя инициативу, деловито и неумолимо шелестел страницами, задавал какие-то вопросы, и, судя по несколько ромбовидным глазам Риана, даже по делу. Мешать такому изумительному зрелищу, как пытающийся произвести впечатление на даму мужчина за работой, я не стала, но страницами тоже пошуршала. Снова подивилась тому, что понимаю местный письменный язык, возможно, действительно состоящий из кириллицы и арабских цифр, потому что ничего иного я не выдумывала — а может, потому, что находилась в теле знающей его Крейне, и теперь мой мозг лихо конвертировал увиденное под нужды сознания. Искренне попыталась разобраться в документации и сделала всего несколько выводов, крайне неутешительных: судя по отчётам доблестного виннистера Охрейна, результаты функционирования местного Мируша, то есть, рая за последние два года оказались несколько ниже предыдущих, а вот расходы выросли от полутора, местами даже до четырёх раз! Интересно, на что — и по какой причине? Зато — и это была третья радующая вещь — моя интуиция оказалась в кои-то веки на высоте.

Удивительные дела творятся в Криафарском королевстве... Или неудивительные, с учётом того, что монарх первый раз соизволил взять хотя бы что-то в свои красивые аристократические руки. Впрочем, выяснилось, что Вират может не только на беззащитную девушку голос повышать и не только ей угрожать всяческими непотребствами. На мой взгляд, однако, угрозы были излишними, и я потянула Тельмана за край его просторной верхней накидки, превращающей вполне себе европейского монарха в экзотичного восточного принца:

— Полегче, дорогой. Мы же и так догадывались обо всём, верно? Не стоит делать вид, будто ты действительно думал, что никто не кладёт себе в карман четверть, а то и треть заботливо выращенного и созданного простыми прилежными подданными, лишая тем самым других верных подданных необходимого, буквально обрекая их на верную смерть! Совет Одиннадцати опять обзаведётся вакантным местом, какая жалость — но не трагедия же. Оно будет точно удалённый зуб — не болит, но нагружает соседние зубы и ужасно смотрится. Дорогой виннистер, проглотите все ваши возражения, возмущения и оправдания, запейте водой, если с трудом глотаются...

Может быть, насыщенный кислородом — или чем там дышат местные жители — воздух Охрейна всё-таки снова кружил мне голову, но несмотря на неприятные разговоры, я опять развеселилась. И хотя наши дальнейшие действия были чудовищно далеки от "весёлых", внутренне я не могла подавить азартную широкую улыбку.

За два года как минимум приближенный к управленческой верхушке народ в Охрейне окончательно обнаглел. То ли они действительно поставили на Тельмане крест как на правителе, собирались нахапать побольше и сбежать подальше, то ли просто обалдели от свалившихся на голову возможностей: столько богатых природных ресурсов и почти никакого контроля, кто тут устоит! Местные ворюги даже почти не пытались замаскироваться: все понимали, что Вират Фортидер слишком слаб, а его сыну нет никакого дела до происходящего. Страшно подумать, что творится в других областях...

"Куй железо пока горячо", говорят на моей земной родине, а криафарский аналог мог бы звучать как... ну, не знаю. "Пей сок пустынного манника, пока листья в трубочку не

свернулись" — или что-нибудь в этом роде. Слегка отошедший от праведного гнева Тельман развил бурную деятельность. Возможно, он был действительно не до конца потерян для человечества в целом и трона в частности, возможно, ему просто хотелось побыстрее с этим закончить: как бы то ни было, я всё ещё не доверяла ему окончательно, но от души любовалась проявленной инициативой.

В результате, Тельман созвал нечто вроде народного собрания, не простых работяг, как я изначально планировала, а менеджеров среднего звена, от чьего лица сначала около часа выслушивал разнообразные стенания мигом сообразивших, что к чему работничков. То ли по тональности стенаний, то ли ещё по каким-то признакам вычислил тех, кто находился подальше от кормушки, тут же назначил временных заместителей бледного, как неведомый Криафару снег, Риана, посадил кого-то писать отчёт о растратах и злоупотреблении служебными полномочиями, кого-то поставил надзирать за самыми проштрафившимися, чтобы ненароком в Айвузе не утопились, а кого-то послал с краткой запиской во дворец, папеньку порадовать — или огорчить, тут как посмотреть. Впрочем, мой сарказм в данном случае был всё-таки неуместен.

Прогулка по Охрейну тоже удалась, несмотря на все административные разборки. Под дождь мы, к сожалению, не попали, но зато я вдоволь побродила по полям и фермам, ощущая себя едва ли не Алисой Селезнёвой с её космическим зоопарком. Хотя — опять преувеличиваю, до инопланетных животных местной фауне было далеко, звери и птицы напоминали свои земные оригиналы, слегка приукрашенные шаловливым, капельку нетрезвым, но очень талантливым художником. Шестирогие лохтаны так и вовсе водились на земле, но имея на пару рогов меньше и будучи не такими крупными — местные приближались по габаритам к коровам, не иначе, и цвет их серебристой шерсти был необычно ярким и чистым, как в детских красках. Многочисленная крылатая и пернатая мелюзга бодро месила когтистыми лапками песок идеально чистых птичьих дворов. Ваккаи с длинными шеями — изумительный гибрид то ли коровы и жирафа, то ли слегка отредактированный вариант лам — доверчиво потыкались мне в ладонь мягкими губами, а я погладила их бархатные рожки, думая о том, что по крайней мере местные мздоимцы не сэкономили на содержании всех этих чудесных созданий.

...голубянка пахла изумительно — или это я соскучилась по полноценным ароматам? Жаль, что соврала про аллергию, а с другой стороны — пусть растёт. Тем более со спальнями мы пока что так и не определились.

— Таким был Криафар до проклятия, — говорит Тельман, уставший и взъерошенный, но на удивление какой-то более... настоящий, чем ранее. — Вернее, нам хочется думать, что он таким был. Память изменчива, а художественных изображений практически не сохранилось.

— Маги знают, как он выглядел.

— Никто из них не рисует, к сожалению, да и рассказов от них не добьёшься.

— А мне они показались довольно милыми.

— Так вы всё-таки поговорили? — Тельман, наконец, поворачивается ко мне. — Они пустили тебя к себе?

Наверное, ему хочется спросить о предмете нашего разговора, которого, как такового, и не было.

— Пустили, но не открыли никаких тайн бытия. Похоже, им просто скучно, но это не повод откровенничать с первой попавшейся Виратой, — беспечно улыбаюсь я, но про себя

думаю о том, что как бы прекрасен ни был Охрейн, для двадцатилетнего Вирата он — диковинка, чудо, а для прикованных к Пирамиде магов, каждому из которых перевалило за полтора столетия — навсегда утерянная реальность, основа бытия, ушедшая из-под ног. — Здесь так чудесно. Почему ты не приезжал сюда просто так?

— Вдали от Охрейна гораздо легче страдать о своей загубленной жизни, — Тельман тоже улыбается. Что ж — самоирония, пусть даже такая неловкая, куда лучше, чем ненависть ко всему и всем. — Ты довольна, моя Вирата?

— Есть такое дело. Тебе давали в детстве уроки профессионального отчитывания чиновников или это врожденный дар?

— На самом деле, я получил неплохое образование, но отчитывание оно в себя не включало. Это, скорее, хобби — когда чувствуешь себя виноватым во всём, гораздо легче начать обвинять окружающих.

"В чём ты виноват?", — хотела я спросить, но передумала заниматься безудержным самокопанием. Несмотря на разнос чиновников — а может, в чём-то благодаря ему — день выдался... хорошим. И мне хотелось хорошо его завершить.

— Предлагаю отметить выход, — бодро говорю я, а сама думаю о том, что у нас уже давно превратили бы Охрейн в туристическую зону. Но криафарцы явно не готовы к такому святотатству, поэтому никаких таверн, баров, ярмарок, да и праздных посетителей на километр вокруг не наблюдалось.

Но в жилых кварталах района Росы они, разумеется, были.

— Уберёшь заветный ключик и печать невыносимой разочарованностью жизнью на лице, закроешь этим своим великолепным головным убором — никто и не узнает. Посмотрим на жизнь простого народа изнутри.

— Святая наивность, Крейне, — констатирует Тельман. — Кто же нас пустит?! Отец немощен телом, но не разумом и всё ещё контролирует многое.

— Хочешь сказать...

— Разумеется, нас пасут почище, чем каких-нибудь государственных заговорщиков или силайских шпионов. Где-то за пределами охрейнских насыпей скучает десяток камалов с угрюмыми сопровождающими от заботливого Вирата Фортидера.

— Пасутся по всему периметру? — уточняю я. Карты — моя слабость, хотя рисую я не очень-то хорошо. И я помню, где в Охрейне есть запасной выход — а ведь тогда, когда я его придумывала, казалось, что это не более чем исторический рудимент, дань традиции: везде должны быть тайные ходы и выходы!

— Ты поражаешь меня всё больше, хотя, казалось бы — куда уж больше, моя всеведущая Вирата, — Тельман протягивает руку и замирает в миллиметре от моей щеки.

И глаза у него серые-серые, как листья голубянки.

— Да я сама себе поражаюсь, мой Вират.

Мой, пожри всё каменные драконы. Мой ведь, от кончиков пушистых ресниц до носков сапог.

И ничего с этим, кажется, не поделаешь.

Глава 47. Криафар.

Ему двадцать шесть. Мне номинально двадцать, а на самом деле все двадцать восемь.

Кажется.

Но я чувствую себя максимум на шестнадцать, пока мы с Тельманом, прихватив заскучавших и застоявшихся камалов, сначала шагов семь-восемь ищем тайный подземный

ход, придуманный одной весьма непродуманной земной писательницей, а потом пробираемся, точнее, продираемся через него. Ход, из земляного пола которого уже растут какие-то жадные теневыносливые кустики, а из земляного потолка беззастенчиво торчат гладкие, скользкие на ощупь корни, пахнет сыростью. Камалы недовольно фыркают и похрюкивают, к счастью, проход оказывается достаточной ширины и высоты и не слишком длинным, чтобы такие массивные звери могли пройти без особых хлопот.

Если соглядатаи заботливого старшего Вирата и отследили наш немудрёный манёвр, никого из них поблизости не было видно, вообще ни одной живой души. И мы смеемся, точнее, ржём, как ненормальные взрослые — или как совершенно нормальные счастливые дети.

Земля, вода, свежий прохладный воздух — всё это остаётся за спиной. Мы ничего не взяли с собой, уважая давний закон, запрещающий вывозить из Охрейна что бы то ни было, даже крошку земли или каплю воды, если право на это не подтверждено указом с королевской печатью, но потом Тельман с заговорщицкой улыбкой помахал одной-единственной, контрабандой пронесённой изумрудной тоненькой травинкой. Вытянул руку, словно собираясь отдать её мне, но не отдал — мягко, почти невесомо коснулся лба. Носа, щеки. Шеи. Плеча. Груды.

Я закрываю глаза, прислушиваясь к этому лёгкому касанию, как к шёпоту среди криков и гомона толпы.

* * *

— Ты когда-нибудь уже был здесь?

— Конечно. Много раз мимо проезжал. Думаешь, я четверть века безвылазно просидел во дворце?!

— Я имею в виду другое. По-настоящему был. Пешком.

— Кажется, до знакомства с тобой я как-то по-другому представлял себе настоящее. Ты просто каждый шаг открываешь мне глаза и... и...

— Отодвигаю горизонт, — подсказываю я. Теперь мы снова пробираемся и продираемся, только на этот раз уже сквозь толпу, шумно отгуливающую свободный и уже не такой жаркий вечер перед ночными заморозками. Камалов Тельман предусмотрительно оставил на задворках какого-то особняка на окраине с претензией на то, чтобы называться постоянным двором. Хозяин, этакий до скелета пропесоченный бедуин с кожей цвета мокрого асфальта, кисло и подозрительно покосился на торчащие камалы клыки, пробурчав что-то о том, что к таким зверюгам по доброй воле и так никто не сунется, но Тельман помахал перед его носом горстью «презренного заритура».

Отношение к деньгам в Криафаре было совершенно особенным. Нельзя сказать, чтобы их не любили и действовали исключительно из бескорыстных побуждений, отнюдь, но хорошим тоном считалась публичное понесение денег, именно этих металлических кругляшек с неровными краями, вслух. Заритур считался нечистым металлом. Корни сего нелепого, хотя в целом безобидного суеверия лежали в давних легендах о духах-хранителях, в соответствии с которыми всё сущее произошло от них: огонь и воздух от дыхания, земля — от упавшей чешуи и так далее... А презренный заритур, как водится, из экскрементов — надо же было и их к делу пристроить. Поэтому те, кто часто имел дело с деньгами, были обязаны ритуально омыwać конечности, а кроме того, не приветствовались рукопожатия.

Всё это поведал мне Тельман, пока мы шли с ним пешком по благополучному и относительно оживлённому району Росы.

На мой взгляд, затеряться в этой пёстрой толпе людей, одетых кто во что горазд, лишь бы оно защищало от жара и нередких песчаных бурь, легче лёгкого — никто не обращал на нас внимания.

Но Тельман ощутимо нервничал, хотя и пытался это скрыть. То ли беспокоился о том, что отец устроит очередную неприятную сцену за побег, то ли чувствовал нас обоих слишком уязвимыми и заметными. Вообще-то, доля истины в этом была: даже если не принимать в расчёт дорогую, слишком тонкую ткань нашей одежды, среди загорелых горожан с обветренной кожей мы оба были слишком, непозволительно бледны.

— У меня на родине, — говорю я Тельману, от всей души надеясь, что он не такой уж знаток травестинских нравов и обычаев, потому что я сама не имею о них ни малейшего представления, — когда молодой человек ухаживает за девушкой, он прежде всего приглашает её в какое-нибудь место, где можно вместе поесть.

— Почему?! — искренне изумляется Его оторванное от жизни Величество. — У вас так плохо с едой?! А я слышал, что в Травестине нет проблем с ресурсами...

— Дело не в проблемах с ресурсами! Это просто традиция. Ну, некий социальное приемлемый ритуал. Чтобы стало легче общаться, взаимодействовать, находить общий язык...

— Надо вместе поесть, — заканчивает Тельман, но смотрит как-то подозрительно. — Нет, если ты просто проголодалась... Впрочем, не уверен, что здесь так уж хорошо готовят. Разве что действительно для иностранцев стараются, хотя всё равно, уверен: во дворце вкуснее. Но если ты действительно скучаешь по загадочным ритуалам своей родины...

В районе Росы, неподалёку от Каменного Дворца, действительно бывают и заезжие гости — надо же показать, что мы ещё живы и трепыхаемся. В остальных районах только жилые дома, рабочие кварталы с аналогом мануфактур, по большей части совсем старые, зато ещё магически оснащённые, заброшенные развалины и небольшие площади для ярмарок, действующих в строгом соответствии с королевским расписанием. Где-то должны быть и школы разного ранга, и банк, и здравницы, но столь детально Криафар я не прописывала, поэтому в ряде вопросов оказалась солидарна с иностранкой Крейне: ничего толком не знаю.

Повинуясь странным желаниям не просто надышавшейся — буквально отравившейся свежестью Охрейна жены, мой Вират решительно открывает болтающиеся дверные створки одной из немногих, по пальцам перечесть можно, забегаловок этого мира, чем-то уморительно напоминающей классический бар Дикого Запада из какого-нибудь вестерна. Чем прочнее в голове эта ассоциация, тем более абсурдно смотрятся восточные платки-арафатки на головах сидящих за каменными столиками мужчин. Никто не обращает на нас внимания, но стены и потолок неожиданно давят — может быть, я заражаюсь неконтролируемой тревогой Тельмана, запоздало вспоминая о том, что это не совсем тот парень, с которым можно запросто прошвырнуться по кафешкам.

Король, охраняемый с детства, как драгоценный артефакт, без присмотра не оставь, каждую пылинку сдуй. И судя по его лицу сейчас, хотя он и мечтал с детства о каком-то бунте, в глубине души не представляет, что может быть как-то иначе.

А я даже не могу сжать его руку, чтобы успокоить.

Да, мы рискуем, но как же мне хочется, чтобы его голова была наполнена хоть какими-то мыслями, кроме бесконечных обид на всех вокруг!

Спустя несколько шагов мы сидим за одним из дальних столиков, и перед нами высятся

две дымящиеся металлические кастрюли с чем-то ароматным, но, сказать по правде, малоаппетитным на вид: то ли тушёные овощи, то ли каша, то ли каша из тушёных овощей... На угощение, которое хитрый быстроглазый торговец охарактеризовал как «звезда души, отрада утробы», поглядываем не без скепсиса, зато прозрачный золотистый напиток с чуть горьковатыми древесными нотками — выше всяких похвал.

— Не злоупотребляй, — шепчу я на ухо Тельману, так близко, что невидимые волоски на руках топорщатся. — А то опять начнёшь буянить, задирать платья малознакомым женщинам и жаловаться на тяжёлое детство.

— Кажется, ты меня уже в песок закопала, — тихонько фыркает он. — Я держу себя в руках.

А вот мне держать себя в руках совсем не хочется.

Я устала.

Устала физически — верховая езда выматывала, да ещё как! Протестующе ныли поясница, бёдра, копчик, даже руки и шея почему-то. Устала морально — находиться в постоянном напряжении, ощущая, как психика буквально трещит по швам от свалившихся на неё чудес, окружающих меня чудиков и ядовитых тварей.

Устала от томительного глубинного предчувствия, требующего искать выход отсюда — туда, обратно, как будто что-то стучалось со дна в заблокированную подложку памяти.

И сегодня мне не хотелось быть тихой покорной Крейне, сдержанной в силу её положения и проклятой несовместимости с Тельманом непонятной природы. Хотелось выпить, не так, чтобы отключиться, как в мастерской Гаррсама, а слегка, до мятной дымки в глазах и необременительного шума в ушах, до лёгкости и невесомости в теле.

Пойти танцевать под слегка заунывные звуки местного аналога то ли дудука, то ли гобоя, сопровождающегося глухим ритмичным барабанным перестуком. Забраться Тельману на колени и целоваться, как в юности, до звёздочек в глазах и болезненно распухших губ, не думая ни о чём, когда ночь кажется бесконечной, а у телефона можно запросто отключить звук.

Я встала со своего места, борясь с желанием подойти к нему, а Вират поднял на меня настороженные глаза. Такие же, как были и у... чёрт, как же его звали, эту погасшую звезду на моём небосклоне, любовь всей моей прошлой жизни? Мы познакомились с ним в каком-то клубе, я — девчонка без комплексов, и он, домашний мальчик, первый раз попавший в подобное заведение... Не помню, хоть ты тресни. Но эти обрывочные воспоминания не вызывают никаких эмоций, и я почти уверена: то, что зовёт меня обратно, не связано с тем человеком, во всяком случае, напрямую.

Хватаю с соседнего стола россыпь кем-то брошенных карт, на ощупь напоминающих гибкий пластик, Шиару его знает, из чего они сделаны. На них изображены какие-то нелепые гротескные существа, одни отдалённо напоминают драконов, другие более антропоморфны.

— Это гадальные карты, — комментирует Тельман. — Странно, что кто-то их оставил, обычно такие держат при себе. Я только отмахиваюсь, отбирая шестнадцать нужных по масти карт, четыре по четыре:

— Смотри. Стояло четыре замка: подводный, огненный, воздушный и каменный... В каждом жило по Королю. У каждого Короля была Вирата...

Старая карточная забава.

Над четвёртой картой я задумываюсь, сознание плавится от этой пахучей настойки:

пошутить, что ли, что к каждой Вирате заглядывал стражник на огонёк? Нет, не стоит.

— У каждой Вираты был сын, похожий на её любимого короля.

Отчего-то мне томительно и больно от своих собственных слов. Так пронзительно больно, словно где-то внутри зажимает нерв, в какой-то момент я вижу нас с Тельманом словно издалека и со стороны, но это чувство быстро проходит. Я складываю вместе стопки карт, тасую и предлагаю Тельману их перемешать. Снова раскладываю на четыре кучки, картинками вниз

— А потом случилось волшебство...

Четыре замка, четыре короля, четыре королевы и четыре наследника оказываются вместе.

— Как это так?! — Тельман осторожно касается кончиками пальцев карт, как будто они могут взорваться. — Как так получилось?!

— Ловкость рук и никакой магии! — я смеюсь, думая о том, что три романа уже были закончены, роман про Каменный замок — четвёртый.

И я совсем не уверена, что в реальности сложится этот детский пасьянс.

* * *

Народ вокруг пьянел, ни на что не похожая музыка, одновременно тягучая и ритмичная, плыла над нашими головами, а ошеломлённый всем сразу Вират всея Криафара вцепился руками в свой прозрачный, ещё полный бокал, словно бы пряча за ним лицо. Я приблизилась к нему и коснулась губами противоположного стеклянного бортика, стараясь не задеть Тельмана лбом.

...если мы не уйдём шагов через пять, начнутся ночные заморозки, и придётся оставаться здесь до утра. Наверное, Тельман ещё ни разу не ночевал дома... будешь тут плотать всякую дрянь и на стенку лезть, хотя, конечно, это ни разу не оправдание его подростковому му... то есть, простите, чу. Чудачеству.

Внезапно пьяная компания за соседним столиком, состоящая из крикливых женщин и довольно габаритных мужчин разразилась гомерическим хохотом.

— И да хранят меня каменные драконы от бездонной постели Его Величества! — звонко выкрикнула одна из дам, шутливо шлёпая кавалера по лицу. — Но лучше уж с ним, чем с тобой!

В этот самый момент миндалевидные глаза Тельмана приобрели несколько иную, куда более округлую форму, а вторая неосторожная и не в меру болтливая девица продолжила:

— Ну, ты сравнила! В постель к Его Величеству надо очередь занимать, как раз к старости подойдёт, а с Кулеком и последняя струпка с района Грозы не ляжет!

— Что-о? — взревел обиженный Кулек, вскинув к потолку мощные кулаки и очевидно замахиваясь на разбитную подружку, но потерял равновесие, завалился на сидящего рядом соседа, и уже вдвоём они повалились на застывшего то ли от изумления, то ли от праведного негодования Тельмана. Впрочем, ни то, ни другое не помешало Его Величеству вернуться и отскочить, так что перебравшие буяны просто рухнули под стол, увлекая за собой стулья.

— Они..! — начал было Тельман, но я дёрнула-таки его за рукав, прихватив запястье. — Не трогай меня! Что они себе позволяют!

— Да не трогаю я тебя, сдался ты мне! — бормотала я, пытаюсь вытащить своего Вирата из груды тел, то ли дерущихся, то ли просто хронически обречённых терять равновесие. Но сказать было проще, чем сделать, и я его, конечно же, трогала. Вират морщился, дёргался и сопротивлялся, но выпитое делало своё дело: я вцепилась в него сильнее, чем рискнула бы

раньше, а он вырывался куда слабее, чем мог бы.

— Помочь, красавчик?! — перед нами выросла массивная женская фигура, как говорится, со следами былой красоты на лице. — Ишь, бесстыжая какая!

— Я его жена! — возмутилась я, стараясь ухватить Тельмана за рубашку под халатообразной накидкой, не касаясь сокровенного тела, и кажется, выдирая с мясом изящные металлические пуговицы, отчего он снова взвыл нечто среднее между «я сам!» и «и не трогай!».

— Жена не стена, и подвинуться может! — хмыкнула тётка до боли знакомую земную фразочку, и прихватила Вирата за королевское плечо. — А я тебя могу потрогать, милашка?!

— Нет! — почти хором сказали мы с Тельманом, а я схватила со стола чей-то недопитый стакан и плеснула настырной даме в лицо.

— Он мой, я сама его придумала, — не знаю, бубню я это про себя или вслух. — Будут к нему ещё лезть всякие...

— Вот випирья шмара! — тётка стряхивает с лица капли и рвётся в бой за попранную причёску и девичью честь. — Ну я тебя сейчас...

...камалья шерсть всё так же отвратительно пахнет, на улице всё так же жарко, хотя ветер контрастно холодный, а вечернее небо непривычно фиолетового оттенка. Я вжимаюсь спиной в нетерпеливо переминающегося зверя в поисках опоры, а Тельман стоит напротив, покрасневшийся, сероглазый, с порванной на груди рубашкой и, кажется, темнеющим синяком под глазом. Откуда только... А, точно. Заслонил собой бедовую Вирату от мстительной бабы, желающей пожать чужого мужа и яро посылающих потом нас обоих в "бездонную постель Вирата", куда мы только оба и сгодимся.

— Прости, — говорить тяжело, язык еле ворочается в пересохшем рту. А вот не надо недооценивать иномирные алкогольные напитки. — Не надо было тебя касаться, я знаю, но... И вообще, наверное, ничего не надо было, да? Не понимаю, почему мне так хочется тебя задеть. Наверное, как раз потому, что не могу коснуться... Потерпи меня еще немного, ладно? Скоро я исчезну, скоро я обязательно исчезну из твоей жизни и из этого мира. Не знаю, станет ли она от этого счастливее, но спокойнее — точно.

Внезапно Тельман наклоняется и целует меня в щёку, мимолётно, стремительно, но — по-настоящему, упрямо сжимая зубы — и мой бестолковый монолог обрывается на корню. Камал за спиной сердито всхрапывает, не понимая этих бестолковых двуногих, которые всё никак не могут наговориться.

Пора возвращаться, двуногие!

— Остайся, Крейне, — говорит Тельман, глядя мне в лицо, ловя мой взгляд так, что я уже не могу отвертеться и сделать вид, будто не услышала его слов или как-то не так их поняла. — Я расторгаю наш договор о твоей ссылке. Не нужно тебе никуда уезжать, даже когда... даже если мой отец... Я понимаю, что брак со мной — не такой, о каком ты мечтала, и я не такой, как ты мечтала, и эти два года так просто не простить, к тому же всё то, что я наделал и наговорил — это совершенно чудовищно по отношению к тебе, к тому же, я не знаю, когда смогу стать тебе мужем в полном смысле этого слова и смогу ли... Короче, между нами всё просто ужасно, но я прошу тебя.

Останься, Крейне. Здесь, в Криафаре. Хотя бы дай мне шанс... дай мне немного времени на то, чтобы хоть как-то попробовать всё исправить.

* * *

— Не надо вам этого делать, Вират, — Тира Мин следит за золотистым порошком,

рассыпающимся в подрагивающих пальцах Его Величества. Говорит — но не делает и попытки помешать.

Не имеет права.

— Плевать, — Тельман вдыхает золотистое облачко, облачивается о высокую спинку каменного кресла. — Ничего не имеет смысла. Убирайся. Я хочу остаться один. Хоть раз в жизни! Я! Хочу! Остаться! Один!

Они оба знают, что это ни к чему не приведёт. На секунду Тира Мин ёжится, представляя, как он выхватывает кинжал из голенища высокого сапога — и лезвие протыкает её сонную артерию. У неё хорошая реакция, но кто знает, успеет отскочить или нет.

Каждый может ошибиться.

— Не надо, прошу вас. Что произошло? Расскажите мне, Вират, вы же знаете, я умею хранить тайны.

— Я всё испортил, — Тельман смотрит на свои перепачканные в золотой пыли пальцы. — Я всё испортил. Почему со мной всё время всё не так?! Она хочет уйти, Тира. Я сам предложил ей уйти, раньше, я делал всё, чтобы она захотела уйти, мне с ней невыносимо! И вот я попросил её остаться, я умолял её просто остаться и попробовать ещё раз, но она ответила, что, мол, не держит на меня зла, но ей всё равно придётся уйти, так надо. Понимаешь? А я хочу, чтобы она осталась. И не могу удерживать её насильно, не могу и не буду. Что мне ей предложить, чем удержать? Разные спальни, трон повелительницы мёртвых камней?! Я сам всё испортил!

— Вирата может передумать, — тихо говорит Тира Мин. — Но я уверена, ей не понравится, если она снова увидит вас в таком состоянии.

— Она не увидит. Я останусь здесь, сделай так, чтобы я отсюда не вышел, а она не зашла. Хотя она и так не зайдёт... Просто не хочу ни о чём думать. А я думаю о ней. Все эти два года думал, а сейчас, когда она вернулась... это невыносимо.

— Мне показалось, Вирата испытывает к вам симпатию, Вират. И зайти она может. Вирата уже сама приходила к вам ночью. Однажды.

— Меня наружу выворачивает, когда я к ней прикасаюсь, — Тельман смотрит на наркотическую пыльцу и качает головой. — И я... зачем я ей такой нужен?! Я хочу её, Тира, я хочу её так, как никого никогда до этого, но именно с ней и только с ней не могу, я даже обнять её не могу, я не понимаю, что это за проклятие, или ещё одна болезнь, или что это такое?! Целители не знают, а маги не желают со мной говорить, будь они все прокляты!

— Они и так прокляты. А Вирате не нужен тот, кто теряет контроль над собой.

— Я могу это прекратить в любые полшага, — Его Величество закрывает глаза и взмахивает рукой, щёлкает пальцами. Золотое облачко развеивается в воздухе. — Жаль, что так же нельзя поступить с остальным. Я хочу её, Тира. И не могу!

— Может быть, только потому и хотите, что не можете?

Тельман пропускает её вопрос мимо ушей. Тяжело поднимается, ногой отпихивает один из стульев так, что у того каменная ножка идёт трещинами. Подходит к статуе, проводит пальцем по щеке.

— Прекрасная. Но мёртвая. Холодная. Без её запаха. Без вкуса.

Тира Мин выдыхает. Быстрым движением она стаскивает с шеи чёрный шёлковый платок — дорогая вещица, подарок на двадцатилетие — и подходит к Тельману со спины. Набрасывает ему на голову платок, завязывает глаза.

— Что ты делаешь? — он не сопротивляется, не чувствует опасности. Стражница натягивает ткань плотнее, и Тельман разворачивается к ней, не пытаясь снять повязку.

— Просто представьте её на моём месте. Представьте, что...

Его руки ухватывают её за бедра, подтягивают ближе.

Нет, их невозможно перепутать даже на ощупь, но если очень, очень хочешь обмануться...

— Раздевайся.

Через полшага она стоит перед ним уже без одежды, выполняя приказ по-военному быстро, по-военному чётко, и ему жаль, потому что та — та бы не согласилась. Но злое отчаяние и разлетевшийся в воздухе золотой туман кружит голову, и здравый смысл отходит не на второй план и даже не на третий. Бесконечно далеко.

— Крейне...

Он притягивает её к себе, утыкается носом в волосы. Руки давят на поясницу, заставляя приблизиться, прогнуться

— Моя Крейне.

Руки девушки путаются в его волосах, она слегка покачивается, словно ей тяжело устоять на ногах, и он целует шею, мягко поглаживая спину, упругую грудь, плоский живот, касается губ — таких послушных и мягких, моментально раскрывающихся ему навстречу. Прихватывает зубами — но она молчит, не вскрикивает, не нарушает иллюзию, только дышит чуть быстрее, чем раньше.

— Крейне, Крейне, Крейне...

Завтра он возненавидит себя за это. Уже ненавидит.

Пальцы скользят по развитым от постоянных упражнений предплечьям Стражницы, на гладкой коже едва заметные утолщения там, где стражнице делали нательные рисунки.

Шрамы Крейне...

Мигом приходя в себя, Тельман отталкивает девушку и резко срывает повязку с глаз.

— Нет.

Ти́ра Мин смотрит на него, и её лицо — покрасневшее, с потемневшими глазами — кажется ему совсем незнакомым.

— Нет. Уходи, сейчас же. Одевайся и позови Рем-Талья. Кого угодно. Милостивая Шиару, а я совсем забыл, что ты женщина.

Румянец на щеках Ти́ры становится болезненно ярким, но она повинуется молча, беспрекословно. Тельман собирает пальцами дорожку золотой пыли со стола — и яростно стряхивает на пол.

— Прости, — отрывисто говорит он в спину Стражнице, но она ничего ему не отвечает.

* * *

Рем-Таль сидит в кресле, глядя на свои сцепленные в замок руки.

На спящего Вирата смотреть он не хочет. Как не хочет и знать, что в очередной раз у него произошло, почему у Ти́ры Мин был такой взгляд, словно Шиару и Шамрейн опять проснулись и прокляли уже её лично, персонально.

Не хочет Рем-Таль всего этого замечать и знать, и потому вот уже шагов пять, не меньше, тщательно рассматривает линии на своих ладонях. К счастью, Вират хотя бы не страдает бессонницей, а может быть, крепкий ночной сон — это часть его неведомой, надуманной болезни, будь она неладна!

Ночь тянется муторно, бесконечно, и Страж Трона сидит, не шевелясь, прикрыв

уставшие глаза, размышляя о чём-то своём, нервно барабаня кончиками пальцев по каменной столешнице, шаг за шагом, пока лёгкий скрип двери не заставляет его дёрнуться, подскочить на месте.

Дверь открывается, замерший на пороге хрупкий темноволосый женский силуэт напоминает призрака — глаза светятся золотом, светлая полупрозрачная ночная рубашка развевается, точно в спину девушке дует ветер. Не скрывает очертаний фигуры, да что там — почти ничего не скрывает.

Мигом стряхнув сонливость, Рем-Таль в несколько шагов оказывается около дверного проёма, в первый момент ему кажется, что Крейне спит на ходу — бывает у людей и такое...

Но Крейне не спит. Смотрит на него снизу вверх, чуть смущённо поджимает губы. Но говорит твёрдо, хотя и тихо:

— Вы можете идти, Рем-Таль. Я с ним останусь. До утра.

У него нет причин возражать, у него нет права возражать.

Он должен быть рад возможности оставить утомительную, почти что ненавистную обязанность круглосуточно присматривать за мальчишкой, давно уже ставшим взрослым. Он может идти к себе, надо только пропустить Крейне. Пусть заходит, пусть остаётся. Это правильно, она его жена.

Надо сделать шаг в сторону и пропустить её.

Надо...

...а он стоит и не может пошевелиться.

Глава 48. Часть 1. Криафар.

Я открываю глаза, осторожно, стараясь не издать ни звука, приподнимаюсь и понимаю, что Тельман всё ещё спит. Обнимает меня во сне, подбородком утыкается в макушку. Очень хочется прижаться к нему плотнее, но страшно разбудить и завершить этот сон для него и явь для меня. Сладкую, уютную явь, которой тоже полагалось быть всего лишь сном.

Мягкий оранжевый свет лампы с горячим сланцем освещает голую руку юноши, лежащую поверх одеяла, и я пользуюсь моментом, чтобы ещё немного его потрогать. Осторожно, едва-едва провести ладонью по шёлковым тёмным волосам на затылке, по бледной, словно светящейся в полумраке коже лба и щеки. Недоумённо моргаю: то ли мне опять что-то чудится, то ли я действительно вижу проступающие на плече и предплечье золотые узоры. Не шрамы, не татуировки, эти рисунки совсем не такие, как у Тиры Мин: никаких осязаемых следов, безупречно гладкая кожа. Может быть, это последствия употребления золотой дурманящей скорпиутцевой пыли? Но они слишком правильные.

Буквы или... руны. Да, точно. Это похоже на те самые древние руны, которые я видела на стене в Пирамиде. Древний, давно забытый язык, знаки, округлые, как смесь корейских иероглифов и арабской вязи.

...да ну, бред какой-то! Спустя мгновение видение пропало, и я потихоньку стала выбираться из бескрайней кровати Вирата Тельмана. Удобная, спору нет, и всё равно она мне не нравится. Вот только стоит ли возмущаться, если так или иначе мне нужно уходить? Если так или иначе моё место должен занять кто-то другой, точнее — другая? Вот уж чего я никогда не стала бы желать, так это страдающего в одиночестве до конца своих дней Тельмана. Пусть найдёт себе другую, пусть у него всё будет хорошо, пусть он будет счастлив...

Вот только я ничего не делаю для того, чтобы вернуться. Я даже не могу заставить себя всерьёз об этом задуматься. Зато в моей голове много других, совершенно лишних, ненужных

мыслей.

Я думаю о кандидатуре нового виннистера Охрейна и о том, что можно действительно развивать туристическое направление в местном Эдеме. О том, что нужно проверить горнодобывающую отрасль как вторую самую богатую кормушку Криафара. Предложить исследовать Шашму, высохшую реку вокруг Пирамиды. Заняться струпами, организовать столовые и ночлежки, дать желающим рабочие места в обязательно-принудительном порядке. И ещё...

Наплевав на всё, я снова залезаю под одеяло к Тельману, обнимаю, даже ногу на него по-хозяйски забрасываю. Кровать эту мерзкую сегодня же выбросим, статую тоже уберём. Вчера, когда я сказала, что не смогу остаться в ответ на его почти признание, он так на меня посмотрел, что я почти была готова признаться в том, кто я и попросить о помощи. Не понимаю, что мне делать. Не понимаю, что я должна делать! Не помню что-то важное, не управляю собой в должной мере.

Не хочу ни о чём думать хотя бы ещё пять минут. То есть, хотя бы ещё один шаг.

* * *

— Да хранят тебя каменные драконы, Вирата Крейне.

Голос Тельмана, точно бумажный самолётик, вонзается куда-то между лопаток. Шторы раскрыты, апельсиновый тёплый утренний свет льётся на меня, как вода. На специальной вешалке — причудливая металлическая конструкция, мечта любого дизайнера в стиле модерн, — висит моя одежда, любезно и незаметно доставленная Жиэль или Айнеке: белое, как горный снег, платье с открытыми по местной моде плечами, тонкие карамельного цвета чулки, нижнее бельё простого покроя безо всяких легкомысленных кружев, удивительно мягкое и нежное на ощупь, не вызвавшее, впрочем, никаких ассоциаций с земными видами тканей: трусики и нечто вроде удлинённого топа без бретелек. Кожаные туфельки-сабо.

Ночью Вирата могла разгуливать, как ей пожелается, но начался новый солнцестой, извольте вести себя прилично: сейчас на мне только полупрозрачная ночная рубашка. Немудрено, что встретившийся мне вчера Рем-Таль не мог подобрать слов, вот только непонятно, что его больше разбирало: смущение или возмущение.

— От твоей постели? Они хранят, как могут, но я упрямая.

Знаю, что Тельман смотрит на меня, но не поворачиваюсь к нему, мне даже нравится ощущать его скользкий от затылка до голени взгляд. Надо позвать служанку и переодеться, но я ещё не настолько местная Крейне.

Расстёгиваю пуговицы ночной сорочки, и она соскальзывает на пол. Медленно, медленно беру и надеваю один предмет одежды за другим, чувствую взгляд Тельмана едва ли не осязательно, не веселее, чем жадное прикосновение раскалённых рук: горячий, почти болезненный взгляд. Тугие чулки из незнакомого материала сопротивляются растяжению. Немного путаюсь в платье — упругий материал обхватывает меня, не приликая к коже.

— Пришла, значит, — констатирует Тельман охрипшим голосом. — Что это сейчас было, Крейне? Мечь? Пытка? Попытка убийства венценосной особы?

Я не отвечаю, продолжая смотреть на невероятное оранжевое небо. Тем временем Тельман подходит ко мне и встаёт за спиной, близко, и в то же время не касаясь.

— Куда поедет сегодня, моя Вирата?

— Угадай.

Он прав: вместо того, чтобы пытаться хоть как-то определиться со своей собственной судьбой, я опять пытаюсь изменить судьбу Криафара. Самоцветный Радужный пояс — ещё

одно жемчужина моего мира, не настолько прекрасная, как Криафарский оазис, но более чем ценная.

— Не буду даже и пытаться, моя непредсказуемая Крейне.

— Но ты согласен?

— Конечно. Кажется, у меня просто нет выбора. Между прочим, на завтрашнее утро назначен очередной Совет Одиннадцати, так что можно подкинуть уважаемым виннистерам, чьё количество и без того уменьшилось на одну голову, ещё какой-нибудь головной боли. Так себе каламбур, но...

— Подкинем, — обещаю я, не оборачиваясь. — Вот видишь, наш побег был прощён.

— Не думаю, что в этот раз нам удастся повернуть нечто подобное.

— И не надо. Поедем с отрядом сопровождающих, всё, как положено. И стражей зови. Для солидности. В любом случае эффекта внезапности уже не получится, а королю нужна свита.

— Никаких стражей.

— Что случилось? — какая-то нервозность в интонациях Тельмана заставляет обернуться, а он вдруг наклоняется и быстро целует меня в уголок губ. Тут же отстраняется, с усилием гасит охватившую его дрожь отнюдь не любовного характера, но не отходит.

— Думаешь, со временем привыкнешь? — я хочу, чтобы мой голос звучал весело и даже насмешливо, но выходит так себе.

— Если бы у нас было это время, Крейне.

Наверное, он тоже хотел бы произнести эти слова не так печально, но у него, как и у меня, не получается.

Глава 48. Часть 2. Криафар.

Стражи и в самом деле с нами не поехали, и почему-то этот вопрос меня беспокоил. Может быть, потому, что Рем-Таль смотрел на меня действительно как-то странно тогда, ночью, на пороге спальни Тельмана, может быть, потому, что Тельман, кажется, готов скорее был целовать оголённые электропровода, то есть меня, нежели обсуждать этот вопрос. Но я не сдалась.

Мы выехали в сторону района Радуги, почти не потратив времени на сборы, и надо заметить, Тельман собирался куда дальше моего — а вот нечего было дразнить его утренним стриптизом. Временно сменивший меня "на посту" Рем-Таль был безукоризненно вежлив и учтив, но я вдруг почувствовала себя актрисой на съемках кино, в сценарий которого меня не посвятили.

Экспедиция в сторону района Радуги двигалась неторопливо, менее романтично, но более пафосно, если сравнивать с нашей одиночной вылазкой в Охрейн — ещё бы, угрюмые телохранители на камалах придадут значительности любому мероприятию. Правда, от паланкина я, самая демократичная и прогрессивная Вирата Криафара за все девятьсот сорок шесть лет его существования, категорически отказалась, но и без этого процессия выглядела внушительно. Настоящий восточный караван. Надо было позвать Гаррсама запечатлеть момент и начать издавать комиксы о жизни и деяниях королевских особ для простых людей: а что, не только же постельные сплетни им обсуждать.

— У меня есть предложение, — начала я, догнав непривычно хмурого, даже понурого Тельмана.

— У меня тоже, — не глядя мне в лицо, буркнул он. Наши камалы столкнулись боками, мышцы бёдер, ягодиц и спины еще протестующе побаливали, но в целом к подобному

способу передвижения я уже начинала привыкать. — Крейне, переезжай ко мне. Я имею в виду, мы же можем хотя бы просыпаться вместе, если не...

— Эм-м, — я не нашлась, что ответить. Инициатива наказуема, хотя ничего не мешало мне так и поступить, но я вдруг подумала, что была эгоистично неправа, привязывая к себе Тельмана, сближаясь с ним — и одновременно понимая, что это всё только на время, что это не по-настоящему. Вся ответственность за наши странные отношения была на мне и только на мне: сначала я сделала его тем, каким он был, потом, оказавшись с ним лицом к лицу, попыталась переделать под себя, а в итоге — планировала оставить. Бросить.

Вот только о том, что "не по-настоящему" я вспоминала всё реже. Не удержалась и погладила его камала. Настоящий. Такой невыносимо настоящий, яркий зверь с жесткой вонючей шкурой, к чьему запаху я уже привыкла, как привыкла и к недостаткам, шероховатостям своего Тельмана. Он тоже был для меня... всамидлешным.

А ведь это не так. Он всего лишь мой персонаж! Я не могу, не должна, не имею право в него влюбляться, это же сродни родственным отношениям, это аморально, это почти что шизофрения, это...

— Конечно, — сказала я, ненавидя себя за эту слабость. — Но у меня одно условие. Спать будем на полу.

— Почему? — Тельман оторопел, а его камал, словно почувствовав настроение хозяина, утробно хрюкнул.

— Я так хочу. А кровать вообще выкинем. Ритуально сожжём.

Судя по лицу Тельмана, он слегка запаниковал.

— Чем тебе не угодила кровать?! Не надо её выбрасывать.

— Старое травестинское поверье. Если в кровати до брака муж-скотина спал со множеством всяких девок, кровать нужно вынести из дома. Во избежание рецидива.

Тельман моргнул. Ресницы у него были длинные, тёмные и пушистые, как у красивого ребёнка.

— Впрочем, ты прав. Грех такой раритет просто так выкидывать. Мы её продадим. Устроим аукцион, а полученные деньги потратим на обустройство бесплатной столовой для струпов..

Тельман слегка отодвинулся и явно запаниковал сильнее.

— Что мы устроим?!

— Аукцион, — воодушевилась я. — Есть же в Криафаре пусть и небольшая, но прослойка обеспеченных граждан? К тому же иностранные послы. Устроим международный аукцион. Счастливая кровать Вирата Криафарского и всё такое. Тем, кто будет в ней спать, не страшны проблемы импотенции и...

— Так ты такое предложение хотела сделать, моя Вирата? — Тельман покачал головой. — Надо же, а мне говорили, что в Травестине скромные девушки. Или мне достался какой-то эксклюзивный вариант, или кто-то бесстыдно врал.

— Нет, не такое. Я предлагаю повысить твоего Стража Рем-Таля до должности виннестера Охрейна, раз уж место так внезапно оказалось вакантно. Мне кажется, он давно уже перерос свою дурацкую должность, а практика показывает, что нет страшнее врага, чем заскучавший друг.

Тельман разворачивается ко мне, резко, стремительно, и взгляд его становится непривычно острым. В последние дни я видела его преимущественно расслабленным и мягким, и как-то упустила из виду его боевую подготовку.

— Какое щедрое предложение, дорогая. С чего бы это вдруг?

— Просто здравый смысл, дорогой, — отвечаю тон в тон и отворачиваюсь. — Он умный и деятельный, а ты ему, кажется, до смерти надоел. И это понятно, какая из него нянька, это просто расточительство.

— Да ты что? Это он так тебе сказал? Интересно, когда это вы обсуждали меня и его службу? — "дорогой" очевидно злится, а я жалею, что начала этот разговор, но и назад поворачивать уже поздно.

— Дай-ка подумать и вспомнить... До того, как ты предложил ему свою жену или после?

Тельман соскользнул со своего камала и дёрнул мою животину за поводья. Выученное животное встало как вкопанное, а я едва не завалилась вперёд по инерции, но вовремя сдвинула коленями шершавые жилистые бока. Плетущиеся сзади конные, то есть, камальные секьюрити с постными лицами тоже остановились и затоптались на месте шагах в десяти от нас. Меня их присутствие знатно нервировало, но Тельман по-королевски обращал на них внимания не более, чем на мебель или кустики пустынного манника — привык.

— Ему же больно! — я успокаивающе похлопала своего камала по холке. — Что за остановка? Не строй из себя оскорблённую невинность, мой Вират. Я просто предложила...

— Я был не прав, — Тельман смотрел на меня снизу вверх. — Я был не в себе, я сорвался, не надо мне это припоминать, прошу. И я на самом деле не позволил бы ему, если бы он...

— История не знает слова "если"*, мой Вират, так говорят у нас, в Травестине. Теперь никто не знает, как бы оно сложилось. Может быть, вы с ним пошли бы до конца. И мы с тобой никогда бы уже не разговаривали.

Я тоже смотрю на него сверху вниз, мне не хочется, чтобы он вот так стоял на этом песке цвета жжёной охры, облюбованному випирами и скорпиутцами, но не могу разорвать этот зрительный контакт. Наверное, так Тельман любовался мной парой часов ранее, в спальне, когда я стояла перед ним, полностью раздетая. Жадно. И беспомощно.

— Он ведь тебе нравится, Крейне?

— О да, мой Вират. И он никогда бы не сделал мне больно.

Ему нечего мне возразить, и вместо ответа Тельман прижимается лбом к моей голени. Вздрагивает от болезненной судороги, но не отступает.

— Перестань! — я отталкиваю его. — Зачем эти самопожертвования? Не нужно.... Но и бессмысленной ревности тоже не нужно. Я руководствуюсь не симпатиями — здравым смыслом и только. Я же с тобой. Если уж после всего случившегося я здесь с тобой...

— Как всё глупо вышло, — глухо говорит Тельман, уже не глядя на меня. — Я не буду тебя удерживать силой, Крейне, но я так хочу, чтобы ты осталась. Почему я не понял этого сразу...

— Я тоже хочу остаться, — отвечаю я и едва ли не затыкаю себе рот кулаком. Но слова уже сказаны, и в них, проговорённых вслух, есть какая-то магия, незримая, но весомая, почти фатальная.

...

Нужный нам район Радуги лежал по другую сторону от Пирамиды относительно Каменного Дворца. Это был долгий путь, особенно с учётом объезда по дуге русла высохшей Шамши.

Я хотела ехать напрямую, и Тельман согласился, хотя изначально был против,

категорически против подъезжать к Пирамиде ближе, и я не понимала причин такого упрямства. Впрочем, судя по его лицу, он и сам их не совсем понимал. Каким образом нас могло коснуться близкое соседство нелюдимых магов и спящих божеств? Кому мы нужны?

По мере продвижения вглубь пустыни стражники-сопровождающие изменили диспозицию — теперь они окружали нас кольцом, спереди, сзади и по бокам. Мерная тряска убаюкивала, и я намотала поводья на запястья, боясь задремать и свалиться. Платок-арафатка развивался вокруг головы, жар, казалось, шёл не с оранжевого неба, от раздувшегося светила, а снизу — от камней и песка.

Из забытья меня вывел крик впереди идущих — предостерегающий, пронзительный. Агрессивно, протяжно захрипели, заволновались камалы, Тельман мигом оказался рядом, прижимаясь вплотную, настороженно глядя вперёд, и в его руке самым немыслимым образом сверкнуло изогнутое серебристое лезвие какого-то кинжала или меча.

— Что такое? — я испугалась, в большей степени от тревоги животных, нежели от человеческой готовности к бою с невидимым пока что противником.

— Лизары, — коротко ответил Тельман, по-прежнему уставившись куда-то вперёд.

— И что? — у меня отлегло от сердца, хотя видеть этих ядовитых вараноподобных ящериц вживую мне ещё не доводилось, но они почему-то не пугали совершенно.

— Их слишком много. И они ведут себя странно.

Я всё ещё не видела ничего за спинами стражников, поэтому потянулась наверх, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь.

— Они дикие, — голос Тельмана, который был выше и, соответственно, видел лучше, был слишком настороженным. — Дикие одиночные твари, людей боятся. На камалов никогда не полезут, разве что на раненого, полумёртвого... Но сейчас их много. Очень много. И они... они нас как будто не пускают дальше.

— Хочу посмотреть...

— Нечего там смотреть, — сурово отозвался Тельман, и я отчётливо услышала интонации Вирата-старшего. — Твари как твари. Ближе лучше не подходить — плюются, и слюна у них едкая. Ткань прожигает.

Я растерялась. Сквозь сомкнутый строй стражников я нет-нет да и могла разглядеть лизаров: бурых, как коросты, длинноногих, по колено людям, полутораметровых в длину, но при этом вертких ящериц, которых действительно было много. И даже без комментариев Тельмана было очевидно, что происходит нечто из ряда вон выходящее: ни одна рептилия, если она не в спячке, конечно, не будет стоять неподвижно перед хрипящими и скалящимися камалами. И одна-то не будет, но четыре-пять десятков... Однако ящерицы стояли, как каменные, уставившись на нас круглыми оранжевыми глазами без век.

— Может, у них этот... брачный период?

— И что, они изучают на нас как потенциальных партнёров для спаривания? — Тельман потёр переносицу. — Бред. Лизары пугливы! Они нападают на мелкое зверьё, они не сбиваются в стаи!

— Значит, ими кто-то управляет, — я обернулась на Пирамиду. Пирамида была такая же, как всегда: черная, мёртвая.

— Зачем? — так же коротко отозвался Тельман.

— Чтобы мы не шли дальше.

— Зачем?!

— Откуда мне знать? Но не сами же они...

— Какой в этом смысл? Мы всё равно перебьём их.

— Значит, кому-то нужно время.

Отряд сплотился и сдвинулся вправо метров на десять. Не отрывая от нас своих горящих песочных глаз, в которых не было ни крупинки сознательности, лизары каким-то волнообразным, цельным движением тоже переместились вправо. Снова замерли.

Ситуация была совершенно абсурдной.

— Повернём обратно? — неуверенно предложила я.

— Вот ещё, — Тельман высокомерно фыркнул. — Пустим их на фарш, да и всё. Давненько мы не проводили чисток, не травили этих ядовитых паскуд.

— Дай-ка угадаю, с тех пор как Вират Фортидер отошёл от дел, так и не травили, — вполголоса произнесла я и тут же громче добавила:

— Но они не нападают.

— Хочешь дожидаться, пока начнут?

— Не хочу, чтобы их так просто убивали, особенно если их кто-то заставляет, — я понимала, что мои слова звучат глупо до крайности, но ничего не могла с собой поделать. — Дай мне подъехать ближе.

— Стой на месте.

— Они меня не тронут.

— Да что ты говоришь?! Давай ещё заберём парочку во дворец, самых шипастых, приручим...

— Отличная идея. Я только посмотрю на них вблизи. Иначе никакого совместного сна, мой Вират.

— Ты перегрелась!

— Помоги мне слезть. Я только посмотрю, слышишь? Можешь хоть раз пойти мне навстречу?

— Крейне! — но камал опустился на колени, и я спрыгнула на упругий песок, такой горячий, что он жёг через подошву. Подошла к спинам наших охранников и прикрикнула, едва сдерживая смех — на нервной почве, не иначе — и желание похлопать по плечу ближайшего:

— Р-расступись!

Стражники дисциплинированно шарахнулись в стороны, старательно и грозно щетинясь кинжалами в сторону сошедших с ума рептилий.

Лизары не шелохнулись, но устали на меня.

Все как один.

Ощущение абсурдности ситуации нарастало. Я оглядела стаю... стадо? Табун? Толпу? — криафарских варанов и, неожиданно вспомнив золотого скорпиутца на пороге собственной спальни, крикнула громче, строго, как на нашкодивших дошкольников:

— А ну, пошли прочь, к тому, кто вас прислал!

И в ту же секунду ощутила, как песок подо мной становится мягким, податливым, а я проваливаюсь вниз, внутрь, не имея возможности ухватиться за что бы то ни было, как-то замедлить своё падение.

* * *

* автор этих слов — немецкий историк Карл Хампе.

Глава 48. Часть 3. Криафар

На мгновение я представляю себя, захлебнувшуюся песком, нет, раздавленную тоннами

песка и камней, телами исполинских лизаров, проваливающихся за мной следом, и не знаю, кричать ли во весь голос или наоборот, зажать рот, нос и глаза. Буквально десятую часть шага чувствую трение мельчайших острых песчинок сквозь одежду, словно меня перетирают на тёрке, но всё кончается очень быстро, точнее говоря — кончается всосавший меня и часть местных ящериц слой песка.

Не успев испытать все прелести удушья и клаустрофобии, вываливаюсь в пустое тёмное пространство, и падение слишком незначительно по продолжительности, чтобы ожидать в финале страну чудес. Если мне не изменяет память, кэрролловская Алиса парила в кроличьей норе, куда провалилась, медленно и долго, тогда как я рухнула прямо на спины ящерицам, скучковавшимся подо мной, упавшим или набежавшим новым — трудно понять. Моя персональная страна чудес осталась наверху, а здесь могла обнаружиться разве что страна кошмаров... Так или иначе, я не разбилась и даже не ушиблась, только позорно взвизгнула, почувствовав под собой холодную кожу, суматошное копошение тел этих странных обитателей криафарской пустыни.

Дыра в песчано-каменном потолке стремительно затянулась, как магически регенерирующая рана, и пространство вокруг погрузилось в полную темноту. Голосить я перестала, испугавшись, а не обрушится ли на мою и без того обезумевшую голову каменно-песчаная толща, но находиться в куче лизаров, ощущать их острые шипастые спины, изогнутые длинные когти, склизкие шершавые языки, то и дело касавшиеся меня во тьме, было так жутко, что предвещало скорую истерику. Продолжая стоять на корточках, закрутившись на месте, как волчок, я зашептала:

— Кыш, кыш, кыш, пошли вон отсюда! — хотелось сказать "чур меня", но слова подбирались с трудом.

Как ни странно, это подействовало. Суетливая масса живых, но холодных и твёрдых безмозглых существ внезапно схлынула, как волна во время отлива. Я помотала головой и попыталась принять вертикальное положение, не уверенная до конца в том, что не упрусь макушкой в потолок. Однако, несмотря на темноту, я чувствовала над собой как минимум три-четыре метра пустоты.

Что это? Где я? Где Тельман? Мне показалось, что во время моего падения он пытался ухватить меня, удержать и, несомненно, смог бы это сделать, если бы не это странное физиологическое отторжение, не позволившее ему сжать пальцы со всей возможной силой. Но почему он не провалился со мной вместе, почему никто из стражников не упал — мы же стояли совсем рядом..?

Глупый вопрос. Не упали, потому что им не дали упасть те неведомые силы, которые заставили лизаров остановить наш маленький отряд, а потом так незамысловато меня похитили.

Или всё-таки пригласили?

Темнота угнетала, но не давила, не вызывала ужаса или клаустрофобии, тем более, что, как оказалось, твари каким-то образом меня слушались. Я вытянула руки вперёд и пошла, на всякий случай продолжая профилактически бормотать себе под нос: "Кыш, кыш, кыш, не подходите ко мне, близко не подходите, даже не смотрите в мою сторону!".

Внезапно тьма вспыхнула, засияла, разорвалась огненными всполохами, складывающимися в округлые пылающие руны, и я остановилась, вглядываясь. Прочсть их я, разумеется, не могла, но чернота странным образом стала рассеиваться, светлеть, как небо перед рассветом, когда солнца ещё не видно, но ночь уже потеряла свои права. Рунические

надписи продолжали пылать, а я мотала головой во все стороны.

Каменные стены уходили вверх вовсе не на пару-тройку метров, а на все... все шестнадцать-восемнадцать, не иначе. Настоящие подземные скалы разных оттенков бурого и серого, неровные, самые что ни на есть настоящие, вот только макушками упираются в потолок. Относительно узкий коридор естественного или искусственного происхождения, так сразу не поймёшь, разветвлялся передо мной на два одинаковых, на первый взгляд, пути, но руны горели только в левой стороне. Туда-то я и пошла, хотя никакой уверенности, что этот выбор правильный, не чувствовала.

И вдруг меня озарило: лабиринт! Подземный лабиринт вокруг Пирамиды! Ну, конечно. Я же сама рисовала карту, бралась за это несколько раз, срисовывая с какой-то детской обводилки... Попасть к магам в верхние ярусы Пирамиды можно было только снаружи, но добраться в нижние отсеки, туда, где спали спелёнутые соединённой магической волей Совета Девяти духи-хранители — только через лабиринт, войти в который по моей задумке могли лишь маги изнутри — или те, кого маги бы пропустили, но за сто пятьдесят лет никому и в голову не пришло просить их о чём-то подобном. Во-первых, не было больше слугителей, могущих понимать язык божественных хранителей, во-вторых, никто не знал, как поведут себя разбуженные, растревоженные каменные драконы, не пожелают ли они завершить уничтожение беспокойного мира, который должны были охранять и беречь, а вместо этого прокляли.

Что здесь делаю я?

Может быть, власть демиурга над созданным миром прорывается... спонтанно. И меня вовсе не собирались звать на чай с плюшками, наоборот, на чай с плюшками, точнее, на мясной пир позвали пустынных тварей, но по какой-то причине они исполнили мой невольный приказ и отправились к тому, кто их послал...

Маги? Духи-хранители?

И что с Тельманом?

Я иду, ориентируясь на сияние рун, уже не удивляясь почти знакомым символам: я видела их на стенах Пирамиды, когда приходила к магам. И проступающими под кожей спящего Вирата, сына этого мира. Может быть, что-то подобное наблюдается здесь у всех, но я-то спала рядом только с ним...

Становится ещё светлее, хотя источников света не прибавляется. Я ускоряю шаг, хотя, возможно, стоило бы затаиться, прижаться к стене, попытаться незаметно разведать обстановку: с добрыми намерениями так "в гости" не зазывают, и тот, кого я могу увидеть за любым из бессчётного множества поворотов, однозначно не окажется другом.

Но если этот кто-то настолько могущественен, что может управлять лизарами, смысл мне таиться? В конце концов, я демиург, непризнанная королева своего королевства... Точнее признанная, да не так.

Проход расширяется, руны вспыхивают ярче, они будто отрываются от стен и висят в воздухе, начинают настойчиво пульсировать, ускоряясь, словно мучительно, изо всех сил пытаясь донести до меня своё содержание... а буквально через полшага беспомощно лопаются огненными мыльными пузырями и гаснут.

"Здравствуй, Кнара"

Голос будто рождается изнутри головы, но иначе, нежели это было при взаимодействии с менталисткой Нидрой: я слышала её мысли и только, а эти слова неведомого существа почти физически сотрясают мозг, кажется, вот-вот кровь хлынет из глаз и ушей.

"Я так ждала твоего появления, и вот ты пришла, сама, почти сама. Так не вовремя. Слишком рано, но разве можно было упустить такой шанс?"

Каменная скала передо мной начинает беззвучно вибрировать, как при зарождающемся землетрясении, мелкие камушки и горная пыль сыплются на пол, а я невольно поднимаю глаза и взглядом скольжу по стене.

Она неровная, как и положено камню, но даже несмотря на пережитый стресс и страх быть погребённой заживо, нельзя не отметить смутные, но пугающе недвусмысленные очертания человеческого тела.

А потом к своему невероятному ужасу я замечаю, как вспыхивает лазурной синевой посреди багряного белка вплавленный в камень живой человеческий глаз.

Глава 49. Криафар.

Да быть того не может!..

Я подхожу ближе, замороженно, зачарованно разглядывая человеческий силуэт, выступающий из камня. Стройную женскую ногу, почти полностью сохранившуюся каменную ступню... мягкий изгиб груди... и этот ужасный глаз с окровавленной склерой и ясным голубым зрачком. Моргающим, живым.

Я забыла обо всём на свете, протягивая руку к скале: горячая. Словно там, внутри, до сих пор пылает непокорное злое пламя...

Голос в голове умолк, и стало тихо, так тихо, что я слышала, казалось, пульсацию крови в сосудах, биение сердца, едва уловимое скольжение, шепуршание подземных тварей, шорохи и шкрябание лап и лапок исконных обитателей криафарского лабиринта: випир, лизаров, скорпиутцев...

— Уходите, — приказываю на автомате, и душная тишина становится более чистой, более свежей, как воздух в комнате с открытым на ночь окном.

"Они тебя слушаются... Досадно. Но закономерно, — голос звучит снова. — Что ж, мы можем просто поговорить. Ты узнала меня, демиург?"

О да, я её узнала. Не могла не узнать, но... я была уверена, что её нет. Девятый маг Совета, сильнейшая, первая, встретившая разъярившихся духов-хранителей, огненная Лавия давно должна была быть куда мертвее камня.

"Красивая?! — хмыкает голос внутри моего черепа. — Да... не о такой жизни я мечтала сто пятьдесят лет назад — и не о такой смерти. Мертва — и жива, точнее, ни жива ни мертва, как ни назови, получается что-то неверное, демиург. Тебе нравится? Такой ты хотела меня видеть? Ты довольна, наречённая Вирата Крейне?"

Глаз моргает.

Каменная труха сыплется с поверхности скалы, словно существо, ставшее её неотъемлемой частью, отчаянно пытается освободиться, но обладает слишком малой силой, и эти попытки обречены на провал. Впрочем, может быть, не освободиться — просто шевельнуться.

— Я не знала! — говорю я сразу на все её реплики, потому что никакого другого ответа у меня нет. — Не знала...

— Никто не знал, — соглашается Лавия. — Никто бы не узнал, но лизары поведали мне о том, что ты близко. Поговори со мной, демиург. Я слаба. И одинока. Ты думала, что я умерла? Это было бы более милостивым решением...

Я отступаю на шаг, чтобы разглядеть Лавию лучше, и что-то хрустит под ногой. Опускаю взгляд — и меня передёргивает.

Кости. Маленький череп, слишком похожий на человеческий, катится в сторону.

"Эти твари скрашивали моё одиночество в течение полутора веков, — говорит голос Лавии. — Мы научились неплохо ладить, вот только их иногда нужно баловать, знаешь ли. А тебя они слушаются просто так... действительно забавно"

— Это ты подослала золотого скорпиутца во Дворец?

"Мне было любопытно, — она не может ни пожать плечами, ни улыбнуться, и голос её — сухой, шелестящий, как пожухлый осенний лист, и такой же невыразительный. — Но тогда я ещё не знала, кто ты такая. Лавию уже давно списали со всех счетов, но иногда я всё же отправляю в большой мёртвый мир своих посланцев. Приходится действовать чужими руками, раз уж своих у меня нет"

Не такой она у меня была. Не в том смысле, что мёртвой... Весёлой, восторженной, полной искрящей жизненной силы. Невероятно удачливой, сильной. Счастливой. Огненной, тёплой.

"Любой огонь может погаснуть, демиург"

Первая, попавшая под удар...

"Не совсем так, демиург. Видишь ли, мне до крайности приятно, что ты не всеведуща"

— Расскажи мне, — прошу я, и голубая радужка скользит вниз, пытаюсь отыскать меня. — Ты знаешь об этом больше меня. Реальность оказалась куда глубже и многослойней, чем любой вымысел.

"Что есть реальность, демиург? Реальность реальна для тех, кто просто не знает, что она вымысел... Но в чем-то ты права. Рассказать?"

Я киваю, и снова кладу ладони на горячую каменную поверхность, словно на плечо друга, потерявшего в этой жизни всё, друга, которому уже не помогут никакие слова утешения и поддержки.

"Насчёт удачливости... в твоих словах есть доля истины, демиург. Я всегда была лучше других. На шаг впереди. Тогда, полтора века назад, маги рождались гораздо чаще, чем сейчас. Да что там, сейчас их и вовсе не рождается, верно? Но даже тогда я была сильнее. Огненная магия требует предельного сосредоточения сил, непросто овладеть такой своевольной и убийственной стихией. Я кипела энергией, как жидкая лава травестинского вулкана, демиург. Я знала — всё будет только так, как я хочу. И оно было — до определённого момента. Страстность моей натуры подвела меня"

Я сдавила виски ладонями. Мне нужно было, непременно нужно дослушать Лавию до конца так, чтобы голова при этом не лопнула, как перезрелый арбуз, выскользнувший из неловких рук. Спросить её...

"Ты, вероятно, хочешь услышать о другом, а я говорю только о себе... Но, видишь ли, это неотделимо, поэтому придётся потерпеть. Я была страстной, пылкой и требовала всего и сразу. Тот, кто пришёлся мне по сердцу, был служителем духов-хранителей. Я влюбилась, демиург. Каруйс должен был стать моим, меня не слишком волновало мнение на этот счёт других, да и его самого. Видишь ли, служители — странные люди. Они в чём-то подобны нам, магам. И у них, и у нас в крови скрыт источник силы, связи с божественным, лишаясь которого, мы начинаем чувствовать мучительную пустоту. Но я сейчас не об этом... У Каруйса была невеста. Жизнь служителей ограничена множеством условностей и правил, поскольку они должны передать свой дар, должны обзавестись наследником. Каруйса торопили со свадьбой. Я знала об этом, и я... навестила его невесту, после чего брак с ней стал для него невозможным. К тому моменту мы уже познакомились и общались дружески.

Когда о произошедшем стало известно, я утешала Каруйса, стала для него незаменимой. Он женился на мне, демиург. Ему нужно было на ком-то жениться, он никогда не пренебрегал долгом. И он хотел ребёнка"

— Ты её убила? — мне становится холодно, невообразимо холодно и тоскливо, несмотря на то, что здесь становится жарко, как в аду — даже крупниц магического пламени Лавии достаточно для обогрева подземного лабиринта. — Для чего ты мне это рассказываешь?

"Не торопись... Я сто пятьдесят лет никому об этом не рассказывала. Нет, не убила просто немного поджарила её некогда хорошенькое личико и слабое человеческое тельце, вот и всё, было бы о чём говорить. Да... Я стала женой Каруйса и верила в то, что жизнь сложится. Что всё в итоге выйдет так, как я хотела. Сжигать неудобных, согревать любимых... не в этом ли суть и природа огня, демиург?"

Я почувствовала, как из носа медленно побежала тёплая густая струйка и ощутила вкус крови на губах.

"Ты меня осуждаешь? Вижу, ошеломлена, но не осуждаешь, ты же сама поступала так же. Со мной, со всем этим миром"

— Я не придумывала тебе такую судьбу, Лавия. Не надо перекладывать на меня ответственность.

"Ты придумала судьбу этому миру, демиург, остальное должно было стать частью созданной тобой рамки, но — созданной тобой! Впрочем... слушай дальше. Мы прожили с Каруйсом не так уж долго, когда я поняла, что беременна. Я была счастлива, демиург, так, как может быть счастлива только женщина, материализовавшая свою любовь к мужчине во плоти и крови... Я и сама была в тот момент подобна богине, не так ли? В тот день я пошла к Каруйсу, чтобы обрадовать его... Чтобы он понял — всё было правильно, и перестал сожалеть о прошлом. Он обращался со мной хорошо, но прохладно. Мне было не в чем его упрекнуть, но мне было мало. Мне всегда было нужно больше"

— Он не узнал правду про свою невесту?

"Не знал. Свидетелей не нашлось, а она... она ничего не могла сказать или увидеть, ей попросту было нечем. Конечно, надо было её убить, но тогда мне казалось, что смерть — не та граница, которую стоит переходить без излишней надобности. В общем, я шла к нему, пылая от радости. Моё разрушительное пламя никогда ещё не было так настроено на созидание. Я пришла сюда, в самый центр Криафара, хотя раньше никогда не делала этого. Каруйс не велел, говорил, что покой священного места нельзя нарушать даже мне, и я слушалась его. Верила. Он говорил с богами, а решения богов не стоит оспаривать, верно?"

Я вытерла окровавленные нос и подбородок ладонью. Голова кружилась всё сильнее, неожиданно обрушение песчаного потолка показалось не худшим исходом.

"Я пришла, пылая радостью и надеждой, а увидела её. Их"

Каменная пыльца осыпалась на мою голову, лёгкая,

"Он её не оставил, демиург. Не бросил. Каруйс приводил её сюда, в свою Пирамиду, и был с ней, изуродованной и мерзкой. Смотрел на неё, как на сокровище. Разговаривал с ней. Утешал. Поселил её тут же и молил о её здравии духов-хранителей. Он даже не стал отпираться, признался во всём"

— И что ты сделала? — прохрипела я.

"Я была очень сильным магом, демиург, — голос стал тише, и мне полегчало, пусть и совсем немного. — Очень сильным. И сила моей магии, моего пламени подпитывала мою

ярость. Я возненавидела того, кого любила больше жизни, и своей, и чужой, и его богов, которые именно в тот, проклятый день, решили отозваться на его просьбы и исцелили ту, которую Каруйс любил больше меня. Странное совпадение, ты не находишь? Что я сделала, демиург? Я принесла жертву. Это была давняя, тёмная магия древнего Криафара почти тысячелетней давности. Тогда находились великие умельцы, могущие подчинить себе даже богов. Видишь эти руны? Это их язык. Каруйс его понимал, а я нет, но мне и без этого было известно и дано слишком многое"

— Ты принесла в жертву своего мужа?..

"Признаться, была такая мысль, но собственная смерть — далеко не самое страшное... Я всегда так думала и имела возможность убедиться в этом. Возможно, если бы я просто спалила Каруйса в пепел, всё было бы иначе, но тогда я не хотела, чтобы он умер. Я хотела, чтобы он страдал. И я принесла в жертву собственный нерожденный плод. Провела ритуал и выжгла своё нутро изнутри, демиург, как тебе такое? Опять скажешь, что ты не придумывала это, что вина целиком на мне? Думай, как тебе угодно, если тебе так будет легче... Я хотела получить ещё больше силы. Чтобы сравнять с землёй эту Пирамиду, тогда ещё стоявшую среди зелёных живых лесов, окружённую полноводной Шамшей, чтобы..."

Лавия оборвала сама себя. Я потеряла равновесие и опёрлась окровавленными руками о каменную поверхность.

"Я не учла одного, — совсем тихо продолжила Лавия. — Всего одна ошибка, всего один просчёт, приведший к таким последствиям, демиург. И для меня, и для Криафара, и даже для тебя, Кнара. Кровь. Кровь этого маленького нерождённого поганца, на какую-то мельчайшую каплю принадлежавшая богам. Они не простили мне этого"

Левое ухо, кожа под ним становится подозрительно влажным и горячим.

— Кровь, — повторяю я, как в кошмарном сне, от которого не могу пробудиться. — Мне нехорошо. Мне надо идти...

"Иди, иди, демиург. Как я могу не отпустить тебя? — шепчет Лавия. — Попроси випир, они проводят тебя. Это не последняя наша встреча, я надеюсь, мы договорим. Прикоснись ко мне ещё, демиург... К камню, которым я стала. Пожалуйста. Ты же не держишь на меня зла? Как можно ненавидеть своё творение? Прикоснись ещё..."

Но я мотаю головой, глядя на свои пальцы, будто перепачканные в липкой бордовой краске. Отступаю, поворачиваюсь спиной к скале с очертаниями женского тела и сияющим синим оком. Чёрные упругие тельца випир скользят впереди, а я иду за ними, пошатываясь, не чувствуя страха, только одно безграничное опустошение.

* * *

— От тебя нет никакого толку, Шипохвост. Никакого толку! Ты не смог найти демиурга, пришлось действовать самой! Ты не пришёл, как бы я не пыталась задержать её до твоего прихода, и мы упустили такой шанс... Убирайся.

— Госпожа, я не мог, я правда, не мог! Остальные бы заподозрили...

— Мне нет до этого дела. Она была так близко! И ушла. Просто ушла.

— У вас есть ваши подземные... питомцы. Слуги. Почему они...

— Это же демиург, тупой Шипохвост. Они слушаются её и никогда не причинят ей вреда. Мне пришлось её отпустить. А ты слабак. Беспольный безмозглый слабак. Убирайся.

— Но она видела вас, госпожа! Не бойтесь ли вы...

— "Боюсь"?! Чего мне бояться, шипохвост? Смерти? Я мечтаю о смерти не меньше, чем о жизни. Я прошла через боль, через безумие, через всё, чем только можно попробовать

напугать. Нет, она никому ничего не расскажет. Я даю тебе срок три дня, Шипохвост. Приведи мне демиурга.

— Хорошо, госпожа. Я сделаю всё, что смогу.

— Больше, чем сможешь, Шипохвост. Больше. Только так и можно сделать что бы то ни было — и никак иначе.

Маг поспешно уходит — и не видит того, как в том месте, которого коснулись окровавленные ладони демиурга, камень идёт трещинами и осыпается, обнажая крохотный кусочек розовой нежной кожи.

Глава 50. Криафар.

Я бреду по подземному лабиринту, глядя на скользящих впереди випир, не так уж долго, а потом мне становится легче. Прохладнее. И головная боль, ломота в костях и мышцах словно отступают. Всё-таки взаимодействие с Лавией оказалось невероятно тяжёлым, и сейчас я даже не уверена, что не придумала её рассказ, что мне не послышались страшные откровения огненной магини, из ревности и мести невольной уничтожившей этот мир. Осталось столько неясностей, но...

Как такое вообще могло произойти? Как она осталась жива, если я — я! — была убеждена, что её больше нет? Если я была уверена, что Лавия — всего лишь одна из жертв проклятия духов-хранителей, а никак не его невольная виновница? В чём вообще я могу быть теперь уверена в этом случае? И что делать с этим знанием теперь?

Судить её? Убить её? Счесть наказание достаточным и... освободить её? Каким образом? Оставить всё как есть, и жить дальше?

— Стойте, — сказала я випирам и остановилась сама, всё ещё чувствуя головокружение и мутную пелену перед глазами, но не настолько, чтобы на полном серьёзе говорить со змеями, тем более — предлагать им остановиться. Но змеи моментально разворачиваются и застывают, чуть приподняв треугольные чёрные головки, и это так необыкновенно, что меня дрожь пробирает, несмотря на усталость и самочувствие пропущенного через мясорубку стейка. Ни сияние рун на песчано-каменных стенах, ни маги — с лезвиями вместо рук и с дырой в груди, ни фокусы Вертимера с воздухом — ничего из этого не поразило, не потрясло меня так, как эта реализация извечной детской мечты говорить с животными и быть понимаемой ими.

Правда, в моих детских мечтах животные были... посимпатичнее.

Випиры выжидательно замерли, а я продолжила говорить вслух, в любой момент ожидая, что волшебство закончится и ядовитые рептилии попросту на меня бросятся:

— Мне нужно выбраться на поверхность, но не через Пирамиду, — отчего-то кажется необходимым пояснить свою мысль. — Не хочу сейчас встречаться с магами, пока что я не решила, что им положено знать и как ко всему этому... относиться.

Чувствую себя глупо до крайности, но випиры беззвучно разворачиваются и продолжают скользить по тёмной каменной поверхности пола, к счастью, не в моём направлении, а я иду за ними по петляющим коридорам лабиринта, даже не стараясь запомнить расположение дорог. Постепенно потолок становится ниже, руны гаснут, но глаза уже привыкли к темноте.

В какой-то момент випиры неожиданно резко расползаются в разные стороны, и я спотыкаюсь, растерянно застываю на месте. Из тьмы выступает лизар, подходит ближе и останавливается передо мной. Крупный, шипастая лобастая морда достаёт мне до середины бедра. Я нервно смеюсь. Крейне — повелительница лизаров... Руки и лицо перепачканы в

засохшей крови, во взъерошенных волосах песок, одежда в пыли. Но не так уж долго я побыла Виратой и ещё не обзавелась королевскими привычками, мне не обязательно быть при полном параде и верхом на камале, сгодится и как попроще, лишь бы живой.

* * *

Жаль, что жители Криафара не видели моего триумфального возвращения на поверхность, это вполне тянуло на нечто, достойное увековечивания в барельефах на стенах Каменного замка. Лизар был колючим, и его неровная сухая кожа показалась мне на ощупь скорее прочным панцирем. Я вцепилась ему в шею обеими руками, обхватила ногами так, как не обнимала, кажется, никого и никогда, оцарапавшись и то и дело ожидая, что он откусит мне пару пальцев, и я окончу свою жизнь, корчась в агонии от его яда, как некогда камал, когда мы с Рем-Талем навещали магов в Пирамиде. Но лизар меня не кусал, а полз вертикально вверх по каменной скале, и я отчего-то чувствовала своё худое нетренированное тело непривычно лёгким, почти невесомым, и ничего, по сути, не боялась. Только когда песочный потолок замаячил прямо над головой, захотелось зажмуриться в ожидании удара, но его, как такового, не последовало. В то же время я ощущала давление твёрдого сыпучего песка, в который мы с лизаром ввинчивались, словно штопор в бутылочную пробку, вопреки всем законам физики. Возможно, эти жители пустыни, появившиеся вместе с наложением проклятия или каким-то образом проникшие сюда после этого, обладали собственной стихийной магией, позволявшей им каким-то образом вольно обходиться с тоннами раскалённого мёртвого песка. Но у меня-то этой магии нет! Тем не менее, мы успешно прорываемся вверх, и песок, сначала холодный и плотный, не иначе как чудом не забивающий мне нос, уши и рот и позволяющий делать короткие рваные вдохи, постепенно теплеет. Наверное, подъем занимает не более шага, но мне он кажется нескончаемой вечностью.

Солнце слепит воспалённые глаза, которые я открываю не сразу. Я лежу на песке, надо мной огромное солнце — или как оно тут называется, почти сливающееся с оранжевым небом, будто кто-то разлил разведённый апельсиновый сок. Светило гладит мои ободранные щёки обманчиво ласково, но с каждой секундой это вкрадчивое тепло становится всё настойчивее и жарче.

Да я же тут сгорю. Который сейчас час? О чём я думала, когда просила вывести себя на поверхность в обход Пирамиды?! Надо чётче формулировать свои желания, я сама не раз так говорила на этих своих дурацких утренних вебинарах...

Медленно перекатываюсь на живот, подтягиваю босые ноги к груди — обуви нет, потерялась где-то в песках. Поднимаюсь на корточки, с трудом сплёвываю несколько песчинок всё-таки попавшего в рот песка — слюны во рту нет. Оглядываюсь по сторонам.

Песок. Камень. Шарик пустынного манника. И острая чёрная вершина Пирамиды — где-то далеко-далеко отсюда, едва ли не на горизонте.

Какая я дура... маги могли бы мне помочь. Тельман с отрядом, наверное, ищут меня... Если с ними всё в порядке, конечно — тревога снова скручивает внутренности в тугий узел, я поднимаюсь и прикидываю расстояние до Пирамиды. Идти к ней или в противоположном направлении?

Очень жарко. Пот проступает на лбу и щиплет кожу в преступном сговоре с солнцем.

* * *

Голоса доносятся то ли снаружи, то ли изнутри — трудно понять. Тревожные, резкие, гортанно-низкие, они приближаются, но мне уже почти безразлично, кто это, и что со мною

случится дальше. Я засыпаю, и в этом сне перестаю чувствовать усталость, жажду, обжигающий солнечный свет.

— Крейне...

В первый момент я хочу перебить, исправить — не Крейне, Кнара. Кнара! Так назвала меня вплавленная в камень Огненная Лавия... Откуда она узнала моё настоящее имя?

Эта мысль охлаждает почти как льющаяся на губы прохладная вода. Как же восхитительно пить, несмотря на то, что горло и лицо будто заботливо протёрли наждачной бумагой на несколько раз. Мягкое прикосновение к коже какой-то тряпочкой, смоченной в ароматическом масле с сильным травяным запахом, снимает неприятные ощущения, как запоздалая анестезия — я чувствую лёгкий будоражащий холодок на щеках и лбу. Чьи-то губы, касаются виска, щеки, носа, потрескавшихся губ.

А я вся грязная, перепачканная кровью, потом и каменной пылью.

— Крейне...

Чувствую руки, тянущие меня за плечи куда-то вверх.

— Не надо, — говорю наугад, в пустоту. — Тебе неприятно будет...

Но руки держат меня так крепко, что я сомневаюсь, чьи они — не может Тельман так меня удерживать, наверное, приказал кому-то из своих слуг. Это напрягает, но вскоре мерное покачивание камала, на котором сидят мой безликий носильщик и я, делает своё дело, и я проваливаюсь в сон, полный странных кошмаров о последних часах Криафара, диковинно переплетающихся с образом склоняющегося надо мной Вирата Тельмана Криафарского.

* * *

— Что тебе нужно? — голос Тельмана непривычно-жёсткий, холодный, как лёд, незнакомый этому жаркому миру. И звучит он откуда-то издалека, так что Вират явно говорит не со мной, тем не менее, мне становится не по себе, неприятно знать, что он в принципе может быть таким. — Мне некогда сейчас. Я не один.

— Вират, — этот голос, женский, срывающийся, совершенно точно знакомый, но сразу трудно понять, кому он принадлежит. — Только четверть шага. Отправьте меня с посольством в Силай.

— С чего бы это?

— В охранном корпусе освободилось место.

— Не говори глупости. У тебя есть свои прямые обязанности. Подготовь всё необходимое для Совета Одиннадцати.

— Всё уже готово, Вират. Прошу вас... отпустите меня. Я не могу больше здесь оставаться...

Это же Тира Мин.

— Что ты не можешь? — голосом Тельмана можно разбивать панцири скорпиутцев. — Я занят. Сопровождающий у меня есть, так что... Уходи и не мешай. Твоё дело — выполнять свою работу.

— Я не могу больше выполнять свою работу, — говорит Тира Мин совсем тихо и потерянно. — После того, как мы с вами...

Дверь глухо хлопает, а я резко открываю глаза и смотрю в полумрак.

Глава 51. Криафар.

Тельман в комнате отсутствовал. Судя по прекрасному самочувствию, меня подлечили — и можно было в тишине и спокойствии подумать обо всём сразу. А думалось с трудом.

Жаль, жаль, что пришлось уйти от Лавии так быстро, она была явно не прочь поболтать, да и вопросов к ней имелось множество, просто в нужный момент они все выветрились из головы. Значит, она провела ритуал, принесла в жертву собственного нерождённого ребёнка, сына служителя духов-хранителей, а в результате "случайно" уничтожила мир... Что тут скажешь? Каменные драконы — не совсем боги в привычном для жителей моего мира понимании, они подвержены влиянию звериных инстинктов, они спонтанны и своенравны, так что в целом рассказу Лавии вполне можно верить.

И всё же... откуда она узнала, что я — это я? Возможности огненной магии, потерявшей большую часть своей силы и застрявшей в скале на полтора века, поражали. Она была осведомлена о том, о чём не знали все остальные маги, она обратилась ко мне по имени! По моему настоящему земному имени! Проклятая одиночка...

Или не одиночка? Нидра знала правду обо мне, и хотя она обещала молчать... Менталистка совершенно не была удивлена появлению демиурга в Пирамиде, удивление как таковое в принципе ей не свойственно, и всё же... Могла ли она уже давно знать и о Лавии, уловив отголоски её мыслей сквозь толщу камня и песка?

Я села на отвратительно огромной кровати Тельмана. На едва уловимый скрип тут же приоткрылась дверь, и показались встрёпанные светлые головки Жиэль и Айнике.

— Брысь, — сурово сказала я, хотя вообще-то девочки были тут не при чём. — У меня всё хорошо. Вирата отдыхать изволит, не беспокойте меня в ближайшее время.

...из каких фильмов, интересно, я почерпнула такой лексикон?! Или из книг, или из анекдотов... Как бы то ни было, я спустила ноги с кровати и закуталась в одеяло с головой. Герои знают обо мне, герои сами решают, когда и на каких условиях нам общаться, герои скрывают от меня свои тайны. Что дальше? Может быть, они знают и кое-какие ответы на интересующие меня вопросы, например: как мне отсюда выбраться?

"Хочу остаться", сказала я Тельману. Но, возможно, я буду куда полезнее Криафару по ту сторону экрана. Пока что я всего лишь слабая королева, которой не может коснуться муж, и уважают только скорпиутцы. А там я демиург в полном смысле этого слова.... Сниму проклятие. Упокою Лавию. Спасу жизнь Вирату Фортидери. Излечу Тельмана, чем бы он там не болел. Тельман меня забудет, обретёт счастье, хоть с той же Тирой Мин. Прекрасный вариант, даже придумывать больше ничего не надо.

Как же дрожал её голос. И что она имела в виду, говоря, что не может работать у него после того, что было?

Что — было?

Я встала, зло стряхнула одеяло на пол и брезгливо покосилась на кровать. А то ты не знаешь, дурочка Крейне. Удивляешься персонажам, а сама-то хороша... Наивная. Глупая. Думала, твой ветреный Вират заделался монахом и теперь молится исключительно на твоё каменное изваяние? Может, сторонних девиц он приглашать к себе и перестал, но это не означает, что он хранит тебе верность и отказывает себе в возможности расслабиться. Не исключено, что с его точки зрения и хранит — не думаю, что в его отношении к верной Тире было что-то серьёзное. Так, снять напряжение, в то время как почти любимая, но недоступная супруга, собственно, недоступна по каким-то магическим причинам. И этот его голос... даже в самом начале он так холодно со мной не говорил. Да, издевался, но в этом издевательство сквозило отчаянное равнодушие.

А Тира — кто она такая и куда она денется? Нет в ней ни загадочных тайн, ни перспектив на будущее. Сегодня есть, завтра нет, никто не хватится. Она сама никто. И

Тельман говорил с ней, как... как с никем, и это отчего-то возмущало безумно, хотя, наверное. кого-то бы на моём месте и обрадовало.

Я оделась, стараясь не думать о том, кто меня нёс и раздевал, выглянула в коридор, окликнула близстоящего стражника, одного из четырёх:

— Эй, уважаемый, подите-ка сюда.

Стражник появился рядом с почти что подобострастной скоростью. Всё-таки хорошо быть Виратой, выглядывающей из спальни своего короля, пусть даже этот король — скотина похотливая и нисколечко не мой.

— Да, Вирата?

Спустя примерно четыре шага, игнорируя робкие недоумённые вопросы и вытаращенные глаза, я испытала зверское непередаваемое удовлетворение, оглядев пустое пространство комнаты, посередине которой остался лежать только большой меховой ковёр, и покрасневшие от натуги и предвкушения огромных виратских люлей лица четырёх стражников. И только потом вернулась к реальности.

Что я творю-то?

Мне надо набраться сил и снова поговорить с Лавией. На расстоянии, шёпотом, как угодно. Возможно, она что-то знает, какой-то ритуал или что-то вроде того. Если вообще кто-то что-то знает, то только она. Нужно искать выход, а не кровати ломать. Тельман — мой персонаж. Не мой муж, не мой мужчина... возможно, как раз там, в настоящем мире, муж у меня имеется. И ждёт меня. Волнуется, беспокоится, глаз не смыкает... Почему я этого не помню?

Я пригладила волосы, аккуратно прикрыла дверь с опустошённой спальней — и вдруг увидела Тельмана, выходящего из-за угла коридора. Растерялась, не понимая, радоваться или тревожиться его появлению. А потом вдруг осознала:

— Ты один?!

— Сбежал, — коротко отозвался Тельман. — Надоели все, вообще это всё надоело!

Стражники вытянулись в струнку, и на их лицах отчётливо виднелось обречённое ожидание неминуемой расправы. Тельман небрежно прищёлкнул пальцами — и они буквально растворились в воздухе, а я нервно хихикнула: мы два сапога пара.

— Крейне, — он осторожно потянул меня за край рукава в сторону своей комнаты. — Целители сказали, что ты в порядке, но... Надо поговорить.

А в королевских покоях, между прочим, одна Вирата устроила маленькую перестановку...

— Давай поговорим здесь, — решительно заявила я. — Мне нужно наведаться к Пирамиде. Ещё раз. Можно завтра... когда там Совет Одиннадцати?

— Крейне, — он так и не отпустил моего рукава и смотрел на меня... нехорошо. Не со злостью, но как-то слишком уж пристально. — Что произошло? Ты под землю провалилась, а потом обнаружилась милостивая Шиару знает где, вся расцарапанная, словно... А сейчас ты говоришь мне, что нужно опять туда "наведаться"? Где ты была? Что случилось?

— Не помню, — ответила я, глядя в его серые глаза, как в зеркало. Девушка, отражавшаяся в них, убедительной не была. — Ничего не помню. Не спрашивай.

— Не помнишь, но хочешь пойти ещё раз? Крейне, я и ещё десять человек, мы все видели, как ты провалилась под землю! С десятком лизаров! Я чуть с ума не сошёл, я думал, что больше тебя не увижу, что... Скажи мне. Сначала ты, — он морщится, но договаривает, — сбежала из Дворца с Рем-Талем повидаться с магами. Просто так, как будто

это в порядке вещей, и не сказала мне, зачем, почему, ничего мне не сказала. Да, на тот момент мы с тобой и не говорили толком. Но сейчас мы вроде бы заключили перемирие, а ты мне попросту врёшь, и... Я думал, что-то изменилось между нами... Крейне, какие у тебя могут быть дела с магами? Что бы у тебя не происходило... не ходи к ним. Я знаю, чем это может закончиться. Я никуда тебя не выгоняю, я действительно хочу тебе помочь, просто скажи мне...

— Чем? — спросила я, зачарованная его встревоженным взглядом, которому очень хотелось верить. Несмотря на все его выходки, его голос в разговоре с Тирой... — Чем это может закончиться?

— Они ищут девятую.

У Тельмана на мгновение дрогнуло лицо, лоб пересекла золотистая дуга, и я испугалась, что он сейчас взорвётся, расколется, и из трещин хлынет наружу не кровь — золотой концентрированный солнечный свет. Не выдержав, я протянула руку и коснулась его виска. Свечение моментально погасло, а Тельман дёрнулся — но не отпрянул, так что моя рука по-прежнему лежала на его виске, и мы замерли, глядя друг на друга посреди пустого коридора перед закрытой дверью.

Глава 52. Криафар.

На секунду, точнее — одну сотую долю шага — я забываю обо всём, глядя в серые глаза Тельмана, сквозь топкую глубину которых пробивается золотое свечение. Мне хочется обнять его, обхватить руками, ногами, почувствовать, наконец, что он настоящий, реальный, живой, а не только внезапно материализовавшийся морок из моих фантазий. Но Тельман мягко разрывает наш физический контакт, опускает руку.

— Ты теперь можешь... — шепчу я, а он отводит глаза:

— Не знаю. Всё ещё не по себе, но уже не так страшно, как раньше, — он снова проводит пальцем по моей щеке, а у меня руки немеют от этого простого прикосновения.

— Что-то изменилось? Но почему?

— Тогда, в пустыне, когда я тебя нашёл... Я думал, тебя уже нет, — с кривой ухмылкой сообщает Тельман, словно стыдясь проявленных чувств. — Ты была вся в крови, и я... в общем, подумал, что уже нет никакой разницы. А потом... не знаю, как объяснить, не знаю, почему, но мне вдруг стало немного легче. Я даже смог взять тебя на руки.

...значит, это всё-таки был он.

— Ты такая лёгкая, — Тельман, чуть наклоняется и целует кончик моих волос. — Пожалуйста, расскажи мне всё.

Я даже открываю рот, чтобы переспросить, какое именно "всё" он имеет в виду — и вспоминаю.

Рассказать? Я тебя слепила из того, что было... Это я придумала гибель твоей матери. Я наделила тебя странной болезнью, из-за которой ты считаешь свою жизнь испорченной и прошедшей зря. Я даже фенекая твоего не пожалела — так ведь жалостливее для читателей. Ты был моей марионеткой, Тельман Криафарский, одной из многих, по сути — ничего не значащей для меня, но теперь всё изменилось, я больше не буду. И кстати, я вынашиваю план побега. Помоги мне поговорить с безумицей, вызвавшей ярость каменных драконов. Я ничего не могу тебе обещать, я уйду и больше никогда не вернусь, может быть, я что-то исправлю, но это не точно... Я даже не могу тебе объяснить, почему не могу остаться, просто чувствую, что не могу — и всё.

Прекрасный текст.

— Мне нечего тебе рассказывать. Я хочу познакомиться с этим миром, попробовать что-то исправить — что в моих силах, разумеется. Тебе, похоже, на него плевать, если тебя как следует не подпинавать. А маги могут помочь, и никакой "девятой" я становиться не собираюсь, мне как-то не близка идея, что из моего организма вырежут органы, которые совершенно не кажутся мне лишними.

— Значит, вы это уже обсуждали?

— Ничего мы не обсуждали, ну, они что-то про это говорили, но ты же не думаешь...

— Я думаю, что ты не так проста, Крейне Криафарская.

Мы снова смотрим друг на друга.

— Повторяю, мне нечего тебе сказать, кроме того, что я уже сказала. Либо ты мне веришь, и я еду с тобой, либо не веришь, и я действую без тебя.

— Иди сюда, — он вдруг хватает меня за предплечья и втаскивает в комнату, захлопывает дверь, прижимая меня к двери. Отдёргивает руки.

— Неприятно? — мне с ним не страшно. Может быть, зря, но дело, похоже, не только в этом странном иммунитете. Мне просто... с ним не страшно.

— Уже почти терпимо. Наверное, это совсем пройдёт со временем, и тогда мы... Крейне, кто ты?

— Я же тебе говорила, — отвечаю и не знаю, плакать или смеяться. — Я та, которая тебя придумала. Закрой глаза, Тельман.

Я набрасываю себе на лицо край полупрозрачной арафатки, до этого завязанной небрежным узлом на плечах, как шаль. Наклоняюсь и целую в подбородок через эту тонкую преграду.

В щёки. В губы.

Словно мы уже попрощались. Словно через экран.

— Мне нужно ещё раз съездить к Пирамиде. Завтра.

— Я не могу завтра. Я обещал отцу... Послезавтра, хорошо?

— Тогда отпусти меня с Рем-Талем. Я не могу ждать.

Тельман сдёргивает края ткани и смотрит мне в лицо безо всяких преград.

— Нет. Это опасно. В любом случае — не с ним.

— Бред какой-то! Странная у тебя ревность, мой Вират. Двойная мораль.

— Что ты имеешь в виду?

— Да хотя бы твою стражницу.

— В каком смысле?

— В том самом, Тельман. Я не глухая и не совсем уж глупая. И, возможно, не имею права в чём-либо тебя упрекать, вот только не стоит всех мерить по своей мерке.

— Всё не так, Крейне! То, что я сказал, я же не... — он оборачивается и застывает на месте, глядя на пустое место там, где ещё с десятков шагов назад стояла кровать, такими круглыми, как у лизара, глазами.

— Ты что вытворяешь?! При чём здесь была моя кровать?!

Ну упс, никакого раскаяния по этому поводу я не испытываю, только чувство глубокого удовлетворения.

— Вру.

Тельман смотрит на меня так, как будто изображение в глазах двоится.

— Вру, потому что на самом деле я тебя упрекаю. При всём уважении к прекрасной Тире Мин, я не собираюсь спать в этой кровати после неё.

— Я никогда с ней не спал в этой кровати!

— А где тогда?

Тельман меняется в лице:

— Чего ты от меня требуешь, если постоянно твердишь, что собираешься уйти? Если ты сама скрываешь... Что ты вообще можешь от меня требовать?!

— Ничего, — говорю я резче, чем планировала, и распахиваю дверь, но всё же заставляю себя повернуться к Тельману. — Какого сопровождающего к тебе позвать?

— Никого, — он выходит первый. — Хватит. Всего хватит. Всех. И тебя в том числе. Делай, что хочешь, Вирата Крейне.

— Вират, вот вы где! — невысокий, но крепкий, и тем не менее запыхавшийся мужчина в немаркой одежде слуги появляется в коридоре. — Вот вы где! Вират Фортидер беспокоился, он искал вас, потому что через пять шагов начнётся...

Внезапно остановившийся Тельман делает стремительное движение рукой вперёд, выбрасывая снизу кулак, впечатывающийся в подбородок несчастного гонца — совершенно беззвучно, но у меня в ушах звучит противный хруст сломанной кости. Не ожидавший такого поворота слуга не успевает отклониться и, так и не издав не единого звука, падает на каменный пол.

— Ты с ума сошёл?! — у меня голос становится противно-писклявым и хриплым одновременно.

Тельман на несколько десятых шага замирает, словно и сам не понимает, что он только что сделал, а потом резко перепрыгивает через неподвижно лежащего слугу и исчезает в коридоре.

Спустя ещё пару мгновений передо мной материализуются стражники.

— У вас всё в порядке, Вирата? — тревожно спрашивает один, в то время как двое других подхватывают отправленного в нокаут собрата.

— Ему надо оказать помощь, — выдавливаю я из себя, но стражники только мотают головами: не извольте, мол, беспокоиться, всё будет в лучшем виде, Вират изволил зло сорвать на ни в чём не повинном слуге, дело-то житейское!

— Совсем уже, — бормочу я себе под нос. — Это уже просто ни в какие... Это уже вообще! Ну и пошёл он, ну и...

Поворачиваюсь к стражнику, снова стоящему у дверей в комнату Тельмана восковой свечой. Жертву виратского плохого настроения уже унесли, точно испорченный реквизит со сцены. Жаль, что душевное состояние не меняется так легко, как маска на лице актёра.

— Где я могу найти Стража Рем-Таля?

Стражник колеблется не более сотой доли шага.

— Проводить вас, Вирата?

— Будьте так любезны.

* * *

Лабиринтом каменных коридоров мой безымянный провожатый ведёт меня в небольшой кабинет, который, оказывается, имеется у Стража трона. Каменная дверь полуоткрыта, и я, после недолгого колебания, стучу: всё-таки власть развращает, и я только что имела возможность в этом убедиться.

Рем-Таль появляется на пороге, на нём тёмно-зелёный камзол с чётко очерченной линией плеч, двойным рядом металлических пуговиц и стоячим воротничком, напоминающий военный мундир, и сам он, по-военному подтянутый и строгий, смотрит на

меня непроницаемым строгим взглядом. Красивый, только светлые волосы придают ему неуместно романтический флёр. На его месте я бы их красила — для солидности.

— Вирата?! Как вы себя чувствуете?

Уже, стало быть, в курсе моего феерического подземного провала. За его спиной я вижу стоящую у каменного стола Тиру Мин, и все нужные слова разом выпадают из головы.

— Всё в порядке.

— Что-то случилось?

— Ничего, — отвечаю я невпопад. — Так просто, мимо проходила.

Угу, хожу, гуляю, во все двери стучу развлечения ради...

— Через пару-тройку шагов начнётся Совет Одиннадцати. Вы идёте? Вы достаточно нормально себя чувствуете, чтобы присоединиться?

— Да, — говорю я просто, чтобы что-то сказать. — Да, конечно. Надеюсь, там будут обсуждать не меня? Я ничего не помню.

— Думаю, что нет, Вират Тельман не предал произошедшее огласке.

— Но ты... вы в курсе.

— Да, он спрашивал меня, не происходило ли что-то подобное в наш с вами совместный визит к Пирамиде.

— Ясно.

На самом деле, мне ничего не ясно, но заседание Совета — неплохой повод переключиться.

— Так вы идёте? — мягко напоминает Рем-Таль.

Невозможно представить его творящим глупости. И сейчас мне хочется просто пожаловаться ему на всё и услышать парочку советов или утешений — таких же сдержанных и надёжных, как он сам. Но я держусь.

— Иду. Идёмте. Идём. Мне тоже есть, что сказать.

Пусть даже Тельман всех переубивает после этого!

Рем-Таль выходит, и в этот момент Тира Мин подаёт голос:

— Вирата... Прошу вас, уделите мне четверть шага. Прошу вас. Я не задержу вас надолго, Вирата Крейне.

Глава 53. Криафар.

Рем-Таль выходит, и в этот момент Тира Мин подаёт голос:

— Вирата... Прошу вас, уделите мне четверть шага. Прошу вас, я не задержу вас надолго, Вирата Крейне.

— Слушаю, — нейтрально отозвалась я, разглядывая привычно отрешённое от мирских сует, красивое и правильное лицо Стражницы, которое так резко контрастировало с взволнованным голосом, будто кто-то сторонний чревовещал, прикрываясь куклой из театра бибабо.

— Я Страж трона, я подчиняюсь коронованным особам, я подчиняюсь всем Криафарским, — проговаривает Тира Мин. — Прошу вас, освободите меня от моих обязанностей.

...ожидаемо. И какой соблазн согласиться сразу — пусть идёт на все четыре стороны!

— Вы не хотите больше служить Вирату? — это вообще не моё дело, Тельман ничего мне не должен, мне нет дела до того, с кем он спит, мне безразлична судьба этой странной девушки!

...нет, не безразлична.

— Я хочу служить Вирату, и Криафару, и вам, Вирата, только иначе. Когда Вират был... одинок, в моём сопровождении была постоянная необходимость... сейчас это не так. Я могу приносить пользу трону и стране другим способом. Например, став частью вооружённых отрядов, сопровождающих дипломатические миссии.

— Не сомневаюсь.

И это было бы правильно — со всех точек зрения. Не знаю, почему я медлю. Не хочу расспрашивать её, потому что мне всё равно будет неприятно узнать правду. Потому что не хочу афишировать свою заинтересованность. Потому что...

— Вирата, однажды, как вы помните, я помогла вам, теперь прошу вас помочь мне, — внезапно напряжённо произнесла Тира Мин, очевидно, по-своему интерпретируя моё молчание. — Прошу... настоятельно.

А вот это уже любопытно...

— Помогла? — как можно нейтральнее повторила я.

— Не беспокойтесь, я всё помню... Я сдержала своё слово. Я никому ничего не сказала и не скажу.

Моргаю.

— Вы обещали.

Прекрасно. Просто прекрасно, кому и что наобещала наивная Крейне?! А расхлябывать и разбираться мне.

— Совет начинается, Вирата, — словно извиняясь, добавляет Стражница. — Нам надо идти. Вы подумаете над тем, что я сказала?

— Непременно, — механически киваю я. — Подумаю. Хотелось бы только поподробнее узнать о причинах.

«И об оказанной тобой услуге»

— Вират был... резок?

— У меня нет ни малейшего повода в чём-то упрекать Вирата Тельмана, — спустя крошечную паузу говорит Тира Мин. — Я просто хотела бы чего-то нового. Чего-то большего.

— Понятно. Я думаю, нам стоит вернуться к этому разговору после Совета.

— Как прикажете, Вирата.

* * *

В этот раз Совет Одиннадцати был совсем уж немногочисленным. Вират Фортидер, ещё более похудевший, бледный, с каким-то серым оттенком кожи и синяками под глазами, недовольно поджатыми узкими бесцветными губами, Рем-Таль, каменным изваянием застывший за его спиной, шесть виннистеров — Риан, злоупотребивший властью виннистер Охрейна, разумеется, отсутствовал, — и я.

Тельмана также не было, и, судя по всему, причина недовольства Вирата была именно в этом. Ищут ли его? Или, судя по отсутствию паники в массах и присутствию Первого Стража, уже нашли?

Паники действительно не наблюдалось, но общая атмосфера была, мягко говоря, угнетающей, виннистеры нервничали. "А рыльца-то у всех в пушку!" — злорадно подумала я. Впрочем, в бега никто не подался — и то хорошо.

Вират Фортидер сделал недвусмысленный жест рукой — и я подошла ближе, ожидая расспросов, вопросов о самочувствии, может быть, укоров — за то, что пришла одна, за то, что сбежали тогда с Тельманом из Охрейна, что провалилась под землю — неподобающее

для коронованной особы поведение! — да мало ли чего. Но старый король только оглядел меня с ног до головы и довольно невнятно пробормотал:

— А ты не так проста, Вирата Крейне.

И он туда же!

Совет начался с краткого резюме Вирата, посвящённого нашему недавнему визиту в криафарский оазис, выявленным нарушениям, коррупции, попраным традициям и всему такому прочему, совершенно недопустимому для мира, и без того не ходящего в любимчиках у божеств. Об участии виннистера Риона не было сказано ни слова, но я и без этого прекрасно понимала, что вряд ли седоусый мздоимец до сих пор коптит светло-апельсиновое небо Криафара. Смертная казнь была в ходу, содержать тюрьмы и кормить заключённых — слишком дорого, никого не интересовала невыгодная гуманность.

Вслед за старым королём слово перенял Рем-Таль, так естественно и непринужденно, как если бы он сам был непосредственным участником событий и в крайний наш визит в Охрейн отправился с ними третьим. Его речь оказалась выше всяких похвал: систематизированной и лаконичной, исключительно факты, подтверждённые цифрами: такие-то неизбежные расходы и такие-то доходы на бумаге, такие-то доходы и расходы на самом деле.

Разница на слух действительно впечатляла. Экономии на благополучии, безопасности и комфорте трудовой деятельности простых работников, на необходимых процедурах по восстановлению плодородия почвы, даже на условиях содержания животных... Фриок, кругленький невысокий мужичок, заведующий финансами, нервно взмахивал тонкими руками, пытаясь вмешаться, оправдаться и объяснить: так или иначе, деятельность каждого из министров была не столь уж автономна, и вопросов накопилось немало не только к единственному пока проколовшемуся взяточнику. Брастер, типчик с прилизанными тёмными волосами, занимающийся торговлей, бегал глазами так сильно, что, казалось, они вот-вот выскочат из орбит и заживут собственной автономной жизнью. Довольно безмятежно выглядел, пожалуй, ответственный за добывающую отрасль виннистер Кравер — то ли и впрямь был честным бессребреником, то ли уже успел всё подчистить. Трайнер, высокий и тощий виннистер по военным делам, откровенно скучал. Ристур — дружелюбный блондин, руководящий взаимодействием с иными странами — с сонной улыбкой поглядывал по сторонам, то и дело встречаясь взглядами со мной, но в глубине его светлых голубых глаз, таких, казалось бы, открытых и доброжелательных, мне вдруг почувствовался острый оценивающий холод.

— Вирата, не желаете ли чего-нибудь добавить к уже сказанному? — во время очередной внезапно расколовшей пространство паузы проговорил вдруг Вират Фортидер, и все, абсолютно все, в том числе, нервный безликий виннистер мирской жизни Преган, уставились на меня.

Захотелось откашляться — или хотя бы залезть под стул.

— Ну...

Да, высказаться я хотела, но вот так, внезапно, оказалась не готова. К тому же, как ни глупо это было, я изначально рассчитывала на присутствие Тельмана, на его поддержку и помощь — какие с лихвой получила в самом Охрейне.

Увы.

— Насколько мне известно, Вирата, именно вы инициировали столь стремительное внеплановое посещение Охрейна, — безжалостно продолжал Вират Фортидер, — У вас

были какие-то подозрения? Чем они были вызваны?

— Эм... Не совсем так. Скорее, в отношении Охрейна у меня были планы.

— Планы? — король поднял домиком узкие реденькие седые брови. — Что вы имеете в виду, Крайне?

Не исключено, что сейчас меня закидают камнями — или бросят на съедение камалам за святотатство. Но отступить уже некуда.

— Криафар нуждается в воде и пище, в древесине и тканях. Один Охрейн не покрывает всех потребностей, его потенциал не бесконечен. Тем не менее, это поразительное место, истинный Мируш на земле. Необыкновенный воздух, уникальный растительный и животный мир, но главное даже не это, — виннистеры смотрели на меня как экзаменационная комиссия на не слишком изобретательного школьника, уверяющего всех и каждого, что вот эти вот бумажки с ответами были подсунуты инопланетянами или орденом тамплиеров. Без энтузиазма.

— Я предлагаю приглашать в Охрейн группы обеспеченных турист... гостей из соседних государств. Как в место, благословлённое самими духами-хранителями. Разумеется, нужно принять ряд мер, подготовить территорию, обучить сотrud... Обслуживающий персонал. Организовать угощения. Сочинить прекрасную легенду. Оформить су...вениры, — закончила я уже довольно тихо. Из уважения, вероятно, к моему титулу, присутствующие выслушали меня, не перебивая, но стоило мне замолчать, как они не замедлили с комментариями.

Весьма ожидаемыми комментариями.

— Но, Вирата! Как вы себе это представляете?! Посторонние в Охрейне? Иностранцы в Охрейне?!!

— Регулярные визиты? Это угроза уникальной местной экосистеме!

— Это угроза государству в целом!

— Превратить святое место в подобие разухабистой таверны?!

— Осквернить святыню?!

— Вновь нарваться на гнев духов-хранителей?

Я не знала, кому первому отвечать, возражающих было не так уж много, но эмоции хлестали через край. "Лучшая защита — нападение", — наверное, робкая улыбка на лице нимфоподобной Крейне могла показаться беспомощной и виноватой. Но меня вдруг начали отчётливо раздражать эти самодовольные рожи отъевшихся бездельников и бюрократов, которых, по большому счету, всё вполне устраивало — пока это «всё» удовлетворяло их собственные интересы.

— Если милостивую Шиару и благостного Шамрейна не оскорбляет зрелище умирающих от голода людей, струпов, промышляющих каннибализмом, если им нравится созерцать бесчисленные каменные развалины посреди песка и человеческих костей...

— Вирата права, — внезапно подаёт голос единственный до этого момента молчавший виннистер Ристур. — Это было бы перспективное направление. Силай, Травестин, Алдорг. Уверен, что многие были бы готовы заплатить, чтобы увидеть Криафарское чудо воочию. Конечно, травестинская религия потребует установки маленького алтаря своего огненного хранителя, из чёрного дерева, верно, Вирата? — я неуверенно кивнула, — Но, думаю, это не препятствие...

— Алтарь чужих богов в Охрейне??

Возмущение вспыхнуло с новой силой, как угасающее пламя, в которое подлили масло.

— Молчать! — рявкнул Вират Фортидер. — Раскудахтались, как бабы на ярмарке.

Тишина наступила мгновенно, но и она была упрекающей, какой-то сердитой тишиной.

— Продолжай, Крейне.

Вират сказал это деланно небрежно и сухо, но, несмотря на демонстративную строгость, я вдруг расчувствовалась, как если бы он назвал меня дочкой.

И я продолжила, всё больше увлекаясь собственными идеями, по большей части вполне безумными для криафарцев, никогда не слышавших о СМИ, маркетинге, пиаре да и вообще рекламе, туризме, налогах для богатых, меценатстве и прочих вещах, набивших оскомину обитателям моего мира, но таких новаторских, дерзких и поразительных здесь.

— Я думаю, Совет нуждается... в передышке, — наконец произнёс несколько оторопевший и даже слегка раскрасневшийся король. На советников-виннистеров страшно было даже смотреть... Понабрали ретроградов! — Что-то хотела добавить ещё, Вирата?

— Буквально самое последнее, — я облизнула пересохшие губы. Тельман сам виноват, такое шоу пропустил со мной в главной роли. Между прочим, всё, что я предлагали, было от первого лица, множественного числа, так что теперь всё уверены, будто мы заодно и сообща выдумывали эти крамольные новшества. — Я бы хотела предложить на роль нового виннистера Охрейна Первого Стража трона.

Насладилась ещё одной ошеломлённой паузой и тем, как по-детски вдруг дрогнули губы Рем-Таля. И трогательным удивлением в несомненно случайно сорвавшемся с этих губ вопросе:

— Меня?

* * *

— Я полагаю, — Вират Фортидер вытер вспотевший лоб. — Нам всем нужно обдумать поступившую... Информацию. Предлагаю провести дополнительное собрание... послезавтра.

Он явно хотел что-то ещё сказать, но навалившаяся усталость была сильнее, а я с тоской вспомнила о том, что его время истекает. И всё-таки не удержалась и подошла, жестом остановив слуг, уже ухватившихся за переносной трон своего Вирата:

— Позвольте навестить вас сегодня или завтра, после того, как вы отдохнёте, разумеется? Хотя сегодня уже довольно поздно...

— Ничего, — с неожиданной теплотой проговорил король. — Я очень поздно ложусь и рано встаю, успею ещё налегаться... В любом случае, увидимся на новом Совете, милая. Надеюсь, Тельман... Впрочем, боюсь, надежда в данном случае обречена на провал.

— Именно о нём я и хотела бы поговорить, — вздохнула я. — Но я не считаю, что он безнадежен. И попросила бы вас не говорить о нём так. Вы нужны ему больше, чем кажется. Ваша поддержка...

— Ему никто не нужен, — горько хмыкнул король. — Доброго вечера, Крейне. Кто бы мог предположить, какие интересные мысли скрывает эта очаровательная девушка, а, Рем? Я думаю, с твоим назначением она совершенно права, странно, что эта мысль не пришла мне в голову... С простыми и очевидными решениями так бывает.

Я облокотилась о стену и подумала, что всё же неплохо бы выпить воды, пока я сама не превратилась в маленький островок пустыни и камня, но в этот момент передо мной возник виннистер Ристур:

— Моё почтение, Вирата. И искреннее восхищение. Хочу, чтобы вы знали: я целиком и полностью на вашей стороне. Новшества, прогресс — это прекрасно. Мир напрасно раньше

времени похоронил Криафар, мы ещё им покажем, на что способны... — он поклонился, а потом внезапно подмигнул мне и тихо, совсем тихо произнёс. — Да, кстати. Алтари в Травестине никогда не изготавливают из чёрного дерева. Маленькая деталь, знакомая любому жителю этой замечательной страны. Вашей Родины, верно, Вирата?

— После продолжительной болезни у меня есть некоторые проблемы с памятью, — я постаралась беспечно улыбнуться, но внутри... Тельман, Фортидер, теперь ещё и этот хитрый котяра... Всё больше людей замечают, что со мной что-то не так, а я, вместо того, чтобы неприметно заниматься своими делами, лезу на рожон! Надо бежать, надо уходить отсюда!

Остальные виннистеры, к счастью, ограничились лёгкими поклонами, сохраняя на лицах вежливое недоумение. Наконец, кроме нас с Рем-Талем в зале заседаний никого не осталось.

— Где Вират Тельман? — поинтересовалась я, стараясь, чтобы тон был светским.

— Я был здесь, с вами, Вирата, к сожалению, не могу знать... Но Вират Фортидер распорядился, чтобы сегодня слуги сопровождали его, а не Стражи.

Что ж, наверное, можно не волноваться. За вздорным взрослым мальчиком приглядят, благо, заботливых нянек тут более чем.

— Хотите что-нибудь, Вирата? — вдруг спросил Рем-Таль, а я честно ответила:

— Пить.

— Если вы не возражаете... Я бы хотел Вам кое-что показать. Нужно только пройти в мой кабинет. Сегодня мне как раз привезли очень редкое и, говорят, необыкновенно вкусное силайское вино. Уверен, вы никогда такого не пробовали. Не желаете присоединиться?

Я честно собиралась отказаться, но вдруг вспомнила, что возвращаться мне, по сути, некуда. Вещи из моей комнаты перенесли в комнату Тельмана, а идти сейчас к нему...

Тоже мне, королева!

— Что ж... Не знаю, как насчёт вина, возможно, для начала будет достаточно простой воды. Идём, Рем-Таль.

Глава 54. Криафар.

В небольшом кабинете Рем-Талья царила поистине волшебная атмосфера. В этом укромном уголке каждая вещь располагалась удобно, словно на своём месте, единственно правильном. Раньше мне казалось, что способность создавать такую домашнюю обстановку на рабочем месте — привилегия женщин, но нет: Первый Страж короны сумел выстроить пространство буквально по фэн-шую, если бы только в Криафаре знали, что такое фэн-шуй. Большой и надёжный каменный стол со скруглёнными углами, пара удобных стульев, больше напоминающих кресла, мягкая бордовая шкура-ковёр на каменном полу, бесчисленные аккуратно пронумерованные тома на полках. Ничего лишнего, никаких безделушек, и в то же время ковёр был аккуратно расправлен, ни одна книга не торчала вперёд другой. Несмотря на каменные стены, температура внутри была самая комфортная, свет — мягкий, тёплый, и, что самое удивительное — ни пылинки.

Я выпила предложенной воды, с наслаждением ощущая целительную влагу в пересохшем рту.

— Здесь... мило, — неловко сказала я. — Только, наверное, ты бываешь здесь нечасто из-за службы?

— Очень редко, — Рем-Таль пропустил меня вперёд, затем зашёл следом и плотно закрыл дверь за собой. Извлёк откуда-то из-под стола бутылку изумительной формы

свернувшейся клубком випиры со светло-зеленой жидкостью внутри и два небольших бокала — компромисс между бокалом и рюмкой.

— Не возражаете, Вирата?

Дегустировать новый алкогольный напиток я, сказать по правде, не жаждала: местное спиртное слишком сильно на меня действовало, на меня — или на худенькое юное тело Вираты Крейне. Валяться в беспомощности я больше не могла себе позволить, но и обижать отказом Стража, в кои-то веки проявившего эмоции и имевшего на это веский положительный повод в связи с новым назначением, не хотелось. Поэтому я кивнула, понаблюдала за тем, как неторопливая дымящаяся струйка зеленоватого оттенка перетекает из дизайнерской бутылки в бокал, взяла его в руки, поразившись тому, что вино оказалось горячим и приятно согрело руки, вдохнула мятный аромат и сделала вид, что пригубила — по опыту посещения многочисленных студенческих вечеринок отвязных филологов я знала, что иногда проще не спорить, а делать вид, будто ты в общей струе — проверять никто не будет, важен сам факт.

— Как много книг! — продолжила я светский разговор, потому что Рем-Таль вдруг замолчал, уставившись в одну точку. Я заметила, что свой бокал он тоже отставил в сторону нетронутым.

— Это не книги, — Страж словно очнулся от забытья. Вытащил один из фолиантов и протянул мне. Это действительно оказалась вовсе не книга, а скорее какой-то финансовый отчёт — цифры, списки...

— Что это?

— До того, как Вират Фортидер отошёл от дел в связи с... болезнью, он отдавал мне на проверку и изучение большую часть документации, поставляемой виннистерами. Последние два года эта практика, разумеется, не поддерживалась.

Я как-то по-новому посмотрела и на кабинет, и на самого Рем-Талья. Прошлась, насколько позволяло пространство, наугад вытащила ещё несколько увесистых кожаных папок, полистала исписанные разными, но одинаково убористыми, экономными почерками сверки и сводки.

— И ты действительно всё это изучал и читал?

— Разумеется, Вирата. Мне это было интересно, эти труды только кажутся бессмысленными и мёртвыми, но когда-то именно за этими цифрами пряталась жизнь Криафара. В них есть особая магия, измени одну — и у кого-то изменится судьба.

— Верно. Просто это требует не только времени, но и сосредоточенности, внимания, памяти...

— Просто интереса, Вирата. Знаете... когда Вират Фортидер предоставил мне шанс работать в Каменном Замке после смерти матери, я был ещё почти ребёнком и часто фантазировал о том, что на самом деле он — мой отец, и однажды я смогу занять его место, я имею в виду — законно занять. Вират на самом деле очень тепло относился к моей матери, хотя, разумеется, эти детские мечты были беспочвенны, — Рем-Таль то ли вздохнул, то ли хмыкнул. — Я так хотел быть на него похожим, я хотел, чтобы он уважал меня. А потом мне действительно стало интересно. Но за два последних года многое изменилось. Раньше... я не допустил бы того, что произошло в Охрейне.

— Не сомневаюсь, не допустил бы, — откликнулась я эхом. — Жаль, что в Криафаре первостепенное значение имеет кровь и происхождение. Вероятно, однажды всё изменится, но, увы, не скоро.

Сложно было сказать, соврала я или нет. Конечно, Тельман был весьма паршивым правителем, точнее, он ещё вовсе не был правителем дольше солнцестоя в совокупности, но я почему-то не хотела ставить на нём крест. Может быть, я просто оказалась в стане бесчисленной армии наивных и самоуверенных женщин, слепо верящих в то, будто они могут изменить мужчин сиянием своих прекрасных глаз. Может быть, я просто создавала его не таким — но в итоге, как я уже не раз убеждалась, миру это не помешало жить своей собственной загадочной жизнью.

— Однако прецедент был, — полушутливо произнёс Рем-Таль, поднёс ко рту бокал, но глоток так и не сделал, как и я, вдохнул аромат. — Примерно за триста семьдесят лет до проклятия на криафарском троне около сорока лет правил бывший министр мирских дел Вират Огул. Правда, у него не было детей, так что после его смерти престол вернул себе внучатый племянник бывшего Вирата, но тем не менее.

— Это было давно и неправда... как говорят у нас, в Травестине, — я тоже постаралась говорить беспечно. — Как это его угораздило?

— Большая часть библиотек и летописей погибла после проклятия, но говорят, он был выдающимся политиком, а кроме того, его полюбила Вирата... Романтичная байка или всё же правда, как вы думаете? История порой столь причудлива, Крейне.

Я делаю вид, что не заметила фамильярного обращения. Не заметила более чем откровенного намёка. И не знаю, что сказать, и уже жалею, что пришла. Делаю маленький глоток, едва касаясь губами непривычно-тёплого сладкого напитка, отворачиваясь к очередной полке.

— Да, настоящая история порой... удивительнее выдуманных книг. Что ты собирался мне показать?

— Уже хотите уйти?

— Я устала, Рем-Таль.

И это правда. Веки становятся непривычно тяжёлыми, и я с трудом удерживаю глаза открытыми. Даже дышать мне местным спиртным противопоказано!

— Я не задержу вас надолго. Просто вспомнил, что примерно год назад набросал кое-какие заметки. Думал, вам будет любопытно, Вирата. Ваше сегодняшнее выступление на Совете...

— Ты меня осуждаешь?

— Я вами восхищаюсь.

Я послушно открываю очередную папку, впрочем, легче и тоньше прочих, ослабевшие пальцы и такую едва удерживают. С трудом напрягаю глаза, чтобы вчитаться в текст, отклоняюсь назад, пытаюсь найти какую-то опору — и опираюсь на стоящего за спиной Рем-Талья.

Это неправильно, но у меня не хватает сил сопротивляться. Против всякой логики подношу к губам бокал — но в этот момент Рем-Таль аккуратно вынимает его из моей руки.

— Сначала прочтите, Вирата. Пожалуйста.

Я читаю. Это действительно просто заметки, не план, не программа, но мне становится почти смешно — даже усталость чуть-чуть отступает — от того, насколько мысли и идеи Первого Стража по поводу Охрейна созвучны моим собственным. Разумеется, у него не было моих иномирных знаний, поэтому многие рассуждения отличались определённой наивностью, но в целом... Да, идея показывать благословенный Охрейн за деньги и втридорога продавать за границу продукты из "святого" места для того, чтобы у тех же

иностранцев покупать то, что попроще, только в два-три раза больше — и накормить в итоге в два раза больше людей — была и у меня. А вот про ужесточение наказания за "мародёрство" струпов, не желающих принимать скудную, но спасительную государственную помощь, вплоть до лишения неблагодарных отступников жизни на месте, я, разумеется, не говорила ни слова, даже близко не думала, но...

Но в целом наши идеи были очень и очень созвучны друг другу. Глупо было это отрицать — мы мыслили в одном направлении. Вот только сейчас я вообще не мыслила, ноги подкашивались.

— Видите, Вирата? Вы и я...

Ладони Рем-Таля легли мне на плечи, неназойливо, словно удерживая от неминуемого падения.

— Отведи меня, — говорю я в полусне. — Я действительно...

— Куда вы хотите?

Станный вопрос. Ах, да, мы же вроде бы поругались с Тельманом... Но его отсутствие меня беспокоит, и я заставляю себя говорить увереннее:

— В спальню Вирата Тельмана. Куда же ещё.

Кажется, про "подкашивающиеся ноги" — это уже не метафора, я действительно медленно опускаюсь вниз, но Страж подхватывает меня на руки и прижимает к себе. Изображение в глазах качается, как в старом сломанном телевизоре, но, открыв всё-таки сомкнувшиеся веки, я обнаруживаю, что мы по-прежнему в кабинете Рем-Таля — и он никуда меня не несёт, только укачивает, словно ребёнка. И его голос, возможно, мне просто снится:

— Чем он лучше меня? — дыхание Рем-Таля обжигало висок. — Почему он всегда и во всём был впереди, он же совершенно ничтожный. Слабый. Никакой.

— Он не лучше тебя, ты прав, ты совершенно прав, — я вырисовываю пальцами узоры и линии на его груди. — Просто он — это он. Так оно и бывает. Дело вообще не в списках достижений. Я ведь его любила, кажется, ещё до того, как увидела. Я сама его для себя создала... как будто, — повторяю, но в глубине души уже не уверена в этом так, как раньше. Каким бы ни был Тельман в моих фантазиях, в реальности он оказался совершенно другим. В чём-то лучше, в чём-то гораздо хуже.

В жизни так тоже бывает.

— Иногда мне кажется, Вирата, что вы вообще создали весь этот мир.

Его пальцы мягко поглаживают мой бок. Вот-вот коснутся груди. Вот-вот мы перейдём грань, на которой сейчас стоим.

Он, конечно же, гораздо лучше, во всех отношениях. Почему это никогда не было весомым аргументом?

— Отнеси меня, — прошу я. — Там больше нет кровати, там есть ковёр.

— Как и здесь.

Несмотря на своё состояние, в этот момент я знаю, что произойдёт дальше с точностью до сотой доли шага. Рем-Таль мягко опустит меня на бордовый меховой ковёр и опустится следом сам.

А потом он меня поцелует, и я никогда никому не объясню, что у меня просто не было сил ему отказать, что всё происходящее — неправильно и странно...

...то, что открывается дверь, я чувствую по потоку ворвавшегося в кабинет прохладного воздуха. Рем-Таль со мной на руках делает шаг куда-то назад, ещё — и, судя по внезапно

раздавшемуся в тишине неуместно-оглушающему грохоту, задетая им бутылка в виде змеи с редким силайским вином падает и разбивается вдребезги о каменный пол.

Глава 55. Криафар.

Я просыпаюсь и долго-долго моргаю, пытаюсь вспомнить, что произошло накануне.

Вспомнить и понять, где я и что со мной случилось. Эпохальный — в некотором смысле — Совет Одиннадцати, приглашение Рем-Таля, его уютный кабинет, потрясающая бутылка вина в виде змеи, наш разговор со Стражем, моя неожиданная слабость, он берёт меня на руки и...

Ужас какой.

Если сейчас обнаружится, что я вырубилась с одного глотка, а потом переспала со Стражем собственного законного супруга, я точно отправлюсь в мир иной — просто от стыда, совершенно не выдуманного, в отличие от всего этого мира. Да, для Кнары Вертинской подобный поворот событий не стал бы глобальной катастрофой, но вряд ли стоило оставлять Крейне Криафарской такой подарок.

Я ведь планирую оставить её здесь, с Тельманом.

Заметит ли он подмену, а если заметит — будет ли разочарован или наоборот, обрадуется, что взбалмошная супруга снова стала тихой и покорной? Впрочем, стоит мне вернуться по другую сторону экрана, уж я позабочусь, чтобы никто ничего не заметил и все были всем довольны.

Наверное.

И в это "все всем довольны" никак не вписывалась потерявшая сознание и честь Вирата Крейне.

Надеюсь, Рем-Таль одумался — в отличие от меня, он вроде бы оставался в сознании. В сущности, Страж мне действительно нравился...

...Так, лежу не голая — уже кое-что. Но и не в кровати, а на полу. На мягком меховом ковре.

И не одна.

Какая банальщина, никогда у меня даже в книгах такого не было, и вот, пожалуйста — сама вляпалась. Медленно-медленно вытягиваю руку и касаюсь щеки спящего рядом мужчины. А может, всё обошлось?

Кажется, последним кадром в фотохронике моих воспоминаний было ощущение, будто кто-то открывает дверь в кабинет Рем-Таля. А вдруг это был Тельман? И я сейчас с ним?

Его беспутное Величество, удачно и бесппроблемно сочетавшее в себе любовь к эротическим приключениям с левыми девицами и крайне собственническое отношение к несчастной одинокой законной супруге, после такой сцены, достойной мексиканского сериала тридцатилетней давности, Стража бы попросту убил.

Надеюсь, обошлось, надеюсь...

Мужчина просыпается резко, поворачивается ко мне — и по тёмным волосам я понимаю, что, похоже, всё не так уж плохо.

— Привет, — говорю, просто чтобы что-то сказать, ожидая каких-нибудь истерик, обвинений или угроз. Но Тельман — выражение серых глаз непросто разглядеть в темноте — отвечает мне тихо, неторопливо, и в его приглушённом голосе чувствуется улыбка:

— А на кровати было бы удобнее.

— Сделанного не воротишь, — я приподнимаюсь на локте, всё ещё удивляясь тому, что оказалась здесь, и Тельман, кажется, совсем на меня не злится. Вообще не злится.

— Не спал я с Тирой, — вдруг говорит он. — Но, в общем, почти сорвался, хотя до неё мне никакого дела нет, и никогда не было. Думал, что смогу с ней представить, будто я с тобой. Не смог. Лучше и впрямь отправить её подальше. И по поводу Рем-Таля и его новой должности... ты тоже права. Ты во всём права. Кто же знал, что ты окажешься такой мудрой. Такой... необыкновенной.

Знал бы ты, какая я необыкновенная.

— Где ты был? Бродил по закоулкам Каменного Замка и пыхтел, как сердитый фенекай, пока я отдувалась за нас двоих на Совете?

— Примерно так. Поначалу. А потом...

— А потом сбежал из Дворца и в гордом одиночестве бродил по закоулкам района Росы, чувствуя, какой ты молодец и вообще уже совсем взрослый мальчик, ходишь, не держась за папину ручку?

— Хорошего же ты обо мне мнения, — Тельман вздохнул и лёг на спину, закинув руки за голову. — И даже что-то против я не могу тебе сказать. Да, поначалу я злился на тебя, а на самом деле на себя, конечно же, но быстро понял, как это глупо. Правда, на Совет себя пойти так и не заставил. Так что просто занимался делами.

— Ты — и делами?

— Действительно, что-то невероятное, да? На самом деле, ничего толкового я не сделал. Вспомнил наши с тобой разговоры, прихватил несколько стражников и отправился в район Росы. Через пару-тройку солнцестоев начнём постройку первого приюта для струпов — тех, кто захочет сотрудничать. Будем кормить бесплатно дважды в день, предоставим ночлег, дневное пребывание для детишек, а дальше посмотрим. Надо подумать, чем бы полезным занять взрослых, чтобы не бездельничали. Вспомнил, что был один толковый инициативный парнишка с идеей, чем можно заменить почву — какой-то новаторский грунт из песка, щебня и чего-то ещё. Думаю выслушать его повнимательнее через пару дней. Возможно, устроим конкурс на лучшее решение.

— Неужели никто раньше не пробовал устроить теплицы и фермы вне Охрейна?

— Разумеется, пробовали, Крейне! И не раз, и даже не десять раз, но они очень плохо приживались, возможно, дело не только в почве, влаге и климате...

— Хочешь сказать, это часть проклятия?

— Что-то в этом роде. Но ведь это не означает, что надо перестать пробовать, верно?

— Верно, — эхом откликаюсь я. — Какой ты, оказывается, мудрый!

— А потом я вернулся сюда, думая о том, что ты уже, возможно, собрала вещи, и мне придётся ночевать на твоём пороге. А ты — здесь. Спишь, прекрасная, как дух. И это было лучшим подарком. Наградой за всё. Ты здесь. Если хочешь, можешь ещё что-нибудь отсюда выкинуть, стол или стулья. Я не возражаю.

— Не сомневаюсь, что ты и на столе умудрился обесчестить какую-нибудь девицу. Так что спасибо за разрешение. Будет чем заняться завтра.

Я болтаю всякие глупости, а сама думаю о том, что если не Тельман вошёл в кабинет Рем-Таля, то — кто? Впрочем, какая разница... Может, сам Страж опомнился. Может, я преувеличила его якобы чувства — тоже мне, роковая красотка Крейне, а на самом деле муж к тебе и не притрагивается, сочинив убедительную отмазку, а потенциальный любовник не спешит воспользоваться твоей беспомощностью...

— Не хочу спать, — говорю я Тельману. — А ты?

— Тоже. Чем займёмся? Обсудим ещё парочку важных политических дел?

— Дела можно обсудить с утра. Расскажи мне что-нибудь о себе. О своём детстве.

— Это неинтересно, — вроде бы Тельман морщится. — Иногда, когда я вспоминаю всё то, что было, мне начинает казаться, будто вместо меня действовал какой-то другой человек. Не я. Лучше расскажи ты. О Травестине. О своём прошлом, о семье. Я так мало о тебе знаю. Я хочу узнать тебя лучше.

— Обязательно расскажу, — неожиданно для себя самой говорю я. — Однажды я обязательно всё тебе расскажу, но не прямо сейчас. Знаешь... Давай лучше сыграем во что-нибудь?

— Сыграем? Во что? — судя по всему, Тельман уверен, что он ослышался.

— Здесь есть какие-нибудь игры? Вообще в Криафаре?

— Игрушки?

— Нет, игры, ну... как бы тебе объяснить... Средства для досуга? Ладно, милостивая Шиару, проще показать и научить, чем объяснять.

Тельман не понимает моих разъяснений, спустя шаг я бросаю это бестолковое занятие, поднимаюсь, трясущимся фонарь из горячего сланца, нахожу бумагу и перья и трачу как минимум шага три, чтобы поведать Тельману правила.

— Как называется эта забава? — мой Вират смотрит на меня с настороженным сочувствием здорового человека, впервые посетившего психдиспансер. — Крестики... Нолики?!

— Да. Начнём с чего-нибудь простого. Потом научу тебя играть в морской бой.

— Но в Травестине нет моря!

— Это игра из Силая. Да какая разница?!

— А на что мы будем играть? — м-да, с детскими играми Тельман не знаком, зато прекрасно ориентируется в азартных. — Чтобы было не так уж по-детски.

— На... — я теряюсь и сначала просто собираюсь ответить, что ни на что, но потом мне приходит в голову абсурднейшая идея. — На раздевание. Это будет самая взрослая игра из возможных, мой Вират.

Разумеется, настоящей Крейне не привиделось бы чего-то подобного даже в самом страшном сне, но у Кнары Вертинской была бурная юность и самый разнообразный жизненный опыт. Правда, не припомню, чтобы когда-нибудь я чувствовала себя так... Так, словно я стою на пороге бесконечного, до горизонта и дальше, золотистого бездонного чуда.

Чувство, которое дарил мне бестолковый Вират Тельман.

Я рассказала ему основные правила, вот только приберегла для себя маленький секрет успеха: следует ставить крестики или нолики лишь в определённые квадратики, и тогда результат боя всегда будет под контролем: либо выигрыш, либо ничья.

— Так нечестно! — после двенадцатой игры Тельман остался без рубашки и носков, точнее — довольно забавных мужских чулок. Мы договорились снимать по одной вещи за четыре проигранных партии. — Ты жульничаешь!

— Напрягите извилины, Ваше Величество, — ехидно ответила я. Вират наготы, конечно же, не стеснялся, но проигрывать не любил. А мне нравилось на него смотреть, и вот так — без одежды, на него, светлогожего, казавшегося сейчас более атлетичным, нежели худощавым. Ещё через шесть партий Тельман оскорбленно завернулся в одеяло и потребовал морского боя. В правилах он разобрался довольно быстро и в первом же бою обыграл меня всухую.

— Твоя очередь, моя Вирата.

А я вдруг поняла, что одежды на мне почти и нет. Длинная мягкая ночная рубашка, которую при всём желании нельзя разделить на элементы, нижнее бельё представлено тонкими невесомыми трусиками и — всё. Ни короны, ни носков.

А кто виноват? Сама виновата, надо было предварительно нацепить на себя местный аналог противосолнечной паранджи, слоёв этак тридцать, и снимать с лукавой улыбкой слой за слоем, один за другим.

— Ты выиграл, — говорю я Тельману. — Жаль, что у Криафара нет собственного флота. Предлагаю поспать ещё. Глаза стали слипаться.

— Я выиграл, а ты проиграла. Не нарушай договорённости, дорогая.

Он смотрит на меня, не отрываясь, а в комнате постепенно светлеет. Утро.

Я медленно стягиваю через голову ночную рубашку. Договорённости — это святое, мой Вират.

Глава 55. Часть 2.

В дверь даже не стучатся — тихонько, едва слышно скребутся. Ночную рубашку, тем более — платье натягивать долго, а я не хочу, чтобы Тельман просыпался раньше времени, так что просто заворачиваюсь в одно из одеял, точнее, покрывал, горкой лежащих на полу, и бегу к двери.

Выхожу в коридор: Жиэль выученно не реагирует на мой не очень-то приличный и совсем не королевский вид, гордо демонстрирует нечто увесистое, накрытое тёмной холщовой тканью.

— Давайте я отнесу, госпожа.... Тяжелый!

— Ничего, Жиэль, не такой уж и тяжелый. Тут недалеко. Спасибо, — мне очень хочется отодвинуть ткань и заглянуть внутрь, но это можно сделать и по другую сторону дверей.

— Вам бы одеться, Вирата... — круглые щёки пухленькой служанки всё-таки краснеют. — Мало ли...

Я собираюсь ответить, но не успеваю. В коридоре появляется Рем-Таль — собранный, сдержанный, совершенно такой, как всегда.

...Совершенно не такой, каким он был прошлым вечером — если этот вечер мне не пригрезился и не приснился, разумеется.

— Доброго утра, Вирата.

Жиэль испаряется, как капля воды, а я бы тоже рада испариться, но продолжаю стоять, а одеяло предательски сползает, оголяя плечи и так и норовя оголить грудь.

— Доброе утро, Рем-Таль.

— Рад, что у вас всё хорошо, — внезапно говорит он, а я набираю воздуха — и набираюсь решительности:

— Не то что бы всё, но... Что со мной вчера было?

Страж — или уже бывший страж, кто знает, насколько быстро подписывает указы Вират Фортидер — с самым недоумевающим видом приподнимает брови:

— Что вы имеете в виду, Вирата?

— После Совета. Что мы делали после Совета?

— Мы пообщались о делах Криафара, вы устали, и я проводил Вас в спальню. Вашу спальню с Виратом Тельманом.

Всё-таки что-то такое мелькает в его невозмутимом лице, и я уже не спрашиваю — прошу:

— Скажи мне.

— Вам не о чем беспокоиться, Вирата, — спокойно отвечает он. — Впрочем, похоже, с вами действительно всё в порядке. Я рад.

А у меня внутри остаётся привкус горечи. Лёгкий, едва ощутимый, непонятный для меня самой.

* * *

Тельман ещё спит, свернувшись под одеялом на полу, и я смотрю на него несколько мгновений, чувствуя, как теплеет на душе. Его странное отторжение от меня, точнее, от моего тела, не прошло полностью, и мы даже не смогли обняться или взяться за руки — не говоря уж о чём-то большем, но в том, чтобы лежать вот так рядом, без одежды, было что-то невыразимо интимное и волнующее. Невинное и в то же время даже гораздо более крышесносное, чем секс — хотя Тельман, вероятно, со мной бы не согласился. Вират был бы сильно удивлён, если бы понял, что его Крейне вовсе не столь неопытная девица, какой, как ему, вероятно, казалась, она должна быть. Но это не мешает ей смотреть на него так, словно она никогда не видела и не чувствовала ничего подобного.

Впрочем, удивлён Тельман похоже всё же был и так — и не переставал удивляться почти с самого первого шага, как я появилась здесь, вплоть до сегодняшнего момента. И настало время удивить его ещё раз — перед тем как напомнить об обещании отвезти меня к Лавии в пустыню. Вот только не знаю, приятное будет это удивление или нет.

— Утро, — говорю я, в большей степени себе, чем ему. — Вот и утро. Вставай.

Трудно удержаться и не пропеть эти слова на ввевшийся в память земной мотив.

Замотав одеяло на груди поплотнее, я скидываю ткань с того внушительного по массе и габаритам предмету, который по моему вчерашнему заказу притащила мне Жиэль: большой металлической клетки. Поддеваю засов, открываю небольшую тугую дверку.

— Это... что? — глаза только что проснувшегося Тельмана — потрясающий компромисс между сонно сощуренными щёлчками и округлившимися от изумления стальными пятаками. — Это...

— Тебе от меня подарок, — едва не добавляю "прощальный". — Я подумала, что все вокруг столько лет так или иначе опекали тебя, но тебе самому не о ком было заботиться, а это неправильно, это здорово портит характер, что мы и можем наблюдать... — Тельман легонько щёлкает меня по лбу, и даже это мимолетное касание заставляет меня вздрогнуть. — В общем, это тебе. Назови, как захочешь.

Я кладу ему на колени маленького золотистого лисёнка фенекая. Пушистого. С огромными треугольными ушами, каждое размером едва ли не с его крохотное тельце. Чёрными глазами. Хвостиком-морковкой.

...в этом нет ничего особенного, на самом деле. Не должно быть — всего лишь акт справедливости, пытаюсь я убедить себя. Когда-то писательница Кнара придумала историю про мальчика-принца, за которым следил весь Дворец, но который так хотел заботиться о ком-то сам. Когда-то писательница Кнара решила, что персонаж должен немного пострадать — а лучше много, так ведь жалостливее выходит и читательницам нравится.

Я отнимала у него больше, чем давала.

Тельман держит на ладони ушастого зверька — размером аккурат с эту самую ладонь. Попискивающего, потягивающегося, переступающего крохотными невесомыми когтистыми лапками. Хвост-морковка задорно торчит вверх, глаза кажутся огромными на узкой треугольной мордочке. И лицо у Тельмана такое... я отворачиваюсь, резче, чем хотела бы. Надо бы одеться. Надо...

Тельман хватает меня за руку свободной рукой и тянет к себе.

— Посиди со мной. Один шаг я выдержу.

Кончики пальцев почти невесомо скользят по голой спине, стягивая покрывало вниз, до поясицы.

— Не хочу, чтобы ты меня терпел. Даже четверть шага, — я пытаюсь вырваться, но не так что бы очень. А держит Тельман крепко, и даже носом утыкается мне в шею.

— Иногда можно потерпеть боль. И нужно. Падать, чтобы научиться ходить. Пить горькое снадобье, чтобы выздороветь.

... Тельман отпускает меня раньше, чем через шаг. А лисёнка-фенекая — не отпускает, я даже на завтрак иду одна, улыбаясь, как дурочка.

Дурочка и есть, что тут скажешь.

* * *

Вирата Фортидера в предназначенный для королевских трапез зал заносят на кресле слуги — и тут же удаляются, видимо, получив соответствующие указания.

Король выглядит ещё хуже, чем вчера на Совете, но смотрит на меня по-доброму.

— Спасибо, девочка.

Я едва не давлюсь одним из тех неведомых мне криафарских овощей, сладких и упругих, которыми наполнена моя тарелка.

— За что, Вират? Я же только выступила с абстрактными предложениями, довольно радикальными и авантюрными. А как это всё будет воплощаться в реальности...

— Да при чём тут твои предложения? — отмахивается Вират, так что мне даже немного обидно становится — я же старалась! — Нет, я говорю о сыне. За несколько солнцестоев ты смогла сделать для него больше, чем другие за годы... я не верил, что люди могут меняться. А он меняется. Ты уверена, что не владеешь магией, девочка?

— Во всяком случае, не магией изменять мужчин.

Бледные, даже бесцветные губы Вирата Фортидера изгибаются в подобии улыбки.

— Он очень изменился. И я верю, что это только начало. Я могу уходить со спокойной душой. Шиару действительно милостива, раз послала Тельману тебя. Я могу надеяться на наследника, на то, что Криафар останется целым, сохранится, а может быть, и возродиться.

— Вират... — я облизываю губы и говорю громче. — Вират, мне это важно. Очень. Скажите мне. Чем болен Тельман?

Его Величество вздрагивает от этого простого вопроса — такого естественного и ожидаемого, а я повторяю настойчивее:

— Вират, если уж речь зашла о наследнике... То, чем болен Тельман, может передаваться и ребёнку... детям. Не оставляйте меня в неведении, я имею право знать. Вират выглядит совершенно здоровым. К чему этот постоянный надзор за ним?

— Это болезнь... нашего рода, — с трудом говорит король, и трудно понять, устал он — или настолько не хочет выдавать мне правду. — Но она проявляется очень редко, раз в несколько поколений. Вам нечего опасаться.

— Даже если так... У Тельмана она есть. Или нет? В чём суть этой болезни? Или родового проклятия?

— Подожди, девочка, не тараторь. Да, может быть, называть это болезнью было... не совсем верно. Но и проклятием тоже было бы не верно... Я просто хотел подобрать понятные слова.

Подобрать он хотел! А то, что думал об этом сам Тельман, разумеется, для него не

имело никакого значения! Его жизнь аквариумной рыбки по сути никого не волновала. Я почувствовала, как хочется мне наорать на этого слабого и без преувеличения дряхлого человека, и стиснула зубы.

Не надо. Не сейчас. Не так.

— Тогда что?

— Скорее... некая нежелательная и опасная особенность. Она есть в нём, но может проявиться лишь без свидетелей, одним словом, я не хотел бы... Молодость падка на загадки, на романтический и глупый флёр избранности, исключительности, уникальности. Не все из загадок следует решать. Я не хотел, чтобы Тельман знал, пока он был маленьким... юным... А потом он вырос, но так и не стал тем человеком, которому можно доверить такое знание.

— Опасная особенность?..

— Не для него самого, — Вират морщится. — И не для окружающих. Не беспокойся.

— А для кого тогда?!

— Для мира в целом, Крейне. Для Криафара...

Внезапно Вират закашливается. Сначала тихо и глухо, как мне кажется — просто чтобы потянуть время и прервать наш неприятный для него разговор. Потом сильнее. С хрипом, низкими грудными присвистами.

— Вират, вы...? — я вдруг пугаюсь. Слуг поблизости нет, и либо мне бежать за помощью, оставляя отца Тельмана одного, либо что-то делать самой, а что делать — я не знаю! — Воды? Что с вами?

Чёрт, тут ведь и вода так просто нигде не стоит! Где, в какой из матовых разноцветных бутылей — именно вода? И поможет ли она, всё-таки надо было сразу звать на помощь, почему больного правителя не сопровождает повсюду знахарь?

Приступ надсадного лающего кашля не стихает, напротив — мне уже кажется, что Вират синее и хватается за сердце. Впрочем, дело не в сердце, во всяком случае, не только в нём — старый король просто пытается вытащить что-то из нагрудного кармана. Спустя сотую долю шага он с трудом извлекает длинный, тёмный, дрожащий предмет, словно бы извивающийся в трясущихся пальцах, и, не удерживая, роняет на пол. Я с ужасом смотрю на желеобразное нечто, больше всего напоминающее дохлую змею или ящерицу.

— Дай! — хрипло говорит Вират. — Дай... лекарство.

Только тут я понимаю, что "змея" на самом деле и не змея вовсе, а брусок тёмного мармелада, во всяком случае, я надеюсь на то, что это мармелад, а не випирий хвост. Вират с трудом пытается приподняться со своего стула-кресла, и я, стряхнув оцепенение, подскакиваю к нему. Тяжелая бутылка с водой выскальзывает из рук и падает на каменный пол.

Я мысленно чертыхаюсь, и из-за потерянной воды, и из-за осколков, щедро усыпавших столь нужную королю "мармеладку", торопливо поднимаю её, стряхиваю стекло, режусь и чертыхаюсь снова. Пытаюсь одной рукой удержать Вирата, другой — отряхнуть склизкую и мягкую "колбаску" от стекла и собственной крови, впитывающейся в неё, как в губку.

"Гематоген!" — к сожалению, понять причину моего истеричного веселья Вират Фортидер не сможет при всём желании. Наконец, "гематогенка" очищена, насколько это возможно, и Вират откусывает от неё немалый кусок, жуёт неаппетитное на вид чёрное месиво, а я брезгливо сглатываю — выглядит «лекарство» тошнотворно, я бы такое явно есть не стала. Впрочем, если помогает...

А оно действительно помогает: дыхание выравнивается, синеватый оттенок кожи становится почти нормальным, и я решаюсь наконец выбежать в коридор в поисках слуг.

* * *

Тельман так и не показывается, и я возвращаюсь в спальню: неужели маленький питомец настолько отвлѣк моего номинального супруга, что тот и вовсе проигнорировал завтрак?

Пока что номинального...

Я тряхнула головой, выбрасывая все эти мысли, и ускорила шаг. Почему я так хочу вернуться в другой мир? Я практически не вспоминала о нём в эти дни, всё, что я чувствую, при мыслях о нём — смутную, нарастающую тревогу, из-за которой и думать-то ни о чём не хочется.

А в этом мире у меня... целый мир. Мой — почти мой — загадочный король. И моё королевство. Пусть король с особенностью и королевство — не без огрех, но они мои. А что такого моего в том, другом мире?

С этими мыслями я открываю дверь нашей с Тельманом спальни — и застываю на пороге.

Просто не могу пошевелиться, даже вдохнуть не могу.

Потому что Тельман, всё ещё не одетый и завёрнутый в покрывало, лежит на полу с закрытыми глазами и неестественно приподнятыми руками, сжавшимися в кулаки, а над ним склоняется стоящая на коленях Тира Мин. Услышав — или почувствовав — моё появление, она резко поворачивает ко мне голову, и я вижу её лицо — ошеломленное, перекошенное от ужаса, залитое слезами.

Глава 56. Часть 1. Криафар.

Маленький золотистый фенекай бегает и прыгает около моей руки, то и дело принимаясь охотиться на пальцы. Иногда я рассеянно поглаживаю, почёсываю его огромные бархатные уши, но чаще просто не замечаю того, как крохотные острые зубки чувствительно прикусывают кожу. Несмотря на умильный вид и компактный размер фенекай — хищники. Юркие шустрые каменки — их основная добыча, но ушастики могут прихватить и мелкую випиру, и покуситься на лизарьи яйца — лизары закапывают их глубоко в тёплый песок, не для того, чтобы согреть, а для того, чтобы, наоборот, не сжечь под палящим в час гнева солнцем. Лизары закапывают — а фенекай вынюхивают и раскапывают, проковыривают дырочку в скорлупе и едят, высасывают ценное жидкое содержимое.

Я ухватила зверька ладонью под трогательное розовое пузо, поднесла к лицу.

— Что произошло? — спросила я её. — Ты же здесь была, ты же знаешь. Что случилось с Тельманом? Кто к нему заходил?

Феня, которую я окрестила сама, смешно дрыгала лапками, вертела ушастой головой, но смеяться мне не хотелось. К сожалению, моя загадочная власть над живыми существами — если она вообще была — распространялась только на всевозможных пустынных тварей. Надо было дарить Тельману скорпиутца или випиру, они бы точно указали на отравителя.

Приступ, случившийся с Тельманом, не относился к его «опасной особенности», не-болезни, не-проклятию. Его попросту отравили. Тиру Мин, обнаруженную у тела правителя почти в невменяемом состоянии, отправили на допрос, но она, насколько я понимала, ни в чём не созналась и ясности в ситуацию не внесла.

Тельман...

Я выдохнула с каким-то жалобным утробным присвистом. Тельман, Тельман... Надо

было что-то делать, срочно надо было, какой смысл валяться на бордовой камальной шкуре и лить слёзы?

Но что делать?

По словам дворцовых целителей, перепуганных и взъерошенных, как пустынные каменки, Вират был отравлен ядом одной из пустынных тварей — или смесью этих ядов, тогда было ещё сложнее, потому что трудно было наверняка сказать, какое противоядие нужно готовить. Готовить их умели и неплохо, а вот хранить — нет, поэтому сейчас всё, что было в наших силах — это наудачу один за другим создавать нужные лекарства, пытаться влить их в бесчувственное и неподвижное тело Вирата Тельмана, а потерпев очередное поражение, браться за изготовление нового.

Тиру Мин, рыдающую, почти не пытающуюся оправдаться, увели, а я... просто лежала на полу, не обращая внимания на целителей, и не могла понять, как и что произошло. И зачем?! Вообще-то мне тоже полагалось рыдать и биться в истерике, но я как будто до сих пор не могла до конца поверить, принять то, что произошло: кто-то отравил Тельмана, и он мог умереть с шага на шаг.

Но в моих книгах никогда не умирали хорошие персонажи! Это были простые романтические истории, не драмы и не трагедии, с обязательным хэппи-эндом. И Тельман умереть не мог, никак не мог, это было невозможно, где-то за гранью фантастики. Даже моё перемещение сюда как-то укладывалось в голове.

А его смерть — нет.

Отряд стражников во главе с Рем-Талем отправился к Пирамиде со срочным официальным запросом к магине Стурме. Возможно, стоило поехать мне, но я знала, что Стурма окажется бессильной и бесполезной.

Я же сама её такой сделала...

Отпустив лисёнка на пол, я поднялась и подошла к телу Тельмана.

Нет, не так! Я поднялась и подошла к самому Тельману, а вовсе не к какому-то там «телу». Провела рукой по холодному, словно вырезанному из мрамора лбу. Обняла, прижимаясь щекой к груди, такой же, как лоб, холодной и твёрдой — после краткосрочных судорог, Тельман впал в некое подобие комы, из которой мог уже не выйти, если не будет получено соответствующее противоядие.

А противоядие делалось отдельно под каждый из бесчисленного количества лизаров, скорпиутцев, випир и прочих!

На шею Вирата обнаружили точку, свидетельствующую о сделанной ему смертельной инъекции. Привычных для меня шприцов тут, разумеется, не изготавливали, но подобные им механизмы в Криафаре были известны. Никаких отпечатков пальцев, ничего подобного, увы. Стражники, те, которые должны были нести дозор у виратской спальни, уверяли с пеной у рта, что ничего не видели — и лица при этом у них были на редкость потерянные и какие-то... глупые. Недолго думая, их тоже отправили куда-то в тюремное подземелье, где допрашивали вместе с Тирой Мин — быстро и, вероятно, жестоко и кроваво, но безрезультатно.

Мне не было дела до стражников.

Как демиург я должна была что-то сделать, обязана! Кого Тельман мог подпустить к себе так близко? Да кого угодно! Родственника, знакомого слугу, Рем-Талю, ту же Тиру Мин... Ревность и обида — страшная вещь. А Тире было на что обижаться, да и ревновать повод имелся — об изменившемся отношении Тельмана к супруге знал уже весь Дворец.

Личная месть отвергнутой женщины? Несмотря ни на что, мне было трудно в это поверить. Или политический заговор? Кто-то из двоюродных братьев Тельмана внезапно появился на горизонте, возжелав власти. Вират Фортидер умирает, ему осталось совсем немного. Тельмана тоже... Я подавила зарождающийся внутри беспомощный тоскливый вой, дежурный целитель покосился на меня. Очередное противоядие должны были принести с шага на шаг, но шансы на успех были ничтожны. Я снова прижалась ухом к груди Тельмана, пытаюсь услышать биение сердца, так нелепо пытаюсь его согреть, дать ему понять, чтобы не уходил к неблагодарным свирепым духам, чтобы остался со мной. Я сама не планировала остаться с ним, а вот теперь мысленно просила его об ответной услуге, которую не заслуживала. Феня ткнулась мне в босые ноги, играя теперь с пальцами ног, и я сунула замёрзшие ступни в босоножки.

Так не должно было быть!

...правильно, не должно — как и моего появления здесь, изменившего ход истории Криафара и его обитателей. Только всё это не важно. Что я могу сделать?

Я встала — отходить от Тельмана было страшно, страшно оставлять его, несмотря на усиленную охрану и бдящих целителей, хотя ощущение того, что пока я рядом, с ним не может произойти ничего фатального, плохого, конечно, было только иллюзией. Надо было что-то делать, бездействие — непозволительная роскошь. Я подняла с каменного пола Феню, посадила Тельману на живот — и пушистый житель пустынь свернулся калачиком, как кошка.

Дежурные стражники очевидно напряглись при моём появлении, я ткнула пальцем в ближайшего.

— Проводите меня к Тире Мин, где она там находится. Мне нужно с ней поговорить.

— Но, Вирата...

— Приказ. Это необсуждаемый приказ. Немедленно.

Глава 56. Часть 2. Криафар.

Тюрем как таковых в Криафаре нет — и не было все последние сто пятьдесят лет. Слишком дорогое удовольствие. Разговор с преступниками здесь был короткий и жестокий, кстати, этой стороной жизни моего мира я тоже собиралась заняться... Занялась бы, став полноценной Виратой. Одним словом, штрафы вплоть до полного лишения имущества, физические наказания и смертная казнь — вот и все варианты, ожидавшие ступившего на криминальный путь — или оступившегося на пути праведном криафарца. Исправительные работы не прижились по той простой причине, что возможность получить работу жаждали простые честные жители. Собираясь жить в этом мире... Если бы я собиралась жить в этом мире, я бы вводила идеи гуманности и трудотерапии. Мы бы с Тельманом вводили.

Развитой правоохранительной системы в Криафаре также не было, проще говоря, с подозреваемыми не особо церемонились. Их функции исполняли младшие и старшие фраоны, делящиеся кроме того на "искателей" и "взыскателей", то есть на тех, кто расследовал преступления и тех, кто осуществлял наказания в соответствии с криафарскими законами. Очевидно проседала судебная власть, одним словом, было необходимо как следует поломать голову, и как водится в демократических странах, отделить её от исполнительной.

Чем только не будешь забивать голову, чтобы не скулить от тоски, спускаясь по каменным ступенькам в полную неизвестность!

Для государственных преступников и приравненных к ним по тяжести преступления

тёмных личностей кое-какие закрытые камеры всё же имелись, традиционно — в замковых отсеках ниже уровня песка. Каменные клетки с банальными, но эффективными металлическими прутьями, сквозь который могла бы просочиться только кошка, были снабжены какой-то хитроумной системой вентиляции, а больше, пожалуй, что и ничем: во всяком случае, Тира Мин сидела прямо на каменном полу, поджав под себя ноги. Я попыталась сконцентрироваться на бледном измождённом лице Второй Стражницы: не хотелось мне сейчас знать, каким образом здесь добывают информацию, пальцы ломают или иголки под ногти засовывают. Чуть позже обязательно, но не сейчас.

— Тира, — шепнула я, ожидая чего угодно в ответ — слез, обвинения, ярости, холодного молчания. — Тира, что произошло? Я хочу ему помочь. Он не должен умереть, Тира. Ты же любила этого безответственного ветреного идиота, верно?

Её рот кажется трещиной на фарфоровом кукольном личике.

— Я этого. Не делала.

Мне едва ли не больнее от жалости к ней, чем от страха за Тельмана, в возможность смерти которого я просто не могу поверить. Только сейчас я задумываюсь, а кто отдавал приказы о допросах, кто вызывал целителей? Вират Фортидер? Или процесс шёл по отлаженной схеме?

— Прости, — тупо произношу я. — Они не должны были делать этого с тобой... ничего не должны были с тобой делать. Я... непростительно растерялась.

— Они всё делали правильно. Спасите его, Вирата.

— Что произошло?

Кажется, если Тира начнёт говорить чуточку громче, она попросту потрескается, разобьётся, всё той же надломленной фарфоровой куклой. И я тороплю:

— Расскажи мне, Тира! Я должна спасти его.

— Он вас любит. Не делайте ему больно, Вирата.

Какая глупость, как можно говорить об этом сейчас! Да я вообще не понимаю, что она имеет в виду, и сердито мотаю головой.

— Ты о чём?

— Вчера я... я видела вас с Ремом.

Так это была она?

— Что ты видела?

— Вас.

Милостивая Шиару, я сейчас сама её допытаю.

— Быстро. Чётко. Конкретно. Что именно ты видела? Я не помню вчерашний вечер.

Взгляд Стражницы становится чуть более концентрированным.

— Я пришла к Рем-Талю сообщить ему о результатах аудиенции у Вирата Фортидера. Не подумала, что у него может кто-то быть. У него никого никогда не бывает.

— Что я делала?

— Он держал вас на руках и... Я подумала, что у вас... личная встреча, собиралась уйти, но Рем-Таль сказал, что вам стало нехорошо, и он должен отнести вас в спальню. Попросил меня сопроводить его во избежание каких-то слухов.

— Но ты ему не поверила?

— Я же видела его лицо.

Так, с этим ясно, хотя вопросов остаётся немало, но их я задам Рем-Талю лично и позже.

— Что было сегодня утром?

Стражница съёживается, обхватывает колени.

— Я пришла попрощаться. Вират Фортидер отпустил меня... Накануне он разрешил мне уйти.

— И с Тельманом было всё в порядке?

— На первый взгляд — да. Он сказал мне пару слов...

Я не удержалась и спросила:

— Что именно?

— Он... попросил прощения. Отвернулся. И я увидела сидящего на его спине скорпиутца. Огромного, почти в полторы ладони. Он выглядел, как живой.

— Выглядел, как живой? — повторила я. — Но живым он не был?

— Не был, — эхом отозвалась Тира Мин. — Я слышала о таких... о таком, но своими глазами не видела. Это магический артефакт, один из тех, что остались с прошлых времён. После того, как яд попал в тело, оболочка лопнула, как мыльный пузырь. Поэтому никаких следов не нашли.

— Этот артефакт приполз сам? — я вспомнила своего ночного гостя и вздрогнула.

— Мне это неизвестно. Скорее всего, кто-то принёс его и незаметно посадил на одежду, он довольно... лёгкий в отличие от настоящего скорпиутца. Но, возможно, его просто подкинули в комнату, и он нашёл жертву.

— Где вообще могут достать такие артефакты?

— Этого я не знаю, Вирата. Существует хранилище артефактов при Каменном замке.

Я вспомнила, как Рем-Таль тайком приносил артефакт отвода глаз во время нашей вылазки.

— Кто может иметь к нему доступ?

— Вират. Вы. Стражи могут при определённых условиях, но обязаны отчитываться...

"Не все", — подумала я. Где справился один, справятся и остальные.

— Больше я ничего не знаю. Я увидела скорпиутца и швырнула в него кувшином. Но не успела. Вират потерял сознание, а потом... — Тира содрогнулась, очевидно, вспоминая судороги Тельмана. — Вы появились спустя четверть шага.

— Ясно, — я кивнула, хотя мне ничего не было ясно. И разговор с Тирой отнял время, ничего по сути не прояснив. Я повернулась, чтобы уйти, но вдруг вспомнила ещё об одном моменте:

— Какую услугу ты для меня оказывала?

— Что? — непонимающе спрашивает Тира, а я нетерпеливо хватаюсь руками за ледяные прутья:

— Ты говорила об оказанной мне услуге. Что это была за услуга? Говори, расскажи мне так, как если бы я не знала. Это важно.

Не знаю, честно говоря, важно ли — но мне почему-то нужно спросить её об этом.

— Это было перед Вашей свадьбой с Виратом. Меня отправили к вам... времена были беспокойные, струпы организовывали покушения, одно из которых вскоре отправило к благостному Шамрейну Вирату Ризву. Я охраняла вас... вы казались испуганной и потерянной. Мне было приказано охранять вас и успокоить вас. Поддерживать разговор и выполнять по возможности ваши просьбы.

Узнаю дорогого свёкра!

— Вы обратились ко мне со странной просьбой, — тихо продолжила Тира. — Вы знали

о том, что поведение вашего будущего супруга далеко от идеального, вам успели рассказать слухи о нём, не самые... воодушевляющие. Одним словом...

— Что я у тебя попросила?

Тира сжала губы, посмотрела куда-то за мою спину, и нехотя ответила:

— Вы попросили достать для вас приворотный артефакт. Вы... были очень убедительны.

— Так много наобещала? — я хмыкнула. Наобещала или запугала. Ай да Крейне, не так уж она и проста оказалась, невинная тихоня из затрапезного Травестина. Значит, иллюзий по поводу чудодейственной силы любви она не питала, и её можно понять...

— И ты ей его достала?

— Ей?

— Мне. Ты принесла мне артефакт?

— Да. Я предупредила вас, что срок действия у него не очень большой и после того, как... После вашей брачной ночи действие пройдёт. Но вы всё равно настаивали.

Что-то щёлкает у меня в голове, словно тумблер какой-то поворачивается.

— Ты подменила артефакт?! Вместо любовного принесла другой, совершенно противоположный по воздействию?! Отталкивающий? Блокирующий чувства или вызывающий ненависть, так?

Это было логично, это было бы совершенно логично, за исключением слишком уж растянутого срока действия. Но Тира изумленно качает головой, даже пытается приподняться:

— Нет, Вирата! Нет, конечно же, нет! Я... я действительно всегда испытывала к Вирату Тельману то, что испытывать не стоит, глупо это отрицать, а он не обращал на меня внимания, но я никогда не стала бы вредить так мелко и глупо. Я достала именно то, о чём вы меня просили.

— И вероятно, я воспользовалась тем, что ты мне принесла, — пробормотала я. — А затем он отослал меня на два года прочь...

Может быть, она просто ошиблась.

Я снова развернулась, намереваясь уйти.

— Если Вират погибнет, я... — Тира Мин беспомощно всхлипывает мне вслед, но тут же вновь возвращает себе власть над собственным голосом. — Это моя вина. Я могла успеть.

— Это моя вина, — ответила я, не особо заботясь о том, чтобы Стражница меня услышала. Это всё — моя вина. Только моя.

* * *

Фраон, местный полицейский, склоняет передо мной голову, почтительно, но с достоинством. Старший фраон. Не виннистер, конечно, но что-то близкое по социальному положению.

— Не трогайте Стражницу до моего особого указания. Никаких допросов. И принесите ей тёплую одежду, и всё, что нужно: еда, питьё. Если нужно, пригласите лекаря.

— Прошу прощения, Вирата, — фраон, чье имя я не удосужилась узнать в спешке, смотрит мне прямо в глаза. — Но мне приказано продолжать допрос.

— Кем приказано?

— Старшим Виратом Фортидером

Вот как, значит, известие о том, что жизнь единственного сына в опасности, заставило Его болезненное Величество держаться на плаву.

— Я решу этот вопрос. Не трогайте девушку. Она под моей личной защитой.

— Но, Вирата...

— Всё вопросы адресуйте ко мне. А лучше всего — помогите немедленно найти Вирата Фортидера.

"Что я делаю, — мысли стучат внутри заострёнными молоточками. — Я должна спасти Тельмана. Я должна быть рядом с ним. А я... Я мечусь в полной темноте, занимаюсь чем-то совершенно неважным, в то время как..."

— Вират Фортидер направился в покои Вирата Тельмана, — отчитывается фраон, и я иду обратно, продолжая чувствовать себя виноватой за всё сразу и по отдельности: зачем я оставляла Тельмана одного так часто в последние дни? Почему не выяснила всё у его отца раньше? Почему ушла сегодня на завтрак без него?

Старый король стоит перед неподвижно лежащим на спешно принесённой в спальне узкой лежанке Тельманом — воплощение скорби, в паре шагов от него застыли лекари — двое светловолосых мужчин, похожих друг на друга, как братья-близнецы. Я застываю в проходе, не в силах нарушить воцарившееся вокруг, разбухшее киселём, занявшее всю комнату молчание. Не решаюсь всматриваться — поднимается ли грудь Тельмана, обозначая его слабое дыхание — молчание давит почти физически ощутимо.

И вдруг меня словно молния в затылок ударяет.

Вират Фортидер. Стоит.

Безо всякой поддержки. Стоит!

Сам!

И в его лице больше не было той самой болезненной бледности, которая так бросалась в глаза с момента нашего знакомства. Пропал голубоватый оттенок губ и кожи под глазами, сами глаза казались более ясными, и в целом...

Он выглядел пожилым, встревоженным, даже измученным тревогой человеком. Но здоровым!

Этого просто не могло быть, и тем не менее...

— Выйдите отсюда все, — сказала я, довольно тихо, но в царящей вокруг тишине и этого было достаточно. — На несколько шагов. Оставьте нас с Виратом Тельманом наедине.

— Крейне... — проговорил Вират Фортидер, и даже голос у него был другой. Живой.

Чтобы не смотреть на Тельмана, я перевела взгляд в сторону. Ушастая Феня, подаренный мной Тельману лисёнок фенекая, сидела на каменном полу среди стеклянных осколков — вероятно, это тот самый кувшин, который метнула в Вирата Тира Мин — и облизывал окровавленную переднюю лапу. Звёрек взглянул на меня.

Я сжала руками ноющую голову, пытаюсь собрать воедино путающиеся мысли, воспоминания, предположения и страхи. Страхов было больше, но я оттеснила их куда-то на задворки памяти.

Камал, отравленный укусом випиры, встаёт. Умиравший король выздоравливает. Тельман... Тельман прикасается ко мне без прежнего отвращения, и всё это может быть чудом — или чудесным совпадением, если бы не нечто общее, объединяющее три эти совершенно ничем не связанные события.

Кровь. Моя собственная кровь.

— Выйдите отсюда все, — говорю я, и сама себя не узнаю — эти хлёсткие, резкие интонации, их не было у прежней Крейне, но не имелось их и у Кнары. — На четыре шага, как минимум.

— Что ты собираешься делать, дочка? — неожиданно говорит Вират Фортидер, а я качаю головой.

— Сама не знаю. Может быть, совершить чудо. Может быть, просто сойти с ума окончательно.

* * *

Старший Вират покидает комнату неохотно, но без особого сопротивления — и я снова поражаюсь тому, насколько уверенно теперь он держится на ногах. Лекари же выбегают почти радостно: за последний шаг они успели влить в рот Тельмана какое-то очередное противоядие, и судя по всему, совершенно безрезультатно.

Надо собраться с мыслями, но не медлить: не исключено, что я всё же ошиблась.

— Порезалась? — говорю я Фене вслух, и слова про возможное безумие не кажутся преувеличением. — Сейчас мы тебя вылечим, дружок. Проведём эксперимент, но во всяком случае, хуже тебе точно не будет.

Я наклоняюсь и подхватываю малыша под живот одной рукой, а другой беру один из стеклянных осколков. Прокалываю палец — не с первого раза, но у меня получается.

— Полная антисанитария. Надеюсь, ты не станешь потом каннибалом или что-то в этом роде, — я тыкаю пальцем с проступившей рубиновой каплей в мордочку фенека, та фыркает, но облизывается. — Надеюсь, я не сошла с ума. Быть такого не может, но я же в Криафаре. Здесь есть маг с дырой в груди, здесь есть драконы, я разговаривала с женщиной, вплавленной в камень, меня скорпионы слушаются! Здесь возможно абсолютно всё. Это мой мир, Феня.

Я смотрю на крохотную лапку зверька, на то место, где был узкий глубокий порез, рассёкший тёмную подушечку едва ли не надвое. Был буквально четверть шага назад.

А теперь его нет.

— Всегда мечтала написать книгу о вампирах, — я продолжаю говорить вслух, обращаясь к притихшему зверьку, чтобы не скатиться в позорную истерику. — Но, кажется, опять не удалось. Какой-то я неправильный вампир, раз даю свою кровь другим, а не пью. Антивампир.

Тельман лежит неподвижно, дышит тихо, прерывисто и слабо, на его губах выступила лёгкая белая пена, словно человек не умылся после чистки зубов.

— Не думаю, что это вкусно, — шепчу я. — Надеюсь, ты об этом даже не узнаешь, а то покрутишь пальцем у виска и подашь на развод. Впрочем, разводов тут нет, да и жест этот тебе неизвестен. Придёшь в себя — я тебя научу.

Несмотря ни на что, резать себя страшно. Проходит еще шаг, а я всё чиркаю по ладони осколком стекла, как мокрой спичкой по коробку. И когда наконец получается, понимаю это не сразу — разрез наполняется кровью неохотно, неторопливо. Складываю ладонь ковшиком и жду, а потом даю возможность стечь густой тёмной жидкости в приоткрытые губы Тельмана.

Гром с неба не гремит, чудовище не становится принцем, к счастью, обратной метаморфозы тоже не происходит. В первое мгновение не происходит вообще ничего. Может быть, крови должно быть больше? Может быть, я всё же ошиблась?..

Белая пена на губах сперва становится нежно-розовой, а потом и вовсе мелкие пузырьки лопаются и тают. Исчезают почти мгновенно.

Я вытираю его губы подолом платья — так себе, но лучше, чем смотреть на его неподвижное лицо, перемазанное в крови.

...не такое уж неподвижное. Ресницы трепещут, серые глаза смотрят на меня: внимательно, осмысленно. А вот мне хочется разреветься. Тельман протягивает руку, с недоумением сжимая и разжимая сведённые недавней судорогой пальцы, и касается моей щеки, словно стирая случайную слезинку. Моргает.

— Ты мне снишься, — негромко говорит Тельман, облизывает пересохшие губы и тянет меня к себе. — Я тебя касаюсь, и это прекрасно. Значит, всё это сон.

— Просыпайся, — я то ли смеюсь, то ли просто начинаю дрожать от пережитого волнения, от напряжения, от его близости, которую успела для себя определить как невозможную.

— Ни за что. Мне нравится этот сон, больше, чем настоящее.

— У нас много дел, — я зачем-то упираюсь. — У нас целая пустыня дел.

— Пустыня никуда не денется. А если и денется, поедем в Охрейн, — отвечает Тельман, приподнимаясь на локтях, и я вижу слабое золотое свечение рун, проступающих на его коже. Почти неосознанно провожу по ним пальцем, очерчивая узоры.

Тельман истолковывает моё движение по-своему. Я не успеваю ничего ему ответить, как он подтягивает меня ближе и целует. Не успеваю ничего ему ответить.

Но у меня нет никаких возражений по этому поводу.

Глава 57. Криафар.

На шаг или два я вообще перестаю ощущать окружающую реальность. Покушения, артефакты, весь этот проклятый мир попросту перестают существовать для меня, есть только Тельман, его прикосновения, настойчивые и в то же время очень бережные. Только его руки сминают мои волосы, лихорадочно, жадно, выдавая те чувства, что он испытывает на самом деле. Золотые руны на коже тают до того, как я успеваю что-то о них спросить, но, в конце концов, это не так важно.

— Не хочу просыпаться, — шепчет он мне. — Я так долго хотел к тебе прикоснуться.

Но реальность врывается к нам, безжалостная, бесцеремонная, требующая внимания, сил, времени — в виде Вирата Фортидера, за спиной которого маячат до крайности ошеломленные и возбуждённые лекари и старший фраон, безуспешно старающийся выглядеть солидно и деловито.

Не хочу отпускать Тельмана. Больше всего на свете хочется выгнать всех за дверь, а потом утянуть его на камалью шкуру на пол и продолжить очень важную, жизненно необходимую проверку: везде ли мы можем друг друга касаться без отторжения?

К сожалению, так не выходит.

Вират и фраон терзают Тельмана на предмет воспоминаний, лекари не менее увлечённо требуют ответа от меня: один в правое ухо, другой в левое. К превеликому сожалению тех и других ничего толком сказать мы не можем: я не собираюсь делать достоянием общественности столь важную информацию о своей физиологии, а Тельман попросту ничего не помнит о сегодняшнем утре, даже на малыша феникая смотрит с искренним изумлением. Фраон чуть ли зубами не скрипит от досады, и я, в принципе, с ним солидарна, но как же хочется выгнать всех и просто остаться вдвоём!

Однако людей вокруг, кажется, становится только больше: служанки убирают стекло, младшие фраоны преданно ждут указаний начальства. Смирившись с тем, что покой в ближайшее время нам только снится, я пытаюсь хотя бы донести свою мысль о Тире-Мин — почему-то я безоговорочно доверяю Стражнице, и хотя старший Вират понимания не проявляет, по крайней мере, никакие пытки в ближайшее время ей не грозят. А ещё мне

очень хочется продолжить разговор о загадочной особенности Тельмана, но в ближайшее время добиться приватной аудиенции у старшего Величества вряд ли получится: он выглядит деятельным, как никогда. Интересно, что же он сам думает о своём чудесном исцелении?

Кажется, Тельман тоже осознаёт, что отцу стало гораздо лучше — и как бы он не старался делать невозмутимое лицо, я чувствую, что его это радует.

И я тоже рада.

День проходит в суете. Возвращается из своего путешествия к Пирамиде Рем-Таль, возвращается ни с чем, ибо маг-целитель Стурма изволила отсутствовать по неизвестным причинам — но теперь необходимость в её вмешательстве отпала. Искомый артефакт, чуть было не отправивший к духам-хранителям Вирата Тельмана, действительно оказывается из архивного хранилища Каменного замка, упоминание о нём обнаружено в списках, вот только кто и когда забрал его оттуда, остаётся неизвестным. Насколько я поняла, хранилище не проверяли долгое время — и потихоньку разворовывали. Рем-Таль по понятным причинам напряжён, его выдают мелочи: морщинки на лбу, чуть крепче, чем всегда, сжатые губы, но сдавать его я, конечно, не собираюсь.

Вечер подкрадывается незаметно.

— Примите ванну, Вирата? — спрашивает Айнике, а я обхватываю себя за плечи и вдруг понимаю, что скоро ночь. Вират Фортидер, словно сбросивший лет двадцать, перестанет с энтузиазмом пытаться сына — не знаю, куда уж он опять его потащил, но искренне радуюсь тому, что их отношения, кажется, налаживаются. Только скоро Тельман вернётся и тогда...

А долговечен ли эффект крови? Или теперь мне придётся постоянно ему её давать? А...

Да всё это не важно. Тельман вернётся, слуги уйдут, дверь закроется, и мы окажемся один на один. Между нами не останется преград.

И мне отчего-то страшно.

Я почти не помню свою личную жизнь, я имею в виду — жизнь, которая была у меня в другом мире, отношения, которые у меня были. Так, какие-то смазанные воспоминания, менее реальные, чем отложившиеся в памяти сюжеты книг и фильмов. Что-то было. С кем-то. В конце концов Кнара старше Крейне на восемь лет, да и нравы у нас не такие строгие. Моя первая брачная ночь не такая уж и первая.

Но мне не по себе. Я не обязана ложиться с Тельманом в одну постель — точнее, на один ковёр — только потому, что он теперь может это сделать. Никто, я уверена, не будет меня ни к чему принуждать. И Тельман, не сомневаюсь, будет ждать меня, сколько мне будет нужно.

Я зябко ёжусь и отпускаю служанок.

Так долго ждать этого момента и так растеряться, дождавшись...

Когда за вошедшим Тельманом мягко закрывается дверь, я даже не нахожу в себе сил обернуться. Он стоит за моей спиной, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не начать клацать зубами.

— Устала? Безумный солнцестой.

Неопределённо качаю головой. Чувствую, как он осторожно сжимает мои холодные пальцы своими. Едва ощутимо.

— Что ты со мной сегодня сделала?

Снова качаю головой. Мне так много надо ему рассказать! В столь многом признаться... Или не говорить ничего. Я не знаю. Я не могу решиться.

— Хочу тебе кое-что показать. Но если ты устала... Если ты очень устала, можем перенести на завтра.

Да, он не будет меня торопить. Но я не могу объяснить, что что-то иное торопит меня — тревожное, необъяснимое, словно неотвратимо утекает отпущенное нам время.

Я поворачиваюсь к Тельману и переплетаю свои пальцы с его. И иду за ним, не спрашивая, куда и зачем. Стражники расступаются, а мы бесконечными коридорами поднимаемся куда-то наверх. Туда, где я ни разу ещё не была. Светильники с горючим сланцем светят как всегда, приглушённо, но мне хочется зажмуриться. Что я, собственно и делаю. Наверное, Тельман видит мои закрытые глаза, потому что резко снижает скорость и сжимает мою руку чуть крепче.

— Смотри, — тихо говорит он, и одновременно я чувствую ветер — непривычно сильный и не слишком жаркий. Я ещё не была снаружи в вечернее время, и такое близкое небо густого чернильно-лилового цвета кажется не менее нереальным, чем утреннее оранжевое. Затаив дыхание, я смотрю на россыпь домиков по краям, на пески и камень, темнеющие вплоть до идеально ровной линии горизонта, нарушаемой только острым треугольным кончиком Пирамиды. От пустоты нас отделяет каменный балкон высотой мне по пояс.

— Это смотровая башня, — поясняет Тельман. — Самая высокая точка Криафара. Когда-то здесь была сплошная стена с бойницами, хотя столь дальнобойных орудий не изобрели еще ни в одном из государств. Лет сто назад прадед приказал её разрушить — любил обозревать свой мир. Как ему только не надоел этот однообразный пейзаж... Охрейн в любом случае с другой стороны.

— Криафар прекрасен, — я, наконец, прерываю молчание. — Хорошо, что ты мне это показал. Жаль, что так темно.

— Но ведь ничего не мешает нам вернуться сюда завтра? — ладони Тельмана мягко скользят от моих запястий к плечам, а меня пробирает дрожь. — Но это не всё, что я хотел тебе показать. И кстати, я вспомнил об одном невыполненном обещании.

Тельман отворачивается, отходит за одну из каменных колонн — и тут же возвращается. Тусклого света лампин вполне хватает для того, чтобы я разглядела два предмета, которые он держит.

Несмотря ни на что... несмотря ни на что, у меня дыхание перехватывает. То ли от восторга, то ли от невыразимой словами печали. То ли — от того и другого одновременно.

Я беру из рук Тельмана корону, узкую полосу словно бы светящегося самого по себе металла — не презренного заритура, конечно, а золота. Корона кажется мне едва ли не живой — податливой и тёплой. Я тянусь к Тельману и надеваю её ему на голову.

А он надевает вторую на голову мне. Она весома, но не тяжёлая, и обхватывает голову, как влитая, не свалится от резкого толчка. Магия? Хитроумный дизайн? Не знаю и не хочу знать.

— Это все сюрпризы на сегодня? — у меня голос срывается. Жаль, что я не могу увидеть себя в зеркале. Может быть, Гаррсам сделает мне такой портрет? Может быть, я смогу забрать его с собой?

На глаза наворачиваются слёзы, а Тельман отвечает:

— Остался ещё один.

Он ведёт меня дальше, открывая новую дверь на смотровой площадке, и я внезапно слышу какой-то звук — ровный гул, такой знакомый, такой... неожиданный здесь.

— Это...

Открывшееся взгляду пространство небольшое, неожиданно светлое — гладкий камень цвета топлёного молока отражает тёплый свет лампин, крошечных, но многочисленных фонариков, разбросанных по стенам и потолку. Прямо передо мной — округлая неглубокая чаша, заполненная водой, в центре которой бьёт самый настоящий фонтан в виде цветка с сомкнутыми лепестками.

Для засушливого Криафара — настоящее чудо.

— Не ругай меня за расточительность, — тихо говорит Тельман. — Это только на сегодня. Завтра пойдём творить добро направо и налево, моя инициативная, гуманная и прогрессивная Вирата. Но я просто не смог придумать ничего другого тебе в подарок. Не свою же статую у Гаррсама заказывать...

Я смеюсь, а потом шальная мысль приходит в голову. Снимаю корону — сначала с себя, а потом с Тельмана, сажусь на бортик, обзираю архитектурное чудо — вода здесь на разных уровнях, где-то по колено, где-то по грудь. Сбрасываю шлёпанцы, спускаю ноги вниз, прямо в воду и касаюсь пальцами колеблющейся водной поверхности.

Тёплая.

Тельман смотрит на меня, как на сумасшедшую. Впрочем, к изумлению примешивается изрядная толика восхищения.

— Можешь покрутить пальцем у виска, — советую я и спрыгиваю в бассейн — как была, босиком, но в платье. Ткань моментально намокает, облепляет бёдра и голени.

— Зачем?!

— Если ты думаешь, что я ненормальная... В Травестине так делают.

— А если я не думаю, что ты ненормальная?

— Тогда залезай за мной.

Тельман медлит несколько мгновений.

— Ну же. Иди сюда.

Он медленно расстёгивает пуговицы на своей рубашке. Я отворачиваюсь, хотя вообще-то не собиралась стесняться или бояться чего-то. Что я там не видела?! Но непрошенный жаркий румянец заливает щёки. Делаю несколько шагов к центру, встаю прямо под струи. Вода течёт по лицу, по волосам. Платье прилипает к груди, и я чувствую себя голой, хотя фактически это не так.

— Прости меня. Если бы не ты, я бы всё разрушил. Я и так почти всё разрушил.

— Я сама тебя таким придумала, — шепчу я куда-то ему в подбородок. — Мы оба виноваты.

Тельман расстёгивает мелкие мокрые пуговички моего платья с трудом, а я смотрю в огромное, от пола до потолка окно на лиловое небо. Не закрываю глаза даже во время поцелуя, даже когда платье тяжело соскальзывает вниз, даже тогда, когда Тельман мягко-мягко увлекает меня вниз, в воду. Сжимает руки на моём животе в замок, целует шею и плечи.

— Я ошибся. Ты ненормальная, Вирата Крейне. Но в нормальную я бы и не влюбился.

— А ты влюбился?

И вдруг мне становится страшно, безумно, невероятно страшно. Не из-за близости. Я вспоминаю слова Тиры Мин о том, что действие приворотного артефакта должно было пройти после первой брачной ночи. А если всё дело не в нём, а если его влечение ко мне пройдёт без следа, а если...

— Не бойся, — почти беззвучно говорит Тельман мне на ухо, по-своему истолковывая моё напряжение. — Ничего не бойся, моя храбрая Крейне.

— Ты не понимаешь, — бестолково говорю я. — Ты...

Он закрывает мне рот поцелуем.

— Ничего не бойся.

Шум воды кажется оглушительным, небо вертится где-то над нашими головами, и я мысленно машу на всё рукой.

Пусть будет, как будет. Сейчас я хочу его, хочу быть с ним, чувствовать его целиком. Что бы там ни случилось завтра. Что бы там ни было в моей прошлой жизни.

— Я не боюсь, — отвечаю я, обнимая его за шею. — И да хранят меня каменные драконы от постели Его Величества... А про бассейн там ничего не сказано.

* * *

Несмотря на изумление, плескавшееся в глазах Тельмана, когда я залезла в воду, что-то такое этот хитрый криафарец несомненно планировал — иначе не притащил бы пару огромных пушистых покрывал, успешно выполнивших роль полотенец. И несколько меховых шкур, лёгкий перекус и сладкие горячие напитки, чтобы иметь возможность никуда не уходить, закрыться здесь же от ночных заморозков до утра.

Утра, которого я вдруг начинаю бояться как персонального Рагнарёка. Потому что я ничего не хочу терять из того, что обрела здесь. Создала и обрела. Это моё. Мой мир, мой мужчина, даже пустыня со всеми живущими там тварями — моя!

Апельсиновый рассвет начинает настойчиво разливаться по бледнеющему лиловому небосводу, и я выбираюсь из одеял и подушек, из объятий спящего Тельмана, одеваюсь и выхожу на смотровую башенную площадку.

Если влечение Тельмана ко мне было наведённой иллюзией... что ж, пусть так. Значит, мы начнём знакомиться заново. Значит, он влюбится в меня заново. Я никуда его не отпущу и никому не отдам. Я останусь здесь. Буду его женой, буду Виратой Криафара и со всем разберусь: с болезнями, с артефактами, с убийцами, с огненной Лавией и остальными магами, со всем.

Вот и всё.

И мне вдруг становится легко. Легко и хорошо — если не считать какую-то напряжённую звенящую нотку внутри. Самое сложное — решение — уже принято.

Я смотрю на расстилающийся передо мной Криафар, и не сразу понимаю, что кто-то стоит за спиной. Открываю рот, чтобы пожелать Тельману — кому же ещё! — доброго утра.

Что-то узкое, жёсткое, шершавое на ощупь, резко обхватывает шею, боль пронзает позвоночник, отдаваясь в рёбра.

Неправильная, слишком острая боль. Тьма отвоёвывает кусочки неба — лиловые и апельсиновые вперемешку.

А потом всё вокруг становится тьмой.

Глава 58. Наш мир

Смешно, но в какой-то момент Вирата Крейне стала мне нравиться.

Эта странная лишняя героиня, которой не должно было быть. Нетипичная, нелогичная, непредусмотренная планом, она отстояла своё право на жизнь — во всяком случае, для меня. Отстояла своё право на Вирата, на трон, на право называться "главной". Конечно, умом я понимала, что персонаж книги — не живое самостоятельное существо, что за ней должен стоять прописывающий её действия автор, точнее, мой незримый соавтор, ведущий свою

собственную, непонятную мне игру, но об этом было так легко забыть... И мне пришлось менять поступки Вирата Тельмана, которого, сказать по правде, изначально я не собиралась оставлять главным героем, потому что... потому что я просто не смогла так подставить Крейне.

Я хотела, чтобы она осталась с Рем-Талем, благородным, умным и правильным, похожим на моего Кирилла. Может быть, потому, что я сама хотела бы с ним остаться. Но Крейне решила иначе. Крейне решила...

В какой-то момент я потеряла счёт времени, хотя на самом деле со времени моего появления в квартире Кнары Вертинской прошло не более двух-трёх недель. Я просыпалась, пила кофе, беседовала с Машкой-педипальпой. Читала выложенную на сайте проду, уже не удивляясь тому, откуда она там берётся, отчаявшись отыскать рациональные корни в окружившей меня мистической феерии. После того, как я заклеила написанную от руки главу скотчем, она всё равно появилась на сайте, и объяснить это было... трудно. В следующие дни я экспериментировала — писала проду под кроватью, на кухне, в ванной комнате, рвала на клочки и даже сожгла как-то раз в раковине — ничего не помогало. То, что было единожды написано, пусть даже этого никто, кроме меня, не видел и увидеть не мог, каким-то образом материализовывалось, хотя и в изрядно исправленном виде, но это всё же был мой текст! Я продолжала писать, и порой мне казалось, что я ничего не выдумываю — просто записываю приходящее откуда-то извне, нашёптываемое кем-то сверху. Иногда, правда, мелькала тревожная мыслишка о том, что я сошла с ума и сама это всё по ночам выкладываю, благополучно забывая об этом утром, но я старалась гнать её прочь.

Вечерами белокурая Милена приводила из садика маленького Тельмана, и я шла к нему в детскую и играла с ним, иногда — если Вячеслав задерживался, а задерживался он часто — укладывала Тельмана сама. Не потому, что Милена просила меня об этом, а потому, что мы с ним друг другу понравились. Никогда бы не поверила, что такое возможно, но мне действительно стало почти нравиться жить в этом запертом доме с чужим ребёнком и чужим мужем. Может быть, так и действует стокгольмский синдром? Телефон я продолжала исправно заряжать, но всё реже проверяла наличие сети, возможность звонков и сообщений.

Или — всё проще. Мне нравилось в тишине сочинять историю, пусть даже неведомый редактор безжалостно правил сюжетные ходы. Как будто я первый раз в жизни почувствовала себя на своём настоящем месте, и остальное отошло на второй план. Да и было ли оно, это самое "остальное"? Друзья, любимый человек, работа, родственники... я поняла, что в действительности не скучала ни по кому из них. Перипетии жизни выдуманной Крейне, судьба выдуманного Криафара стали гораздо важнее, чем возможное увольнение по статье, судьба моей однокомнатной квартиры, переживания Вали, Кирилла, кого там ещё...

...а ещё каждый вечер Вячеслав приглашал меня на ужин. Закончив писать очередную главу и уложив Тельмана, я умывалась, причёсывалась — за неимением лучшего — и отправлялась на кухню на свидание с ним. Конечно, я запрещала себе так думать, но ассоциация с ужинами красавицы Белль и её Чудовища была слишком сильна — за тем исключением, что я-то была далеко не красавицей, а запершее меня Чудовище оказалось интеллигентным, каким-то несовременным по своим повадкам и манерам обаятельным и привлекательным мужчиной. Вечер категорически отказывался обсуждать со мной текущие проды, но с удовольствием, каким-то искренним, я бы даже сказала, жадным любопытством

слушал мои рассказы о детстве, о юности, об учёбе, работе, жизни вообще, и несмотря ни на что, это подкупало. Он рассказывал и сам — но не о себе, по своему поводу Вечер предпочитал отмалчиваться или почти отшучиваться, мол "это было так давно, что я и не помню", а по поводу Криафара. Вероятно, их с Кариной беседы были преимущественно об её творчестве, иначе откуда бы ему знать о мире наших с Кнаркой фантазий так много?

Вячеслав рассказывал мне о солнечном Силае, стоявшем на берегу моря так заразительно, так вкусно, что я начинала чувствовать мятный и пряный запах водорослей, которые в изобилии вышвыривало на берег жаркое густо-бирюзовое море. О горном Травестине, родине Вираты Крейне — патриархальном государстве, в котором мужчины носят бороды до третьего ребра, а духи-хранители похожи на огромных пятнистых рогатых кошек. О милостивой Шиару и благостном Шамрейне, паре влюблённых друг в друга каменных драконах Криафара, похожих на крылатых скорпиутцев — шестилапых, с задранными кверху хвостами со стальными ядовитыми шипами на концах. О том, что созданию миров когда-то предшествовала война богов, но духи сумели договориться, завещав людям хранить и преумножать добро и мир. О том, что изначально все люди могли говорить с богами, но так злоупотребляли этим правом и донимали высшие сущности своими пустяковыми проблемами и хлопотами, что по итогу каждый из хранителей накормил одного из жителей подвластного ему мира собственной кровью, наделив тем самым особым даром понимать и говорить с ним только одного — и его род, соответственно...

Я уговорила Вечера сменить пафосную гостиную на тоже пафосную, но всё-таки более укромную и уютную кухню, села на диванчик у окна, поджав ноги, и слушала его рассказы в духе приснопамятной Шахеризады, попутно продумывая и представляя следующую главу.

Иногда Вячеслав присаживался рядом. Точнее, он каждый раз оказывался всё ближе и ближе, и ближе, и я отмечала это как некую неотвратимость, тревожащую, но не сказать, чтобы неприятную. Сегодня он оседлал стул прямо напротив меня, и эта фривольная, почти подростковая поза так не увязывалась с его серьёзным напряжённым лицом.

— Вас что-то беспокоит? — спросила я, мысленно истерически фыркая. Ну да... похитил человека, заставляет писать роман вместо своей исчезнувшей в неизвестном направлении жены — действительно, поводы для беспокойства определены есть!

— Да, — внезапно ответил он. — Скажите, Анечка... По поводу книги. Вы движетесь к финалу?

— Я движусь к финалу, — хмыкнула я. — Но, как бы вам это сказать...

— Нет-нет, не надо ничего мне рассказывать! Я просто хотел бы знать в самых общих словах...

Он бы хотел знать!

Я повертела чашку в руках — чая в ней оставалось на самом доньшке — и неожиданно для себя швырнула её об пол. Примерилась к тарелке.

— Марианна?!

— Я уже поняла, что вы ничего мне не скажете, — сказала я и швырнула тарелку об пол. — Так хоть пар дайте выпустить. Почему вы меня похитили?

— Я не похи...

Я схватила сахарницу и запустила ею в стену. Белые кристаллики разметались по полу.

— Аня! — Вячеслав не схватил меня за запястье, а лишь подставил ладони, сдерживая

мои руки. — Успокойтесь, пожалуйста! Всё же идёт к финалу, верно? Скоро всё закончится... для вас. Всё будет хорошо!

— Закончится?! — я взвизгнула, изумляясь самой себе — никогда не думала, что переход от спокойствия к истерике может быть таким мгновенным. — Чем это закончится, вы подумали?! Что буду делать я дальше? На работе меня уволят! Да всех ваших гонораров не хватит, чтобы оплатить столько сеансов психотерапии, сколько мне потребуется! Вы псих, придурок, сволочь, таких лечить надо лоботомией и кастрацией одновременно! Кем вы себя возомнили?! Если вы думаете, что я начну писать книги, то — не начну! Я этому не училась, я в этом деле полный ноль. Карина или кто там, мистический дух, телепатически считывающий идеи из моей тупой башки — и тот их правит до неузнаваемости! Я не писатель!

— Вы не писатель, Анечка, может быть, и так, — почти шёпотом произнёс Вячеслав, и я подавилась своими возмущёнными и правильными словами, уставившись в его лицо — совершенно нелепое после всего мною сказанного, восхищённое, почти восторженное лицо. — Вы гораздо больше. Вы демиург. Уникальная, неповторимая, кроме вас, никто не смог бы с этим справиться. Просто то, что случилось, то, что Карина исчезла — из ряда вон выходящая ситуация, и я прошу у вас прощения, но если бы вы знали, как велика ваша роль, вы бы...

— Вы её совсем не любите? — моя истерика закончилась вместе с подручной для битья посудой. — Вы настолько придурок, что вам важны только её книги, которые вы к тому же и не читаете?! Я понимаю, вы не любите чужого ребёнка, но жену...

— Я не могу её ни любить, ни не любить, — Вячеслав опустил взгляд на свои руки, всё ещё примирительно лежащие поверх моих. — Как бы вам объяснить... Я люблю её. Но это совсем иное чувство, нежели вы вкладываете в это слово.

— Иное?! Конечно, иное. Когда человека любят, а он внезапно исчезает, пропадает без вести, не сидят на кухне с другой женщиной, как ни в чём не бывало! Ищут, волнуются...

— Я ищу. И не только я... Вы — ключ к её возвращению, я же говорил. Вы и ваше творчество.

— Сама не понимаю, почему я с вами ещё разговариваю, — пробормотала я и тоже посмотрела на его руки. — Вот же псих, психов переубедить невозможно. Даже жаль. Если не считать явной беды с головой и вашего матримониального статуса, вы здорово похожи на мужчину моей мечты.

— Я? — кажется, смена темы и моего настроения удивила Вечера больше, чем моя недавняя истерика.

— Вы, вы. У вас приятная внешность, не смазливый красавчик и не перекаченный мачо, — меня понесло, и я мысленно махнула рукой на всё. — Сразу видно, ваше самое сильное оружие — интеллект, и мне это нравится, а особенно то, что при всём при этом вы умудряетесь ещё и неплохо зарабатывать. Вы отличный рассказчик, увлеченный, явно творческий человек. Романтик в душе, рыцарь, бард и интеллигент — восхитительный коктейль, к тому же у вас приятный низкий голос, вы выбираете замечательный парфюм, да и в одежде у вас есть вкус. Но, к сожалению, то, что вы псих, здорово понижает ваш личный рейтинг...

— Я вовсе не сумасшедший, Марианна. Просто в жизни всё гораздо сложнее, чем кажется, и поверить в то, что наша реальность многослойна, не так легко — особенно, если всю жизнь вас убеждали в обратном.

— Вы говорите не по сценарию! — мне вдруг стало почти весело. — Как жаль...

— А что я должен был сказать?

— Вы должны были сказать, что я тоже смахиваю на женщину вашей мечты. Разумеется, это была бы ложь, и я бы в неё не поверила, но мне было бы приятно, хотя бы первые четверть шага.

— Теперь вы говорите как настоящая жительница Криафара, — Вячеслав улыбнулся, и улыбка у него совершенно не безумная. Хорошая такая улыбка. — Вы — женщина моей мечты.

— Эх, — я с сожалением покосилась на пустой стол. — Я бы не против стать жительницей Криафара. Посуда разбита, а говорите вы совершенно неубедительно. Пожалуй, пора ложиться спать. Вы хотели узнать о финале? Я думаю, финал совсем близко. Крейне похи...

Ладонь Вячеслава ложится мне на рот, не касаясь кожи, буквально в паре миллиметров.

— Я не должен знать.

— Да почему? — я вскакиваю со стула — и он тоже поднимается. Я делаю шаг к нему, а он — от меня. — Что за бред вы мне тут несёте?! Сдаётся мне, шизофреником вы только прикидываетесь, шизофреники такие бабки не зарабатывают!

— Это может навредить сюжету. Исказить его.

— Почему?!

Вячеслав делает ещё шаг, врывается в табуретку, а мне невероятно хочется запустить в него вазой или сковородкой — но ничего подходящего под рукой нет, и я тоже пинаю ни в чем не повинную табуретку.

— Если вы мне сейчас не ответите, я вам до мельчайших подробностей расскажу.

— Анечка... Потерпите ещё чуть-чуть, скоро всё это закончится, и вы сможете вернуться к нормальной, привычной для вас...

— Я не смогу вернуться! — рявкнула я. — Как я смогу спокойно жить, зная, что...

Сформулировать было трудно. Зная, что я могу писать. Зная, что...

"Вы верите в мистику?" — спросил меня Вечер, когда мы ещё только подходили к этому дому, целую вечность назад, и я однозначно готова была ответить "нет". Но теперь я уже не была так уверена. Точнее говоря, несмотря на то, что всё вокруг, подходящее под характеристику "мистического" или, чего уж там, "волшебного" должно было в итоге получить рациональное объяснение — непременно должно было получить! — сомнение уже пустило корни внутри меня, острые, жадные, требовательные. И жить с ними было, наверное, возможно. Но какая эта будет жизнь?

Вячеслав смотрел на меня сквозь стёкла своих модных прямоугольных очков без оправы, и я протянула руку и сняла с него очки.

— Что вы делаете?

— Боюсь не справиться с желанием врезать вам кулаком в челюсть.

— Анечка...

— Да прекратите меня так называть!

Мы замолчали, глядя друг на друга с вызовом. Если быть честной, с вызовом глядела только я, а он глядел... с тем же самым нелепым восхищением. И от этого неуместного сияющего выражения в его глазах цвета насыщенного чёрного чая стало почему-то совсем тошно.

— Почему вы назвали меня демиургом?

— Потому что так оно и есть.

— Демиург создаёт миры, — с неожиданной для себя горечью сказала я. — Вот Кнара Вертинская... А я так, по сути, паразитировала на её почве и основе. Сама я ничего не создала с нуля.

— Но вы можете.

— Все могут! Писателей полно, взять тот же сайт прода. нет, там тысячи...

— Писателей много. Демиургов очень-очень мало. Я искал именно такую, как вы. И нашёл. Только вы можете продолжить то, что начала Карина.

— Я не понимаю... — прозвучало жалобно и жалко. Именно так, как я себя в этот момент и почувствовала.

Вечер вдруг погладил меня по волосам, легко, едва ощутимо, я бы сказала... благоговейно.

— Ваши слова, даже ваши мысли — имеют особую силу. Слова, написанные вами, воплощаются в реальности иного мира. Вы удивительны. Вы потрясающая. Просто вы об этом не знаете.

— Нет, — его слова были полным бредом, и никак иначе, но то, как он их говорил... Либо он великий актёр, либо искренне верил в сказанное. Мне так даже в любви не признавались.

— А я знаю.

Я никогда не была под действием гипноза, я даже не верила в его реальность. Самовнушение — да, шарлатанство — разумеется. Но сейчас... я не могла понять, что со мной творится. Уши заложило, как при посадке самолёта. Со мной — или окружающим пространством, которое стало размазываться, растекаться, определённо что-то происходило, и только глаза Вечера — ясные, тёмные — я видела совершенно отчётливо.

Красивые, опасные в своей силе глаза.

Дверь хлопнула, раскалывая наваждение, как стекло, я тряхнула головой, а мир вокруг снова стал привычным, чётким.

На пороге кухни стояла встрёпанная Милена. И смотрела она на Вячеслава.

— Нужно возвращаться, — резко сказала нянька, совершенно не так, как разговаривала обычно. Безо всяких сюсюканий и причмокиваний. — Возвращаемся. Немедленно.

— Но я... — Вечер резко надел очки обратно.

— Иначе возвращаться будет попросту некуда.

— Осталось совсем немного!

— Времени больше нет! — Милена почти заорала, и я в ужасе отступила, таким жутким казался и этот её новый голос, и это напряженное, бледное лицо. — Мы не успеваем!

— Демиург...

— Возвращаемся, живо! Ребёнка я усыпила на пару дней, больше не смогла. Дверь оставляю открытой. Кто-нибудь из соседей услышит плач, если мы уже не сможем вернуться.

— Эй, ребята... — начала я, а Милена вдруг обернулась ко мне, словно только что вспомнив о моём существовании. Потом опять уставилась на Вячеслава.

— Она на границе. Она уже не часть этого мира, но и тот своим не сделала. Она не сможет исправить всё быстро здесь — и вряд ли будет полезной там. А всё ты со своими дурацкими принципами. Мог бы давно ей всё рассказать.

— Прекрати истерику! — Вячеслав поставил табуретку на ножки и пододвинул ко мне, я опустила без капризов, понимая, что безумие заразно, и, возможно, имеет тенденцию

расти. — Что случилось?

— Девятая жива. И она жаждет мести и разрушения.

— Жива?! Но...

— Это значит, что она добралась до демиурга. Кто-то помог ей...

— Пожалуйста, — я не знала, плакать или подбираться туда, где из деревянной подставки соблазнительно торчали кухонные ножи. — Что происходит-то?

— Конец света, — сказала Милена. — Девятая жива. И если она снова вызовет гнев хранителей...

Няня снова уставилась на Вячеслава:

— Сила демиурга мёртвого мира напрямую зависит от его внутреннего состояния. К сожалению, здесь она сейчас нам не поможет. Но мы можем попробовать забрать её с собой, если ты перестанешь пускать слюни.

— Разве не ты хотела остаться здесь навсегда? — Вячеслав выдохнул и поднялся. Подошёл к окну.

— Не в таком случае.

— А-а-а-а! — заорала я изо всех сил, и сладкая парочка замолчала. — Кто вы? Что вы?

— Те, кого ты точно не ожидаешь здесь увидеть, — Милена закрыла лицо ладонями, а затем резко отняла их — и я опять чуть было не заорала, теперь уже не специально, а непредумышленно, от души.

Потому что её красивое кукольное лицо внезапно потекло вниз, как расплавившаяся силиконовая маска.

Глава 59. Криафар.

Тьма рассеивается неохотно, с сопротивлением впуская в себя внешний мир. Сначала я боялась её, но, погрузившись с головой, вдруг испытала ни с чем не сравнимое облегчение. Словно моё выборочное забвение, моя тревога, страхи — всё пришло в равновесие, и я перестала колебаться, дёргаться, смогла наконец-то расслабиться и уснуть. После столь острой, насквозь прошивающей боли, я была уверена, что умру, что меня отравили с помощью очередного смертоносного артефакта, вот только никто не успеет, не сможет приготовить для меня противоядие — и собственная кровь мне тоже, разумеется, не поможет. И я смирилась с этой мыслью, жаль было только тех, кто будет тосковать обо мне в мире живых — если такие будут.

Но вечность спустя тьма всё же начинает рассеиваться.

Мне чудятся чьи-то прикосновения, чьи-то мягко скользящие по коже ладони, и я пытаюсь раздвинуть губы в улыбке. Кто-то бережно держит меня на руках, и это так приятно.

— Тель-ман.

Представляю, как он испугался, увидев меня в бессознательном состоянии — я же теряла сознание? Но теперь всё хорошо. Может быть, я вообще бессмертна, как-никак, демиург, сотворивший самих богов... Но зря я опасалась, что Тельман меня разлюбит — нелюбимую так бы не нежили, не ласкали.

— Тель-ман... Мне надо сказать тебе...

Руки внезапно отстраняются от меня, а мир вокруг приходит в движение. Меня, безвольную, слабую и отяжелевшую, как свёрнутый в рулон ковёр, кажется, переворачивают лицом вниз, и совершенно неожиданно в нос ударяет резкий и такой знакомый запах протухшего мяса и раскалённого песка... Запах камальей шерсти. Меня куда-то везут. Везут

в максимально абсурдной для Вираты позе — переброшенным через спину камала упакованным тюком. Пытаюсь пошевелиться и быстрее разогнать мельтешащие перед глазами омерзительно чёрные сгустки, но сразу не получается. И дело не только в дезорганизирующем действии неведомого артефакта, а в банальных верёвках, стягивающих лодыжки и запястья.

Как-то это неинтересно. У кого-то кончилась фантазия.

...мне это не нравится.

* * *

Тьма уходит окончательно, но глаза открываются неохотно — в каждый будто по черпаку песка насыпали. И это отнюдь не метафора — я действительно вся в песке, несмотря на накрывшую меня с головой тёмную плотную ткань. Песок застрял в ресницах, попал в нос, колет воспалённую, словно бы обожжённую кожу лба и щёк, скрипит на пересохших губах. Если бы во рту скопилось достаточное количество слюны, я бы выплюнула его, но собрать слюну не получается и приходится перекачивать языком хрусткие песчинки.

Ничего не вижу из-за накидки, но тряска продолжается, а я несколько мгновений не знаю, подавать ли знаки того, что я пришла в себя — или продолжать тихо лежать, присматриваться, прислушиваться, попытаться освободиться и сбежать — если верить фильмам, это совсем не сложно. Только не сложно это, видимо, в каких-то других книгах. Связали меня накрепко, на совесть, так сказать, а в том, чтобы сползти с камала и рухнуть на землю с высоты в собственный рост, я не вижу никакой для себя пользы.

Кому я понадобилась? Зачем?

Верёвка впилась в кожу, судя по жжению, немилосердно в кровь стерев эпидермис, тело затекло, мышцы протестующе ныли, а ещё хотелось пить. Становилось всё жарче, может быть, накидка и спасала от палящего солнца, но жар шёл от песка, и неожиданно я решила — всё равно игры в храбрых разведчиков и супер-героинь были явно не про меня и не про изнеженную Крейне. Так что я задёргалась, как гусеница, и замычала, привлекая к себе внимание или хотя бы стараясь стряхнуть накидку и оглядеться.

Камал остановился, накидку с меня стянули, яркий оранжевый свет резанул глаза. Я проморгалась — на глазах выступили слёзы, едкие и горячие.

— Зачем, — прохрипела я, зажмуриваясь, и в этот момент в губы ткнулось стеклянное горлышко бутылки. Вода была тёплой, но даже так я жадно сделала несколько глотков, жалея о том, что нельзя умыть лицо. Некстати вспомнился бассейн. Смотровая башня. Ночь...Тельман.

Тельман? Разумеется, его не было и быть не могло, но если меня на руках нёс не он...

Всё становилось на свои места пугающе быстро — и в то же время непростительно медленно.

— Зачем, — повторила я уже чётче. — Зачем я тебе?

Вокруг — пески и камень. От Дворца мы уже отъехали далеко, но где именно находились — определить в данный момент в данной точке я не могла.

— А разве ты не догадалась? Ты в этой игре — переходящий приз, Вирата Крейне Криафарская. Выиграет тот, кто заберёт тебя первым. Впрочем... на самом деле тебя зовут иначе, демиург Криафара? Никогда бы не подумал, что тот, кто обладает таким всемогуществом, может быть настолько уязвимым и беспомощным. Поневоле задумаешься о том, что все мы равны по силе богам — просто в каких-то иных мирах.

— Не нужно словоблудствовать. Развяжи меня. Я всё равно никуда не убегу.

— Развяжу. Шагов через пять — непременно. Когда отъедем подальше

Рука похитителя медленно обводит овал моего лица, стряхивает налипшие песчинки. Затем на четверть шага её сменяет чуть влажное полотенце, а потом сильные мужские пальцы мягкими массирующими движениями втирают в нежную кожу мазь, холодную, будто извлечённую из погреба, почти ледяную, моментально снимающую неприятные ощущения жжения. Движение возобновляется, накидка вновь скрывает от меня песок и камни, укрывает от палящих солнечных лучей. Какое-то время мы движемся в молчании, но я нарушаю его, не в силах вытерпеть собственную беспомощность.

— Как ты узнал, кто я?

— Скажем так — мне подсказали, хотя было множество знаков. Я знал о призванном в Криафар демиурге, о том, что для слияния тел одно из них должно умирать — и в какую ночь это будет происходить. Знал и о чудодейственной силе крови. Но не сразу связал пытавшуюся покончить с собой Вирату Крейне, слабую девушку, не нужную игрушку капризного наследника трона, и безжалостного могущественного бога из иного мира, сотворившего по нелепой прихоти наш несовершенный мир. Девушка из Травестина, не знакомая с его обычаями, кардинально изменившаяся за два года, прошедшие после свадьбы... Я искал тебя и так долго не догадывался, что нашёл. Но если бы не оживший на моих глазах отравленный ядом випиры камал, я бы, вероятно, не догадался — хотя всё совпадало. Не хотел догадываться, наверное. Ты очаровательна, Вирата Крейне — не важно, на самом деле, как звали тебя раньше. Сейчас ты — это ты. И останешься ею.

— Призванный демиург? — переспрашиваю я. — Призванный кем?

— Я развяжу тебя, — говорит Рем-Таль, опять останавливая камала, сбрасывая с меня полог и глядя мне в лицо немного безумным и всё равно отрешённым взглядом. — Развяжу, когда ты поймёшь — тебя всё равно не оставят в покое. Твоя кровь слишком ценна. Ты сама — дар и проклятие Криафара. Твоя жизнь ничего не стоит, даже с учётом того, что вряд ли мир переживёт своего создателя в том случае, если демиург погибнет внутри него. Найдутся те, кто будет аплодировать этой гибели, нарезая на лоскуты твоё прелестное тело. А мне не нужна твоя кровь, не нужна твоя смерть.

— А что тебе нужно?

— Ты.

— Да неужто? — насмешливо и зло отвечаю я, хотя в этой унижительной малоподвижной позе довольно трудно сохранять самообладание и достоинство. — Только я?

— Ты. И трон Криафара. Ты мне поможешь.

— Да с какой стати?! — возмутилась я. — У меня есть...

— Кто? Что? Тельман слабак, ты думаешь, он будет долго хранить тебе верность после того, как получил своё? Да и трон он не удержит, и живым из Каменного дворца уже не выйдет, — улыбается Рем-Таль, но улыбка эта выглядит искусственной, наносной, она не касается его тёмных глаз. — Глупый мальчишка. Но ты — гарантия моей легальности. Моей силы. Лояльности магов. И я просто тебя хочу. Всё могло бы быть проще, если бы ты не бегала за своим Тельманом. Я до последнего хотел, чтобы всё случилось иначе. Наш разговор. И твоё согласие. А сейчас у нас нет времени. И выбора тоже нет.

— В лояльности магов уверенным быть не стоит, — я говорю это ровно, насколько могу, но при словах о том, что Тельман не выйдет из Дворца живым, у меня внутри что-то надрыдается. Лопается с хрустом.

— Почему же? О ритуале призыва демиурга я узнал не просто так, я лично участвовал в нём. Союзник-маг дорогого стоит. Разумеется, с ним придётся расплатиться, но ты хотя бы останешься живой. Даже останешься Виратой. Мы все в итоге выиграем, Крейне.

Я с размаху опускаю лицо в отвратительно пахнущую жёсткую бордовую шерсть. Всё, что угодно, чтобы больше на него не смотреть.

* * *

В какой-то момент мне кажется, что я снова проваливаюсь вниз, в подземный лабиринт, и мысль о заключённой там в камне Лавии обжигает почище горячего дыхания пустыни. Лавия. Вот кому я нужна, точнее, не я — кровь. Исцеление. Освобождение...

Лавия — хитрая, безжалостная, беспринципная. Могущественная. Ненавидящая всех и вся. Неужели Рем-Таль вступил с ней в сговор?..

Нет, неправильная постановка вопроса. Неужели Рем-Таль такой идиот, что мог подумать, будто я — или он — останусь живой после того, как попаду во власть Огненной? Что он останется в живых? Что его вожделенный трон будет стоять на чём-то, кроме груды костей?

Возможно, он действительно доверчивый идиот. Слишком долго ждавший своего — и так и не дождавшийся. И моё предложение занять должность виннистера было для него не наградой, отнюдь. Оскорбительной подачкой.

Но я ничего не успеваю ему сказать — песок взмывается вверх, подхваченный горячим стремительным вихрем. Стена песка идёт на нас, как цунами — но, не дойдя буквально пару метров, беззвучно оседает, расплзается в разные стороны, оставляя неподвижно стоящую худенькую, почти детскую фигурку. На голове прищельца — венчик из пустынного манника, такой объёмный и тяжёлый на вид, что удивительным кажется то, как тонкая шейка мальчика не переламывается от его веса.

— Ты долго, — маг вытягивает руку параллельно земле — и полоса песка поднимается, прижимается к его руке, словно металлическая крошка к гигантскому магниту, застывая прямо в воздухе узким лезвием без рукояти. В два шага вечный подросток, воздушный маг Вертимер подходит ко мне и несколько взмахивает своим импровизированным мечом, разрезая стягивающие мои руки и лодыжки верёвки. Я едва не вскрикиваю, но движения мага точны, словно все сто пятьдесят лет он упражнялся исключительно в фехтовании. Я предпочла бы удержаться верхом на камале, но не в таком состоянии — ослабевшее измученное тело соскальзывает вниз. Каким-то чудом Вертимер оказывается рядом и подхватывает меня на руки, слишком сильные для его тщедушной на вид фигурки. Песок поднимается и кружится вихрем, твердеет на глазах, словно пластилиновый мультяшник на ускоренном режиме: лепится подобие трона, подобие крытой беседки над головой, и я на автомате опускаюсь на песчаное сидение, твёрдое, как камень.

А потом Вертимер оборачивается к Рем-Талю — и порыв ветра отшвыривает Первого Стража на десяток метров. Судя по его ошеломлённому лицу — на такое он не рассчитывал.

— Ты был непочтителен с демиургом, человек.

Рем-Таль поднимается на ноги почти мгновенно. Отряхивается и идёт к нам — ветер придерживает его, но хотя бы не сбивает с ног.

— Между нами был договор!

— Был, — равнодушно кивает Вертимер. — Но за такое обращение с демиургом я оторву тебе руки. В договоре не было указано, что я не могу это сделать.

Маг отворачивается от Стража и делает шаг ко мне. Опускается на одно колено — я

вжимаюсь в песчаный трон, разглядывая юношу, который старше меня раз в шесть — а выглядит безобиднее цыплёнка.

— Мне жаль, что всё произошло именно так.

Его слова можно отнести к чему угодно. К проклятию, остановившему его рост и изуродовавшему кожу. К моему появлению в Криафаре. К моей скорой смерти.

— Мне тоже, — одними губами отвечаю я. В конце концов, менталистка Нидра отнеслась ко мне... адекватно. Нидра попросила за себя и не выдала демиурга остальным. Может быть, и Вертимер...

— Мне нужно проверить, — словно извиняясь, говорит маг, и венк — полузасохшее, съёжившееся растение — точно юркая випира, живое, извивающееся — сползает мне на колени, моментально браслетами-кандалами обхватывает окровавленные после верёвки запястья.

Я даже вскрикнуть не успеваю, как одушевлённый земной магией Вертимера куст выпускает шипы — или они всегда у него были? — и эти острые иглы прокалывают кожу, а песок утягивает меня внутрь, как болотная трясина. Тяну руки — и шипы вспарывают кожу, оставляя окровавленные бороздки.

— О да, демиург! — видеть почти плотское вожделение на этом юном, детском лице... отвратительнее вдвойне. Поникший стебель цветка расправляется, на глазах наливаясь силой, соком, жизнью. Выпускает белоснежный цветок — туго сомкнутые лепестки подрагивают.

— Демиург... — Вертимер равнодушно отшвыривает своего зелёного любимца с моих коленей, как нежная девица — упавшего с потолка таракана. Я никуда, совершенно никуда не могу сдвинуться, чем больше пытаюсь вырваться, тем глубже тону. Живот, грудь, ноги и руки по локоть увязли в тяжелой и вязкой субстанции, так мало напоминающей нормальный песок.

Мои окровавленные, разодранные в лоскуты запястья Вертимер целует. Не просто целует — слизывает выступившую кровь, жадно, втягивая шершавыми, как камни, губами капельки, контрастно склизко-мягким языком, облизываясь, едва ли не урча, как голодный кот. Желудок сводит рвотными спазмами. Вертимер с его кожей, больше похожей на корку засохшего апельсина, кажется мне огромным хищным насекомым — богомолем или деформированным гигантским комаром. Кажется, ещё чуть-чуть — и он вцепится в меня зубами.

Подошедший Рем-Таль хватается его за плечо и оттаскивает назад:

— Мы так не договаривались! Хватит!

Вертимер словно и не слышит его, и не видит. Он смотрит на свои руки, перепачканные в моей крови и песке, ощупывает лицо — а песок, оставшийся без контроля мага, выпускает меня из своих цепких объятий.

Но бежать мне некуда. И я даже не пытаюсь бежать.

Маг закрывает лицо ладонями, его плечи трясутся — мелко-мелко, и трудно разобрать, смеётся он или плачет.

— Ты получил своё! — Рем-Таль старается говорить уверенно и твёрдо, но получается у него так себе. — Теперь...

— Получил?! — Вертимер резко поднимается на ноги, а песок закручивается вокруг нас смерчем, и Рем-Таль дёргает меня за плечо, прижимая к себе. Но я всё равно успеваю увидеть произошедшие с магом перемены. Корка разгладилась, и теперь он выглядит даже

более юным и беззащитным, чем раньше. Нежно-розовые гладкие щёки с трогательными ямочками...

Но не этого он хотел.

— Моя кровь не панацея от всего! — выкрикиваю я, прежде чем он скажет или сделает что-то. — Она лечит болезни, а не просто исполняет желания! Твоё тело не меняется... это не болезнь, это нечто иное, результат, точнее, рикошет божественного проклятия. Снять его могут только сами духи-хранители.

— А кто их создал?! — еще более пискляво выкрикивает маг, смахивая слёзы со щек. Яростно взмахивает тонкими руками. — Кто?! Ты!

Песчаный смерч застывает над нашими с Рем-Талем головами. Возможно, в нём целая тонна песка — и как минимум десять тонн отчаяния. Хватит, чтобы похоронить нас заживо, размозжить головы — уж наверняка.

— Я выполнил свою часть договора! — повышает голос Рем-Таль. — Не моя вина, что у тебя не вышло. Теперь ты выполняй свою!

— Видишь ли... — Вертимер внезапно улыбается, и от этой улыбки мне становится совсем, совсем уж нехорошо. — Договор такая хитрая штука...

— Мы заключили его, как положено. На крови!

Я чувствую, что Рем-Таль на грани, и его руки сжимают мои плечи до синяков.

— Слишком много крови, — Вертимер смеется, тонко, дребезжаще, и резко обрывает сам себя. — Когда мы проводили ритуал призыва демиурга в мир, я позаимствовал у тебя каплю. Не помнишь? Я сказал тебе, что она была нужна для усиления призыва, но на самом деле это было не совсем так. Я просто приберёг её до лучших времён. Ты заключил договор с самим собой, Страж короны. Девушку я забираю.

Кажется, пальцы Рем-Талья сейчас сломают мне кость. Он не возражает, не выкрикивает оскорблений или чего-то пустого и бессмысленного в этом же духе, просто произносит:

— Зачем она тебе?

— Мне — уже незачем, это верно. Но есть та, которая ждёт её, ждёт уже целую вечность. Я просто хочу её порадовать. Сказать по правде, я никогда не хотел ничего иного так сильно.

Глава 60. Криафар.

Дальше всё происходит почти мгновенно, словно пространство между мной и Рем-Талем взрывается, и нас разбрасывает в разные стороны воздушной, точнее песочной волной. Меня втягивает внутрь, стремительно, и Рем-Талья я больше не вижу. Я выкрикиваю его имя, уже понимая, что это бесполезно, что он меня не услышит, а если бы и услышал — это ничего бы не изменило, и всё равно не могу перестать кричать и звать его. Не на помощь. Я хочу услышать, что он жив, что сумасшедший маг, которому уже нечего терять, не уничтожил его — просто так, чтобы не оставлять следов. Но ответа нет. Впрочем, у меня заложило уши, песок везде, свет так резко сменяется тьмой, что трудно думать и помнить о чём бы то ни было, погрузившись в калейдоскоп стремительно меняющихся физических ощущений: глухота, слепота, удушье, и я не знаю, за что хвататься, что пытаться прикрыть и уберечь.

К счастью, это длится недолго. Я не ощущаю удара от падения, боли как таковой, но воздух вокруг сотрясается, и всё наваливается разом: я слепну, глохну и задыхаюсь, содрогаясь от попыток выплюнуть песок, вытрясти его из себя. Не чувствую собственного тела, а когда всё заканчивается, понимаю, что не могу пошевелиться.

Золотые рунические знаки вспыхивают то тут, то там — и темнота отступает. Даже не успев разглядеть окружающее пространство, я понимаю, что уже была здесь, буквально несколько дней — а кажется, целую вечность — назад.

Постепенно я осознаю не только пространство, но и себя в пространстве. Я не лежу. Стою. Нет, не стою, вертикально зависаю в воздухе, стопы не касаются земли. Одежды нет, никакой. Руки раскинуты в стороны, ноги, наоборот, сжаты, и я вдруг понимаю, что моя поза до боли напоминает позу одного распятого на кресте бога из моего мира.

Пытаюсь скосить глаза на собственные ладони, но не получается. И я их не чувствую. Ноги ниже колен, руки дальше локтей онемели.

Каменный крест — или что у меня за спиной — вдруг приходит в движение. Медленно движется, подрагивая, кренясь то в одну, то в другую сторону, постепенно ускоряясь. Я словно лечу, точнее — падаю, не имея возможности остановиться или как-то замедлить это параллельное земле и небу падение. Стремительно приближаюсь к высокой отвесной скале, не успеваю даже закричать — остановка такая резкая, что голова автоматически запрыкивается назад — а потом мой многострадальный лоб врежется в камень.

Если бы в желудке была хоть какая-то еда, она бы наверняка выплеснулась наружу, но тошнота быстро отступает, уступая дорогу звону в ушах и слабости.

Что-то подталкивает меня вперёд, вдавливая в скалу с такой силой, что кажется, органы внутри сплющиваются и лопаются мыльными пузырями. Камень холодный и твёрдый, но я прилипаю к нему, как муха к полоске скотча.

Чей-то низкий голос, в котором так трудно узнать подростковые птичьи интонации Вертимера, что-то бормочет — усыпляюще-мерное и в то же время ритмичное, нечленораздельное.

А потом я ощущаю прикосновение чего-то острого к обнажённой спине, чувствую, как рвётся моя натянутая и беззащитная капроновая кожа, но крик тонет в топкой каменной толще.

Прямо перед моим лицом вспыхивает ярко-голубой глаз, зрачок буквально светится на фоне кроваво-красной склеры, новый голос звучит в голове. Слов различить не могу, то томные стоны, то горькие всхлипывания, то хрипы.

Лавия смотрит на меня, предельно близко, так, что будь она человеком, я чувствовала бы её горячее дыхание на губах. Я уже не понимаю, где проходит граница между моим телом и камнем, словно... словно я тоже расплавилась и стала частью подземной скалы. Кровь течёт по рукам, спине, ягодицам, ногам, животу — из вырезанных Вертимером рун, кровь впитывается в камень, и когда рядом с первым открывается второй глаз, мне уже слишком плохо, чтобы чего-то бояться.

Головокружение. Жажда.

Отчаянный стук сердца под самым горлом.

* * *

Огненная Лавия с любопытством смотрит на окровавленную обнажённую девушку, беспомощно обвисшую в каменных путах. Тёмные влажные волосы прилипли ко лбу, шее и плечам. Вырезанные шипом пустынного манника руны на её теле кажутся чёрными. Когда-то она прозвала своего нежданного поклонника и помощника Шипохвостом из-за того, что он напомнил ей это хитрое растение, выпускающее шипы в самых редких случаях. Например, когда хочется выпить чужой крови.

Ей унизительно пользоваться его помощью, ей, могущественной магичке. Сумевшей

когда-то разбудить духов-хранителей, сумевшей перенести демиурга из его родного мира в её мир. Но сейчас сила ещё не вернулась к Лавии в полной мере, хотя камень отпустил, выплюнул её прекрасное тело. Огненные всполохи срываются с кончиков пальцев, искры пробегают по волосам, скатываются по прекрасному телу, не постаревшему, почти не изменившемуся с той страшной ночи, перевернувшей судьбу Криафара. Только на левой руке остался довольно-таки тяжелый острый каменный нарост, а на левой стороне лица в кожу намертво врос каменный ромб, но для Девятой это было не так уж важно. Она прижалась нормальной целой щекой к животу потерявшей сознание девушки, наслаждаясь давно забытыми тактильными ощущениями, впитывая её живое тепло.

Пока ещё живое.

Випиры, лизары и скорпиутцы сползались, образуя постепенно сужающийся круг вокруг трёх человеческих фигур. Они не издавали ни звука, выжидая, внимая, вглядываясь в темноту круглыми немигающими жёлтыми глазами. Даже огненные искры их не пугали, впрочем, Лавии не было никакого дела до своих бессловесных вечно голодных питомцев.

Шипохвост, мальчишка-маг, смотрящий на неё восторженно, испуганно и подобострастно, залепетал откуда-то снизу:

— Гвирта, человеческое тело демиурга слабо... Она потеряла очень много крови. Она может умереть в любой момент, гвирта.

— Ты боишься? — Лавия не повернула к нему головы, ещё раз потёрлась щекой о живот девушки, поцеловала выступающую косточку бедра, вдохнула давно забытый пряный человеческий запах. — Пусть умирает. Нам с тобой не место в этом мире. В тот момент, когда душа демиурга покинет свое убогое материальное пристанище, этот мир погибнет, рухнет, будто домик из деревянных лучин. Я попробую выскочить из горящего Шайю, Шипохвост, и тебя вытащу. Ты привёл демиурга, ты заслужил награду. Если ты сам хочешь продолжать своё бессмысленное существование, разумеется.

Лавия лизнула нежную кожу девушки, звавшейся в этом мире когда-то Крейне.

— Какая она слабая. Но вкусная. Ароматная. Ты хочешь пойти со мной в другой мир, Шипохвост?

Вертимер болезненно сощурил глаза, обхватив себя руками за узкие плечи, смотрит на её тонкую фигурку. Огненно-рыжие волосы скрывают наготу упругой небольшой груди. Голубые глаза с кровавыми склерами выглядят пугающе, но ему нравится в ней даже это. Округлые бёдра, ровные стройные ноги, маленькие аккуратные ступни. Кое-где каменные наросты ещё остались, уродуя кожу, но... Она само совершенство. Такой она казалась ему сто пятьдесят лет назад, такой же кажется и сейчас. Тогда Вертимер мог только молча смотреть на неё, не в силах поверить в то, что когда-то сможет быть для неё нужным, единственным. Быть хоть кем-то.

Ему так хочется её коснуться.

— Вы освободились, гвирта. Но демиург ещё жива.

— Что ты хочешь сказать?

— Она может быть полезной...

— Тебе?! — Лавия насмешливо фыркает, отстраняясь от столь желанной плоти. Поднимает с земли нечто лёгкое, бесформенное и тёмное, заворачивается в сброшенную кожу исполинского лизара. — Разве ты уже не пытался это сделать — вперёд меня, совершенно безуспешно? Думал, что я не узнаю? Такова твоя верность, твоя готовность к самопожертвованию, в которой ты не раз мне клялся? Глупый Шипохвост... Всё это время

ты думал только о себе. Пытался отыскать демиурга для себя самого.

— Нет! — лицо столетнего мальчишки искажается в хнычущей гримасе. — Я хотел... Я думал...

Лавия хохочет.

— Какая мне разница, как и на сколько лет ты выглядишь, Шипохвост? Как бы ни выглядел, ты останешься тем, кто ты есть: маленьким безмозглым ничтожеством, только и всего. Никакая кровь, никакой ритуал не изменят твою жалкую суть... Но если не для себя, зачем тебе её кровь?

Лавия почти ласково касается выступающих ключиц правой рукой, проводит точёным пальцем линию от впадинки под шеей до пупка. Замирает в задумчивости с рукой, лежащей на животе Крейне.

— Есть и другие, — голос Шипохвоста похож на шипение разбуженной випиры, тихий и слабый. — Мы могли бы...

— Пусть они сдохнут, — улыбается Лавия, поднимая кверху левую руку с влитым в неё заострённым каменным осколком.

— Но, гвирта... Они же наши. Они из Совета Девяти! И они тоже...

— Тоже?! — голос Лавии вдруг срывается на фальцет. — Они предали меня! Бросили! Все эти сто пятьдесят лет они были живы. Они были вместе. Они радовались моей смерти! И теперь я должна принести им избавление? Ну, нет!

Скалы вокруг подрагивают, мелкая каменная крошка сыпется с каменных стен.

Одна из випир скользит по голым ступням Лавии, магичка наклоняется и резко хватается свою добычу — та обмякает в её руке.

— Сто пятьдесят лет я не ела. Не дышала. Не пила. Но теперь...

Лавия выгрызает кусок плоти из ещё живой, конвульсивно дёргающейся змеи, кровь течёт по её и без того окровавленному подбородку.

— Да начнётся веселье! Впрочем... Не хватает ещё одного действующего лица. Вертимер...

Маг вздрагивает. Первый раз магичка обращается к нему по имени. И не просто обращается — подходит ближе, запускает правую, нормальную ладонь в волосы на затылке и тянет голову к себе, словно собираясь поцеловать. Но, разумеется, не целует, только смотрит на его лицо, такое зачарованное и растерянное.

— Приведи мне...

— Стража?

— Что? Нет, зачем мне это очередное ничтожество, мне вполне достаточно тебя. Приведи мне Вирата Тельмана. Живого и невредимого. И самое главное, одного.

— Я не смогу дойти до дворца! — почти испуганно восклицает маг. — Я привязан к Пирамиде..!

— До дворца и не надо. Вират Тельман, потеряв любимую супругу, доберётся к нам сам. Точнее, он отправится к Пирамиде, — словно прислушиваясь к чему-то, Лавия прикрывает свои жуткие глаза. — Твоя задача — привести его ко мне. Одного. Скажи ему... Впрочем, неважно. Я думаю, ждать нам останется недолго. Люди так предсказуемы, Шипохвост.

Глава 61. Криафар.

Зрение возвращается резко, внезапно, словно кто-то повернул выключатель. Несколько мгновений я не моргая созерцаю голые женские ступни, прямо перед моим лицом, непривычно огромные, словно некая великанша решила постоять рядом с лежащей на земле

мной. А потом понимаю, что моргнуть не могу в принципе, как и закрыть глаза, словно век у меня нет вовсе. Изображение мутное, размытое, цвета блёклые и смазанные. Гигантские ноги топчутся в опасной близости.

Миг — и картинка меняется, становится более чёткой, но ракурс всё равно неудобный для обзора, я смотрю на всё снизу вверх. Вижу тонкую гибкую женщину с копной ярких, мерцающих и переливающихся волос. Из какого-то непонятного тёмного рубища, обёрнутого вокруг её тела, торчат голые руки и ноги. Рядом с женщиной переминается с ноги на ногу худощавый и невысокий мальчик-подросток. Мальчик и женщина стоят перед ещё одним человеческим телом, в причудливой крестообразной позе распластавшимся на нелепо торчащем посреди пустого пространства треугольном куске скалы. Окровавленные запястья раскинутых в стороны рук девушки удерживают каменные браслеты.

Я долго смотрю на измождённое лицо с заострившимся носом, чёрные прямые волосы падают на щеку, подчёркивая нездоровую мертвенную белизну кожи. Глаза закрыты. Возможно, это тело уже перешло границу в сторону небытия, разложения и тлена.

Отчего-то она кажется мне знакомой.

Я не чувствую боли, не чувствую усталости, страха или сожаления, наблюдаю за происходящим отстранённо, почти равнодушно. Пожалуй, непривычно только ощущать себя такой маленькой и невысокой, какой-то вытянутой, словно я лежу на земле, но при этом холод каменного пола меня не беспокоит. А ещё что-то неприятно, требовательно тянет внутри.

Голод.

Я хочу есть.

Мой взгляд странным образом перемещается то туда, то сюда. Сначала я нахожусь сбоку от троицы, потом сзади, затем неожиданно спереди. Мальчишка молча слушает что-то говорящую ему спутницу, покорно склоняет голову и скрывается в темноте, а женщина с яркими волосами и черноволосая девушка с закрытыми глазами и всё медленнее пульсирующей кровью остаются. Я делаю шаг вперёд, очень странный, почти не требующий усилий шаг, одной ногой, второй... третьей..? — но в этот момент стена пламени кругом огораживает от нас этих огромных людей. Огонь... страшный, горячий. Я боюсь огня и останавливаюсь.

От нас? Нас. Нас много. Рядом стоят другие, такие же, как я, неподвижно, вождеюще разглядывающих человеческие фигуры. Люди — странные существа.

Опасные.

Но желанные.

Вкусные...

* * *

Время не ощущается, ожидание чего-то неизвестного не напрягает, не пугает. Смущает только голод, но сам факт голода я только отмечаю, а не оцениваю. Тело не устаёт от многочасовой неподвижности, более того, я хоть и уверена, что тело у меня есть, не могу его даже мысленно представить, отвести взгляд от той самой женщины с яркими волосами. Она делает какой-то непонятный взмах рукой — и осколок скалы выпускает свою окровавленную, выпитую, кажется, досуха добычу, отодвигается в сторону, вжимаясь в одну из скал так, что трудно поверить, будто пару шагов назад было как-то иначе.

Тело девушки безвольно падает на землю, а та, что стоит на ногах, склоняется над ней. По-звериному обнюхивает, касается коротким мягким языком. Улыбается.

На поверхности скал то тут, то там вспыхивают какие-то знаки, но и эти вспышки холодного света не заставляют меня повернуться к ним. Я почти упускаю момент, когда на импровизированной сцене, защищённой от зрителей огненным кругом, появляется новый персонаж: высокий мужчина с тёмными волосами до плеч. Он идёт неровно, чуть прихрамывая, но всё же отпинаывает, отшвыривает подползающих тварей, впрочем, те не слишком спешат нападать. Хозяйка не велела.

Но при виде него мои ноги... лапы делают шаг вперёд. Сами собой. Я расталкиваю лежащих, точнее стоящих рядом существ — таких же, как я, вытянутых, узких, равнодушных ко всему и вся, кроме страха перед женщиной и её огнём, кроме тянущего и сосущего голода внутри, существ, покрытых жёсткими хитиновыми панцирями и чешуёй, к людям, очевидно, не относящихся. Они не вызывают у меня страха или отторжения. Мой взгляд по-прежнему скачками перемещается то туда, то сюда, пока я, наконец, не оказываюсь на максимально удобной для обзора точке. Острые твёрдые лапы скребут по камню, пока я вглядываюсь в этого нового человека. Его глаза мне не видны, но я чувствую напряжение, переполняющие его эмоции так же явно, как жар огня и запах палёной плоти одной из сунувшихся в костёр тварей.

Перед темноволосым мужчиной огонь расступается, пропуская его внутрь круга. Он проходит — и тут же падает на колени перед лежащей на полу девушкой.

Я слышу человеческие голоса, беспокойные, громкие, шумные. Слышу, как стучат их сердца.

* * *

Огненная Лавия смотрит на Вирата Тельмана с неподдельным интересом, а Вират только бросил на неё короткий настороженный взгляд — и упал на колени перед безучастной ко всему, бледной и холодной Крейне, обнял, прижал к себе, стал растирать кожу, укутывать в свою накидку, что-то шептать, кричать, трясти, пытаться вдохнуть воздух в безвольно приоткрытые губы... Маг Вертимер, прозванный Лавией Шипохвостом, остался в стороне, обезопасив себя от прожорливых тварей вертящимся у ног маленьким смерчем, впрочем, их внимание было целиком поглощено той, что последние полторы сотни лет признавалась за полноправную хозяйку.

Лавия разглядывала суету и драму юного человеческого короля почти с удовольствием.

— Она потеряла много крови, — наконец, дождавшись тишины, проговорила магичка, по-птичьему склонив голову. — Она уже не дышит, её сердце не бьётся. Ты опоздал, Вират. Она умерла.

Тельман поднял на неё невидящий, безумный взгляд, продолжая обнимать и прижимать к себе Крейне. Ткань его светлой одежды пошла бордовыми кровавыми разводами.

— Нам надо выбраться наружу. Надо к целителям, надо позвать кого-то на помощь...

— Поздно, — голос Лавии обволакивает, давит изнутри, подчиняет, убеждает, лишает воли. — Поздно, Вират. Её больше нет. Целители не возвращают из мёртвых. Даже боги не возвращают. Мы все потеряли кого-то, и ты пополнил список своих потерь. Боги отняли её у тебя.

— Она не умерла, — голос Тельмана, скрипучий, механический голос трудно было бы узнать тому, кто хотя бы говорил с ним раньше. — Она жива, жива, она просто устала... И замёрзла. Ей надо отдохнуть. Её надо согреть. Крейне...

— Разве ты чувствуешь холод? — улыбается Лавия. — Мне кажется, здесь достаточно тепло... для живых.

Огонь, будто подтверждая её слова, взметается выше, а столпившиеся за его пределами твари толкаясь, пятятся назад — или пытаются развернуться.

Время утекает шаг за шагом, а Тельман всё сидит на каменном дне, продолжая укачивать свою Крейне.

— Кто ты? — говорит, наконец, Тельман, явно не понимая до конца значения чужих и собственных слов. — Что с ней? Кто с ней это сделал? Кто ты?

— Ты задаёшь вопросы, ответы на которые не важны и уже ничего не изменят. Куда существеннее, кто ты.

— Кто я? — переспрашивает Тельман. Песок пустыни обошёл с ним куда более безжалостно, нежели некогда с Крейне, его лицо и руки исцарапаны, нога после падения двигается плохо, но он как будто не чувствует боль ни от открытых ран, ни от соприкосновения с ними едких проступивших на глазах и то и дело срывающихся вниз злых слёз. — Кто — я?

— О, да. Ты провёл большую часть жизни во дворце, Вират Тельман, потому что был уверен, что тяжело болен, но это не так. Мы с тобой похожи. Моя жизнь большей частью тоже прошла взаперти и не по моей воле. Много лет назад меня заперли здесь, в тёмном подземелье, среди холодных камней и безмозглых тварей, имеющих, впрочем, глаза и уши и подвластных мне. Так что несмотря ни на что, я знаю даже больше, чем ты. Гораздо больше. Твой Страж предал тебя. Он похитил твою женщину, потому что захотел её себе, как доказательство того, что он лучше тебя во всём, и отравил воду, которую ты бы выпил после того, как проснулся.

— Я не пил никакой воды, — отстранённо отвечает Тельман, целиком погрузившийся в свою боль, но продолжающий, словно по привычке, реагировать на звуки, поступающие извне.

— Не пил, — соглашается Лавия. — Потому что один из моих посланцев опрокинул бутылку. Ты же нашёл осколки? Видишь, я знаю многое. И я спасла тебе жизнь.

— Рем-Таль? — медленно повторяет Вират, словно только сейчас эта мысль до него доходит. — Рем-Таль хотел меня убить? Рем-Таль убил Крейне?.. Но зачем?

— Твой Страж её только привёл, — мягко поправляет Лавия. — А что касается того, кто виноват в её гибели... Я и мой друг, маг, были вынуждены это сделать. Её кровь целебна, чувствуешь, как стихает боль твоего тела после того, как ты испачкался в ней? Но смерть Вираты не наша вина. Нас заставили. Вынудили.

— Кто? — Тельман покачивает обмякшую в его руках девушку. Да, она холодная, холодная, как камень, несмотря на то, как задорно и жарко пышет в опасной близости живой и жадный огонь. Невыносимо видеть, чувствовать её такой.

Вместо ответа Лавия опускается на корточки и стучит оставшимся на её левой руке каменным наростом по полу.

— Те, кто надёжно скрыты от людских глаз. Те, кто вот уже полтора столетия спят, не имея возможности проснуться, но желая обрести её, вернуть утерянное могущество. Боги, Вират. Кровь твоей Крейне нужна спящим духам-хранителям, когда-то уничтожившим Криафар.

— Но зачем? — Тельман утыкается лбом в лоб Крейне.

Холодный, холодный, камень и небо, какой же холодный!

— Они любят кровь. Они любят смерть. Знаешь, сколько крови они получили тогда, когда вырвались на волю? Мой муж был Служителем, одним из тех, кто мог говорить с

ними, быть понятым ими и услышанным. По легенде, когда-то богов утомили людские просьбы и мольбы... Да ты знаешь эту сказку, Вират! Мой Каруйс умел говорить с богами. Но его разум помутился от горя, когда я потеряла нашего ребёнка... Боги возжелали его крови так же, как сейчас — крови твоей жены. Я не могла противостоять их воле. Не смогла спасти её.

— Что мне сделать? — плечи Тельмана дрожат, он весь дрожит, обхватывая Крейне.

— Позови их, — голос Лавии становится тише, вкрадчивее — и парадоксальным образом глубже. Голос Девятой вибрирует и звенит, отскакивая, отражаясь от стен. — Позови их, ну же. Они убили твою Крейне. Они убили твой мир. Пожелай им смерти. Прокляни их. Пусть они почувствуют твою боль. Пусть им тоже будет плохо. Как тебе. Как и мне. Я помогу тебе, я умею... Просто разбуди их, Вират.

— Я не... могу. Я не знаю, как. Я не могу!

— Можешь... — узкая горячая ладошка Лавии ложится на плечо Тельмана, задирая рукав его рубашки. — Смотри. Смотри!

Тельман невольно опускает взгляд на собственную кожу — и видит огненные древние руны, проступающие на ней.

— Это знаки избранного богами, — шепчет Лавия. — В тебе их кровь. Поэтому тебя забирали, поэтому следили, чтобы ты был всегда на виду — эта древняя магия не любит сторонних глаз, для пробуждения ей нужно уединение. Ты не должен был знать, какой силой и властью обладаешь, это могущество в руках порочного мальчишки опаснее заточенного кинжала в руках несмышлёного ребёнка... Но сейчас я с тобой. Я помогу тебе. Ты должен отомстить, ты сможешь. Просто позови их. Обратись к ним, Тельман Криафарский! Посмотри на свою Крейне. Ты любил её. А они её убили. Выпустили из неё кровь и жизнь. Неужели ты спустишь им такое?

Тельман трясёт головой, словно пытаясь вытряхнуть сорные слова, но их, этих слов, таких липких и сладких, с привкусом гнили и плесени слишком много.

— Я не знаю, как!

— Как угодно! — огненное кольцо сжимается, тянется к магичке. — Они услышат тебя. Ну же, давай! Давай! Крейне умерла. Её прекрасное тело сожрут пустынные твари... Зови!

И Тельман... кивает.

Глава 62. Криафар

"Нет!"

"Нет", — вот что я хочу сказать Тельману. Вот что я должна, просто обязана ему сказать! Но изо рта — нечеловеческого, неуклюжего рта — вырывается только какой-то жалобный невнятный писк.

А черноволосая девушка на его руках по-прежнему кажется неподвижной тряпичной куколкой.

"Нет!" — я то ли пишу, то ли шиплю, то ли хриплю, не в силах ни пробиться сквозь огненную стену, ни произнести что-либо членораздельное, человеческое, подпрыгивая на коротких лапках лизара, пятясь скорпиутцем, извиваясь випирой, но всё это не привлекает внимание Тельмана. Другие твари отпихивают меня, наваливаются своими острыми колючими тушами, лапы скрипят по камням, сдавленные пiski и шипение перекрывают мой голос, взывающий к нему, и я могу только бессильно наблюдать, как искажается торжествующей улыбкой прекрасное, несмотря на каменную проплешину, лицо Огненной Лавии, как пламя разгорается всё сильнее. Я не слышу тех слов, что произносит Тельман, его

губы подрагивают, и я надеюсь — эта надежда огромна, гораздо больше, чем моё тщедушное тельце, чем моё слабое новое сердце размером с напёрсток — я надеюсь, что Лавия ошиблась. Что духи-хранители не услышат Тельмана, что они — глубоко спящие в недрах земли — не пробудятся, потому что...

Потому что всего этого просто не должно случиться! Во всем виновата одна безумная магичка, а я, я жива, я ещё здесь, ничего ещё не потеряно! Я же могу вернуться, и тогда...

На открытых участках кожи Тельмана, точно отдохнув и собравшись с силами, вспыхивают золотые руны. Он весь горит чистым золотом, не прекращая обнимать моё прежнее человеческое тело, а его губы шевелятся, говоря, говоря, говоря...

Если даже я не слышу этих неправильных, навязанных ему слов, то как могут слышать и поверить им спящие глубоко в недрах земли боги?

Я не могу закрыть глаза или уши. Я вижу, как Лавия наклоняется к Тельману, тянет его за прядь волос, чувственным и одновременно каким-то плотоядным тягучим движением. Прижимается к уху и шепчет что-то, а он не сопротивляется. Его лицо перепачкано в пыли, песке, слезах и крови.

Он начинает говорить громче, громче и громче, почти кричит, а я так и не могу разобрать слов.

Внезапно я понимаю, что тела подземных тварей больше не сжимают меня со всех сторон, наоборот — я остаюсь чуть ли не в одиночестве, а те, кто так похож на новое пристанище моей скиталицы-души, убегают, расползаются прочь, торопясь покинуть каменное подземелье. Даже не успеваю подумать, почему: это чуткое тело мгновенно улавливает подземную дрожь, конвульсивные пульсирующие толчки, и первый порыв — бежать со всех лап вслед за остальными, не думая, не разбирая дороги...

Но Тельман здесь, и я остаюсь тоже, хотя инстинкты вопят об обратном:

"Убегай! Опасно!"

Очень скоро люди тоже почувствуют болезненную вибрацию каменной плоти мира.

"Не надо!" — я умоляю Тельмана, уже понимая, что опоздала. Пробираюсь к нему, огненное кольцо внезапно падает, словно залитое водой, наскальные руны гаснут, и только золотое лицо и руки моего Вирата какое-то время продолжают светиться в абсолютной тьме подземного лабиринта.

Очень скоро гаснет и этот свет. Я ползу — или бегу, сложно сказать, но в какой-то момент понимаю, что неподвластная мне магия перемещений снова отбросила меня от него — и я больше его не вижу, не чувствую...

А потом мир взрывается, и я — не более чем крошечное стёклышко — разбиваюсь, взрываюсь тоже.

* * *

Никогда не знала, не думала о том, как может ощущать себя живое существо пусть не в эпицентре — просто в зоне действия ядерного взрыва. Правомерно ли сравнить разрушительную силу высвобожденной тепловой и лучистой энергии — и чудовищный по мощности выброс магии. Выброс, ощущаемый физически — как волна уплотнённого воздуха, которая расшвыривает в сторону многометровую толщу песка и многотонные камни с той же лёгкостью, как и мелких пустынных тварей, перемалываемых в пыль, становящейся теми самыми пылью и прахом, из которых они некогда возникли.

Моё сознание, мой взгляд перебрасываются из одного тела в другое с такой невероятной скоростью, что я почти не успеваю ничего отразить, даже просто принять к сведению. В

какой-то момент я вижу яркую оранжево-синюю вспышку — сложно сказать наверняка, цветовосприятие, да и в целом зрение у обитателей пустынь бесконечно далеки от совершенства. Но я понимаю, что означает этот огонь: Лавия окружила себя и стоящих — а также лежащих — рядом с ней людей защитной огненной сферой. Всё-таки она всегда была сильнейшей, жаль, это не принесло счастья ни ей, ни другим. Я больше не вижу Тельмана и Крейне, но, сказать по правде, удостоверившись, что они живы и Лавия удерживает свой щит, я в их сторону и не смотрю.

Своими круглыми, несовершенными, слабыми глазами без век я гляжу на раскаляющуюся, точно скорлупа гигантского яйца, поверхность криафарской пустыни. Возможно, находишься я в человеческом теле, испытывала бы страх. Непомерный ужас с ноткой возбуждённого восхищения, осознания собственной слабости и ничтожности перед неконтролируемой неподвластной никому из смертных стихией.

Камень идёт трещинами, песок взмывает в воздух и плавится, опадает уродливыми бесформенными ошметками. Земля дыбится, вибрирует, нагревается, и даже мне, находящейся в отдалении, в этом устойчивом в равной степени к холоду и жаре теле становится не по себе.

"Убегай! Опасно!"

То, что должно проклюнуться из каменной скорлупы, поражает не столько размерами, сколько силой...

В какой-то момент всё замирает, стихает, даже парящие песчинки, ещё не успевшие опуститься, так и застывают в жарком пронизанном апельсиновыми лучами света воздухе. Звуки тоже не движутся, бессильные, потерявшие власть над пространством. Может быть, время остановилось..? Может быть, на этом всё и закончится?

Но хитроумная и предусмотрительная Девятая не опускает щита.

* * *

На самом деле, всё происходит мгновенно. Тишина остаётся тишиной, если что-то и нарушает её, то отнюдь не несусветный грохот, разрывающий ушные перепонки, или трагически-напряжённый саундтрек, словно бы сам собой включившийся на заднем плане, а глухой хлопок прорвавшегося наконец нарыва мёртвой почвы Криафара.

Я знаю, что я увижу, точнее, кого, но это не мешает мне застыть, разглядывая духа-хранителя Криафара во все свои слабые и круглые глазища. Он похож на случайно оторвавшийся ком глинистой иссохшей земли, изборождённой глубокими морщинами, и в первый момент я вижу просто огромный и бесформенный кусок камня, поднимающийся в воздух вопреки всяким законам физики, словно некий незримый скульптор-великан придиричиво выбирает материал для будущего гениального творения. Словно подтверждая эту нелепую теорию, от "камня" один за другим начинают отваливаться разного размера, структуры и формы глыбы, падая и разбиваясь об изувеченную поверхность земли, так, словно кто-то и впрямь откалывает всё лишнее молотом. Удар за ударом — и в куске камня начинают проступать черты живого существа, нелепого и жуткого, но одновременно — настолько невероятного, что я не могу пошевелиться, а Лавия приспускает свой щит, позволяя перепуганному Вертимеру и зачарованному Тельману наблюдать это явление разрушительного смертоносного божества.

Духов-хранителей называли — я назвала! — каменными драконами, и я подспудно ожидала увидеть традиционного дракона из книг и фильмов или хотя бы виверну: крылатого ящера с парой или четвёркой когтистых лап. Но вырвавшаяся из-под земли махина была

шестилапой, с четвёркой крыльев, сетчатых, полупрозрачных, словно у стрекозы, а её хвост загибался на конце по направлению к спине, как у скорпиона. Острый иглообразный кончик извивался, словно пытаясь оторваться от тела. Никакой ожидаемой чешуи — бурый и пыльный песчаник, словно бы ссохшийся от старости и жаркого солнца. Освободившись от кусков камня, за полтора века спячки ставших частью его собственного тела, дракон — хотя всё во мне противилось именовать кошмарную тварь подобным образом — издал не ревуший, а скорее шипящий, проникающий чуть ли не под кожу, в самые кости звук. Четвёрка крыльев, делающих его похожим на причудливый вертолёт из технически продвинутого и, несомненно, враждебного для живого будущего, дрогнула, крылья сомкнулись по двое, и существо принялось описывать круги высоко в небе над нашими задранными головами, то ли просто наслаждаясь полётом и движением, то ли высматривая что-то. Или кого-то.

...где же вторая — или второй?

Невысказанный вопрос получил ответ довольно быстро. Я почувствовала очередной сокрушительный толчок песчано-каменных недр, на удивление куда более слабый, чем предыдущие. У того существа, чьими глазами я сейчас смотрела на мир, не было проблем с равновесием, а вот Вертимер упал на колени. Лавия же продолжала стоять. Ей здорово не хватало копья в руке, настолько воинственно, дерзко она выглядела — настоящая амазонка из джунглей. Я не видела деталей, но представляла, как возбуждённо, в предвкушении чего бы то ни было разрушительного, несущего хаос и смуту, горят её безумные ультрамариновые глаза.

Я смотрела на развороченную землю, точнее, камень, бурый провал полыньи с оплавившимся по краям песком, ожидая появления пары, — и прогадала. Чёрная пирамида, от которой мы находились на приличном отдалении, но чей тёмный треугольный корпус был прекрасно виден практически отовсюду, стала вдруг медленно подниматься вверх, будто невидимая рука упрямо тянула из грядки особо крупную морковь, не желающую покидать насиженное местечко.

Это было бы не так заметно, если бы не усиливающиеся схватки земли — внутренние глубокие толчки, стремящиеся извергнуть наружу собственные внутренности. Вот сейчас-то я услышала грохот, а затем пирамида начала раскалываться, раскрываться, будто распускаясь гигантский чёрный цветок лотоса с доселе намертво сомкнутыми лепестками.

"Маги! Там же маги!" — подумала я, и если бы это была настоящая я, то, вероятно, эта мысль была бы панической, отчаянной. Да, их затянувшееся в чём-то ущербное существование было им в тягость, но всё же они были живыми. Они смеялись, порой — грустили и злились, сожалели и тосковали... Сохранится ли эта жизнь, нелепая и ограниченная, но всё же жизнь, после такого магического выплеска в месте их всегдашнего обитания?

Очевидно, Вертимер подумал о том же. Я увидела, как худощавый юноша, не вставая с колен, пополз к Огненной, о чём-то втолковывая и вскидывая то и дело руки. Она осталась совершенно безучастной к его словам, пристально разглядывая второго каменного дракона.

Он — а скорее, всё же она — была меньше первого, хотя всё равно до неприличия огромна. Каменные наросты на теле Шиару не появились, и можно было сразу оценить летающую шестилапую жуть с по-скорпионьи загнутым кончиком хвоста. Более того, у второй божественной твари имелось даже некое подобие клешней спереди, так что сходство с огромным крылатым скорпиутом становилось пугающе оправданным.

Второй дух-хранитель, нашедший полуторовековой покой непосредственно в глубине пирамиды, казался менее... старым, её кожа — если это была именно кожа — была более гладкая, не грязно-коричневая, а бронзовая. Шиару поднялась в воздух легче, изящнее, и вся она была какая-то более маневренная, тонкая и подвижная.

Драконы кружили в небе, которое в данный момент казалось слишком маленьким, тесным для них. Тыкались друг в друга вытянутыми рогатыми мордами, напоминая тупоносые морды лизаров, соприкасались своими странными сетчатыми крыльями. Это было похоже не то на некий танец, не то на попытку вычертить некий рисунок... сначала я думала так, но потом посмотрела на всё иначе.

Они просто приветствовали друг друга после долгой разлуки, и кажется, им и дела не было до позвавшего их ради мести и отчаяния крошечного человека, обнимающего мёртвую черноволосую девушку.

* * *

Я снова не ощущаю течение времени как что-то мучительное или угнетающее. Оно просто движется параллельно мне, а я смотрю на духов-хранителей. Они такие... материальные, такие ощутимые, хочется приблизиться, коснуться шершавого бока, заглянуть в прикрытые каменными пластинами золотые с чёрными прожилками провалы глаз. И я ползу, торопливо, стараясь не задумываться о том, как и почему умудряюсь не путаться в собственных лапах, не чувствуя, насколько горяч камень под ними. Ползу ближе к Тельману, мучительно пытаюсь преодолеть разделяющее нас пространство.

Шиару — если я верно определила каменную драконицу — вдруг резко пикирует вниз, и я кричу, хриплю, понимая, что не успею, что беспомощна, как никогда прежде. Ничего не успею сделать... Никто не успеет. Но душа Криафара не скалит острые разнородной длины зубы, не рычит и не топорщит костяные пластины вдоль хребта. Она опускается всеми шестью лапами на песок и камень, каким-то чудом не проваливающийся под её массой, застывает перед людьми, такими маленькими, беспомощными и смешными на её фоне, и я — как и любой малодушный человек, обретающий веру только перед лицом критической опасности, — начинаю молиться, бестолково, путая слова...

Шиару вытягивает неожиданно длинную шею, прячет клешни в складки тела, складывает крылья. Наросты-пластины над глазами приподнимаются, и мне кажется, что смотрит оно — она! — на Тельмана. Что-то говорящего ей Тельмана, слушающего, сияющего золотыми рунами.

Шамрейн парит в небе, то закрывая собою солнце, то обнажая его.

А потом изображение пропадает, теряется, вместе с гаснущим сознанием моей путешественницы — души. Миг — и я опять прихожу в себя.

Слабость — такая человеческая слабость и тяжесть.

Свет сквозь сомкнутые — человеческие! — веки.

Ощущение бережного и надёжного кокона рук вокруг.

И боль — в этом хрупком и уязвимом теле тоже настоящая, человеческая. Какая же ещё.

Глава 63. Криафар.

— Крейне...

Я слышу голос Тельмана совсем близко и отчаянно хочу открыть глаза, веки сопротивляются, но я всё-таки одерживаю победу. Изображение расплывается, дурнота накатывает, вопреки всему — и ради Тельмана — я пытаюсь улыбнуться, только губы не слушаются. Очень хочется воды, просто нестерпимо хочется воды, но я понимаю, что сейчас

это непопозволительная роскошь.

Прежде, чем я вижу Тельмана, я его чувствую — он обнимает меня с такой силой, что, пожалуй, имеешь неплохой шанс добить свою неудачливую супругу — раз уж у Лавии не вышло. Всё-таки он такой несуразный мальчишка... Чуть насмешливая и от того не менее горькая нежность, острая и пронзительная, едва ли не сильнее, чем жажда и слабость, колотится внутри меня, как запертая птица.

— Задушишь, — шепчу я, и мой Вират немедленно отстраняется, такой непохожий на привычного, холёного и чуточку надменного себя самого: чумазый и растерянный от и до. Я вжимаюсь подбородком в его плечо. А за его спиной...

Давлю внутри крик, неуместный и в то же время такой естественный, обнаруживая огромный золотой глаз с размытыми разводами черноты — никакого зрачка, просто слепая, но осмысленная золотая пустота.

Морда каменной драконицы потянулась ко мне, и я не заорала и не забила в попытках отползти подальше только потому, что у меня на это не было сил — ни о каком здравомыслии или восторге в первые мгновения не могло быть и речи. Приоткрытая пасть гигантского создания скорее наводила на мысли о млекопитающих — белоснежные зубы отчего-то разной длины, узкие и острые, ворочающийся внутри трогательно розовый язык... Может быть, проглотить целиком человека она бы и не смогла, но перекусить пополам — запросто.

"Ну что, Дейенерис, мать драконов, мать твою, какая ты мать, так, мачеха, а вот я..!" — мысль едва не вызвала приступ истеричного хохота. Тельман сжал меня крепче и что-то произнёс, без особого страха разглядывая духа-хранителя. Я не поняла этот язык и в первый момент едва ли не обиделась — почему я вообще что-то здесь не понимаю?!

— Оно как будто само получается, — едва слышно пояснил Тельман, целуя меня в висок. — Я знал, что один мой далёкий предок унаследовал способность говорить с богами. Но даже представить себе не мог... Что теперь будет? Что я наделал?

— Кажется, они готовы нас выслушать, — так же тихо ответила я. — Пока ничего непоправимого не произошло. Я жива. Ты жив. Мир жив. А они...

Глупая смешливость, скрывавшая смущение и страх, прошла, и я осторожно села. Уставилась в глаз — его размеры вполне позволяли ограничиться одним.

— Спасибо, Шиару, — шепнула я. — Я рада, что вернулась. Вот мы и свидетелись. Я представляла тебя не совсем такой, честно сказать... Ты такая, какой и должна быть. Реальность Криафара оказалась гораздо правильнее и мудрее, чем моё о ней представление. Прости меня. Прости нас всех. Я знаю, ты никогда не хотела причинять этому миру зло намеренно. Но твоё могущество и твоя природа порой делают тебя их заложницей — не меньше, чем в моём случае.

Драконница смотрела на меня немигающим нефокусированным долгим взглядом. И, разумеется, молчала — говорящее животное, пусть даже и божественной природы — не совсем то, что я могла бы придумать. Понимала ли она меня?

Тельман снова заговорил — видимо, дублировал ей мои слова, так же, как и я, не отрывая взгляда от диковинного существа. Вероятно, они — слова — казались ему странными, но вопросов он не задавал. Не время.

— Она тоже считает, что... всё правильно, — вдруг сказал Тельман. — Не очень весело, но правильно. И ещё... — я видела, как он хмурится, и вдруг испугалась, что моя немудрёная тайна сейчас будет раскрыта — и одновременно испытала какое-то малодушное облегчение,

что он узнает всё сам, и не будет нужды признаваться и подбирать нужные слова. — Я не очень понимаю, почему...

Рогатая зубастая морда придвигается ещё ближе — и Тельман замолкает. Нос, кажущийся вырезанным из бронзового цвета камня — на расстоянии вытянутой руки, и я не могу сдержать порыва её коснуться.

Твёрдая. И... тёплая, будто она лежала под горячим солнцем на морском берегу, а не в подземных стылых глубинах. Пахнет неожиданно приятно, морем и травой, а не землёй или падалью, как можно было предположить.

На меня снисходит покой. Может быть, это и есть божественное благословение, а может быть, я наконец-то получила прощение, то, которое было мне жизненно необходимо...

— Крейне... — немного тревожно, напряжённо произносит Тельман, слегка приподнимая меня, усаживая в более вертикальное положение. — Крейне, здесь...

Но я уже сама оборачиваюсь и вижу застывшие в некотором отдалении человеческие фигуры, неподвижные, пугающие. Светловолосая прекрасная Варрийя с руками-лезвиями чуть пониже локтей, Вестос, как обычно пытающийся спрятать дыру в груди, закутавшись в плащ, менталистка Нидра, сумрачная, опустившая голову — лица в складках тёмного капюшона плаща не видать, и Тианир — старый, как этот мир, словно бы сшитый из мелких кусков — собственно, так оно и было. Рентос, вероятно, тоже присутствует здесь, но его присутствие без его на то желания обнаружить было невозможно.

Всего пятеро... И моё сердце — уже куда больше напёрстка, но всё ещё слишком слабое, жалобно сжимается. Стурма и Варидас... Вслед за этой мыслью следует другая: могли маг-прорицатель предвидеть развитие событий, или его способности утрачены окончательно? А если всё же мог, не сбежал ли подальше от очередного апокалипсиса, грозившего магам в большей степени, нежели всем остальным — и прихватить с собой всегда равнодушную к нему целительницу?

Какая сейчас разница, я уже не смогу ничего исправить.

Или — смогу?

Моя кровь может излечить их, так, как излечила кожу Вертимера, как высвободила Лавию. Но обязательно ли делать это прямо сейчас..? Я и так еле держусь в сознании. Можно сказать, пару шагов назад заново родилась и должна восстановиться. Вот только будет ли у меня время на это? Лавия всё ещё здесь, но единственный из её сторонников кажется сейчас таким невообразимо жалким, тогда как потенциальных противников куда больше.

Маги выглядят настороженными, приготовившимися к удару. На нас с Тельманом они бросают беглый взгляд, перед духами все, как один, склоняют головы. Но ещё раньше я успеваю заметить, как они — такие бесконечно разные — на удивление синхронно взглянули на Вертимера и Лавию.

— Ну, здравствуй, Девятая, — тихо произносит Тианир, будто боясь потревожить духа — а может быть, стараясь не расплескать, не продемонстрировать собственные чувства.

— Мог бы выглядеть более удивлённым, — Лавия отбрасывает назад спутанные красные волосы. Улыбается, поглаживает каменный нарост на щеке. — Да и вообще... Выглядишь паршиво, если честно.

Нидра опускает голову ещё ниже. Если я и ожидала бурного выяснения отношений, то просчиталась — кажется, им вполне достаточно взглядов. Лавия демонстративно хмыкает и

складывает руки на груди — ни дать ни взять подросток, провоцирующий родителей на скандал: "Да, я когда-то почти уничтожила мир, и что вы мне сделаете?!"

— Вертимер! — это говорит Варрийя, и в одном этом слове можно услышать всё: от ненависти и жгучего презрения до ещё более оскорбительной жалости. А вот Рентос действует более недвусмысленно и конкретно — Вертимер вдруг спотыкается и падает, на мальчишеском лице с гримасой детского обиженного недоумения расплывается уродливый кровоподтёк.

— Вы не понимаете! — взывает Вертимер, и его подростковая внешность как нельзя более кстати подходит этому жалкому тону. — Вы не понимаете, я же хотел как лучше! Я нашёл демиурга, посмотрите на меня, на мою кожу, она всё может изменить, она всех вас может излечить, она же... — он захлёбывается собственными словами, видимо, получив ещё одну затрещину от невидимого мага-метаморфа. Лавия вдруг резким, отточенным движением — полтора столетия неподвижности, голода и бездействия никак не сказались на её силе и реакции — пинает бывшего союзника ногой, и не ожидавший этого маг оступается — и катится вниз, в образовавшийся после выхода духа-хранителя провал. Разумеется, не падает, останавливается за несколько метров до него и силится подняться, но к этот момент прямо ему на грудь прыгает средних размеров лизар — и вцепляется то ли в нос, то ли в подбородок. Вертимер кричит и отбрасывает тварь воздушной волной, но ей на смену приходит двое других. Двое... трое... десятки и сотни, словно из-под земли возникших тварей наваливаются на уже изрядно покусанного, даже погрызенного окровавленного мага, и через полшага его уже трудно увидеть в гуще извивающихся тел жадно чавкающих рептилий и членистоногих. Ещё миг — и омерзительный живой комок скатывается в чёрную дыру вместе со своей жертвой.

Никто не делает и попытки его спасти.

— Забудьте об этом предателе и безумце! — Девятая как ни в чём ни бывало улыбается. — Он заявлял, что сходил по мне с ума, что ненавидит вас за ваше бездействие, но на самом деле просто завидовал. Тому, что ваши уродства казались ему лучше его собственного. Милостивая Шиару...

Лавия вдруг материализуется передо мной — Тельман обнимает меня защитным жестом, прижимает к себе, но огненная магичка в нашу сторону и не смотрит — всё её внимание поглощено безмолвно взирающим на происходящее духом-хранителем. Лавия склоняет голову и опускается на колени, последние метры преодолевая в этой столь не свойственной ей смиренной позе подчинения.

— Милостивая Шиару, я признаю свою вину и умоляю тебя...

Тельман вздрагивает, а я открываю рот, чтобы закричать — и не успеваю.

Пламя, обжигающее настолько, что кажется ледяным, охватывает нас с Тельманом — и тут же опадает, а представшая моим глазам картина кажется невероятной, невозможной — и в то же время сотую долю шага назад я уже знала, что всё случится именно так. Оказавшаяся поблизости Лавия вскидывает левую руку — ту самую, с сохранившимся острым каменным осколком-лезвием, превращавшим её руку в подобие меча киборга. И это самое лезвие — не менее метра в длину — она с силой втыкает в чернильно-золотой глаз духа-хранителя Криафара.

* * *

Сила Огненной, её пламя, сжигающее, опаляющее дотла, устремляется по каменному острию, и Шиару хрипит, стонет, пятится, падает на спину, пытается стряхнуть охватившее

её жадное пламя, густые золотые слёзы катятся из проткнутого глаза по каменной морде — кровь это, сукровица или что-то другое?

Всё остальное тоже происходит почти мгновенно — я не успеваю ни испугаться, ни ужаснуться, ни огорчиться, вообще ничего. Сильнейший порыв ветра, вдавивший меня в Тельмана, предшествует появлению огромной чёрной тени. Шамрейн опускается стремительно, как подбитый истребитель, только без свиста и гудения, во всяком случае, я ничего не слышу. Миг — и тело огненной магички с восторженным и почти мечтательным лицом оказывается перекушенным пополам, перемолотым в пасти разъярённого дракона. Настолько быстро, что никакие тошнотворные физиологические подробности не остаются в моей памяти — кости, мясо, кровь, ничего этого я не вижу, перед глазами словно надувается и лопаётся огненный шар. Она не кричала — не успела крикнуть, как и я, а может быть, её крик в этот момент был бы криком торжества — не такого ли исхода она и хотела? В тот же момент голова Тельмана бессильно запрокидывается назад, и я, преодолевая собственную слабость, пытаюсь подняться.

Изображения древних рун вновь проступают на его коже, вот только теперь они почти чёрные. Шамрейн выплёвывает то, что осталось от Лавии — не хочу ни знать, ни видеть, что именно. Накрывает потемневшим крылом внезапно застывшую, неподвижную, словно бы до конца окаменевшую драконицу.

Я пытаюсь оттащить Тельмана подальше, но он, такой стройный, даже худощавый, сейчас удивительно тяжёлый, почти неподъёмный, особенно для меня.

А Шамрейн... ревёт. Я не знаю, как ещё можно назвать эти рваные болезненные звуки, булькающие и хрипящие стоны, разносящиеся по пустыне, отражающиеся от камня. Они невыносимы, на каком-то ультразвуковом уровне — невыносимы, кажется, вот-вот кровь из ушей пойдёт. Тельман сдавливая голову руками, а Шамрейн, не переставая реветь и выть, вдруг взмывает в воздух.

Глава 64. Криафар и наш мир

Мне нет необходимости спрашивать о чём-либо Тельмана, нет необходимости даже смотреть на него, мучительно сжавшего голову руками, чтобы понять: боль и ярость потерявшего пару каменного дракона, считываемыми моим слишком чувствительным к ним Виратом, слишком велики, чтобы Шамрейн мог прислушаться к чему бы то ни было.

Слишком непомерны для Криафара — и на этот раз от него не останется даже песка и камня, даже пепла. Но я, я знаю, что нужно сделать, что я могу сделать и должна! И я высвобождаюсь из объятий Тельмана.

— Куда ты? — он пытается встать, смотрит недоуменно на чёрные руны, проступившие на его предплечьях и кистях. — Стой... Нам надо... Он уничтожит Охрейн, он хочет уничтожить Охрейн, ты понимаешь, Крейне?! Я должен ему сказать... Остановить...

Тельман снова отчаянно сжимает голову, очевидно, мысли Шамрейна, полные ненависти и отчаяния, полностью его дезориентируют — и в других обстоятельствах я думала бы только о нём. О моём Тельмане.

Но не сейчас.

Шамрейн словно натывается на невидимую сеть, растянутую на небе, и я понимаю, что пятёрка магов пытается его сдержать. Дух будто бьётся в сетях, а Тельман прокусывает губу, и ниточка крови тянется по подбородку.

Отсюда, с земли, до каменного хранителя он не докричится. Да и что бы он мог ему сказать? Экспресс-психотерапия для драконов?

— Пусти меня! — я уже не просто выпутываюсь из рук Тельмана. — Мне надо... Пусти!

— Крейне, куда ты? — он не понимает, он думает, что у меня с головой непорядок, не иначе. — Мы не дойдём пешком до Дворца, а даже если и дойдём... Никого не успеем предупредить, спасти...

Он даже не в отчаянии. Я не знаю, как назвать словами то, что он сейчас чувствует, и я его понимаю — целиком и полностью. Его чувство вины, его страх за свой дом, за свой мир, как он думает, единственный в целой Вселенной... И тот факт, что безумная, одержимая жаждой разрушения Лавия, безусловно, повлияла на его сознание и подтолкнула его призвать, разбудить духов, чувство вины не уменьшает, ничуть.

Но я могу попытаться всё исправить! Я должна, я обязана. Я несу ответственность за этот мир.

— Крейне, стой!

— Я могу её спасти, — как можно более чётко проговариваю я. — Спасти Шиару. Как спасла твоего отца. И тебя. И Лавию. Пусти меня. Это наш единственный шанс.

— Ты владеешь магией целительства?

— Не совсем, но почти. Времени нет, помоги мне к ней подойти!

Я невольно бросаю взгляд на магов — и вижу невесть откуда взявшегося Варидаса. Стурмы всё ещё нет, но мне становится самую капельку легче. Бедный мой Вар, опаздывает уже на второй конец света... Но он жив, и это неожиданно придаёт мне сил.

«Потерпите ещё чуть-чуть, я всё исправлю»

Драконница, в агонии откатившаяся на пару-тройку десятков метров в сторону, лежит совершенно неподвижно, неотличимая от причудливой скульптуры несколько двинувшегося разумом скульптора с гигантоманией.

— Она мертва, Крейне! — Тельман уже не препятствует, напротив — поддерживает меня, помогает встать и идти, но, разумеется, мне не верит. И это понятно: я бы на его месте тоже бы не верила, боялась бы поверить. И всё-таки мы оказываемся рядом. — Целительская магия тут не поможет, никто не способен поднимать из мёртвых, даже боги!

— Я особенная, — выдыхаю я и ищу взглядом осколок камня поострее. — Я даже в чём-то больше, чем просто бог. Не вмешивайся, пожалуйста. Так надо...

— Надо что?!

...говорят, что самоповреждение — признак психического расстройства. Что ж, могу себя поздравить — хотя бы с этой стороны я ещё не сошла с ума. А вообще-то, было бы логично: за спиной завывают заклинания маги, над головой ревёт и рвётся сквозь невидимую преграду разъярённый крылатый каменный скорпион, мечтающий разнести всё в клочья после нелепейшей гибели своей неизменной неотделимой пары. Передо мной лежит ещё один дракоскорпион, мёртвый, а двоих людей — то есть, магов, но людей же! — только что на моих глазах сожрали заживо.

— Давай же! — кричу я сама на себя и со всей дури вдавливаю камень в предплечье, и без того израненное и похожее на обшарпанную до локутов стену среднестатистического подъезда из российской глубинки.

— Крейне!

— Заткнись и отойди! — рывкаю я, закусывая губу от боли и слабости. — Так надо, я должна попытаться, и в любом случае ни в чём себя не вини...

Я подползаю к драконьей морде с полуоткрытой пастью — чёрт, а ведь надо ещё ухитриться, чтобы хоть что-то попало ей в горло. Кровь капает на каменную поверхность

кожи — крохотные рубиновые капельки, совсем крохотные, по сравнению с огромными размерами Шиару.

Ничего не происходит. Ничего.

Сколько я смогу ей дать? Сколько я продержусь.

"Она мертва, — раздаётся в голове отстранённый голос Нидры. — Твоя кровь уже не поможет. Ничего уже не поможет. Но если ты умрёшь здесь, демиург, мир исчезнет".

— Крейне, не сходи с ума, ты выживешь, ты — обязательно... — Тельман пытается вырвать у меня из руки каменный скол, пытается меня поднять, обнять, а я плачу ему в плечо.

Пару шагов спустя Шамрейн прорывает магические путы — и порыв едва ли не ураганного ветра раскидывает магов по камням и песку, но нас с Тельманом, стоящих рядом с телом Шиару, он не задевает.

На секунду кажется, что кроме нас двоих во всём мире не осталось никого, стоящего на ногах, но внезапно, краем глаза, я угадываю какое-то движение — и инстинктивно поворачиваюсь. Тельман — вслед за мной.

Стурма, обезображенная незаживающими ранами и язвами маг-целитель, стоит на одном из вновь образовавшихся после всех катаклизмов каменных холмов. И она не одна.

Рядом с ней, держа её за руку, ошеломлённо оглядываясь по сторонам, стоит совсем голая невысокая светловолосая женщина — Стурма торопливо отрывает приличного размера кусок ткани от своей просторной многослойной хламиды и укрывает вновь прибывшую. Она смотрится так нелепо, так неестественно среди этой локальной, никому не известной войны, словно электрик или плотник, случайно зашедший на сцену в разгар драматического спектакля.

«Её легко представить в джинсах и футболке», — отчего-то думаю я.

* * *

Наш мир

Новое лицо Милены... Ужасно. Не просто ужасно — я буквально давлю рвотный рефлекс и в то же время не могу её не разглядывать. Почему-то оранжевого оттенка влажные на вид язвочки напоминают какой-то кипящий густой кисель. На самом деле они, конечно же, не двигаются, не булькают и не пузырятся, но я сжимаю зубы и с усилием перевожу взгляд на руки так называемой «няни». Руки выглядят не лучше. Никаких следов маникюра на них нет, как и не было никогда.

«Вы верите в мистику?..»

— Что происходит, — говорю я, даже не стараясь придать своим словам вопросительную интонацию, уверенная, что ответа я всё равно не получу. Что из этого дома я уже точно никогда не выйду — не знаю, что тут происходит, но это явно за гранью... За гранью всего! Судя по тому, что никто об подобном не знает, свидетелей они явно не оставляют.

Вячеслав вдруг мягко обнимает Милену за плечи — его её жуткая кожа, кажется, ничуть не смущает. Поворачивает лицом к себе — и спиной ко мне.

— Девятая, ты уверена? И что с того?

— А то ты не знаешь! Она нашла Демиурга, это Крейне Криафарская, Вар! Нашла и чуть не убила, наше счастье, что чуть... Она жива и полна сил, а демиург может умереть в любой момент, они все...

Муж Кнары-Карины — впрочем, я уже не уверена, что могу называть его так — смотрит

на меня поверх плеча обезображенной девушки.

— Простите нас, Ан... Марианна. Мы ограничили вашу свободу, мы вас напугали, а в итоге... Но в этом не так много нашей вины, как вам кажется, мы были вынуждены, цена была слишком высока... Но сейчас вы свободны. Двери открыты. Мы возвращаемся.

— Стоять, — я сама не узнаю свой голос. — Стоять, иначе я не знаю, что сделаю... Немедленно мне всё объясните! Кто вы и зачем... Иначе я сейчас газ на кухне выпущу и взорву здесь всё или повешусь или удалю-таки эту демонову книгу...

— Расскажи ей, — мужчина, которого я совершенно не знаю, незнакомец с густо-кариими глазами кивает своей... напарнице или сообщнице. Склоняет голову. — Простите нас, Марианна. Вашей вины здесь нет. Лишь наша нерасторопность...

— Твоя трусость, идиот! — почти орёт женщина. — Пошёл вон! Ты нужен там, а не здесь!

Я смотрю на лицо Вячеслава, так же стремительно меняющееся, и... Мне трудно объяснить словами, что я на самом деле чувствую. Ужас или всё же некое эйфорическое возбуждение от того, что наконец-то всё встаёт на свои места — пусть самым невероятным, фантастическим образом. Женщину я не узнала, точнее, не признала сразу, а вот мужчину не узнать не могу.

Он почти не изменился, на самом деле. Падают на пол и с едва слышным жалобным треньканьем разбиваются прямоугольные очки без оправы. Верхняя половина лица подёргивается бордовой плотной дымкой, кожа съёживается, морщится, темнеет, современная одежда темнеет тоже, вместо рубашки и брюк я вижу на нём свободную тогу — или что-то вроде того, старое, истёртое, ветхое.

Полтора века он ходил в одном и том же, поддерживая чистоту магией, а не водой и мылом, и тем не менее, время не могло не сказаться на одежде.

— Прощайте. Простите за ложь, я так не хотел вторгаться в ваше хрупкое сознание, я так не хотел как-то навредить вам... Был счастлив познакомиться с вами, Демиург мёртвого мира, Марианна... Анечка.

И Варидас, слепой маг-прорицатель Криафара, на моих глазах исчезает, словно голографическая картинка, а не живой человек из плоти и крови, с которым я общалась все эти безумные последние три недели.

Глава 65. Наш мир.

Всё ещё наш мир

— Мне тоже нужно идти, Демиург, — тихо, мягко говорит Стурма. Кажется, после того, как ушёл Варидас, её истерика схлынула. Называть стоящего перед собой человека именем несуществующего выдуманного книжного персонажа абсурдно, и в то же время... Либо я сошла с ума и никто мне более не указ, либо передо мной самая настоящая материальная Стурма, почти полностью утратившая, как и прочие маги, свои специфические способности целительница. Из Криафара. Из выдуманного книжного несуществующего Криафара — в шаге от меня! На кухне. Она тень отбрасывает, отражается в зеркальных панелях кухонного гарнитура, и я уверена, что она — самая настоящая. Из плоти и крови.

Смотрит на меня как ни в чём не бывало.

— Тель... — начинаю было я, а Стурма резко выдыхает и мотает головой. Шикарная шевелюра Милены пропала вместе с её кожей, так что мотать ей особо и нечем.

— Ребёнок спит и будет спать, ни в чем не нуждаясь, сутки, после чего консержка и ещё несколько человек узнают об этом. Возвращайся домой, Демиург. Оставь входную дверь

открытой. Чужой раньше срока сюда не пойдет. Пожар не случится. Вар бы сказал, такое он чувствует, да и защиту мы поставили... Здесь, в этом мире, всё так просто!

— Рассказывай, — упрямо продолжила я.

— Что ж... Как скажешь. Демиург по имени Карина была против её воли призвана в Криафар. Сначала мы не знали, кем и с какой целью, и кем она стала — тоже не знали, — Стурма ощутимо ёжится. — Ритуалы бывают разные, я вообще-то не сильна в этом деле, вот Лавия... Если есть проводник, можно просто увести живое существо с собой, разумеется, не любое, а только того, кто обладает определёнными способностями или имеет связь с миром, и чужое тело не понадобится, но вот так... Понятие не имею, как так у неё получилось. Как жаль, что такой дар не используется во благо! В результате наш демиург оказалась в теле...

— Вираты Крейне, — договариваю я.

Мой непослушный, отстоявший право на свою судьбу, невесть откуда взявшийся персонаж, действующий сам по себе — живой, реальный человек из моего мира? Мать маленького темноволосого мальчика, спящего волшебным сном в соседней комнате, писательница... Я же жила в её доме, ночевала в её кабинете, работала за её компьютером! И придумывала историю о ней же самой...

— Послушай, — Милена, а точнее, Стурма, говорит быстро-быстро, её пальцы постукивают по мощной деревянной столешнице. — Мы узнали о том, что Демиурга перенесли в наш мир. Но мы не знали, кто и куда... Лавия считалась мёртвой. Нидра почувствовала её, но слишком поздно. Маги умеют закрываться от ментальных считываний.

— Криафар существует, — тупо сказала я, а Стурма закатила глаза.

— Есть особые существа... в каждом мире они есть, их очень мало. Демиурги. Создатели миров. Иногда — довольно часто! — они выдумывают истории и записывают их для других. Как Карина Станова. В таком случае их судьбы порой связываются до той поры, пока демиург не закончит историю. А иногда они и понятия не имеют, на что способны, и их дар остаётся нераскрытым. Как у тебя. Впрочем, я неверно выразилась — чаще всего все вы и понятия не имеете... Что не мешает создавать миры. Для самых демиургов — воображаемые. Для их обитателей — более чем реальные. Ваш мир тоже создан... кем-то. Возможно, ваша история ещё пишется. Возможно, уже закончена, и отныне вы творите свою судьбу сами.

— Кем, — так же деревянно, эхом отозвалась я, а Стурма только покачала головой. Откуда ей было знать...

— Зачем вы явились сюда?! И как?

— Варидас умеет, — целительница фыркнула, но мне послышалась затаённая гордость в её голосе. — Он единственный из нас, кто может такое проделывать, но я... уговорила его взять меня с собой.

— Но зачем?!

— Мы узнали о Демиурге... случайно. У Вара было видение. Видишь ли, создатель в собственном мире отнюдь не всемогущ, напротив — весьма уязвим. Мир неблагодарен по отношению к своему Творцу, так уж повелось испокон... Ах, да, кровь демиурга целебна для созданного им мира, я слышала о таком, но никогда не думала, что удастся проверить это на практике. Вот только на многих ли её хватит? А если творец погибнет, мир, не отделившийся от него, погибнет тоже. Это — своеобразный парадокс.

— Не отделившийся? — повторила я.

— Карина Станова писала книгу о мире, — сказала Стурма. — Это всегда несёт в себе

особый смысл. Пока книга не была закончена, жизнь и судьба Творца и судьба мира были неразрывно связаны. Историю нельзя было оборвать, понимаешь? Это как спустить с поводка обезумевшего слепого камала в лавке стекольщика...

— Поэтому вам была нужна я.

Наконец-то я стала хоть что-то понимать.

— Да. Варидас тебя нашёл, всё-таки он не настолько пропащий, правда, находясь в одном мире, не способен что-либо предвидеть о другом, да и в целом его видения спонтанны, краткосрочны и непонятны. Одним словом, историю нельзя было бросить, она должна была завершиться, так или иначе, тогда мир и его демиург разорвут свою причудливую связь... Не совсем разорвут, но перестанут быть жизненно зависимыми друг от друга. Либо мы вернули бы демиурга в этот мир, либо... Ты дописала бы Книгу и стала бы новым Демиургом, раз уж Крейне выбрала там остаться.

— А она выбрала остаться там? — у меня голова идёт кругом от вопросов. — Но как же... А это возможно? У неё же здесь остался как минимум ребёнок! Что будет с ним?

— Возможно, раз уж... Не важно. Если я всё правильно понимаю происходящее, о ребёнке она сейчас не помнит, — с жалостью в голосе говорит Стурма. — Вероятно, это одно из условий вынужденного недобровольного переноса. Сильная привязанность, сильные переживания могут быть препятствием, которое не позволит выдернуть жителя одного мира в другой. Они как будто стираются, уходят из памяти. Ребенок, семья, то, что по-настоящему важно — забывается.

— Но вспомнить она сможет?

Стурма пожимает плечами.

— Откуда мне знать? Мне нужно идти, демиург. Вообще-то в боях польза от меня небольшая, но я должна быть вместе со всеми...

— В боях?

— Лавия жива... если ещё жива. Демиурги не всесильны и не всеведущи, какая ирония... Кровь Демиурга исцелила её, позволила выпутаться из каменной ловушки, в которой она пребывала сто пятьдесят лет, тогда как мы были уверены, что она мертва... Девятая любила своего мужа, точнее, испытывала к нему болезненную, жуткую, собственническую тягу, которую и любовью-то назвать трудно. Служителя Каруйса больше нет, никого из тех, о ком болела душа Девятой, больше нет — осталось только её разрушительная ненависть и одиночество. Лавия хочет закончить то, что она начала тогда. Если она сможет призвать духов-хранителей вновь...

— А она сможет, — мне вдруг становится холодно и тоскливо, и разобранный пазл собирается в цельную картину. Крейне, которая на самом деле писательница-демиург Кнара Вертинская. Тельман, чью болезнь я решила сделать даром. Огненная Лавия, одержимая жаждой разрушения и мести. Рем-Таль, который мнил себя освободителем и королём, а оказался лишь орудием...

— Не все из нас испытывают добрые чувства к демиургам, — чуть поколебавшись, говорит Стурма. — Но Варидас... Несмотря ни на что, на свою слепоту и по большей части утраченный дар, он боготворит вас. Он запрещал мне вмешиваться и сам не хотел, считал, что нужно положиться на судьбу и всё такое. Зря, конечно. Впрочем, не знаю, что бы вышло в итоге, знай ты обо всём с самого начала.

— Но ведь сейчас я могу помочь! — восклицаю я. — Прямо сейчас! Я пойду и напишу, что Лавия исчезла, что мир стал иным, что...

— Ты не успеешь, — с сожалением проговорила Стурма. — Только не сейчас, когда мир Криафара, напившийся крови демиурга, так силён. Нельзя нарушать логику истории, тем более тебе. Мне трудно объяснить точнее, но я надеюсь, ты понимаешь. Прощай, Марианна. Мы благодарны тебе, но сейчас ты уже ничего не сможешь поделать. Либо мир Криафара погибнет — и я вместе с ним, либо мы вернём Демиурга... в любом случае, мы, наверное, больше не увидимся. Разве что только ты не напишешь обо мне что-нибудь, — Стурма хмыкает, горько и иронично. — Но, похоже, сегодня закончится финальная глава.

И я... сглатываю, прежде чем сказать то, что говорить не следует ни при каких обстоятельствах и условиях:

— А ты можешь взять меня с собой?

* * *

— Зачем? — Стурма удивлённо смотрит на меня. Странно, но я совсем перестала реагировать на её внешнее уродство, не то что реагировать — вообще его замечать.

— Я... могу помочь. Могу попытаться хоть как-то помочь.

Хочется сказать что-то про ответственность, но правда... правда состоит в том, что отпустить её, отпустить частичку волшебства из своей жизни, а потом все оставшиеся до смерти годы гадать, не сошла ли я с ума — та ещё перспектива.

— Чем?! Ты не маг. И вряд ли твоя кровь целебна. Возможно, какие-то особые способности у тебя и есть, но кто знает, когда и как они проявятся. Может быть, я смогу тебя перенести, потому что ты уже самую чуточку принадлежишь нашему миру, но не могу гарантировать, что верну назад. Там опасно, Демиург. Если Лавия сможет пробудить хранителей... Одним словом, вряд ли у Книги будет счастливый финал. Оставайся здесь. Мне здесь... понравилось. Варидас даже смог видеть, настолько сильной и полноценной оказалась иллюзия. А я побывала в этом красивом, молодом и здоровом теле.

— Чья иллюзия? — механически переспрашиваю я, уже почти не понимая, что я чувствую, что я должна чувствовать и думать. Что я должна делать — что-то же должна?

— Вячеслава Станова, бывшего мужа нашего Демиурга, и его новой жены, разумеется. Чтобы не вызвать подозрений у соседей, пришлось использовать их. По-моему, всё прошло более чем гладко, — голос Стурмы был почти самодовольным. — В этом мертвом мире магам вообще очень легко. Хоть мы и не менталисты, но мысли и воспоминания местных обитателей читаются, как написанные на бумаге. А еще здесь столько воды, в любое время суток, и хотя воздух и вода очень грязные, и дышится тяжело, тут столько растений, столько зелени, столько жизни! Другая одежда, незнакомая пища, техника, такой невероятный, сложный и красивый мир! Конечно, Демиург должна сюда вернуться. Сейчас ей кажется, что она хочет остаться, но если её память вернётся к ней полностью... Что она нашла в этом мальчишке Тельмане? — а вот сейчас в интонациях целительницы сквозит едва различимое недовольство...

Неужели ревность?

Мне некогда задумываться об этом.

— Но, может быть, если я не принадлежу миру Криафара до конца, моя... гм... сила как демиурга не будет утрачена целиком? Если она есть, конечно... А потом мы вернёмся вместе с Кнаррой...

Стурма какое-то время смотрит на меня, потом качает головой:

— Я вряд ли смогу вернуть тебя обратно, если ты пойдёшь со мной добровольно. И боюсь, что никто не сможет. У демиурга Карины ситуация иная, её забрали силой, а это

значит, что всё можно будет повернуть в обратную сторону. Зачем тебе в Криафар? Здесь так хорошо, пусть это и мёртвый мир! — она осторожно касается пальцем пузырящейся нарывахи щеки, и я понимаю, что она хочет сказать. "Мёртвый" — значит немагический мир. И Стурме понравилось ходить под иллюзией, ловить на себе заинтересованные взгляды, чувствовать себя полноценной. Красивой. И, тем не менее, она не сомневается, что ей нужно вернуться. А я...

Она права. Что за безумство. Весь этот бред закончился, единственное, как я могу уйти и оставить маленького ребёнка одного в пустой квартире?

А запросто. Я узнаю адрес этой квартиры, позвоню в полицию, а дальше пусть сами разбираются! Передают Теля органам опеки, ищут родственников, ждут мать или звонят отцу, то есть настоящему Вячеславу Станову. Меня это уже не касается! Только бы на самом деле выйти на свободу и вернуться к прежней нормальной жизни.

Нормальной? Прежней?

Я возвращаюсь в кабинет Карины-Кнары и застываю в дверях, оглядываю комнату, ставшую такой привычной. Террариум с Машкой. Компьютер, плед, кулер. Кружка с надписью... Совершенно неожиданно слышу такой знакомый, но как-то уже напрочь подзабытый звук, который идентифицирую не сразу.

Это же вибрирует мобильный телефон! Три недели молчал — и вот.

На автомате поднимаю валяющуюся на диванчике трубку, даже не взглянув на экран, и слышу пронзительный, слишком громкий голос Валентины:

— А-а-анька!

Невольно морщусь, и отвечаю, совершенно не включаясь в произносимые ею слова:

— Да.

— Ты жива-а-а?!

— Да.

— Я тебя...!

— Да, — соглашаюсь сразу же и со всем оптом.

— Мы тут все...!

— Да.

— А ты...!

— Да.

— Где ты сейчас...?!

— Да.

— Что "да", отвечай немедленно! Мы тебя уже похоронить успели! Три недели не отвечать, не писать, пропасть без вести! Я даже недомужу твоему звонила, уроду твоему бывшему, он тоже тебя ищет, мы тут все на ушах, на бровях, на... — Валя споткнулась. — Полиция ваще не чешется, а ты, ты..! С мужиком этим шикарным, да? Он тебя увёз на Бали. Анька, не молчи! Или он всё-таки маньяк?!

— Да. Да. Да. То есть, нет, не маньяк, я работала, телефон сломался, номеров не помню, интернет... глючил. Валь, у меня всё в порядке. Не кричи, голова и без того чугунная.

— За тобой приехать? Скажи, куда! Считаю меня идиоткой, но та смс-ка с адресом у меня удалась, а сам адрес, даже город, ну вот напрочь из памяти тут же вылетел! Старею, подруга, кошмар, а тут ещё такие нервы... Когда дома будешь? Деньги есть у тебя?

Деньги? Я даже и слово-то такое не вспоминала. Деньги. Дом...

— У Кирилла всё нормально?

— А что с ним делается? Баба-то его только, ну, это... — Валя понижает голос. — Того. Ребёнка ждёт. Да ты наплюй, я тебе сразу говорила, пошёл он лесом к высокой колокольне. Что там с деньгами? Где тебя встретить?

— Не знаю пока, — вырывается у меня. — Может быть, и приеду.

— "Может быть?!" Аньк, ну скажи, у вас с этим, очкариком на внедорожнике, не помню, как его там, уже было что-то?!

— Мы... — я спотыкаюсь, вспоминая, как глубокие, чайного цвета глаза Вечера, то есть, Варидаса, закрывались багряной уродливого цвета обгорелой коркой. Машу головой, потом понимаю только, что Валя меня не видит. — Мы вместе работали над... Книгой.

— Ну-у, — Валя явно разочарована. — Ты издеваешься надо мной, да?! Три недели — и только работали? Хотя я читала, классно, пусть и не мой жанр, но только работать?! Трындец... Так ты возвращаешься?

— Не знаю. Пока не знаю. Я... я перезвоню. Но знаешь, Валь... — во рту вдруг всё пересыхает. — Если я не вернусь, если телефон брать не буду... Не волнуйся, не дёргай никого. Это значит, у меня всё хорошо, и мы... Да, мы просто уехали на Бали. Может быть, даже навсегда.

Я торопливо кладу трубку, не слушая Валентинины возгласы, и торопливо проверяю телефон. Сообщений не так уж много. Ряд звонков с работы, от Вали и Кирилла, ряд — с незнакомых номеров, может быть, это действительно была полиция... Пожалуй, что и всё.

Несколько мгновений я колеблюсь, звонить ли Кириллу и что сказать ему, если звонить. Просматриваю сообщения от него — и... почти ничего не чувствую. А потом откладываю трубку и иду в детскую.

Маленький Тельман спит. И у меня нет причин не верить Стурме и Варидасу, что они всё продумали. Что с ним всё будет в порядке. Да, они выдуманные, а я — настоящая. Но это смотря с какой стороны судить.

В данный момент я вообще не чувствую себя существующей. Дом... Работа. Валя. Грязные вещи в стиральной машине. "Прекрасный мир", как утверждала Стурма.

...с какой стороны судить.

— Не ушла ещё? — голос целительницы раздаётся за спиной, а я стучаюсь головой о дверной косяк.

— Мне некуда идти, — неожиданно для себя говорю я. — Некуда. И незачем.

— Вообще-то... Я подумала, что ты и впрямь можешь оказаться полезной, — Стурма осторожна, давить на меня она явно не хочет. — Может быть, если бы ты взяла бумагу и ручку... Мы с Варом не могли вынести никакие предметы из этого мира, но ты же особенная. Я просто подумала, раз ты демиург, вдруг написанные тобой слова будут иметь какую-то силу там, в Криафаре?

Я снова смотрю на спящего малыша с неснятым слуховым аппаратом на голове.

— Мы... старались проследить за ним в отсутствие демиурга, — чуть виновато говорит Стурма. — Но на самом деле, получалось у нас ужасно. Если бы не ты... Даже магия не помогала, я могла немного его успокоить, но и только. Честно говоря, детей я умела только лечить, тогда, в прошлой жизни, со своими не сложилось, не успела, а с этим ребёнком у меня вообще ничего не вышло. Наверное, самое лучшее, что мы можем для него сделать — вернуть ему его мать. Живой.

Я, не раздумывая, бегу в кабинет, достаю пачку листов из принтера и сую их в джинсы

под блузку. В карманы пихаю карандаши — чёрт, почему я их не наточила! — и несколько ручек. Наверняка, пишут из них не все.

— Тебе надо взять меня за руку, — кажется, Стурма уверена, что это главное препятствие, но моя брезгливость прошла без труда еще три-четыре шага назад. — Боги, милостивые и благостные, Вар меня прибьёт...

Всё, что я успеваю в свою последнюю сотую долю шага в этом мире — сказать "прощай" выползшей из скорпинариума Машке.

И более — ничего.

Глава 66. Криафар.

Уже Криафар. Марианна.

...самое первое, что я понимаю мгновением — целой вечностью — после, что ни одежды, ни бумаги, ни карандашей и ручек на мне или при мне больше нет. Стурма спешно накидывает на меня кусок какой-то легкой воздушной ткани, но в данный момент мне совершенно плевать на свой внешний вид.

Горячий камень неприятно колет босые ступни. Жарко, очень жарко. Сухой воздух буквально пропитан жарой и каким-то интенсивно-назойливым запахом прелых водорослей, как засохший хлеб, брошенный в котёл с кипящим прогорклым маслом. И песок, всюду песок, не только под ногами, но и в воздухе. Я закашливаюсь, невидимые, но острые песчинки буквально дерут и без того разом пересохшее ноющее горло. Глаза миглом начинают чесаться, но я пытаюсь не реагировать на жалобный протест тела. Я хочу понять, что происходит вокруг.

Это могло бы быть смешно, но мы с Кариной-Крейне одеты почти одинаково — с чужого плеча на голое тело. А во всём остальном — диаметрально противоположные. Она выглядит совсем юной, гораздо моложе своих паспортных двадцати восьми, темноволосая и стройная, а главное — столько в ней, даже заплаканной, измученной, перепачканной в пыли и крови, очарования и горделивого достоинства... сразу понимаешь — настоящая королева, пусть и королевство её утопает в песке и прахе. Такая в любом мире и в любом облике не окажется на последних рядах.

А я? Что здесь делать мне? Правы были маги, кажется, я совершенно бесполезна.

Бледная, тонкая, словно заострённый грифельный кончик карандаша, Крейне склоняется над мордой огромной каменной статуи какого-то жуткого многолапого существа.

Откуда здесь, в пустыне, взялась статуя?! Гаррсам пошёл вразнос или..?

Словно отвечая на мой невысказанный вопрос, с неба раздаётся нечеловеческий хриплый вой, шипение и хлопанье, и я задираю голову, хотя, если честно, от увиденного зрелища хочется закопаться в землю подобно страусу из детских мультфильмов. Небо — светло-рыжее, как в песенке про "оранжевое небо, оранжевое солнце...". И с этого невероятного неба прямо на нас пикирует почти такая же статуя, как и та, что лежит рядом с Крейне и придерживающим её за плечи юношей — только статуя однозначно живая, яростная и неумолимая. Вместо глаз — литая и влажная лиловая чернота.

Многолапое чудовище, больше похожее на скорпиона, нежели на дракона, опускается на песок, длинный хвост с заострённым извивающимся кончиком яростно стучит по камням, крылья прижимаются к спине и становятся почти незаметными. Неожиданно две огромные — каждая метров по семь — клешни выпрастываются из складок по обе стороны грудины, точно доспехами, защищённой твёрдыми наслаивающимися друг на друга пластинами. Бросок, едва уловимый глазу, щелчок — и не успевшая отклониться Варрийя, подставляет

проносящейся в опасной близости от лица клешне одно из своих руколезвий. Клешня перекусывает лезвие, как садовые ножницы клубничный стебель — и воительница прячет за спиной бесполезный обрубок руки, уворачиваясь от очередного стремительного удара хвоста.

Стурма бежит к своим, я вижу всех шестерых — и инстинктивно пытаюсь разглядеть среди них Варидаса. Все маги — в таких же невнятных и бесформенных, ветхих тёмных одеждах, как и мои земные работодатели. Все они выглядят отрешёнными и спокойными, как монахи на групповой медитации. Несмотря на их уродства, у кого-то более, у кого-то менее явные, жалеть их не хочется, хотя бы потому, что они не красуются и не кичатся своей объединённой силой, пусть даже и жалкой тенью прошлых сил, не паникуют — против обзлённого чудища шансов у них немного, тем более что вряд ли они хотят его убивать. Насколько я поняла, Шамрейн — нечто вроде хранилища души мира. Он не более мудр и не более добр, чем прочие, но он должен быть, оставаться в живых. Маги просто делают, что могут. Тянут время в надежде, что потерявший пару — если я правильно оценила произошедшее — дракон как-то успокоится сам. Что же тут произошло..? Удивительно синхронным жестом маги склоняют головы, точно фехтовальщики, приветствуя равноценного противника на поединке, и почти моментально распределяются вокруг, образуя правильный шестиугольник — с того возвышения, на котором я оказалась, это видно хорошо, слишком хорошо.

Если мысленно нарисовать огромную шестиконечную звезду, Шамрейн оказался бы в самом её центре.

Что же случилось с Шиару?.. Почему Кнара с её волшебной кровью не успела, не смогла помочь ей, спасти? Впрочем, судя по лицу Крейне, чувствует она себя довольно скверно и неудивительно. Чудо, что она до сих пор в сознании.

Я отмечаю, как, не глядя друг на друга, шестёрка (а на самом деле, семёрка, если считать невидимого Рентоса, который, возможно, участвует каким-то образом тоже) магов одновременно скрещивает на груди руки, каждый опускает подбородок к груди, закрывая глаза, а потом резко, толчком, раскрывается, поднимая головы и ладони к небу — и Шамрейн застывает, каменеет, только кончик хвоста возбуждённо и гневно подрагивает, и с него, будто слёзы, одна за другой капая на спину каменного дракона ядовито-зелёные мутные капли.

Тианир трясётся от усилия так, что видно даже мне. Швы, которыми изборождена его кожа, наливаются багряной краснотой, и я вдруг в ужасе представляю, как от напряжения они разойдутся вовсе, так, что старый маг лопнет, будто бракованный воздушный шар, надутый до предела. Стурма — она и впрямь не боец, и в какой-то миг без сознания валится на землю, откатывается в сторону, но в расстановке сил, кажется, ничего не меняется.

...может быть, как раз Рентос заменил её? В тот короткий момент Шамрейн яростно рыкает, и его хвост резко ударяет по старому магу, жало втыкается в его грудь, как пластмассовая шпажка в бутерброд на фуршете. Тианир даже не вскрикивает, просто мешком оседает на землю, словно из него вынули скелет. И я не могу воспринимать его как-то иначе, нежели сломанную нелюбимую куклу избалованного ребёнка, одну из многих, иначе я просто сойду с ума. Да, я давно уже балансирую на грани, и пусть я сама на это пошла, но на моих глазах ещё никогда не умирали ни люди, ни маги.

А в том, что Тианир умер, сомневаться не приходилось. Как и в том, что маги без него не продержатся и шага.

Внезапно я замечаю худощавую и высокую темноволосую фигурку, появившуюся прямо перед жуткой драконьей мордой, обнажившей в оскале узкие и белые клыки, каждый в мою руку длиной. Тельман?.. А Крейне? Я оборачиваюсь к неподвижной туше Шамрейновой пары — и вижу, что демиург всея Криафара уже не одна. И что вмешаться она не сможет при всём желании.

Дракон приседает на передних лапах, приподнимается на задних — ядовитый, увенчанный жалом хвост застывает в нескольких сантиметрах над головой стоящего перед ним Вирата Тельмана. Я вижу охватившее его золотое свечение проступивших на коже рун — и отвожу глаза.

Не могу, не хочу это видеть!

Опускаюсь на корточки: если нет бумаги, подойдёт, наверное, любая поверхность. Вместо кисти палец — не придумав ничего лучше, я сперва облизываю его, но потом обмазываю кровью из содранной где-то в процессе перехода крови на ступне.

И пишу, точнее, пытаюсь накарять прямо на пыльном камне под собой:

«Шиару жива. Всё хорошо»

Глупо, но в мою мигом перегревшуюся голову не приходит ничего умней. Рука трясётся, крови слишком мало, ранка уже затянулась, а песок с каменной плиты не желает стряхиваться и мешает. Я кусаю губы и смотрю на свои руки.

Бесполезная. Не смогла ничего добиться сама. И мужчину своего удержать не смогла. Не успела дописать Книгу. Не могу ничем помочь. Даже мира ни одного не создала, а ведь могла — раз, якобы, демиург.

Бесполезная.

Слёзы накапывают на глаза. «Поплачь мне тут ещё, истеричка!», — говорит кто-то саркастичный внутри отчего-то маминым голосом. Но действительно, какой смысл в слезах? И я встаю и иду, обходя Шамрейна, что-то говорящего ему Тельмана и находящихся на пределе сдерживающих его магов по дуге, спотыкаясь на неровных, словно бы выкорчеванных с корнями камнях, то и дело падая, разбивая колени и пару раз до стога подворачивая непривычные к ходьбе по пересечённой местности ноги.

Вот так всегда!

Я не видела Кнару в реальном мире, даже на фотографиях, рука с кружкой на экране не в счёт, но я не сомневалась, что она привлекательна и в хорошей форме. Почему я-то не могла заполучить юное, красивое и сильное тело?

Глупые бестолковые мысли против воли вращаются свёрлами в голове. Наверное, это защитная реакция психики, не иначе... Я подхожу к статуе-телу мёртвой драконицы. Как и в случае со Стурмой, она кажется мне страшной и пугающей только на первый взгляд. Неуверенно глажу рукой шершавый бок — от камня и не отличишь.

Чувствуя себя бесконечно чужой, бессмысленной и ненужной, опускаюсь на корточки и прижимаюсь к боку Шиару, как птенец к материнскому крылу. И хотя здесь жарко, как в адовом пекле, меня морозит. Такое непонятное ощущение, не то что бы болезненное, но слишком странное. Кожа горит, глаза закрываются, а внутри, между грудью и животом, в области диафрагмы, будто набухает огненный плотный ком, распирая меня изнутри. Не в силах думать более ни о чём, я сдаюсь наваливающейся сонливости, обмякаю, растекаясь по горячему песку.

Не удивлюсь, если это пустынный манник, шипастый и хищный, прорастает сквозь моё тело. Если вечно голодные мелкие твари принялись жрать меня заживо.

Мне кажется, меня уже больше нет. Да и не было никогда, ни в одном из миров.

Я вжимаюсь в бок мёртвого духа-хранителя так крепко, что в какой-то момент чувствую, будто проваливаюсь внутрь.

Мёртвое божество.

Демиург из мёртвого мира.

Глава 67. Криафар.

Карина / Крейне

Мне кажется, мы с Тельманом поменялись местами. Теперь он, именно он, рвётся куда-то учудить самоубийственную героическую глупость, а я его удерживаю. Удерживаю изо всех сил. Объясняю, что ничего он не докажет и не объяснит, если бы это было так просто! Люди-то не понимают, не хотят и не могут понять, что уж говорить о животном, пусть даже разумном, отчасти говорящем и божественном!

— Стой!

— Они его не удержат, — скороговоркой произносит Тельман. — Они его только злят. Прошу тебя, отойди, я должен попытаться, я обязан, кроме меня некому, ты же сама всё понимаешь. Ты сама была готова... в общем...

Сама-то я, может, и готова, но это абсолютно разные вещи!

— Ты не маг.

— Ты тоже, и что?

— Да, но... я должна тебе кое-что сказать. Это важно. Это на самом деле важно.

Эгоистично, совершенно эгоистично и, неправильно, но я не хочу, что Тельман рисковал собой даже во имя гипотетического общего блага. Наверное, сейчас не место для признаний, но я, честно говоря, пытаюсь просто его отвлечь.

— Крейне... Просто дождись меня по-хорошему. Стой здесь и жди. Всё остальное потом.

Но я вцепляюсь в его локоть — нет у нас никаких "потом", каждый раз, когда я думала иначе, это было не более чем иллюзией, восхитительным бесполезным самообманом. Правда, пусть геройствуют другие. Я смотрю на магов — с появившейся невесть откуда Стурмой их стало семеро. Бросаю беглый взгляд на светловолосую молодую женщину — кто она? Откуда? Ещё один неучтённый маг, та самая искомая «девятая»? Но незнакомка стоит сама по себе, выглядит растерянной и какой-то слегка насупленной. Шамрейн прекращает биться в невидимую раскинутую по небу сеть и опускается вниз, а потом...

Упавший Тианир, пропустивший удар ядовитого жала — это что-то за гранью моего понимания. От ужаса и осознания непоправимости произошедшего я перестаю так уж сильно сжимать пальцы на плече Тельмана, и тот высвобождается неувлимым гибким движением, а потом чьи-то сильные руки ухватывают меня за плечи.

— Не смей! — я пытаюсь пинаться, лягаться и, кажется, кусаться, но шансов у меня нет — этот мужчина куда сильнее даже здоровой крепкой меня, не то что той бледной полуживой тени, в которую я превратилась за последние несколько часов — я давно потеряла счёт шагам времени.

Тельман оборачивается на ходу, и несколько сотых долей шага они с Рем-Талем сверлят друг друга взглядами. А потом, не сказав ни слова, Тельман уходит, а бывший Страж трона держит меня за плечи так крепко, будто врос ногами в песок. Не вырвешься.

Тельман уходит, оставляя меня с Рем-Талем! Если бы я писала эту сцену, то никогда бы не предположила ничего подобного, такого... истинно мужского, полного взаимопонимания

с полувзгляда, без единого слова. Я подумала, что даже это последнее, несомненно, неожиданное для Тельмана предательство, зависть и ревность бывшего Стража, не могло перечеркнуть долгих лет дружбы, в течение которых Страж тенью следовал всюду за своим господином, и уж безусловно, знал его от и до, гораздо лучше, чем внезапно свалившаяся всем на голову иномирная Вирата, пусть даже и демиург.

— Тельман! — надрываюсь я, но широкая ладонь ложится на рот, на корню обрывая исконный бессмысленный крик женщины, оставленной своим ускакавшим на подвиги героем. Укусить его тоже не получается, да и ногти впиваются не настолько чувствительно и глубоко, как мне бы хотелось.

— Вирата, прошу вас, будьте благоразумны. Тельман знает, что делает. Он делает то, что должен... в кои-то веки.

— Отпусти! — почувствовав, что ладонь чуть-чуть отодвинулась от лица, я жадно вдохнула воздух и зашипела, как випира, которой наступили на хвост. — Каким ветром тебя надуло, почему не сбежал, почему не сдох? Чего тебе неймётся, скоро не будет вообще того трона, ради которого ты из кожи вон вылезешь, или наоборот — посреди огромной мёртвой пустыни будет стоять один твой трон. Правитель края мёртвых... этого ты хотел?

— Нет, Вирата. Не этого.

— Пустые слова. Это всё — твоих рук дело, — я видела, как Тельман осторожно приближается к исполинской смертоносной машине, видела, как приподнялся и завис над его головой омерзительный хвост с острым ядовитым кончиком.

Рем-Галь резко разворачивает меня спиной к происходящему и лицом к себе. Он выглядит... как обычно. Несколько свежих царапин, впрочем, плохо заметных на загорелом лице. Светлые золотистые волосы взъерошены, но, если не считать мятой и местами порванной одежды, его облик до противного благополучен.

Хочется вцепиться руками, зубами ему в лицо — никогда ничего подобного не чувствовала, но сейчас мне хотелось крови. Словно Лавии и Вертимера было недостаточно.

— Сволочь, — сказала я, вырвала одну руку и ударила его по лицу. — Если бы не ты... Если бы не ты! Я осталась бы во дворце, и Лавия не освободилась бы, и...

Рем-Галь кивнул с самым серьёзным видом, и я пнула его по голени. Слабо, беспомощно.

Он ожидаемо даже и не поморщился.

— Вирата, если бы я был на месте Тельмана, я бы сейчас хотел того же. Сделать то, что велит мне моё предназначение. Попытаться сделать. И умереть достойно в случае неудачи.

— Заткнись! Он не умрёт, понятно? А вот тебя публично казнят на Центральной площади. Голову заживо оторвут и оставят тлеть и гнить на палящем солнце. Твоё предназначение было беречь его жизнь.

— Вам виднее, — он был всё так же убийственно непрошибаемо серьёзен, словно компенсируя те недолгие моменты, когда дал волю эмоциям и чувствам. — Как Вирате или же как демиургу... В любом случае вы — хозяйка моей судьбы.

— Так отпусти меня, раз я хозяйка!

— Только в том случае, если Вират Тельман... будет не в состоянии отдавать приказы.

— Вират, которого ты, дай-ка вспомнить, почти отравил?

— Я виноват. Пришёл принять наказание. И приму. Я умею проигрывать.

— С чего бы это? — я снова дёрнулась, пытаюсь вырваться, а он вдруг сжал меня особенно сильно, притянул к себе, наклонился... Я невольно вздрогнула, испытывая

отвращение от одной только мысли о том, что он может попытаться поцеловать меня здесь, сейчас, в такой момент. Но Рем-Таль просто смотрел на меня, не давая возможности отодвинуться, отвести взгляд, не делая и попыток меня коснуться.

— Не хочу... вот так. Если бы... если бы вместе с вами, тогда... Я не отягощён излишними моральными принципами, это верно, но... не так. Так мне не надо.

Я ничего не успела ему ответить. Ничего не успела сделать. Внезапно Рем-Таль с силой отпихнул меня куда-то вбок. Моему измученному телу было уже без разницы, куда падать, я даже не обратила внимания на то, чем и насколько сильно ударилась. Сдирая кожу с ладоней, попыталась приподняться.

Рем-Таль бежал к Тельману. А Тельман стоял, высокий, светящийся и весь какой-то прозрачный, как хрустальный светильник, а острое жало над его головой склонилось так низко, что касалось макушки.

В первое мгновение у меня дыхание перехватило от ужаса — мне показалось, что жало воткнулось ему в макушку, словно насадив на крючок великанской удочки. Очевидно, Рем-Талю показалось так же, ничем иным я не могу объяснить спонтанную несусветную глупость, которую вытворил этот всегда рациональный, сдержанный и выверенно действующий человек. Он схватил с земли каменный осколок, почти такой же, что был сплавлен с левой рукой Огненной Лавии. Не сомневаюсь, что в руках такого тренированного бойца это было не менее грозное оружие, чем у виртуозно владеющей собственным телом магички. Ему могло бы даже повезти. Если бы Шамрейн отвлёкся, не был бы столь разозлён и расстроен, если бы... На что рассчитывал первый Страж? Убить второго духа-хранителя и тем самым поставить под угрозу существование мира? Не убивать, напугать, отвлечь, привлечь внимание..? Или он просто не рассуждал, а действовал, руководствуясь исключительно эмоциями, чувствами? Не понять мне, как можно ненавидеть, хотеть убить человека — и в то же время жаждать отомстить за его смерть пусть даже ценой своей собственной жизни.

Вот только ему не повезло.

Тельман оборачивается, натянутый, как струна, напряженный, бледный, но, несомненно, живой и здоровый. Верткое острое жало каменного дракона не ранило нового служителя. А вот вооружённого бывшего Стража хранитель не подпустил и не пропустил. Тельман что-то крикнул, я не разобрала слов, но это был крик отчаяния, и у меня волосы дыбом встали. Словно вырезанная из камня клешня глухо щёлкнула — и страж упал, рухнул. А его светловолосая голова упала тоже — отдельно. По другую сторону от уродливой и бесформенной, но такой маневренной и безжалостной конечности.

Тельман колотит кулаками по каменной броне, и я знаю, что должна зажмуриться и не смотреть, может быть — молиться, только не знаю, кому и каким богам, уж точно не этому. Меня затошнило, ноги стали ватными. Дракон сощурил густо-лиловый глаз и внезапно, будто разом потеряв интерес к происходящему, обернулся к своей мёртвой паре, захрипел. А потом сетчатые крылья вспороли воздух — и Тельмана отбросило ко мне воздушной волной, песок забился в глаза, нос и уши. Я проморгалась, размазывая по щекам грязные слёзы.

И вдруг увидела ту самую светловолосую женщину.

Она шла, пошатываясь, по камням и песку, прикрыв глаза, обхватив руками себя за грудь, как будто у неё были сломаны рёбра и каждый шаг причинял ей боль, терпимую, но на редкость острую. Добрела до окаменевшего тела Шиару, упала на колени... Мне было не до неё, незнакомки, непонятно откуда и с какой целью взявшейся здесь, совершенно

неуместной новой фигурой на игровом поле. Уж точно не до того, чтобы пытаться вылечить её или как-то проявить участие, но что-то такое царапает внутри.

Шамрейн взлетает. Земля вибрирует и трясётся, и я готова к тому, что это уже начало конца, что сейчас мы все провалимся вглубь песков. Но нет.

Окаменевшая мёртвая Шиару... шевелится.

Марианна

«Знаешь, Вечер, то есть, Варидас рассказывал мне вашу историю — или легенду, не знаю, есть ли разница. Чаще всего у мира один дух-покровитель, хранитель души, но Криафар, в отличие от прочих, был создан из любви — если этим изрядно замызганным и потасканным человеческим словом можно назвать то ощущение единства, общности, неразрывной связи, которое могут испытывать магические существа, не осквернённые людской кровью. Безграничная страсть. Безграничная нежность. Единение. Двунogie и бескрылые никогда не познают чего-то подобного. Криафар населяют люди, но родился он из божественной любви. Зачем ты омрачаешь её ненавистью и смертью? Не надо».

Я то ли плачу, то ли смеюсь, глотая собственные слёзы. Глупая я, глупые слабые люди, они не понимают, что никакими словами, никакими заклинаниями и оружием невозможно остановить потерявшего свою истинную пару каменного дракона. Лавия всё правильно рассчитала.

Он освободится. Войдёт в полную силу — сейчас смерть пары слишком дезориентирует духа-хранителя, но это ненадолго. Перебьёт всех остальных присутствующих, а потом разметает горделиво возвышающийся в районе Росы Каменный дворец, уничтожит Охрейн: огнём, которым владеет не хуже безумной Девятой, ядом, когтями, зубами и лапами, проклянёт цветущий и благоухающий в момент его великой скорби единственный оазис. И только убедившись, что в этом вымершем мире больше не останется никого, кто мог бы потревожить его покой, снова зароется в песок и камень, на самую глубину.

И я... я его понимаю. Должна пугаться, думать о том, как спастись и спасти других, но не думается. Я ему сочувствую, не знакомым и отчасти любимым и родным персонажам, а этой жуткой машине, безжалостной и свирепой, так отчаянно и так сильно, словно сама владею даром служителя и слышу в нечленораздельном рёве и шипении отдельные отчётливые слова. Сказать по правде, в какой-то момент мне становится безразличной судьба Криафара и населяющих его людей и магов, даже своя собственная судьба, свой оставленный за порогом знакомый привычный мир, и я думаю только о нём, о его скорби и боли. Несмотря на всю абсурдность ситуации, я открываю глаза, с силой разлепляю склеенные слезами веки и иду, ползу к Шамрейну. Но не продвигаюсь ни на миллиметр.

Больно. Не понимаю, почему так больно.

Вижу и чувствую только его. Надо его утешить. Надо его почувствовать. Сделать шаг, даже пошевелиться — тяжело, будто я в каком-то каменном коконе. И из этого кокона нужно непременно вылезти, выбраться наружу.

Внезапно Шамрейн делает резкий рывок, стряхивая магические путы, как наброшенное покрывало. Я будто вижу его глазами — неправдоподобно маленький с такого ракурса сероглазый служитель уговаривает о прощении. О своей жизни в обмен на жизнь мира — он не только служитель, но и правитель, поэтому эта просьба не столь уж смешна.

«Не надо, — прошу я. — Не надо! Он ни в чём не виноват! Никто из них ни в чём не виноват! Посмотри на меня. Ну, пожалуйста...»

Вижу, как умирает обезглавленный светловолосый загорелый мужчина, чем-то похожий

на Кирилла... Кто такой Кирилл? Не помню. Не важно.

«Не надо, не делай этого больше! Оставь их, не надо!»

Шамрейн дёргает головой, словно не понимает, откуда идёт голос. А потом резко отворачивается от кучки людей, таких беспомощных и жестоких, уязвимых, ничтожно-крошечных, но упрямых, и взмывает в воздух.

Я словно похоронена заживо. Надо выбраться. Ползу, ползу, извиваюсь, пробиваю головой камень, и наконец выбираюсь наружу, на свет и воздух, к нему.

Мир кажется иным. Жар и парящий в воздухе песок уже не мешают, ничуть, наоборот — солнце, ещё совсем недавно такое пронзительно-острое, жгучее, приятно щекотит кожу. Песок не царапает ноги, напротив, его упругая мягкость естественна.

Зрение тоже стало иным. Более резким, отчётливым, словно и не было бесконечных часов, проведенных за чтением в детстве и юности. Кажется, я могу разглядеть каждую мельчайшую песчинку, даже те, что на горизонте. Шерстинки на крохотной каменке, прыгающей а паре сотен метров от нас. Побелевшие, посеревшие от напряжения и усталости, что-то шепчущие губы слепого мага Варидаса.

Шамрейн уже так высоко, что кажется диковинной парящей птицей.

А я... взлетаю тоже. Тело содрогается, но его движения так естественны, так органичны, что, пожалуй, доставляют удовольствие, а не смятение или дискомфорт. Мне нравится подниматься выше к апельсиновому небу, там становится прохладнее и свежее, и перемещаться в пространстве проще. Я лечу вверх выпущенным пушечным ядром, а кажется, будто несусь в саях с ледяной горы вниз. Нечто плотное и вытянутое, огромное, как два паруса, равномерно взмахивает то вверх, то вниз, спину тянет... Это крылья! Мои собственные крылья!

Я так плохо ощущаю собственное тело, взгляд устремлён только на второе чудовище. Чудовище ли? Если только от слова «чудо»...

Что-то странное творится со мной, что-то, некогда важное, основополагающее, переламывается, перемалывается внутри. Кости становятся легче и прочнее, мышцы ноют. Огненный ком в области диафрагмы лопаётся, жар разливается по телу. И я, рожденная, обретенная заново, окончательно забываю свою прошлую жизнь — легко, словно сухой невесомый песок сдувается с горячего пирса сильным предштормовым ветром. Не так, как забывала Карина — наведённым злокозненным забвением, призванным замаскировать истинные чувства, вовсе нет. Ничего в ней не было, в моей жизни, заслуживавшего того, чтобы помнить, пережёвывать воспоминания. Ничего и никого. И я-новая была свободна, и не тащила за собой тяжелый саквояж с ненужным мне прошлым. Я летела вслед за Шамрейном, и этот полёт казался самым правильным, самым прекрасным из всего, что было и даже просто могло быть. Шамрейн совершил круг над Пустыней, разломанной пирамидой, чёрным провалом внутри неё, высоким Каменным Замком, покосился на меня в полёте, коснулся крылом. Приятно. Его тёмно-лиловые глаза без зрачков напоминали прорехи, сквозь которые в мир рвался вечный безграничный космос, в глубине вспыхивали и гасли крошечные звёздочки.

«Узнал меня? Увидел? Чувствуешь?»

«Да»

"Кто я?"

"Моя"

"Кто ты?"

"Твой"

"Сейчас?"

"Навсегда"

Навсегда. Я проговариваю мысленно это слово — и другие знакомые мне слова. Их было так много, они носились в моей голове комариными назойливыми стаями, привнося раздражение, смятение и суету. И вот они лопаются хрупкими мыльными пузырями, и я остаюсь один на один только с самыми важными.

Навсегда. Здесь. Твоя.

По песку скользит огромная чёрная тень, нечеловеческая, крылатая. Моя тень. Мне полагается, очевидно, быть в ужасе — но моё сердце спокойно. Почти.

Шамрейн спускается вниз, в разлом пирамиды, а я следую за ним. Мне не слишком нравится этот тёмный разлом, напоминающий портал в иной, недружественный мир, но я ему доверяю. И понимаю, что у меня уже нет другого выбора. Это пугает... немного, но одновременно странным образом и успокаивает тоже. Мы опускаемся, смешно, по-орлиному, вытянув вниз многочисленные лапы или ноги, выпустив когти, опускаемся, один за другим. Шамрейн приземляется первым, поджимает хвост, втягивает острый ядовитый шип, сворачивается клубочком, клешни прячутся под пластинами, лапки поджимаются.

Я должна ненавидеть его за эти смерти, особенно за две последних, ничем не оправданных, но во мне есть только всепоглощающая жалость. Нет, не только. Еще нежность. И тепло. Желание покоя. Сто пятьдесят лет мы были разделены чужой ненавистью, собственным проклятием. А сейчас... я опускаюсь на него сверху, растопыривая лапки, убирая крылья, забираясь в уютное пространство между лапкой, животом и хвостом. Сжимаюсь в комочек, закрываю глаза. Кладу голову на его голову. Впитываю тяжёлым пуховым одеялом опускающуюся на спину тишину.

Покой.

Тепло.

Сумрак.

Каменные блоки, из которых сделана Пирамида, ворочаются над нашими головами, неторопливо сдвигаются. Что-то падает мне на нос, и я фыркаю, трясую головой. Тычусь носом в почти мягкий бок Шамрейна.

Это капля воды, упавшая с неба.

Это дождь.

В засушливом мёртвом Криафаре идёт дождь.

Глава 68. Финальная.

— Дурак ты, мой Вират.

Я глажу его волосы, слегка слипшиеся от крови — при падении его неслабо так припечатало затылком об один из острых камней, — устроив голову Его бедового Величества на своих голых коленях. Сажу прямо на песке, ощущая только безмерную усталость, опустошение и огромное желание вернуться в Каменный Дворец. В ту самую заповедную комнатку с бассейном под самым небом. Смыть с себя песок, пыль, грязь и кровь, затащить туда Тельмана, и ни о чем не думать сотню шагов, а то и больше. Отложить осмысление произошедшего, просто стоять вдвоём в восхитительно тёплой воде. Или сидеть — как уж получится.

Прижимаюсь подбородком к его макушке. Песок скрипит на зубах.

— Больно! — жалуется Тельман и обхватывает меня за ноги, а я щёлкаю его по лбу.

— Давай я тебя подлечу.

— Не смей! Ты не склянка с лекарственным снадобьем, а я, вроде бы, не умираю. Тебе самой нужна помощь.

Я снова щёлкаю его по лбу, чуть сильнее.

— Я очень зла. Очень. Но в итоге у тебя получилось.

Не знаю, откуда во мне эта уверенность, что Криафару больше не угрожает разозленный и мстительный дух-хранитель. Что новая хранительница смогла отвести беду. До поры до времени...

— Не у меня, — Тельман крепче обнимает мои колени. — То, что произошло... Как такое вообще могло быть?!

— Что именно? — осторожно спрашиваю я.

— Второй каменный дракон... Это была не Шиару, кто-то другой, то есть, другая. Надеюсь, Шамрейн признает её за свою... Судя по тому, что мы ещё живы — надежда есть.

— Кто-то другой? — эхом повторяю я, но на самом деле меня цепляет другая фраза: "мы ещё живы". Мы живы, да. Но не все.

На Рем-Талья я не смотрю. Его обезглавленное тело, как и собственно, голова, очевидно, повинувшись указаниям магов, втянулись в песок. Тела Тианира я тоже не вижу. Но измученный организм отказывается скорбеть прямо сейчас. Сначала сидеть вот так, рядом, долго-долго, потом — в бассейн. И только потом вспоминать и думать.

«Демииург», — я дёргаюсь, как от удара током.

...маги.

Я совсем забыла о них.

"Новым духом-хранителем стал демииург из твоего мира, — ровный голос Нидры разливается в моей голове. — Стурма и Варидас привели её".

Стурма и Варидас... привели... из моего мира... кого?!

Из моего мира? Они были там? Но зачем, как...

Ни о каком отдыхе, видимо, не может быть и речи.

Я оборачиваюсь — и вижу пятерых магов (шестерых, если Рентос всё-таки тут) — стоящих полукругом метрах в пяти от нас с Тельманов. Они подошли бесшумно и застыли, как восковые фигуры.

Мы с Тельманом встаём на ноги — я чувствую его напряжение, бывших обитателей Пирамиды он всегда недолго любил, и кажется, не собирается моментально менять свои взгляды. Мы поднимаемся, а маги, один за другим, все шестеро — впрочем, насчёт Рентоса я по-прежнему не уверена — опускаются на колени и склоняют головы.

Передо мной.

Воцаряется тишина, почти полная — насколько это возможно на открытом воздухе, где полно дышащих живых людей. Стало тихо и не что бы темно... Пасмурно. Я бездумно поднимаю голову. Всегда безоблачно-апельсиновое небо подёрнулось облачной дымкой. Но мне сейчас не до природных трансформаций и катаклизмов.

— Крейне, что происходит? — Тельман схватил меня за руку, а я вздохнула, подбирая нужные слова. Слова подбираться решительно отказывались.

— Встаньте и прекратите этот... цирк! — я попыталась вытащить ладонь из руки Тельмана, но быстро бросила это безнадёжное занятие. Маги исполнительно выполняют приказ, поднимаются, а я ещё раз оглядываю их. Потрёпанные, изможденные, бледные, как вампиры на вегетарианской диете. Лезвие Варрийи обломано. Вестос потерял свой плащ, и

сквозь дыру на его груди я вижу пустой внутри каменный силуэт Шиару, оставшийся лежать на песке, как сброшенная змеиная кожа. Варидас...

Варидас делает шаг вперёд. Отсутствие глаз мешает пониманию его настроения и намерений, но мне несколько не страшно в их присутствии, так было в самую нашу первую встречу в Пирамиде, так есть и сейчас.

— Простите меня, демиург, — говорит Варидас. — Но вам нужно возвращаться. Прямо сейчас. Время уходит.

— Что? — пальцы Тельмана сжимают мою ладонь сильнее. Варидас не обращает на Вирата никакого внимания.

— Я был в вашем мире. Нашёл другого демиурга, которая смогла продолжить историю и в итоге предотвратить разрушение Криафара. Криафар принял её, как и было в одном из моих видений. Но в мире не может быть двух творцов. Если для Криафара вы станете своей, он вас не уже выпустит. Даже я не смогу вас вернуть. Я могу проводить через границы миров только магов.

— Пусть демиург Карина остаётся здесь, — звонко произносит Варрийя. — Зачем ей возвращаться? Пусть останется с нами. Теперь всё в порядке... Если она не хочет быть Виратой, мы можем провести её через обряд и...

— Крейне... — Тельман обнимает меня за плечи. — Что...

У меня зубы стучат. Я не понимаю того, что говорит Варидас, точнее, слышу слова, но никак не могу уловить их смысл. Возвращаться обратно..? Прямо сейчас?

И Тельман...

Я смотрю в серые глаза Тельмана. Маги беспрекословно стихают и отворачиваются, словно давая нам возможность конфиденциального объяснения тет-а-тет. Впрочем, уходить они не уходят. Но и на том спасибо.

— Ты знаешь, кто такие демиурги, Тельман?

— Создатели миров, — мой Вират чуть раздраженно пожимает плечами. — Почему они называют этим словом тебя?

— Я хотела всё рассказать тебе сама, да как всегда не вышло. Потому что я — не Вирата Крейне из Травестина, Тельман. Вирата Крейне, твоя настоящая жена, умерла в ту ночь, после которой ты отправил за нею Стража, покончила жизнь самоубийством в том приюте в районе Радуги. Лавия смогла призвать меня именно в тот момент, и я стала Крейне. Меня зовут...

Я хотела было сказать "Кнара", но голос Нидры, очевидно, выполняющей волю Варидаса, подсказывает другое имя.

— Меня зовут Карина. Я писательница. Мой мир маги Криафара называют «мёртвым», магии в нём нет. Я простой человек. Жила, как все, придумывала миры... персонажей, но однажды случилось так, что один из моих миров оказался живым. Лавия каким-то образом сумела меня призвать, рассчитывая на мою кровь — и не прогадала. Вот только что-то пошло не так, и какое-то время ни она, ни другие маги не знали, в чьём теле оказался демиург.

— Не тяните, прошу вас. Я сам вас отведу, — настойчивый Варидас осмеливается меня прервать. — Вам нужно просто дать мне руку.

— Я не понимаю, — говорит Тельман, а я — я тоже не понимаю, что же мне сейчас делать и возможно ли что-то ещё исправить.

Но ведь я уже приняла решение, разве нет? Даже если Тельман больше меня не примет,

не простит, не захочет... Решение уже принято.

— Я не собираюсь возвращаться, — резко говорю я Варидасу. — Во всяком случае, не сейчас. Пусть демиургом считается та...

"Марианна"

— Та девица, я не гонюсь за званием и лаврами. Неважно. Я остаюсь. Мне нужно поговорить с Виратом Тельманом. Долго, обстоятельно. Наедине. Так что...

— У нас немного времени, — Варидас колеблется, а подошедшая и выглядывающая из-за его плеча Стурма смотрит на меня с испугом и... жалостью. И мне становится страшно. — Нидра, пожалуйста...

...и моё сознание взрывается от сонма видений.

* * *

Я стою перед зеркалом.

Я — или не я?

Тёмные волосы обрамляют худое осунувшееся лицо, на мне какой-то застиранный халат невнятного бирюзового оттенка. За спиной слегка щербатая по краям, некогда белая в прошлом кафельная плитка. Зеркало мутное, заляпанное отпечатками жирных грязных пальцев. Я опираюсь на раковину, из крана унылой струйкой течёт вода.

Голова немного кружится, и низ живота тянет, неприятно, но ещё вполне терпимо. Перевожу взгляд на локоть с полуотклеившимся пластырем на сгибе. Брали кровь из вены? Я в больнице? Я больна?

Опускаю взгляд — и вижу, как недвусмысленно топорщится на животе флисовый халат.

* * *

Я смотрю на спящего мальчика в детской кроватке. Тёмный пушок на голове. Ребенок подтянул ноги к животу и смешно приоткрыл рот. Ямочки на пухлых щеках.

— Как решила его назвать? — говорит стоящий в этой же комнате мужчина с коротким ёжиком волос на голове и прямоугольными очками без оправы.

— Тельман.

— Странное имя какое-то, в школе дразнить не будут? — но на этом вопросы заканчиваются, Слава поворачивается и отходит. Ребёнок ему решительно неинтересен, а мне неинтересен он сам. Хотя — кольцо на пальце красноречиво намекает на то, что всё в моей жизни идёт не в ту сторону. Или — почти всё.

Я смотрю и смотрю на малыша, и сердце разрывается. Почти физическое ощущение — половина или даже жалкая четверть этого самого сердца остаётся у меня, а всё остальное — там, в нём. Хочется прижать его к себе, чтобы не чувствовать эту мучительную и опасную, неизбежную разделенность. И страх. За себя. За него. За себя — жалкую четверть страха. За него — целую бездну крошечных тревожек и внушительных болючих тревог.

К_н_и_г_о_е_д_._н_е_т_

* * *

Врачи разводят руками и говорят слова, которые не желают укладываться в моей голове. Аудиологическое обследование, регистрация коротколатентных слуховых вызванных потенциалов, нейросенсорная тугоухость...

— Не переживай, — говорит Славка, щёлкает зажигалкой, а проходящая по коридору медсестра грозит ему кулаком. — Купим всё, что нужно, аппараты — шмапоратты, в конце-концов, руки-ноги на месте. Протезы конечностей стоят дороже, а тут — вполне приемлемо по деньгам. Года через четыре можно и в Израиль съездить или в Штаты.

Славке трудно поверить, что в мире есть что-то, чего нельзя купить, а деньги у него всегда водились немалые — такой уж у человека особый талант, деньги его любят. Мне не нравится в нём многое, просто потому, что я совершенно ничего к нему не чувствую, кроме несколько тяготившей меня же саму благодарности, но легкого отношения к жизни и полное отсутствие скупердяйства у него не отнять.

— Ты не понимаешь, — сбивчиво говорю я. — Они ничего не могут у него найти, никаких проблем, они...

* * *

Тель играет с деревянными палочками. Складывает треугольники и пытается сложить квадрат. Квадрат не выходит, но он не сдаётся, двигает по гладкой пластмассовой поверхности столика палочки, роняет их, наклоняется, поднимает...

Я сижу за компьютером, печатаю очередную главу. Глаза устали, но пальцы ещё попадают на клавиши. В это трудно поверить, но ребёнок, не достигший двух лет, практически мне не мешает. Он сосредоточенно сопит над палочками, а я сохраняю новый кусок главы — мало ли, в этом деле всегда лучше перестраховаться, чем пускать дело на самотёк, — поднимаюсь, потягиваюсь и подхожу к нему. Зарываюсь носом в шёлковые волосики.

Он пахнет молоком. И какими-то травами. И чем-то ещё, таким, что хочется обнять его и стоять так долго-долго. Но долгое бездействию Телю не нравится, и он нетерпеливо мотает головой. Осторожно, чтобы он не заметил, поддвигаю одну палочку к уже почти сложенному треугольнику — получается кособокий, но четырёхугольник.

Тель улыбается, оборачивается и ищет моё лицо глазами — говорить он до сих пор не говорит, что неудивительно, но хочет поделиться успехом, он всегда так делает.

* * *

Я выныриваю из воспоминаний, как утопающий — из толщи тяжёлой солёной и холодной воды. Меня трясёт — от увиденного, от понимания того, что произошло. И того, что произойдёт.

Воспоминания — мои собственные, а ещё — магов, побывавших в щедро оставленной после развода Славкой нам с Телем шикарной квартире, а ещё — размышления магов о моём возвращении — это слишком много для того, кто хотел бы дышать полной грудью.

Тельман более меня не удерживает, и я подхожу к Варидасу, испытывая огромное желание вцепиться ему в ворот и трясти, а лучше — порвать на лоскуты.

— С кем мой ребёнок? С кем сейчас мой ребёнок?! Отвечай! — я почти привычным жестом схватила острый камень, полоснула себя по бледной расцарапанной ладони.

Боль физическая по-прежнему не ощущалась. Ладонь неохотно наполнилась кровью, и эту кровь я размазала по лицу застывшего передо мной Варидаса. Маг прижимает ладони к лицу.

— Я не заслужил такого подарка, демиург...

— Это не подарок, я тебе их заново выцарапаю, как ты мог его оставить!

— С ним всё в порядке. Он спит, — вмешивается Стурма. — Всё в порядке, демиург...

Но вам действительно пора возвращаться.

Нидра безучастно подбрасывает мне новые картинки — плачущий Тель, заходящийся в истерике. Но и он же — играющий с этой самой светловолосой женщиной с дурацким именем. Мирно спящий в кровати...

Варидас медленно отнимает от лица руки — и я вижу, как сползает, тает багровая

запёкшаяся корка на его лице. Вижу его глаза — карие, будто чайная заварка. У Славки были такие же... Они вообще очень похожи и неудивительно — я же сама его придумала.

Его и всех остальных.

Поворачиваюсь к Тельману, про себя в глубине души удивляясь тому, что он не ушёл, не выплёскивает на меня своё раздражение, свою обиду — за ложь, за обманутые надежды, за всё вообще...

— Я хотела сказать тебе сама, — беспомощно говорю я. Злость и страх — неконтролируемые, смешанные с усиливающимся тиканием включившегося внутреннего таймера обратного отсчёта — точно иглы, проткнувшие насквозь сердце и лёгкие. — Я хотела сама тебе всё рассказать, объяснить, но... У меня есть ребёнок, Тельман. Ему всего два года, и он там, в моём мире, совершенно один. У него никого нет, кроме меня. И я...

Тельман молчит, и я ничего не могу прочесть на его лице. Не уверена, что он вообще слышит, понимает мои слова

— Я не сказала тебе всей правды сразу, но как я могла сказать, мы так долго притирались с тобой друг к другу... Я не знала, что миры иногда оживают, что я это умею, конечно же, я не знала, наверное, так оно и должно быть — иначе эта магия не происходит. И далеко не всё, что происходило в твоей жизни, в Криафаре вообще, придумывала я — этот мир стал очень самостоятельным. Я не знала, что Лавия жива, и про кровь слугителей у тебя — не знала, и ещё о многом, многом другом — тоже! Если бы ты знал, как я хочу переписать все те моменты, которые делали твою жизнь невыносимой, но это уже не в моих силах. Я должна вернуться в свой мир, Тельман. К сыну. Потому что... Потому что тут даже выбора быть не может, но если бы ты только знал, чего мне это стоит...

Я ждала от него чего угодно. Обиды, злости, презрения, обвинений: в том, что врала, выдавала себя за другую, в том, что оказалась не той, что сотворила мир таким враждебным, опасным и неудобным для жизни в нём, в том, что уготовила для него и многих других такую неправильную, ненужную им судьбу.

Но Тельман молчал. Его пушистые ресницы чуть подрагивали, а серые глаза смотрели на меня пытливо и требовательно. И он не уходил. А потом осторожно обхватил меня руками и прижал к себе. Я спрятала лицо у него на груди. Меня трясло. А таймер внутри тикал всё громче и громче.

— Значит... — он словно не мог подобрать слов, и это как раз понятно, на его месте я бы тоже, наверное, не знала, что сказать и как поступить. — Значит... Я для тебя — ненастоящий?

Я улыбнулась сквозь слезы его вопросу, такому наивному, и одновременно — такому болезненно-точному.

— Нет, конечно же, нет, — я обхватила его руками — самого всамделишного, насколько только это возможно. Плечи и лопатки, коротенькие волоски на шее, волосы, слипшиеся от уже засохшей крови на затылке. — Ты самый настоящий. Другого такого и быть не может. Настоящий и только мой, я... Я говорила, что сама тебя придумала, но это не совсем так. Это совсем не так. Я как будто тебя вспомнила, понимаешь? Словно это там, в той жизни, я была лишена памяти о тебе, но она прорывалась наружу моими книгами. Я пыталась жить нормальной жизнью, я даже замуж выходила, тебе, наверное, дико это слышать... — да, ему это было, дико, я чувствовала сковавшее его напряжение, но не могла остановиться. — Я пыталась жить, как все, но одновременно — я мучительно пыталась вспомнить тебя. Если бы я могла остаться...

— А ты не можешь.

Он не спрашивал, не возмущался, не возражал, не обвинял, но от этого не становилось легче.

— Я хочу этого больше всего на свете. Но мой сын... Ему только два года, Тельман, и у него больше нет никого, кроме меня. Я не могу остаться.

Тельман молчал. Не задавал вопросов, а я смотрела на золотистую жилку на его виске и абсурдно думала о том, что мой Вират, никогда не остававшийся в одиночестве, всегда находившийся под чьи-то присмотром, вероятно, сам не знал, что иногда его кровь светится плавленным золотом каменных драконов.

Что-то легонько стукнуло меня по голове, по носу, прохладное, мокрое. Ещё и ещё.

Дождь.

В мёртвом засушливом Криафаре шёл дождь!

Не отрывая рук от Тельмана я обернулась к магам, мокрым, таким же ошеломлённым. И увидела их всех.

Вестоса — без дыры в груди. Стурму — с чистой здоровой кожей и неожиданной россыпью веснушек на щеках. Высокого и крупного Рентоса с шапкой рыжеватых кудрей, смеющегося и подхватывающего на руки не сопротивляющуюся светловолосую Варрийю...

— Проклятие снято, — говорю я Тельману. — Проклятие снято, новый дух-хранитель принят Криафаром и Шамрейном. Если я не вернусь сейчас, я уже никогда не смогу вернуться... Потому что я уже почти не демиург из другого мира. Слишком много вложила в Криафар та, другая...

— Ты можешь забрать его сюда, — вдруг произносит Тельман. — Твой ребёнок будет жить с нами. Нашим. Если тебя держит он, а не его отец...

— Он не сможет сюда попасть, — Нидра отвечала мне в моей голове, а я озвучивала Тельману её слова. Только демиург и некоторые маги могут пересекать границы миров. И... Тебя мы тоже не сможем взять. Ничего не получится, Тельман

— Но... — он не хотел сдаваться, я это видела, и от этого становилось только больней. — Но они же привели с собой девушку оттуда...

— Только потому, что она такая же, как и я. "Её зовут Марианна. Демиург, ещё не создавший ни одного мира... Криафар действительно принял её вместо тебя. И как только ты вернёшься к себе, ваша с миром связь окончательно разорвётся".

— Но, может быть... — Тельман заглянул мне в глаза, и я закусила губу, чтобы не заскулить от осознания того, как мало времени нам осталось. — Может быть, потом..? Когда твой сын вырастет и сможет жить в твоём мире сам, ты..? Я подожду тебя, Крейне. Сколько нужно, сколько потребуется... Я же не смогу без тебя, Крейне! Мы все не сможем, Криафар... как же мы без тебя? Крейне, мы обязательно что-нибудь придумаем! Может быть, ты сможешь приходить, хотя бы иногда, и...

— Ничего не получится, — я должна была ему соврать, разумеется, должна была, но я попросту не могла заставить себя это сделать. Дать ему надежду, которой, собственно, не было. — Я уже не смогу вернуться. Но... — я не выдерживаю и обнимаю его, отчаянно, крепко, стремясь почувствовать, какой же он настоящий, реальный. Не морок, не видение — самый настоящий, самый волшебный. У него мягкий лоб и щёки, и немного шершавый подбородок, едва заметная морщинка на переносице, шелковистые волосы, совсем как у моего сына. Я хочу потрогать его везде, запомнить его вкус, его запах, запомнить его глазами, губами, пальцами. Не плакать, нельзя плакать при нём! — и каким-то чудом не

плачу, но мне так больно, что я не знаю, как ещё держусь на ногах.

— Как его зовут? — спрашивает Тельман, и я улыбаюсь назло собственной же внутренней истерике.

— Я назвала его в твою честь.

Дождь усиливается.

— Что я могу сделать для тебя? — шепчу я и целую то, до чего дотягиваюсь: шею, мокрые скулы, не обращая внимания на стоящих неподалёку людей. — Я ещё смогу...
Финальная глава дописана, но остался эпилог, мой Вират.

— Почему нам досталось так мало времени, почему так мало, — он обхватывает ладонями моё лицо, тоже мокрое, а я не знаю, как смогу продержаться ещё шаг и не завывать, сдержаться при нём. — Совсем мало... И даже из этого короткого срока мы столько потеряли.

— Крейне, настоящая Крейне, перед свадьбой дала тебе приворотное зелье, можешь себе представить, — надо говорить что угодно, лишь бы только не разрыдаться. — То есть, какой-то приворотный артефакт. По идее, его власть должна была закончиться после первой ночи, а она не закончилась. Наверное, потому что я всё-таки не она.

— Но почему тогда... — начинает Тельман, а я пожимаю плечами.

— Я сначала думала о подмене, злом умысле или ошибке. А потом я поняла, что это, наверное, оказался по-настоящему действенный артефакт. Ты не влюбился бы в меня иначе, понимаешь, мой Вират? Хочешь... хочешь, ты просто меня забудешь? Ты проживёшь свою долгую хорошую жизнь, напрочь позабыв о сумасшедшей Крейне, которая так недолго была в твоей жизни. Наверное, когда я уйду, она умрёт, она и так уже была мертва без сотой доли шага... Я не хочу, чтобы тебе было грустно и плохо. Никогда. Ты меня забудешь, ты встретишь другую...

— Не смей, — он сжимает меня крепко-крепко — и отпускает, даже чуточку отступает, чтобы видеть лучше. — Не смей, я ничего не хочу забывать. Это... это моя жизнь. Ты моя жизнь. Я буду помнить тебя. Я хочу тебя помнить.

— Я люблю тебя, Вират Тельман, — говорю я. — Помни. Но на этом твоя жизнь не кончается.

— Позволь мне решить это самому, — он смотрит непримиримо, дёргает подбородком. — Позволь мне хоть что-то решить в моей жизни самому. И... я тебя жду. Помни и ты. Я всегда буду тебя ждать. Я люблю тебя, Вирата Крейне.

Словно во сне я ощущаю чужое прикосновение к собственной ладони: Варидас берёт меня за руку.

"Помоги мне, — успеваю сказать я апельсиново-рыжему небу, новой Шиару, милостивой, может быть, больше, чем её предшественница. — Помоги мне, пожалуйста. Хоть как-нибудь. Хоть в чём-нибудь... Хотя бы храни этот мир. И — его тоже храни".

* * *

Мне кажется, проходит целая вечность, а я до сих пор не понимаю, сплю я и вижу сон — или проснулась.

Может быть, нет особой разницы.

Я дописываю Книгу. Солнечный свет слепит глаза, так, что экран и клавиатура — единственное, что я вижу отчётливо, всё остальное тонет в мягком золотом сиянии.

Пальцы скачут по клавишам, привычно, споро. Осталось дописать буквально пару предложений. Я пишу... Нет, пожалуй, просто записываю за кем-то. Не уверена, что даже

теперь от меня что-либо зависит.

...

Природа Криафара восстановилась не сразу, разумеется, но выдуманный мной мир уже спустя несколько лет разительно отличался от той мёртвой пустыни, которой он был полтора века. Проклятие было снято, климат нормализовался. Благодаря объединённым усилиям людей и магов "зона Охрейна" неуклонно расширялась. Высохшая река Шамша наполнилась водой. Голод больше не грозил Криафару, и восстаний струпов, как и самих струпов больше не наблюдалось. Для нуждающихся строили больницы, школы, приюты, новые дома.

Маги так и не восстановили "Совет девяти", более того, какое-то время их оставалось всего пятеро: менталистка Нидра — я помнила её просьбу, высказанную в первую же нашу встречу — утратила свой дар и более к делам магов никакого отношения не имела. Однако стражница Тира-Мин, полностью оправданная от подозрений в покушении на жизнь Вирата, пожелала присоединиться к магам. Как не имеющая магических способностей, она прошла обряд стильхо. Более никакой информации о бывшей стражнице не было даже у меня, кроме того, что шестёрка магов и новые виннистеры нередко заседали вместе, как и раньше, и маги стали активно участвовать в жизни своего мира — несомненно, во благо последнего.

Фенекай Феня прожила долгую и счастливую жизнь во дворце, став всеобщей любимицей и даже удостоившись быть увековеченной великим Гаррсамом в камне. Возможно, её долголетие было связано с божественным благословением, коснувшимся обитателей Каменного Дворца в целом и королевской династии в частности. Полностью передавший власть сыну Вират Фортидер также прожил долго, если и не сказать — счастливо, то по крайней мере, мирно и спокойно. Единственное, что огорчало его — отсутствие прямых законных наследников. Впрочем, у непутёвых племянников, двоюродных братьев Тельмана, подрастали на удивление приличные и разумные детки. Пожалуй, можно будет выбрать кого-то из них...

Вират Тельман так и не женился. После смерти Вираты Крейне он какое-то время пребывал в уединении, из которого вышел совершенно внезапно для окружающих, уже не знающих, что и делать. Тема самой краткосрочной из криафарских Вират отныне была под запретом, хотя её статуя так и осталась стоять в спальне Вирата. Не иначе как всё тем же пресловутым божественным благословением криафарцы объясняли разительно переменявшиеся поведение и образ жизни Его Величества — он с головой погрузился в управление государством и со временем зарекомендовал себя справедливым и мудрым правителем, несомненно, равнодушным к судьбе своего народа. О его романах и похождениях сплетничать перестали — возможно, уважали горе потерявшего жену человека, а возможно, повода действительно не было.

Конец

Палец висит над клавишей enter. Осталось совсем чуть-чуть: опубликовать главу и сменить статус книги с "в процессе" на "завершено". История Криафара будет продолжаться и дальше, но уже без меня.

Не знаю, что я буду делать потом. Растить сына, детей, и... И ждать, тоже ждать, мучительно ждать всю свою жизнь? Финальная глава закончена, но может быть эпилог. Не уверена, что смогу ещё когда что-нибудь написать. Нет, не так. Уверена, что уже не смогу.

Я должна закончить. Не могу не опустить палец, даже если хочу потянуть это мгновение прощания. Мокрые тяжелые ресницы ударяются о щеки. Левая рука поглаживает

живот исконно женским оберегающим жестом.

Всё нормально. Нет, не так... всё правильно. Так, как и должно быть. Прощай, мой хороший.

Подушечка большого пальца ложится на клавишу, как на курок пистолета.

* * *

Я могла бы мечтать о тебе, но ты

Сам по горло в безумных мечтах увяз,

Словно змеев бумажных, твои мечты

Уносили ветра парой острых фраз.

Я могла бы скорбеть по тебе, но ты

Никогда и ни в чём не приемлешь скорбь.

Небо пахнет дождём, и пусты сады,

Но листвы разноцветен калейдоскоп.

Я могла бы писать о тебе, но ты

Разрывал, будто цепи, черновики,

Я надеялась в будни сложить листы, —

Самолетик бумажный слетел с руки...

Вдаль бессмыслица времени нас несёт,

Разводя навсегда, а слова — пусты.

Я могла бы любить тебя — вот и всё,

Я могла бы остаться с тобой,

но ты...

Эпилог

Примерно за три месяца до начала описываемых событий.

Наш мир. Марианна.

Я открываю глаза и сонно щурюсь. Плотные шторы прикрывают окна, не оставляя ни малейшей щелочки, так что трудно понять, ночь сейчас или утро.

А вот не надо было читать в постели допоздна!

Всё-таки утро. Дома бардак. И уснула я не в постели, а вообще на полу, ноутбук за ночь разрядился и теперь укоризненно смотрел на меня тёмным слепым экраном.

6.59.

Я точна, как часы. Бессмысленно точна и постоянна.

Как бы ни рыдала я вчера, сколько бы ни выпила, отмечая с самой собой круглую дату нашу с Кириллом официального и окончательного развода — ровно месяц! — а организм всё равно упрямо поднимается, точно неотмоленный неупокоенный мертвяк. Душ. Глава из какой-нибудь аудиокнижки. Работа. Еще несколько глав из фэнтези-книг, чтобы как можно меньше вспоминать о реальной жизни. Зависание в соцсетях, чатах, чтение новостей, по большей части неприятных и совершенно мне не интересных, сериалы, в которых я в упор не помню содержание предыдущей серии. Сон. И далее по кругу. День за днём.

Кое-как я прихожу в чувство — по утрам душевные прорехи парадоксальным образом куда легче залатываются, чем вечером. К 8.15, то есть ко времени, когда нужно выходить на работу, я отыскала наименее мятую одежду, и даже собственное отражение в зеркале стало пугать чуть меньше. Всё наладится. Свыкнусь, выживу, а там и до пенсии недалеко...

Посмотрела на телефон — упс, похоже, часы-то на стене встали. Только половина восьмого! Ещё прорва времени... Мысли заметались по голове, как испуганные птицы на

запертой голубятне, где только что вспыхнул пожар. А ведь можно просто выйти на улицу и пройтись пару остановок пешком. Подышать воздухом и выхлопными газами, на небо посмотреть, мороженое купить и съесть, непременно посадив пятно на куртку. Всё, что угодно, только бы не давиться внезапно наступающими и обступающими стенами, одиночеством и тишиной — даже часы перестали тикать. Я торопливо сунула ноги в разношенные кроссовки, единственным плюсом которых было то, что не надо тратить время и что-то там завязывать и застёгивать, схватила телефон, сумку, и резко, не дожидаясь очередного панического выверта психики, открыла входную дверь.

...и замерла, едва ли не столкнувшись нос к носу с какой-то девушкой.

* * *

Она стояла прямо за дверью, и видимо, всё ещё приходила в себя, за какие-то доли секунды умудрившись безнаказанно отшатнуться от неожиданно распахнувшейся двери. Сначала я с лютой тоской подумала, что это цыганка: девушка была темноволосая, вся какая-то всклокоченная и взъерошенная, и рядом с ней, уцепившись за её руку, переступал с ноги на ногу маленький худенький мальчик лет двух на вид. Лично я с цыганками дел никогда не имела, но историю о том, как лет пять назад моя подруга Валя, сама не понимая, почему и зачем, пообщавшись с представителем легендарного народа, сняла с карточки всю свою зарплату и отдала незнакомой прежде женщине в цветастых юбках, предвещавшей ей некие глобальные перемены в судьбе, выслушала раз десять за всё время нашей долгой дружбы.

Девушка, точнее, молодая женщина смотрела на меня во все глаза и молчала. На цыганку она, сказать по правде, нисколько не походила: бледное и чистое европейское лицо без косметики было печальным и одухотворенным, как у монахини или мадонны с картины эпохи Возрождения. Может, квартирой ошиблась? Или, скорее, всё проще: она из этих, сектантов... История о том, как Валя сорок минут дискутировала со свидетелями одной из самых известных сект, а потом, проникнувшись жалостью к «доходягам», кормила их борщом у себя на кухне, была выслушана мной не меньше количество раз, чем история о цыганке. Лучше всего аккуратно сделать вид, что гостью я не вижу, закрыть дверь и сбежать. Я захлопала по карманам в поисках ключа: скорее всего, опять провалился в дырку, которую я вот уже месяц никак не могу зашить...

В этот момент девушка сделала шаг в сторону, перекрывая мне путь к отступлению и неловко проговорила, тихо, но к сожалению не настолько, чтобы я могла сделать убедительный вид, будто ничего не слышу:

— Вы Марианна?

...не сектантка и не ошиблась. Не знаю, почему, но мне вдруг стало тревожно, неудобно и тоскливо, хотя ничего такого настораживающего в девушке с ребёнком не было, напротив. Симпатичная, стройная, одета вполне прилично — на просящую милостыню не похожа. Под мышкой зажат ноутбук, что выглядело отчего-то нелепо.

"Надеюсь, не дальняя родственница, желающая у меня пожить, не родственница и не знакомая Кирилла с тем же запросом. Не хочу разбивать чужаками свой устоявшийся загнивающий мирок, пусть будет как будет, пусть это ошибка, совпадение, пусть она уйдёт!"

— Да? — нейтрально ответила я, прикрывая за собой дверь и оставаясь на лестничной клетке. Пусть соседи слышат, лучше вот так, чем пустить кого-то в свою заветную норку, а вот не пушу, пусть даже она трижды чья-то там родственница. И тут же мелькнула спасительная, всё объясняющая мысль: новая соседка. Соседка пришла знакомиться, или я её

заливаю, или ей соли не хватает.

Девушка несколько секунд молчала, закусывая губу, молчал и ребёнок, разглядывая меня странно контрастировавшими с тёмными волосами чистыми серыми глазами — не то что бы мне был так уж интересен их цвет, но он невольно обращал на себя внимание.

— Марианна, я понимаю, что, вероятно, мой визит вас удивил, тем более, что для вас мы ещё незнакомы, но... — мне не понравилось это "для вас" и это «ещё», и вообще не понравилось начало разговора, для спасительной версии с соседкой оставалось всё меньше шансов. — Но мне очень нужна ваша помощь. Вы можете помочь мне... нам с сыном. Только вы.

...значит, всё-таки выпрашивать пришла. Или деньги, или, что вероятнее, ночлег.

— Прошу прощения, — стараясь всё так же сохранять спокойствие, ответила я. — Но мне нужно убегать на работу. А вечером я уезжаю. На месяц. Или на год, как получится. Да и вряд ли я смогу чем-то помочь, так что...

— Вы можете, и это вопрос жизни и смерти! — незнакомка занервничала сильнее, а я стала прикидывать к кому из соседей можно заколотиться с просьбой о помощи, если неведомая безумная визитёрша схватится, например, за мирно лежащий где-нибудь в кармане её куртки нож. — Пожалуйста, я прошу вас! Хотя бы просто выслушайте. Это не займёт много времени...

— Что я могу для вас сделать? — я пошла на попятную, рассудив, что сумасшедшим не противоречат. Подтверждая мои самые худшие подозрения, девушка прижала выскальзывающий ноутбук к груди и сказала:

— Отправьте нас домой, пожалуйста, вы можете. Напишите книгу и отправьте нас домой. Только вы и можете.

— Куда отправить?!

— Домой, — повторяет безумная женщина и суёт мне в руки ноутбук, который я беру на автомате. — В Криафар.

Сорок минут спустя

В моём доме нет ничего подходящего для детских игр, хотя ребёнок не особо требует к себе внимания, он очень и очень спокоен, и это тоже кажется подозрительным. Чуть подумав, я решительно ставлю перед ним миску с грецкими орехами в скорлупе, оставшимися от Кирилла, который, в отличие от меня, их любил, и пустую бутылку из-под кефира с достаточно широким горлышком, чтобы туда можно было проталкивать орехи. Это нехитрое занятие увлекает малыша на гораздо более длительный срок, чем можно себе представить. Пока орехи с глухим стуком падают на дно бутылки, я и незнакомка по имени Карина смотрим друг на друга через круглый кухонный стол. На кухне тесно для троих, и бардак никуда не делся, но бояться или стесняться я перестала довольно быстро. Безумные — они ж сами как дети, чего их стесняться-то.

— Вечер говорил, что вы с Телем сразу хорошо нашли общий язык, — нарушает молчание незнакомка.

— Кто?

— Один мой знакомый маг. Его зовут Варидас, но с древнекриафарского это переводится как «вечер». Его так иногда называли другие маги.

— А. Это из этой самой ненаписанной книги.

— Написанной. Но не записанной.

Пора как-то резюмировать, подводить итог растянувшемуся почти на час безумному

разговору, из-за которого я не пошла на работу, отговорившись внезапно прихватившим животом. Хочется сделать себе чаю или хотя бы даже кофе растворимого налить, но как-то не решаюсь поворачиваться к незваной гостье спиной.

— Вы — Кнара Вертинская? — мне уже почти весело, хотя на самом деле истерика подступает всё ближе и ближе. — Я, кажется, даже читала ваши книги, несколько лет назад они были бестселлерами, верно?

— Были. Но последние два года, как я вернулась из Криафара, я... я больше не пишу. Не могу, вы понимаете.

Неопределенно киваю. Так с ума я не сходила, но ведь всё ещё впереди.

— И вы утверждаете, что у вас есть некая написанная в будущем книга, которая ещё не написана, но которую должна написать я? Вместе с вами?

— Да.

— Именно я? Несмотря на то, что я никакая не писательница? Может, вам к кому-нибудь другому обратиться? Я в библиотеке работаю, книги только выдаю.

— Да! То есть, нет. То есть, вы, и я тоже, мы с вами гораздо больше, чем просто писатели, поймите. Есть мир, которого ещё нет, но он уже есть, и он должен быть. Он обязательно должен быть, но его демиургом должны стать и вы, а не только я, потому что я сама не смогу себя туда отправить, а мне очень, очень нужно туда обратно, вы понимаете? Я так долго вас искала, целых два года, я почти ничего не знала о вас, кроме имени, и вот наконец нашла, а вы... понимаете вы?!

— Нет, — честно сказала я. — Вообще-то в художественных книгах у вас всё было гораздо проще.

Карина взбивает волосы и смотрит на ребёнка.

— На самом деле, всё очень сложно объяснить вот так, в двух словах.

— А вы попробуйте в трёх, — на самом деле, мне даже интересно. И главное, совершенно непонятно, какова настоящая цель её визита — должна же быть какая-то цель, какой-то хитрый коварный умысел... или нет?

— Я вернулась из Криафара домой, продумывая, прокручивая в голове финал истории, — тихо говорит девушка. — Это был грустный финал, не сказать, чтобы плохой, но довольно грустный. Я помнила всё совершенно отчётливо — Тельмана, духов-хранителей, всё произошедшее, я вас, вас помнила! Я так хотела остаться, вернуться, я... Я просила об этом всех богов и духов, и Тельман, он тоже наверняка просил. Вероятно, они, то есть вы, вы или Шамрейн, но я всё-таки склоняюсь к вам, услышали нас. И произошло то, что произошло. Единственная возможная лазейка к тому, чтобы что-то изменить.

— Я была вместе с вами?

— Вы пришли в Криафар. И остались там, — Карина отчего-то отводит глаза в сторону.

— Про то, что было до того, как вы вернулись в наш мир, я более-менее поняла, — осторожно говорю я. — А дальше не очень, если честно.

— Я была уверена, что дописала финал, и дальше моя жизнь продолжится с того момента, на каком и остановилась. Мы с Тельманом, я имею в виду, моим двухлетним сыном, будем жить дальше, вот и всё. Но на самом деле, всё вышло по-другому. Оказалось, что я не писала финал. Более того, я даже книгу-то эту не писала. И, — Карина поднимает на меня глаза, золотистые, удивительно странного оттенка. — Ребенка у меня тоже нет. Я вернулась в этот мир, но на два с лишним года раньше, чем покинула его, когда Лавия меня из него выдернула!

Я села на стул и вздохнула.

— Так вам это всё просто приснилось?

Мне вдруг стало жаль эту тоненькую бледную женщину. Каково это: увидеть во сне или пусть даже видении, галлюцинации свой собственный чудесный мир, даже влюбиться в прекрасного короля, стать королевой — и вдруг проснуться посреди этой серой, унылой и посредственной действительности, понять, что это был только несуществующий в реальности сон?

— Нет! — Карина почти повысила голос, привстала, но тут же опустилась. — Нет, ведь вы — вы существуете, я же вас нашла, и вы — именно такая, какой я вас запомнила, какой я вас видела. Совершенно такая же! И потом... Мой сын.

— Вы же сказали, что ребенка не было?

— Я пришла в себя двумя годами раньше, нежели отправилась. Я была беременна, — тихо сказала Карина. — От него. От Вирата Тельмана Криафарского, в этом нет никаких сомнений. Это его сын. Он существует, вы понимаете это? Если существует ребёнок, должен же существовать где-то и его отец. Я вижу, что вы мне не верите, но я... У него глаза точно такие же. Это его сын! В нём кровь слугителей. Мы должны вернуться в Криафар. Мы можем туда вернуться, оба, вы понимаете?! Тельмана Криафар не отпустит, но его сына примет, должен принять. Мне нужна ваша помощь! Я искала вас, искала вас каждый день. Напишите книгу вместе со мной и отправьте меня обратно. Нас с сыном. Сделайте что-нибудь. Пожалуйста!

...Какой ужас. Что мне делать, как мне поступить? Совершенно очевидно, что она просто ненормальная, но весь её бред так... так логичен, так красив, я бы даже сказала — необыкновенно, волшебно красив, что я не знаю, что ей ответить. Она искренне верит в то, что говорит.

— Мой сын должен был родиться глухим, — шепчет Карина и неожиданно берёт меня за руку. — И я это знала. Но он — из Криафара, в нём кровь слугителей, в нём моя кровь демиурга Криафара, и он здоров. Вы понимаете?! И я... обычно в таких случаях говорят — "не знаю, какому богу молиться", но я, я знаю. Вам, Марианна. Вы можете. Пожалуйста.

— Вы хотите, чтобы я оставила свою работу и села писать книгу по вашему миру, в котором вы возвращаетесь в Криафар, — тупо произнесла я. — То есть записала книгу и изменила только финал?

— Да. Только не финал, а эпилог. В финале нужно изменить лишь ту часть, что связана с вами... Я понимаю, что это звучит абсурдно и глупо, но... но у меня есть деньги, мои книги хорошо продаются и приносят мне деньги, хотя и не астрономические, но всё же, и я готова заплатить вперёд и...

— Мы с вами живём в одном городе? — перебила я, просто чтобы потянуть время.

— Нет, в разных. Говорю же, я очень долго вас искала.

— Где вы остановились?

— Нигде. Я только пару часов как сюда приехала. На такси.

— Располагайтесь, — мрачно ответила я. — Я должна сходить на работу, уладить... формальности.

Кажется, безумие заразно. Или просто стены собственной квартиры парадоксальным образом вдруг перестали на меня давить, и я вдруг вздохнула полной грудью... не знаю. Я оборачиваюсь на пороге кухни на сгорбившуюся на стуле девушку, на играющего с грецкими орехами сероглазого, такого серьезного ребенка и вдруг вижу нечто, совершенно нереальное.

Невозможное.

На коже малыша проступают светящиеся золотые полосы и завитушки, похожие на какие-то сказочные древние руны.

Три недели спустя

— Почему ты сама не написала это всё? — спросила я Карину. На «ты» мы с ней перешли почти сразу, но вот понять её до конца я так и не смогла.

— Я не должна знать... Ну, как тебе объяснить? Чудеса не происходят с теми, кто знает о них заранее. Наверное, это глупо звучит и слишком несерьёзно, но...

— Да нет, вполне нормально, — пожалала я плечами.

Со слов Карины и добавляя что-то от себя — если мне того хотелось — я записала историю попаданки-демиурга, её появления в Криафаре, её знакомства с Виратом Тельманом и все остальные события. Недоумевая порой — неужели Карина не хочет смягчить острые и грустные моменты? Неужели, воспользовавшись случаем, не хочет всё исправить? Но она упорно твердила, что исправлению подлежит только эпилог, и спорить с ней я не стала.

Несмотря на то, что Карина меня младше на четыре года, иногда мне кажется, что она гораздо, гораздо мудрее. В конце концов, она уже успела пожить в двух мирах... И неизвестно, сколько ещё миров из придуманных ею книг обрели плоть и кровь в каких-то иных, таинственных измерениях и живут теперь своей непостижимой самостоятельной жизнью.

Я стараюсь не задумываться о том, верю я ей или нет, а порой ловлю себя на мысли о том, что это не так уж важно. Пусть с работы меня уволят, пусть даже она сумасшедшая или лгунья... Кажется, так весело, как эти три недели, я не жила ещё никогда. То есть, мечтала и фантазировала я всегда, но оказалось, что записывать это всё и видеть на экране текст — это совсем, совсем другое. Даже если это не совсем мой собственный текст. Словно внутри меня открыли какую-то давным-давно запертую дверь, смазали маслом проржавевшие петли и замок и открыли. А за этой дверью оказался дивный цветущий сад. Мой персональный Охрейн.

Или каменная пустыня. Или что-то ещё: невероятное, доступное мне в любой момент, всегда находящееся внутри меня.

— Но как же поступить с Шамрейном? — спросила я. — Не уверена, что я смогу пойти вслед за тобой. И не совсем уверена, что это — именно то, чего я хочу.

— Не знаю, — сказала Карина. — Придумай. Ты сможешь.

И я... я рада, что она так ответила. Потому что кое-какая идея у меня действительно есть.

* * *

Поздняя ночь.

Я сижу за ноутбуком и заканчиваю дописывать эпилог. И, честно сказать, не жду никакого такого чуда.

Оно уже случилось. Карина навела в моей квартире порядок, но это-то пустяки: странным образом она и мальчик с золотыми сияющими рунами под кожей привели в порядок мою душу. Так что я пью кофе, печатаю текст, а на тумбочке у меня аквариум с рыбками. Карина, правда, предлагала завести скорпиона или хотя бы тритона какого-нибудь, но я не согласилась. К тому же, сказать по правде, я уже вынашиваю внутри новый сюжет. О девушке, живущей на маленьком острове с маяком, окруженном бушующим морем. Так что

аквариум будет весьма кстати.

— Здравствуйте, Марианна, — говорит кто-то за моей спиной, и я, разумеется, вздрагиваю.

Но не то что бы очень — подсознательно я ждала чего-то подобного.

— Здравствуйте, Варидас.

Медленно-медленно я нажимаю на кнопку enter, заканчивая книгу — и оборачиваюсь. Мужчина с коротким мягким ёжиком волос и глазами цвета насыщенной чайной заварки стоит на пороге кухни. Точнее говоря, я знаю, что он такой — но вижу только смутную неясную тень.

Я улыбаюсь.

— Доброй ночи. Вы пришли за Виратой Крейне и её сыном?

— Верно.

Варидас делает шаг вперёд, но я всё равно не могу разглядеть его лица.

— Карина говорит, мы с вами были знакомы. Но я не помню.

— Да, я знаю. Я рад, что Вирата вернётся в Криафар, но мне... мне жаль, что всё так вышло. Позвольте ещё раз извиниться за всё, что было.

— Всё в прошлом, — нарочито бодро отвечаю я. — Точнее, в будущем... Не знаю, не знаю. Всё слишком запутанно. Стараюсь не задумываться, знаете ли.

Карина с мальчиком на руках выходит из комнаты, застывает на пороге. Тень мага по имени Варидас скользит к ним — для перехода он должен взять Карину за руку.

— До свидания, Вечер, — говорю я.

— До свидания... Анечка.

— Приходите ещё, всегда буду рада, — зачем-то бросаю я, а тень некогда слепого прорицателя тоже вздрагивает, едва заметно, но я улавливаю.

— Обязательно. Я очень люблю ваш мир.

Не знаю, что там между нами было в будущем, но нечто в его голосе мне подсказывает, что он действительно может ещё вернуться. И не только для того, чтобы рассказать, как Крейне устроилась в Криафаре. Как счастлив был увидеть внука Вират Фортидер. Как её встретил Вират Тельман — он ждал её, только её, не размениваясь ни на кого — и дождался.

Как взяв с собой только сына и пару камалов, Крейне и Тельман отправились в пустыню, ещё — пустыню, хотя уже далеко не такую мёртвую и безжизненную, как раньше. Отыскали два застывших каменных изваяния, напоминавшие статуи двух гигантских скорпионов, сложивших сетчатые крылья. Мёртвых? Нет, скорее крепко спящих.

И маленький Тель, сын демиурга с кровью служителя, говорящего с духами-хранителями, осторожно погладил по очереди их каменные носы и закричал, громко-громко:

— Просыпайтесь, ну же! Пора вставать!

Больше книг на сайте - Knigoed.net